

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

2012

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

Приокские зори

**ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД**

**ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ**

**ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2012 — 3(28)**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Очередное повреждение русского языка..... 3

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Владимир Жириновский. Сохранить величие русской литературы..... 15

ПОВЕСТЬ

Марина Майорова (мать Иоанна). Джулиана. Попытка взлета..... 20

Ольга Пономарева-Шаховская. Лоскутное одеяло..... 65

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА

Татьяна Камаева. Запой..... 82

Елена Хисамова. Ножки в валенках..... 90

Алексей Яшин. «От трудов праведных...» Будни Сыся..... 99

Яков Шафран, Андрей Каретников. Ремонтная рота и другие главы романа..... 114

Ирина Кедрова. Актриса..... 123

Владимир Сапожников. Виктор Николаевич..... 127

Федор Ошевнев. Заавторство..... 137

Наталья Квасникова. Трио..... 144

Рудольф Артамонов. Сентиментальное путешествие..... 150

Геннадий Маркин. Материнская любовь..... 159

ПОЭЗИЯ: РИФМЫ И ОБРАЗЫ

Виктор Пахомов. Из биографии..... 161

Константин Струков. Маша с первой парты..... 167

Нина Попова. Усталое море колышется сонно..... 172

Алексей Селичкин. На льдине..... 178

Владимир Бурмыкин. Белые ночи..... 182

Алексей Хомяков. В теплый вечер тихим дуновеньем..... 185

Вера Абакумова. Три века славы..... 189

Владимир Резцов. Доброму доктору..... 190

«КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ»: ОСОБЕННО МОЛОДЫЕ

Алексей Троицкий. Единственной..... 191

Алексей Скарёдов. Варганизм..... 195

Ирина Белова. Вдохновение..... 199

Марина Русская. Иерусалим..... 201

Эдуард Мартышев. Весну подайте..... 203

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Олеся Янгол. Улыбка Селинджера и другие рассказы.....	205
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДАТЫ	
Алексей Третьяков. Летописец нравов и характеров.....	214
Наталья Парыгина. Мы и наша жизнь.....	216
Первый Каверинский литературный конкурс.....	221
Сергей Прохоров. Деревенские кружева (К юбилею поэта).....	225
К 300-ЛЕТИЮ НАЧАЛА РЕГУЛЯРНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРУЖЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ТУЛЕ	
От главного редактора.....	231
Александр Проханов. Непреодоленный «Панцирь».....	234
Говорит Шипунов.....	236
Валерий Маслов. Легендарный оружейник.....	245
Марина Баланюк. Стечкин-конструктор и «Стечкин»-пистолет.....	251
ПАМЯТЬ О ЛЮДЯХ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ	
Без него городу грустно... (Памяти Владимира Белтова).....	256
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Леонид Ханбеков. Видение и предвидение. «От трудов праведных...».....	271
Ярослав Брагин. «Из альбома памяти моей...».....	276
Где читают «Приокские зори»: Публичная библиотека Сизтла.....	278
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	279

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется бесплатно по библиотечной сети.
Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Вячеслав БОТЬ (Тула)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск) — зам. главного редактора по сибирским регионам
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель Правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Наталья КВАСНИКОВА (Москва) — зав. отделом публицистики и литературоведения
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь
Владимир МИРНЕВ (Москва), президент Академии российской литературы
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы
Зав. редакцией Яков ШАФРАН (Тула)
Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)
Технический редактор Олеся ЯНГОЛ (Латвия)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Подъем» (Воронеж)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Щекинский вестник»
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Тулская правда»
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульской писательской организации Союза писателей России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009
Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.medtsu.tula.ru (в PDF формате)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОЧЕРЕДНОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В определенном смысле нижеследующий материал является «идеологическим» развитием рубрики «Колонка главного редактора» предыдущего номера журнала. Памятуя, что мы только что отметили (строки эти пишутся в конце мая-месяца) День славянской письменности и культуры, мы сочли возможным и необходимым повторить здесь (повторение — мать учения) рассуждения о великом даре Кирилла и Мефодия, давшим славянам великолепный и универсальный алфавит.

Читатель, окончивший школу в советское время, хорошо помнит знаменитые слова Владимира Ильича о А. И. Герцене, разбудившем Россию... и т.п. И еще наш давний школьник и сейчас без запинки ответит, что в 1850—1860-х годах А. И. Герцен и Н. П. Огарев (как сейчас олигархер Березовский) жили в Лондоне и содержали Вольную русскую типографию — под эгидой издателя и книготорговца Н. Трюбнера (Trübner & Co., 60, Paternoster row, London), по-видимому, агента Ост-Индской компании,— где печатали газету «Колокол», журнал «Полярная звезда», сборники «Голоса из России» и отдельные книги, запрещенные в России.

В частности, в 1858 г. они издали под одной обложкой сочинение князя М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» и знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Нельзя не отдать должное основоположнику русской демократии в той части, что сейчас называют брэндом. В книгоиздательстве тоже, в революционно-пропагандистском деле тож. Ибо под одной и той же обложкой оказались критики царской России конца XVIII в. «слева» — нервический демократ Радищев и «справа» — предшественник славянофилов XIX в. князь Щербатов, причем сам Герцен полагает себя последователем первого.

К чему это мы начали столь издалека, если рубрика журнала относится к филологии? — По понятной аналогии и заимствованию названия этого очерка у князя Щербатова, ибо он в своем труде писал именно о повреждении нравов в России эпохи цариц (двух Анн, двух Екатерин и Елизаветы тож...), а по подтексту — всей послепетровской империи, в сравнении с

благолепием Руси допетровской: Третьего Рима — православного, но без сверкающей византийской роскоши. Впрочем, нелишним будет любознательному читателю и самому ознакомиться с первоисточником.

Высказывает мимоходом князь и свое неприятие отходом речевых норм от базового языка московской Руси, полностью сформировавшегося к концу XVII в., вобравшего все лексическое и семантическое богатство древнеславянского (болгарского), древнерусского (белорусского) и средневекового русского языков, ставшим основой «московского говора» — великорусского литературного и разговорного языков.

А что же досталось нам в последние пятнадцать лет в части повреждения лексики и грамматики родного языка? — Живи сейчас князь Михайло Михайлович, так стократно бы возмутился... Впрочем — от старины глубокой к делам дней нынешних: оптимистичных для удачливого меньшинства и прискорбных для остальных.

** * **

По всей видимости, некто Всевеликий в природе, управляющий социальной, политической и экономической историей человечества, уже давно избрал нашу страну для экспериментов по отработке различных вариантов мироустройства. Причем и сами эксперименты в любом из направлений уже повторяются по второму, по третьему разу. Это даже по внешним проявлениям видно. Например, по преобладающей стилистике великого и могучего русского языка: как разговорного, так и печатного (порой переходящего в непечатный...).*

Создается впечатление дежавю — простительного психического расстройства: вроде как живешь в начале третьего тысячелетия, а мнится порой — в первой четверти века минувшего, а то и в эпоху Александра I и еще далее — Первого же Петра.

Действительно, нынешний русский разговорный очень напоминает блатную феню, решительно вторгшуюся на Среднерусскую равнину (с возвышенностями) в начале XX века вместе с ворами, жульем и другим деклассированным элементом — преимущественно из черноморских губерний. Это «великое переселение народов» многократно усилилось в смутные послереволюционные времена.

Кстати о самом термине «феня», которую «ботают». При всем интересе к ближней отечественной истории, мне не

* Уже стало расхожим термином «тайное мировое правительство», которое, начиная с 1789-го года (Великая Французская революция), постепенно подбирает мир под себя...

удалось найти объяснение этимологии этого слова. Пришлось думать самому, и вот что надумалось. Помните из школьных учебников истории про развеселых коробейников, воспетых великими русскими писателями и поэтами, чьи стихи были переложены на народные песни? А коробейники — навроде нынешних челноков-мешочников — родом из ярославской и других северных малохлеборобных губерний, занимавшиеся мелочной торговлей вразнос. Более их распространенное в народе наименование — офени. Это опять же как сейчас подавляющее большинство населения страны.

Так вот, коробейники составляли по родству мест происхождения и роду занятий достаточно замкнутую касту, даже изобрели от непосвященных особый язык, состоящий из слов-перевертышей, да еще и с заметным «цоканьем», характерным для северорусского говора. К началу капитализации царской России класс коробейников-офеней утратил свою роль, но народ, особенно в Москве и центральных губерниях, еще долго их помнил. Поэтому, когда в 10—20-е годы Белокаменную наводнила шпана и ворье из Одессы, Кишинева, Крыма, говорившая с южно-русским акцентом на невообразимой смеси русских, греческих, молдавских, жаргонных немецких, польских слов, то старушки, возвращаясь домой с покупками на Хитровом рынке, рассказывали, всплескивая сухонькими ручонками: «Уй, ужас-то какой! На Хитровом седни была, так шпанья там? И все по фене так и ботают, так и лопочут...»

Итак, трудолюбивые офени перевоплотились в воров, разговаривающих (ботающих — на подмосковном говоре) «по фене». Прав я или не прав — пусть ученые филологи, умными книгами зачитавшие глаза до очков в десять диоптрий, нас рассудят.

Когда ворье постепенно пересажали, очищая страну для индустриализации и научно-технического прогресса, то феня стала разговорным, блатным тюремно-лагерным языком, обособившись от гражданской речи.

* * *

...И вот оно — дежавю 90-х годов минувшего века: блатная феня вновь и чудовищно быстро стала общегражданским языком, усилившись большим набором вроде бы самых обычных слов, но с совершенно иным семантическим содержанием. И добрый наш народ эту семантику вмиг освоил! Проведите эксперимент, то есть произнесите вслух в людном месте какое-либо из следующих слов или словосочетаний: крыша, конкретный, стрелка, браток, зеленый, деревянный, откат, наезд, счетчик, тамбовский, телка, рубить капусту, сидеть на трубе, наперсток и пр.— и проследите за реакцией окружающих. Мужики понимающе хмыкнут, а случившийся рядом милиционер на всякий случай постарается запомнить ваше лицо. Но

наибольший и поощрительный интерес выкажут девушки и молодые женщины — при условии, что вы прилично одеты, коротко подстрижены и имеете на шее золотую цепочку.

Совсем другое дежавю с эпохами Петра I и Первого Александра, когда, как известно, в русскую речь несметно влилось иноземных слов, а высшие сословия и вовсе перешли на иностранные языки: при Петре на смесь немецкого и голландского, далее почти на два века на французский... был и короткий период во времена Николая Кровавого (ныне святого), когда свет перешел на английский — как считается сейчас для успешной офисно-торговой карьеры необходимым лопотать на американском диалекте этого же языка.

Итак, дурно понятыми иностранными словами, словно в русском языке нет их синонимов, сначала заговорил первый и последний президент СССР: консенсус, конверсия, толерантность, макроэкономика... да еще все с тем же южнорусским акцентом! А следом так посыпалось, что и газету сейчас не сразу прочтешь без перевода: ваучер, брокер, менеджер, бизнесмен, провайдер, промоушен, мерчандайзер, дилер, префект, мэр, инжиниринг и пр., и пр. Иные и вовсе неприлично произносить. — И все из импортной торгово-воровской фени.

Да, любит русский народ блеск иностранных слов! А чтобы, выкушав от безысходности водочки, не забывал их — так на то телевизор и иные СМИ, круглосуточно вещающие на смеси французского и нижегородского, имеются.

* * *

Несомненно, имеется надежда, что со временем великий и могучий русский язык как проглотил, так и выплюнет скалозубную, как искусственная американская улыбка, речевую иностранщину. Благо тому примеры имеются превосходные. Как уже говорили, двести лет верхние сословия России, их «шестерки» и прихлебатели из «аршавских портных» грассировали по-французски. А что сейчас осталось? — Исключая специальные научные термины и названия блюд французской кухни, в чисто народном, разговорном языке только несколько слов, причем неодобрительных: шаромыжник, шантрапа и шваль. То же самое будет и в память об англо-американском новоязе.

Иной толерантный гуманитарий возопиет, читая этот очерк: «А что плохого в расширении русского языка за счет лексического богатства языков иностранных? Что бы мы сейчас делали без слова «бизнес»? И так далее.

Во-первых, хотя и не дурак полный, но до сих пор так и не могу понять: что означает «бизнес» и производная от него профессия «бизнесмен»? Спрашивал у бывших коллег по работе, а ныне превратившихся в новорусских. Говорил: «Это торговля? Или предпринимательство? А может, работа

клерком в офисе?» И так далее перечисляю все существующие роды занятий. А те отвечают, дескать, нет! Бизнес — он и есть бизнес.

Опять же самому пришлось (как и в случае с феней) додумывать. И опять пришел к выводу: бизнес — это деланье денег из воздуха, то есть чистой воды паразитирование на тех, кто занят конкретной деятельностью, то есть что-то производит, даже торгует или ворует по мелочи. А потому сам бизнесментер даже не обязан точно знать — из чего он эти деньги извлекает: из сети платных сортиров, из продажи нефти и газа, из содержания игорных домов или домов публичных. Главная цель, задача и смысл жизни бизнесментера — личное обогащение. Государство (любое) их терпит, коль скоро они с ним деньгами делятся в виде налогов. А не заплатил, так поступай в распоряжение Минюста, если не успел в Лондон уехать. Профессия во многом рискованная, воровская.

Во-вторых и в основных, засорение родного языка иностранщиной ведет вовсе не к его расширению и обогащению, но прямо-таки к лексической бедности. Взять всем навязшее на зубах слово «проблема». До катастрофы (термин известного философа А. А. Зиновьева) оно использовалось исключительно в научном обиходе и в обиходную речь ворвалось с потоком голливудских фильмов, в которых их герои составляют свою речь всего из нескольких слов: проблема, доллар, дерьмо, трахать, надрать задницу, свобода, банк, автомобиль и соединяющих их предлогов of, and, the.

Наиболее часто в этих фильмах, учитывая языковую бедность американского языка, произносится слово *problem*. В русском языке существует более двух десятков — в зависимости от контекста — синонимов «проблемы», но переводчики фильмовых текстов на русский ленивы и торопятся деньгу зашибить, поэтому им недосуг подбирать эти синонимы, вот и лепят через слово «проблему». Добрый наш народ тоже в массе ленив и потому полюбил это всеобъемлющее слово. Отсюда и реклама, например, частных клиник: «Если у вас проблемы с личной жизнью (имеется в виду половая), то приходите к нам, и мы без наших проблем решим за умеренную плату ваши проблемы». И так далее.

...Можно, конечно, с доброй улыбкой смотреть отечественные бандитские сериалы с их матерной феней, не слушать теле- и радиодикторов с их неправильной речью, не смотреть на англоязычные вывески магазинов и «массажных салонов». Во все не обязательно вслушиваться в птичий язык подростков-тинейджеров: все одно не поймете о чем речь. Но ведь всему есть разумный предел!

* * *

Лексика — дело преходящее. Поговорили до лучших времен и забыли. Иное совсем дело грамматика, то есть речь письменная, ибо «что написано пером, то не вырубишь топором». Здесь важны два момента: общий упадок грамотности и реформирование правописания и алфавита. Начнем с алфавита, как основы грамматики, то есть фонетики и морфологии в первую очередь; хотя это отражается и на синтаксисе с пунктуацией.

Русский язык, равно как и ряд других славянских языков, пока не перешедших на латиницу (украинский, белорусский, болгарский, сербский), получили от Кирилла и Мефодия великолепный дар — славянский алфавит, причем не просто «переписанный» с греческого, а вновь созданный. Неувядаемая слава великих просветителей состоит в том, что они создали алфавит универсальный, фонетически адекватный сразу всем славянским языкам: восточным, западным и южным. Что значит: фонетически адекватный? — А это просто понять, если взглянуть на напечатанный или написанный от руки текст на русском языке. Что сразу бросается в глаза? — Правильно, за исключением и-краткого (й) в нем нет букв со всякими над- и подбуквенными значками: тильдами, черточками, кружочками, точками, галочками и пр. (о букве «ё» разговор пойдет отдельный). То же самое видим и в текстах на других славянских языках, использующих кириллицу. Если «надбуквенницы» там и встречаются, то это скорее всего дело разного рода реформаторов типа Грушницкого...

Все это означает, что в алфавите Кирилла и Мефодия были тщательно учтены все фонемы (базовые звуки) всех славянских языков в их отличии: «цоканье» северных славян — будущих русских, обилие «шипящих» в польском языке, фонетическая специфика чешско-моравских языков, «приглушенность» южных славянских говоров и пр. И те народы, которые в свое время под давлением католической церкви отказались от кириллицы и взяли латиницу, за это «расплачиваются» неимоверным усложнением алфавита и морфологии слов. Возьмите грамматику польского языка: сплошные «надбуквицы» и использование трех-четырех букв для написания «шипящей» фонемы... То же самое и с чешским (словацким также) языком.

Кстати говоря, чехи исторически недавно перешли на латиницу; доводилось видеть книги на чешском, использующие славянский алфавит. Так там тоже, как и в русских текстах, нет подчеркиваний сверху и обозначения фонемы более чем одной буквой!

Скажем большее, что уже вовсе фантастикой представлялось бы, если бы не было правдой. Когда в 20-х годах прошлого века в СССР народы, прежде не имевшие письменности, или использовавшие арабский алфавит, а также в Монголии и Туве (до 1943-го года самостоятельное государство) урской

письменностью, был введен русский алфавит, то оказалось: для всех этих языков, принадлежащих к совершенно различным лингвистическим группам — тюркской, иранской (таджики), угро-финской и пр., и пр., — алфавит Кирилла и Мефодия оказался фонетически адекватным!

Филологи в шутку и всерьез говорят: если когда-либо японцам придет в голову мысль отказаться от китайских иероглифов и перейти к алфавитной письменности, то они возьмут только кириллицу. Дело в том, что фонетика русского и японского языков, правда, чисто случайно, не по родству, совпадает абсолютно. Поэтому японец говорит по-русски, а русский по-японски без акцентов.

...Сейчас, в эпоху дистанцирования от России, кое-кто из самостоятельных стран, бывших союзных республик, переходят на латиницу, создавая тем самым сложности, аналогичные западным и некоторым южным славянским народам.

* * *

Создавая общеславянский алфавит, Кирилл и Мефодий сознательно сделали его информационно-фонетически избыточным. То есть они учли, что в процессе дифференциации славянских народов и оформлений национальных языков их фонетики могут изменяться — преимущественно в сторону некоторого сокращения числа фонем. Все это они учли в исходном алфавите. Кстати, не учли они только одну фонему, им еще тогда не известную, конечно, — так называемую «гэ — аффрикативную», то есть знаменитое «гхэ» южнорусского и украинского говора...

Для примера: латинский алфавит, полностью соответствующий древнеримскому языку — латыни, такой избыточностью не обладал изначально; отсюда и обилие «надстроек» к буквам в германских и западославянских языках, буквенное «изобилие» во французском языке, оригинальная традиционность языка английского, где, как говорит присказка: пишешь — Манчестер, читаешь — Ливерпуль. И так далее.

...Именно в силу первоначальной фонетической избыточности кириллицы возможны и допустимы коррективы алфавита, если, конечно, не следовать предельному традиционализму типа английского.

Все дело в том, что язык — динамически изменяющаяся со временем категория. В этом легко убедиться, сравнив словари (они в советское время издавались часто и полно) современного, старорусского (XV—XVII вв.) и древнерусского (XII—XIV вв.) языков. Современный русский язык возник на основе московского говора, заметно отличавшегося от своих предшественников. Часть фонем при этом утратилась, возникла ненужность некоторых букв кириллицы, рачительно «запасенных» славянскими просветителями под будущий языковой

процесс, в том числе и русского языка.

Первую реформу алфавита, правда, в основном по части написания букв, произвел Петр I: так называемый переход от церковно-славянского шрифта к гражданскому. Это мы все помним из школьных учебников, где приводилась эта правка — вычеркивание рукой самодержца.

Вторая реформа совпала с коренным переустройством всей жизни России при императоре Александре II, хотя готовилась уже давно, в частности, министром Уваровым, который в советское время полагался «гонителем просвещения». Ну-у, это все с подачи историка-пролеткультовца Покровского... Из состава алфавита было изъято несколько букв, уже не соответствовавших современной тогдашнему времени фонетики языка.

Наконец, реформа 1918-го года, как бы к ней сейчас не относилось «демократическое общественное мнение», завершила половинчатое решение нововведений, а точнее — «выведений», александровской поры. Алфавит был приведен в полное соответствие с фонетикой русского языка. Ведь еще девяносто лет тому назад в московском, то есть литературно-нормативном русском языке, даже знаменитый — в последующих попытках «реформ» — заяц зайцем и произносился, а не «заец»!

Здесь важно отметить, что и в царской, и в советской реформах из алфавита были удалены исключительно — кроме замучившего не одно поколение гимназистов «ятя» — чисто греческие буквы, но оставлены все до единой введенные Кириллом и Мефодием вновь и специально для славянского алфавита.

* * *

Исключая «дизайн» Петра Первого, пообвыкшего за границей к геометрической строгости латинских букв, обе реформы алфавита — царская и советская — были тщательно продуманы и научно обоснованы. Кстати говоря, реформа 1918-го года была полностью подготовлена специальным комитетом министерства просвещения еще задолго до революции... Это в адрес тех, кто сейчас по поводу и без повода все списывает «на большевиков».

Потому исправление алфавита в общем-то пошло на пользу русского языка, его грамматики. Иное совсем, когда в деле реформирования главенствуют личные амбиции, пусть даже движителем которых является уверенность в общей пользе.

Таким вот реформатором впервые выступил очень уважаемый человек — Н. М. Карамзин. Более всего в своей жизни Николай Михайлович гордился не своими «Письмами русского путешественника», не многотомной историей России, правда, написанной в «романовском» ключе, даже не воспитанием, по-

жалуй, самого умного, но и трагического, русского царя... Нет, до тщеславия он был горд введением в русский алфавит новой буквы «ё», страсти вокруг которой в очередной раз вспыхнули сейчас у нас. В контексте заметим, что точно так же Ф. М. Достоевский главной своей заслугой полагал не свои произведения, принесшие ему всемирную славу, не создание жанра психологического романа, а введение в лексику слова «стушеваться»; учась в Михайловской инженерной академии, ему часто приходилось счищать с чертежей кляксы от туши; отсюда и слово.

...Я тоже тихо горжусь тем, что внес в современный новояз два новых слова — производные от «бизнес» и еще от одного, часто употребляемого — перевода с американского. К сожалению, оба они не для печати; вполне годятся для эстрады, но тамошние «авторы-куплетисты» глубоко привержены идеям общечеловеческих ценностей...

Однако, вернемся к букве с двумя точками поверху. Почему уже почти два столетия ее положение в русской речи, а особенно в алфавите, несколько двусмысленно? Настолько, что ее традиционно не используют в печатных текстах, заменяя на «е». А для школьников и доверчивых людей придумали легенду. Дескать, на момент введения Карамзиным новой буквы, словолитен в типографском деле еще не существовало, а набор делался из отдельных литер. Стоили они дорого, использовались не один десяток лет, так что отливать новые наборы литер дорого, хлопотно и пр. Умные люди, конечно, смеялись: зачем же все литеры менять, достаточно отлить несколько тысяч этих самых «ежиков» и распределить по типографиям, исключая подпольные.

Нет, здесь не все так просто. Возражали и возражают филологи из числа мыслящих. Даже ссылки на сходие по образованию буквы «ю» и «я» их не убеждают. Дело в том, что фонема, соответствующая «ё», не характерна для русского литературного языка, то есть языка печатного текста, а присуща только «цокающему» северному диалекту (наречию). А если все же слова с «ё» стали употребительными в XX веке, то здесь сработал эффект «обратной связи»: если почти целый век в школе убеждают, что есть такая буква, то в конце концов, как говорится в старом анекдоте, и мумия Рамзеса IV признается следователю КГБ: «Да, ёлы-палы, фараон я и жил на нетрудовые доходы».

Как бы то ни было, но время «ё» еще не пришло, хотя она и введена явочным порядком в алфавит. Наконец, должно же хоть что-то быть традиционным в русской жизни? А то через каждые три-четыре поколения памятники сносят и заменяют другими, города без конца переименовывают*, полицейские ду-

* Здесь более всего «повезло» северной столице: Санкт-Петербург (СПб) (1700 г.) — Петроград (1812 г.) — СПб (1814 г.) — Петроград (1914 г.) — Ле-

бинки то отменяют при тоталитаризме, то вводят при демократии и так далее. Неизменны только водка, воровство и взяточничество, исключая период сталинских пятилеток, да, пожалуй, винтовка Мосина и «калаш». Почему бы не оставить традицию печатного текста без сомнительной «ё»? Хотя неча на других пенять, но вот, например, англичане за две тысячи лет ни одной буковки в своем алфавите не поменяли.

* * *

Николай Михайлович, вводя свою букву, был искренне уверен в пользе ее для русского языка. Кто-то согласился, кто промолчал, но со времен Александра I и до 2006-го года от Рождества Христова все попривыкли: буква «ё» как будто есть и также как будто подразумевается... Всех это устраивало, даже неуспешных школьников: достаточно выучить правило: если «ё» под ударением, то это уже «ё».

Но вот грянул год 2006-ой, и за дело улучшения русского языка взялись госчиновники «на местах». Конечно, и в остальной России они ума необыкновенного, но вот на берегах матушки Волги они и вовсе замечательные: один волжский богатырь-губернатор за неполных два года область разорил вчистую, другой — крепкий хозяйственник — предложил легализовать публичные дома, а третий ударился, видно, других забот уже нет, в филологию: срубил-поставил памятник букве «ё» и призвал всю Россию употреблять ее непременно в печатных текстах.

До чего же удивительный наш народ! Прямо-таки в нем живет дух противоречия. Прямые государственные законы почти не исполняются. Но вот стоит кому-то и что-то брякнуть по телеку, так тотчас переймут не только широкие народные массы, но и госучреждения. Вот как-то недавно вскользь упомянула дикторша по НТВ, что соседский наш президент Ющенко вельми недоволен, что россияне говорят «на Украине». Ему же больше импонирует «в Украине». А буквально на следующий день все дикторы в столицах и провинции, эстрадные смехачи-плясуны, госчиновники перешли массово «в Украину». Тоже и в печати. А в объявлениях ФГУП «Почта России», срочно перепечатанных, запестрело: «переводы в Украину...» и так далее. Все свершилось вмиг, даже завалящего филолога на телеэкран не выпустили, который популярно бы разъяснил: говорить «в Украине» все одно, что сказать: «я поехал в край города...» в баню, на рынок-толкучку, в массажный салон — по интересам и деньгам.

...Так и инициатива волжского любителя филологии тот-

нинград (1924 г.) — третий раз СПб по инициативе Собчака. Чуть меньше раз переименовывали Рыбинск и ныне самостоятельный Луганск. Так что практику переименований начали цари, а не генсеки...

час с восторгом была воспринята страной: все печатные издания тотчас запестрели «ежиками». Очевидно, на радость нашим западникам-демократам. Дескать, и у нас теперь, как во Франции или Польше, буковки в газетах с точками поверху!

Если так и дальше пойдет, то очередной волжский богатырь явочным порядком переведет русский язык на латиницу.

* * *

Много чего можно сказать о современном повреждении языковых нравов. Пожалуй, и всех страниц годового комплекса журнала не хватит. Одно помешательство другим сменяется. И конца этому не видно. То заставляли бывшие союзные республики и их столицы по-туземному именовать в нарушение всех языковых норм. Это все равно, как если бы Швецию Сверигой, или Швейцарию Зюссией именовать. Воспрянули духом старинные «зайцееды», кто еще во времена Хрущева пытался заставить писать «заец» вместо «заяц».

Некие оригиналы рекомендуют отменить твердый знак. И так далее.

В сегодняшней телерекламе слово «Кока-кола» употребляется только в именительном падеже: «Я купила бутылку кока-кола...». Но на текущее время апофеозом всего является явочная же американизация русского языка, заключающаяся в повсеместном написании многословных имен собственных с заглавной буквы каждое слово типа: «Агентство Оценки Недвижимости». Самое ужасное — так же точно пишут названия, включая вывески государственных учреждений, в частности, учебных заведений, где учат грамотности... Пока недосягаемой вершиной здесь являются новые формы «корочек»-обложек дипломов докторов и кандидатов наук; золотом на них оттиснуто: «Диплом Доктора наук», «Диплом Кандидата наук». И такие дипломы торжественно вручают свежее испеченным докторам и кандидатам от филологии! Дальше вроде как и некуда.

...Иван Сергеевич Тургенев, проживая во Франции по долгу своей службы (резидент русской внешней разведки по Франции, полковник жандармерии), гуляя по дымным садам парижского Буживаля, завершал свою лучшую книгу гимном русскому языку. Неужели и нам нужно всем очутиться на чужбине, чтобы понять простую истину: что имеем, то не ценим; потерявши — горько плачем.

* Есть и такая версия, понятно, не афишируемая ни при царях, ни при генсеках, ни при президентах. Много любопытного, тайного и сакрального в истории... Почему бы писателю и не быть гражданином и не служить интересам своего государства? Так мы все помним со школы о чудаковатом путешественнике Миклухо-Маклае, который был полковником генштаба и являлся резидентом императорской разведки в Индонезии в период тихоокеанской экспансии России. — Прим. авт.

...Уважаемый читатель! Открою один секрет полишинеля. Собираясь писать настоящую «Колонку», вспомнил, что лет пять-шесть тому назад соответствующий очерк был уже мною написан. Правда, по другому поводу. И поскольку я никогда не переписываю что-либо своего — первая мысль от Бога, — то и оставил вышеприведенный материал без изменения и правок. Ведь ничего за прошедшие годы не изменилось в части повреждения русского языка, только все ухудшилось.

Трижды клятая «проблема» в речи всех и вся, от гастарбайтеров-азиатов до министров-капиталистов уже не через десять, а через два-три слова употребляется. Вершиной здесь является медицинская реклама, что с 7.00 до 16.00 по «Радио России» убеждает покупать чудо-аппараты для домашнего лечения всех недугов: от поноса до клинической шизофрении. Коронное словосочетание этой рекламы: «лечение ваших проблем». Это как лечение математических лемм и теорем, например.

К «белому дому» настолько дикторы радио-телевидения привыкли, что когда говорят не о здании на Краснопресненской, а о настоящем Белом доме в Вашингтоне, округ Колумбия, США, то специально оговариваются, что это речь идет об американском Белом доме. В провинции же вовсе исчезло из обихода речевого слова «администрация». Сплошь — белые дома: от областной администрации до сельсоветов... или как там они сейчас называются. Даже если соответствующее здание покрашено в успокоительные для нервов желтый или зеленый цвета...

Уже нечего (и бесполезно!) говорить про экологию: «плохая экология», «ужасающая экология» и пр. Но экология — это термин науки об окружающей человека и живой мир биосреде, от греческих слов экос+логос. Поэтому говорить «плохая экология» все одно, что произносить: «плохая физика», «плохая геометрия», «плохая биология»...

...И еще один существенный момент, так сказать color local нашего доброго народа.

Наряду с вредоносными СМИ и общечеловеческой ленью в части повреждения языка, что является, вообще говоря, общемировым явлением, надо учитывать чисто русскую специфику. А именно: независимо от того, кто управляет нашей страной — поставленный ханом в сарае великий князь московский, самодержавный царь, генеральный секретарь ЦК КПСС или всенародно избранный президент — народ во всем ориентируется только на главу государства, полагая во все времена 1100-летней России, что-де царь дал своим подданным жалованную грамоту, а злые бояре-чиновники ее украли и держат за семью бункерными дверями...

Оттого народ доверяет только верховному лицу, а чинов-

ники всех мастей и вовсе лизоблюды, подхалимы и до неприличия подражатели. Увлекается глава государства лауттеннисом — все чиновники, подобрав животы, на корт! Сложнее с горными лыжами: дорогой вид спорта и требует хорошей физподготовки...

А вот окажись глава государства филателистом, увлеченным коллекционером почтовых марок? И тогда бы мы увидели во всех областных, городских и поселковых администрациях чиновников, приходящих на службу с марочными альбомами-кляссерами, а в обеденный перерыв бешено меняющимися марками: нигерийскую серию «Орхидеи» на пуэртиканского Ван Гога...

И радители культуры из числа наиболее знаменитых олигархеров везли бы с лондонских аукционов не яйца Фаберже, а «голубых Маврикиев» и другие филателистические раритеты...

Сказанное к тому, что руководителем в России вдвойне трудно быть, учитывая наличие многомиллионной армии «всегда на страже» чиновников-подражателей, тотчас ретиво бросающихся научать народ новым веяниям. В том числе и в языковой сфере.

...И заключительная *nota bene*. Подходит ко мне студентка с Украины, родом из самого что ни есть украинского Чернигова и спрашивает: «А почему у вас в России говорят «в Украине»? У нас же говорят «на Украине».

Истинно, наши СМИ бегут впереди лошади.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Владимир Жириновский
(г. Москва)

СОХРАНИТЬ ВЕЛИЧИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Беседа с Владимиром Вольфовичем Жириновским — Руководителем фракции ЛДПР ГД ФС РФ, Председателем ЛДПР, доктором философских наук, заслуженным юристом России. Беседу ведет Людмила Евгеньевна Авдеева, член Союза писателей России, Международной федерации журналистов, поэт, литературовед, культуролог, журналист-международник, постоянный автор нашего журнала.

Л. А. Владимир Вольфович, в прошлом году Вы приняли участие в обсуждении «Манифеста нового русского критического реализма», цель которого придать новый импульс современному литературному процессу для сохранения самобытности и величия отечественной литературы. Сейчас на страницах журнала «Приокские зори» проходят новые дискуссии о соотношении в современной интеллектуальной жизни нашего общества традиционного «бумажного» книгопечатания, соблюдающего законы классической художественной литературы, и электронной литературы, распространяемой в сетях Интернета и рассчитанной на читателя-пользователя сетей. Этот актуальный и серьезный вопрос о воздействии Интернета на традиционную художественную литературу, о судьбе книгопечатания напрямую связан и с защитой русского языка, который обезличивается, искажается, из которого выхолащивается образность, живительная сила, причем не только в разговорной речи, но и на телевидении, на радио, в произведениях современной литературы.

Вы, человек много пишущий и читающий, имеющий многотысячную библиотеку, неоднократно обращались к вопросам сохранения духовного, культурного наследия, и поэтому Ваше мнение будет читателям интересно.

В. В. Ж. Сегодня только ленивый не говорит о кризисе в культуре, о падении интереса к чтению, о моральной и нравственной деградации общества.

Давайте обойдемся без этих расхожих фраз о девальвации и деградации, хотя они достаточно точно обозначают состояние общества.

Давайте поговорим без лукавства, без демагогии, начистоту о том, что мешает вернуться к истокам русской интеллигентности, предполагающей умение критически мыслить, свободно, грамотно выражать свое мнение, не относиться со скептицизмом и высокомерием к собственному народу.

Л. А. Социологи обнародовали неприятный вывод, что интеллигенция в России исчезает, и 70 % населения уверены, что влияние интеллигенции весьма незначительно на сознание народа.

В. В. Ж. Моя предвыборная программа на должность Президента была продуманным манифестом всестороннего возрождения страны, в том числе ее духовного потенциала, столь важного для каждой нации. Возрождению духовности должна служить и художественная литература, в том числе и электронная. Интернет, неоспоримо, явление прогрессивное, разумное, нужное и полезное, ведь можно найти любую необходимую информацию, не выходя из дома или офиса, экономя время и средства. Интернет основательно вошел в жизнь не только молодежи, но и людей различных профессий и возрастов, даже пенсионеров. Немаловажно, что Интернет дает возможность не искать место в квартире для традиционных книжных шкафов и полок, не собирать папки с вырезками из газет и журналов, а пишущие люди не приобретают пачки бумаги, многочисленные блокноты для записей, если все можно найти на сайтах, оставить в памяти компьютера.

Л. А. Безусловно, в ходе развития цивилизации начиная с древних культур и до наших дней менялись и средства авторского труда, и сам характер литературного творчества. Пройден путь от текстов, высеченных на камне, написанных на бересте, от гусиного пера к стальным перьям, к авторучкам, пишущим машинкам и, наконец, к компьютеру и Интернету. Весь этот «творческий путь» подробно изложен главным редактором журнала Алексеем Афанасьевичем Яшиным, открывшим столь актуальную дискуссию о соотношении «бумажной» и «электронной» художественной литературы. Но можно ли считать в полной мере художественным произведением издание в Интернете, хотя число потенциальных читателей здесь в сотни раз выше, чем при мизерных тиражах «бумажных изданий».

В. В. Ж. Лично я предпочитаю читать книгу, которую можно взять в руки.

Традиционная «бумажная» книга в мягком или твердом переплете, с которой можно устроиться в кресле вечером после тяжелого дня — это явление культуры, которую надо ценить и беречь. Поэтому я сторонник того, чтобы произведения, ставшие мировой классикой, и книги талантливых современных писателей издавались и переиздавались в традиционном бумажном варианте. Но произведения современности должны быть написаны колоритным, насыщенным, красивым русским языком, через который читатель открывает картины мира, образы действительности, взаимоотношения героев, познает красоту природы.

Л. А. Кто-то из классиков определил язык, как «дом бытия», то есть той среды, которая ориентирует на высокие нравственные идеалы и поступки, дает возможность напитаться своим родным, живым языковым духом.

Вы в своем программном предвыборном документе предлагали заменить название Президент на Главу России или Верховного Правителя России. Это предложение связано с Вашим неприятием в нашей речи засилья иностранных слов?

В. В. Ж. Конечно, ведь русский язык так лексически богат, сочен, по настоящему могуч. В переводе на русский «президент» значит «вперед сидящий», что звучит коряво, неопределенно. А у нас есть хорошее русское слово «правитель», человек, который умеет править, управлять. И есть понятное, простое слово «голова», которое употребляется во многих русских пословицах. Например, «Хлеб — всему голова», «Все начинается с головы».

И я уверен, что если бы эту идею запустить в Интернет, то большинство людей проголосовало за Верховного Правителя России. Но не столь важно, как назвать должность, а результат деятельности. И сейчас всех беспокоит дальнейшее политическое, экономическое, социальное развитие России. Без нравственности, духовности, без развития отечественной культуры, без широкой сети полноценного образо-

вания, всех этих сфер, которые постепенно сдают свои высокие международные позиции, возродить великую страну сложно, если не сказать невозможно. В нашей программе 111 стратегических позиций, среди которых немалое место уделено культуре, искусству, в частности кинематографу, спорту, образованию, литературе. Что сегодня читают? Детективы, фэнтези, порнографические и любовные романы, по которым потом снимают мыльные сериалы.

Л. А. И именно такие издания находят поддержку спонсоров, наводняют Интернет, издаются в толстых переплетах значительными тиражами.

Произведения же подлинно художественные, написанные талантливо, интересно, злободневно, зачастую так и остаются лежать в столе писателя или издателя, а если издаются, то за счет автора ничтожным тиражом, и торговая сеть в их продаже не заинтересована. Таким писателям нужна государственная поддержка. Писательский труд — работа, требующая колоссальных духовных сил, знаний, времени и, увы, финансов.

А писателю тоже надо кормить семью, зарабатывать себе на хлеб. Вот и «печет» он детективы, чтобы прокормиться. А Государство махнуло рукой на современную литературу, на традиционное книгоиздание. Мелкие и средние издательства поглощаются крупными, коммерческими, качество изданий зачастую до обидного плохое, поражает безграмотность авторов, корректоров, редакторов. Самый крупный в Европе Дом Книги на Арбате с десятками филиалов выставлен на продажу. А Интернет заполнен усредненными, серыми произведениями, зачастую книжным хламом. Изменились морально-этические критерии, моральные табу отменены, у многих пишущих нет личной ответственности за содержание своего произведения, нет внутреннего контролера, каким должна быть совесть, мораль, отсутствует эстетический вкус. Вы, Владимир Вольфович, это все сами прекрасно знаете, так как издаете фантастически много книг. Насколько мне известно, опубликовано уже более 500 ваших работ, в том числе 100 томов «Политической классики».

В. В. Ж. Согласен, что монополизм не способствует качеству. Отмечается мировой кризис книгоиздания, много налоговых проблем, падает интерес к чтению. Сейчас много издается эрзац литературы, засилье графоманов, литературных поденщиков. Тысячи пишут, считают себя прозаиками и поэтами, а писателями больше одного процента из этих людей не назовешь. Слышал, что в Литературном институте студенты встают в очередь, чтобы писать для других, становятся «литературными неграми», и даже есть определенные расценки. И это вместо того, чтобы совершенствовать свое мастерство, экспериментировать, брать новые высоты. Поэтому столько на прилавках бездарного пустого чтива, и при этом очень дорогого. Говорят, что розничная наценка достигает 50 %. А серьезный читатель задается вопросом, где же новые современные Есенины, Булгаковы, Достоевские.

Здесь бы было полезно использовать Интернет для популяризации хороших произведений. Много сайтов, где книгу можно скачать бесплатно или за умеренную абонентную плату. Это доступно, быстро. За рубежом налажена продажа книг в электронном виде. У Интернета широкие возможности, но их надо направить в верное русло для пользы отечественной литературы. Нужен разумный интеллектуальный и коммерческий обмен.

Л. А. Интернет совсем иной социальный инструмент, чем типографское издание. Компьютер и Интернет, безусловно, полезны в работе над уже написанным вариантом произведения, когда надо внести правку, изготовить макет, вступить в переписку. Но ту электронную литературу, которая заполняет сейчас многие сайты в подавляющем большинстве никак нельзя назвать художественной литературой. Это виртуальный мир виртуального писателя, не знающего реалий настоящей жизни, отсюда и отсутствие ярких характеров, образности, нищета языка, скучные диалоги. Эта ус-

редненная литература. Согласитесь, Владимир Вольфович, что человек сидящий в Интернете, даже если он считывает текст художественного произведения, совсем иная личность, чем тот, у кого книга лежит под подушкой и, проснувшись ночью, он снова и снова перечитывает полюбившееся стихотворение или описание природы. Слово потеряло свой былой «классический» вес, и автор считает достаточным дословно перенести на бумагу или прямо на экран монитора подслушанную перебранку в метро и назвать это рассказом или именовать маленькую повесть не о чем романом.

В. В. Ж. Да, в условиях литературной коммерции авторы как «бумажных» изданий, так и интернетовских, как будто забыли, что герои Достоевского, Чехова, Лескова, Шукшина решали вечные проблемы добра и зла, умели совершать поступки. Безусловно, чтение на экране, это только считывание информации, наподобие служебной записки. Настоящая литература требует эмоций, размышлений. Но будем смотреть правде в глаза, компьютерная, «электронная» литература наступает, хотя художественная традиционная книжная литература своих позиций не уступает и, думаю, не уступит. Книга никогда не будет лишней. Ведь Вы, Людмила Евгеньевна, помните, что в годы нашей молодости, предрекали смерть театра и кинематографа, которые должен был полностью заменить телевизор, но оба эти искусства живы и по сей день. Подлинные культурные ценности бессмертны и из поколения в поколение передаются от старших к младшим. И среди них книги — семейные реликвии, и любовь к самому процессу чтения.

Л. А. А этот процесс опять же связан с интеллигентностью, то есть с наличием совести, критического мышления, независимости суждений, глубоких знаний, о чем мы говорили в начале нашей беседы. Почему нет продуктивного диалога власти и деятелей культуры? Когда же у нас будет общество, где ценится творчество, ум. Сегодня интеллигентом себя считает тот, у кого есть диплом, но какова цена многим нынешним дипломам известно всем. Мы имеем дело с «образованщиной», о чем в свое время говорил А. Солженицын. Но ведь живы еще писатели, наши современники, чьи произведения переведены на многие языки, но и о них сегодня читатели ничего не слышат. А ведь они наше национальное достояние. Им надо предоставлять телеэкран, их голоса должны звучать по радио и на телевидении, их произведения надо переиздавать.

В. В. Ж. Нужен продуктивный диалог деятелей культуры, переосмысление на государственном уровне роли национальных традиций. Должен стоять вопрос о духовно-нравственной информационной безопасности граждан. Я не говорю о введении цензуры, но безопасность государства — это такая система, при которой созданы условия для развития положительных тенденций развития общества, которое ограждено от негативных влияний и угроз. Моральные, духовные потери общества невосполнимы. Писатели своим творчеством обязаны не допустить одичания нравов, снижения шкалы духовных ценностей. Первоначально необходимо вернуть русскому языку роль средства межнационального общения, распространять русскую языковую культуру в других странах. Мы предлагаем открыть в Москве и других крупных городах Русские дома, Центры русской культуры, ввести новый телеканал, который бы отражал страницы истории и современное состояние общества. Пора возрождать патриотическое направление в литературе, создать Общественный совет по борьбе с нравственным и духовным разложением. Пошлость должна уйти и с экрана, и с театральных подмостков, и с книжных страниц. Гоголь говорил, что литература — «кафедра, с которой можно много добра принести людям».

Л. А. А наш современник псковский писатель Валентин Курбатов очень точно заметил, что если вычеркнуть из словаря два вечных слова «родина» и «народ», то и не будет великой страны. Мы стали стесняться высоких слов. А ведь именно они знак высокой мысли. А у нас фонды библиотек годами не пополняются, музеи рабо-

тают благодаря энтузиазму сотрудников. В школах сокращаются программы по русскому языку и литературе, и скоро выпускники не смогут назвать имен самых выдающихся русских писателей. Вот и журнал «Приокские зори», получивший в этом году знаки отличия за верное служение отечественной литературе: орден Г. Державина, медали М. Ломоносова и Н. Некрасова, не имеет никакой финансовой поддержки, которую в течение долгих лет только обещают местные власти.

В. В. Ж. Финансирование науки, образования, культуры — это звенья одной цепи, и их развитие необходимо поддерживать. В том числе и на местах. Журнал «Приокские зори» — заслуженное издание, с высоким профессиональным уровнем издаваемых произведений. А его главный редактор Алексей Яшин — настоящий сподвижник, ученый-энциклопедист, талантливый писатель, с творчеством которого я хорошо знаком. Думаю, что тульские организации, от которых зависит дальнейшее издание журнала, его тираж, распространение, отнесутся ответственно к судьбе журнала и исполнят данные обещания по поддержке издания. А я желаю жизненных и творческих успехов издателям и авторам. А, чтобы в России развивалась достойная мирового признания великая литература, в творческом процессе свою позитивную гражданскую роль должно сыграть как традиционное «бумажное» книгоиздание, так и талантливые ответственные авторы, создающие свои произведения в Интернете.

Л. А. Благодарю Вас, Владимир Вольфович, за беседу и желаю Вам успешного продвижения в жизнь намеченных социальных проектов, способных возродить высокую духовность, исторически ставшую частью русского характера, столь ярко воспетого великой русской литературой.

Беседовала Людмила Авдеева, член редколлегии журнала

ПОВЕСТЬ

Марина Майорова (мать Иоанна)
(с. Пятница Владимирской обл.)

ДЖУЛИАНА. ПОПЫТКА ВЗЛЕТА
(Парафраз на известную тему)*

Марина Ильинична Иванова (Майорова — девичья фамилия) родилась 26 мая 1940 года в г. Ленинграде. Родители учились в Театральном институте. Отец в 1943 году погиб. Окончила музыкальное училище в Калининграде. Преподавала в музыкальном и педагогическом училищах, в педагогическом институте. Вела передачи на радио и телевидении, печаталась в газетах. Впервые ее стихи были опубликованы в «Калининградском комсомольце», а потом «Тула вечерняя» представила большую подборку стихотворений, когда она работала лектором-музыковедом в филармонии. В 1991 году ее повесть была сдана в журнал «Ясная Поляна», но из-за серьезных экономических проблем журнал прекратил свое существование, и произведение так и не увидело свет. Ее статьи публиковались в «Тульских Епархиальных Ведомостях». В 1998 году приняла монашество. Проживает во Владимирской области и продолжает литературное творчество. Были изданы ее книги «Крошка Ду» (сборник рассказов) и «Дитя Серебряного века» (поэтический сборник).

*Человек, яко трава дние его,
яко цвет сельный, тако отцветет...*

Псалом Давидов 102

МАТЬ И ДОЧЬ

Дона Власка стояла на самом верху лестницы, величавая, неприступная, похожая на сторожевую башню. Все в ее старом желтом лице напоминало крепостную стену, прорезанную бойницами: узкий, как щель, рот, тонкий нос и глаза, глядевшие из-под набрякших век, как из прорезей. Она смотрела бесстрастно, и лишь изломанная углом левая бровь говорила о высочайшей степени ее гнева. Джулиана остановилась как вкопанная, сморщила носик и тут же, взяв себя в руки, стала чинно и плавно подниматься по широкой мраморной лестнице. Но было уже поздно, и ее маневр не принес успеха.

* Иллюстрации Олеси Янгол (О. В. Чмыр)

— Джулиана! — прозвучал властный, чуть хриплый, голос, — я с прискорбием вижу, что наши уроки не идут впрок. Вы по-прежнему ведете себя крайне вульгарно, носитесь по лестницам, как деревенская девка. А недавно, — голос налился угрожающей силой, и Джулиана невольно поежилась, — нам сообщили, что вы катались на собаках брата!

Джулиана открыла рот, но кормилица предупреждающе стиснула ее руку.

— Мы не можем больше терпеть подобные выходки, и вы будете примерно наказаны.

Дона Власка многозначительно посмотрела на дочь, и у той сжалось сердце. «Бал!» — подумала она с ужасом.

— Вы будете заперты в своих покоях, пока не вышьете покрывала для Мадонны. Может, за этой работой с помощью Пречистой Девы, — Дона Власка перекрестилась и молитвенно закатила глаза, — вы, наконец, поймете, как должно вести себя молодой девице знатного рода! Вам уже скоро четырнадцать, вы уже невеста! а как ведете себя! Вы хотите опозорить нас, хотите, чтоб над нами смеялся весь город?!

Джулиана стояла, вздернув подбородок, и смотрела на мать.

— Я знаю, знаю, что вы строптивы. Тем хуже для вас, — голос матери стал ледяным. — Посмотрите на Лауретту! — она кинула нежный взгляд на маленькую завистую овечку, скромно потупившуюся за ее спиной, — она дитя, но уже может дать вам уроки девического поведения.

Лауретта порозовела, но взгляд, который послала ей Джулиана, заставил ее вновь скрыться за надежной спиной матери.

— Словом, будете сидеть и вышивать. Все прогулки и сладкое — отменяются! Еду вам будут приносить. Но вряд ли вы успеете к маскараду, — с притворной жалостью произнесла Дона Власка. Глаза ее блеснули. Джулиана еще выше вздернула носик. Почтенная матрона глянула на нее пристально и, развернувшись, как боевой корабль, поплыла во внутренние покои. Дерзкая девчонка вытаращила глаза и высунула язык. Лауретта дернула мать за рукав, но, обернувшись, Дона Власка увидела лишь почтительно склоненную в поклоне дочь.

— Да-а! — крикнула Дона Власка, внезапно раздражаясь, — а что это за растрепанная копна на голове? Сколько раз я говорила, что волосы надо убирать?!

Джулиана поспешно вытасила из рукава шапочку, расшитую гранатами, и косо нацепила ее на голову. Крутые кольца медных волос, зацепившись за ушки шапочки, торчали в буйном беспорядке. Матрона посмотрела на дочь несколько мгновений, затем, резко дернув плечом, развернулась и ушла.

— Кикимора! — плачущим голосом проговорила Джулиана, — я к балу не успею! Я повешусь тогда!

Она содрала шапочку с волос и сунула в рукав.

— Вы тоже хороши! — заворчала кормилица, — из-за вас меня скоро прогонят. Мало вам ваших покоев! Скачите там, хоть на голове ходите! Нет, там вам не интересно, все в парадные покои тянет! Себя, вишь, надо показать!

Джулиана обхватила толстые бока кормилицы и защебетала:

— Ну, миленькая! Ну, хорошенькая моя, славная! Кормилушка, Домникушка, ты ведь поможешь мне? Поможешь своей козочке, да? — она чмокнула старуху в седые усы. — Ах, усики у нас какие! — закричала Джулиана лукаво, — ну прямо как у синьора Флавио! Нет, лучше!

Нянька, растроганная и смущенная столь лестным, но странным для нее сравнением (синьор Флавио был городским алькальдом), звучно шлепнула Джулиану по задку.

— Ишь! — сказала она притворно сердитым голосом, — бесстыдница! Совсем распустились! Балую, балую я вас, а за что?

Джулиана с визгом бросилась ей на шею, чуть не сбив довольную старуху с ног.

СЕКРЕТ

— Домника! Противная! Долго ты еще будешь возиться? Я с ног падаю. Ну!

— Не вертите, стойте спокойно, синьорина, а не то я порву вам волосы. Ишь, раскричались! Терпения нет никакого! — ворчала старая кормилица, осторожно освобождая буйные пряди рыжих волос из-под драгоценной, тонкой золотой сетки, усыпанной камнями. — Стойте же смирно! Порву сетку, что тогда со мной Дона Власка сделает, а?

Джулиана на минутку притихла, но надолго ее не хватило — так распирала ее жуткая, жгучая новость! Она опять завертелась и запищала. Наконец волосы были освобождены и убраны на ночь, тяжелый, шитый золотом наряд снят, и Джулиана, скинув туфельки, козой прыгнула на широкое ложе и заскакала по нему, радостно визжа.

— Синьорина! Синьорина, опомнитесь! Что с вами? — возмущенно закричала старая Домника при виде такого бесчинства. Но Джулиана, не слушая, прыгнула на грудь кормилицы и залилась счастливым смехом.

— Домнушка моя, старенькая, усатенькая! — кричала она сквозь смех, — хочешь, я скажу тебе страшную тайну, страшный секрет?!

— Да уж хорош ли ваш этот секрет? То-то, я вижу, не в себе вы!

— Да как же в себе быть, когда такое случилось!

— Да что же это «такое», что вы из себя этак выходите? — встревоженно спросила кормилица.

— Я... я... влюбилась я! — выпалила, наконец, Джулиана и упала на спину, закрыв лицо руками. Но из-за растопыренных пальчиков один глаз нетерпеливо поглядывал на няньку.

— Влюбилась! — оторопело проговорила Домника. — Как же это? В кого?

— А ты не скажешь никому? А меня корить не станешь? — допрашивала ее, довольная произведенным впечатлением, девочка.

— Да нет, синьорина, не скажу никому. Да что уж тут такого тайного-то? Небось это жених ваш, Нарсис?

— Фу-у-у! — Джулиана скорчила такую рожицу, будто съела что-то горькое или тухлое, — скажешь еще, Нарсис! Этот павлин противный!

— Как вы, сударыня, говорите о своем женихе! — возмутилась старая Домника, — такой юноша, из такого рода, да еще образованный! А хорош-то как!

— Что?! — закричала Джулиана возмущенно, — хорош?! Да у него руки мокрые и глаза как у устрицы! Противные!

— Какие ж глаза у устрицы? Да и нет их у нее вовсе.

— Есть, есть! Гадкие такие!.. А знаешь, как он смотрит? А-а-а, то-то, не знаешь. Он злой, а смотрит так, будто смеется над всеми, что они этого не видят. А я вижу, вижу — он еще какой злюка!

Старая нянька испугалась по-настоящему. Она знала характер девочки и чувствовала, что трудно, ох как трудно будет ей смириться под волю родителей. «Какие впереди страсти! Что-то будет!» — со страхом думала она.

— И чего же ты молчишь? — спросила Джулиана, — или ты не хочешь знать, в кого твоя козочка влюбилась? — Джулиана специально употребила ласковое имя, которым в минуты растроганности называла ее кормилица, — не хочешь знать — и не надо! Тебя давно уж пора отставить! Мне давно уж полагается дуэнья! Это я упростила родителя не прогонять тебя, а ты! — и она вдруг заплакала, бурно зарыдала. Домника бросилась к ней, отняла ее руки от мокрого лица и прижала девочку к груди.

— Ну, маленькая вы моя, ну не плачьте так, — забормотала она, — ведь старая нянька не выдержит, ведь ее сердце разобьется!

— А ты... ты не скажешь ни... никому? — всхлипывая, заговорила Джулиана, — никто не узнает, да?

— Никто, никто ничего не узнает. Только...

— Что — «только»? — вскинулась Джулиана.

— Только все равно же надо будет сказать когда-то родителям. Ведь они приняли предложение синьора Нарсиса,

— Нет! Помолвки еще не было! И не будет! — Джулиана высвободилась из объятий няньки и села, глядя прямо перед собой, — я за Нарсиса не пойду. Или за Романо, или... или я умру! — с плачем закончила она. Домника от ужаса открыла рот. Выпучив глаза и задыхаясь, она смотрела на девочку.

— Ну что ты смотришь! — закричала Джулиана. — Да, ты не ослышалась, Романо, Романо! И больше — никто!

— Но... но... — забормотала старуха, — это ж никак нельзя. Ведь...

— Что — «ведь»? Разве он хуже твоего Нарсиса? Да он в сто раз милей его и такой же знатный, если хочешь знать!

— Да так-то оно, так! Но ведь семьи ваши враждуют, кто же вас за него выдаст? Да и его родня никогда не согласится.

— Молчи! — крикнула Джулиана. Она зарылась лицом в подушку. Кормилица хотела было приласкать ее, да не посмела. Через несколько минут Джулиана села на постели.

— Иди, — сказала она сухим тоном, — я спать буду.

— Не посидеть ли с вами, синьорина? — робко спросила Домника. Джулиана не ответила. Она сидела ровно, вперив глаза в какую-то точку на портьерах. Кормилица молча, на цыпочках, вышла из спальни, неплотно затворив дверь, — вдруг девочка позовет. Покачивая головой, шепча что-то себе под нос, она уселась в свое уютное, под ее тело просиженное кресло и мгновенно уснула.

ОТЕЦ

Джулиана подошла к кабинету отца, пробормотала про себя молитву и перекрестилась. Впереди был разговор, который мог повернуть всю ее жизнь на скорбь или на радость. Отец был единственный человек, который по-настоящему любил ее и

понимал. Но Джулиана сознавала — то, что она ему сейчас скажет, может поставить их отношения под угрозу. Отец, конечно, никогда не отречется от нее — она это знала. Но что станет с ее чувствами к нему, если он ее не поддержит, Джулиана предусмотреть не могла.

Синьор Оттавио был человек ученый. Философ, богослов, он большую часть времени проводил в своем кабинете. Нередко к нему приезжали профессора, ученые монахи. Это раздражало Дону Власку — она считала их людьми низшего сорта, но это, пожалуй, единственное, в чем супруг остался тверд и продолжал принимать своих гостей с радостью и должным уважением. Все эти занятия замечательно скрашивали его жизнь и заполняли то сердечное пространство, которое должна бы была занять его супруга, но не могла, в силу сухости своего характера и чрезвычайной гордости. Оттавио привык к своему внутреннему одиночеству и никак не предполагал, что оно может быть когда-нибудь нарушено. Однако это случилось, и в его сердце поселилась маленькая девочка с буйными медными кудрями и нравом столь же неукротимым и гордым, как и у ее матери. Это случилось так.

Джулиане было пять лет. Ее уже одевали в отроческое платье и объясняли, что она теперь не маленькая. Однажды, как всегда по утрам, детей привели на поклон к родителям. Мальчики, почти уже юноши, изящно, по взрослому кланялись отцу и целовали руку матери. Джулиана тоже начинала осваивать этикет, но ее никто, кроме кормилицы, не хвалил и не поощрял. В это утро она, как всегда, поцеловала небрежно протянутую руку матери. Дона Власка не смотрела на нее. Ее глаза с непривычной для ее сухого лица нежностью были обращены на меньшую дочь, белокурую и голубоглазую Лауретту, которая только училась ходить и потому к матери ее подносила кормилица. Дона Власка потрепала девочку по румяной щечке — и малышка засмеялась, обнажив свои первые сахарные зубки. Джулиана, вздернув носик, отвернулась. И тут она увидела устремленный на нее взгляд отца, полный сочувствия и понимания. Она вся напряглась, но синьор Оттавио чуть прикрыл веки. И под усами его скользнула легкая улыбка. Джулиана вспыхнула, но отец, коротко глянув на нее, быстро перевел взгляд на сыновей.

Прошло две недели после этого маленького события. Оттавио сидел в кабинете, разбирая почту. Вдруг он услышал какой-то странный, тихий звук, как будто кто-то царапался в дверь кабинета. Он прислушался. Слабый звук повторился. Он встал, открыл дверь и замер: на пороге стояла маленькая Джулиана, подняв кулачок. Видно она собиралась постучать снова, но не успела.

— Входите, синьорина, — пряча улыбку, произнес заинтересованный родитель. Самостоятельность этой малышки изумила его.

— Я тут гуляла, а она... она сама... — и девочка указала на дверь.

— Сама отворилась? Понятно, — проговорил Оттавио совершенно серьезно, — ну что ж, раз она сама отворилась, придется вам зайти, синьорина.

Джулиана с опаской взглянула на него, но, увидев, что он смотрит совершенно спокойно, медленно, с достоинством вошла в кабинет. Она оглядела просторный покой и сразу же подошла к невиданной, изумительно красивой вещи: над изящно выточенной подставкой возвышался разноцветный большой шар, заключенный в серебряную плоскую сферу, окружавшую его кольцом.

— Это земное яблоко, дитя мое, — объяснил родитель, — вот эти голубые пятна — моря. А вот эти — земли. Видите зверя? Это самый большой морской зверь, его зовут — Левиафан.

Джулиана тронула разноцветный шар пальчиком — и он вдруг слегка повернулся. Девочка отдернула руку и с испугом взглянула на отца.

— Не бойтесь, он безобидный, он не кусается. Он даже очень послушный, — Оттавио слегка крутанул шар — и тот завертелся, играя зелеными, коричневыми, лазо-

ревыми краски. Девочка в восторге захлопала в ладошки и засмеялась. В это время за дверью послышался растерянный голос кормилицы:

— Синьорина, синьорина! Да где же вы? Я вас никак и не найду!

— Мы играли в прятки,— пояснила Джулиана. Оттавио кивнул понимающе:

— А теперь вам надо уходить. Ну, ничего, ничего,— добавил он, увидев, как глаза девочки потемнели,— как-нибудь зайдете еще. Я буду рад.

Малышка присела, как взрослая, одарив его радостным взглядом, и выпорхнула из кабинета. С тех пор она иногда приходила в его кабинет. Он позволял ей даже ползать по огромному столу, в столешницу которого была встроена карта из плотного шелка, вся изрисованная океанами и континентами, украшенная изображениями солнца, луны и всевозможных морских животных. Она «изучала» географию. Единственное, чего требовал родитель,— снимать туфельки: все же карта для него была некоторой святыней. Еще ей нравились книги, огромные фолианты, переплетенные в кожу или в бархат, с тяжелыми серебряными или медными застежками. Особенно красивым ей показался фолиант в лиловом бархате, с серебряной монограммой и двумя жемчужинками на маленьком замочке. Это был Лактанций, но малышка в философии не разбиралась. Просто ей позволялось иногда осторожно погладить бархат и потрогать овальные золотистые жемчужинки.

Синьор Оттавио с интересом наблюдал за дочерью, умилялся толстеньким ножкам, аккуратно переползавшим с одного материка на карте на другой. Замечал, как радостно вспыхивали и расширялись глаза девочки при каком-нибудь маленьком открытии. Душа его, давно укрывшаяся в некоем глубоком уголке сердца и прочно затворившая его створки для всего внешнего, постепенно расширялась, наполняясь каким-то неведомым ему теплым чувством. Он редко разрешал дочери нарушать свои ученые занятия, и она никогда не изъясляла неудовольствия. Между ними возникло подобие некой игры: на обычном утреннем ритуале дон Оттавио чуть заметно моргал дочери — и она понимала этот знак как тайное благословение: можно зайти. Дона Власка никогда не замечала этих тайных знаков: ее несколько не интересовали мысли и чувства ученого супруга. С некоторых пор эти перемигивания стало наблюдать одно любопытствующее существо — маленькая Лауретта, и ее очень интересовало — что бы все это значило? Но до поры — до времени это оставалось для нее тайной.

Кабинет родителя находился в коридоре, следующим за галереей, в которой обычно играла Джулиана со своей кормилицей. И несколько лет эти визиты оставались тайной для всех, кроме старой Домники. Она всегда дремала «на посту» в старом кресле, поставленном для нее в галерее. Но однажды Лауретта, проходя из своей комнаты с нянькой и увидев, как Джулиана скользнула в кабинет отца, тут же донесла об этом матери. Дона Власка сочла совершенно недопустимым для юной девицы пребывание в кабинете супруга.

— Вы еще заразите дочь своими пристрастиями! То-то будет всем на удивление — ученая невеста! — И она категорически запретила дочери посещать кабинет отца. И вот уже несколько лет Джулиана не переступала заветный порог. Но сейчас, вся внутренне дрожа, она собиралась войти в сию ученую обитель. Решался вопрос всей ее жизни. И ей нужен был совет, нужна была помощь отца — единственного человека, которому она доверяла.

Она еще раз перекрестилась и постучала в дверь. Послышались неторопливые шаги и Оттавио, открыв дверь, застыл на пороге. Несколько мгновений он глядел на дочь, затем посторонился, пропуская ее внутрь.

— Что-то случилось? — спросил он. Джулиана молчала. — Моя бронзовая птичка чем-то озабочена. Что-то важное волнует ее чудесную головку?

Джулиана не поддержала предложенный ей тон разговора.

— Нет,— сказала она сухо,— бронзовой птички больше не существует.

Оттавио промолчал. Он ждал, когда она сама начнет разговор и разъяснит его столь многозначительное начало. Глядя на нее, ожидая ее следующих слов, он вдруг увидел, как резко повзрослела дочь. Не было и следа детской беспечности. Губы сжаты, она даже не оглядела столь любимое ею прежде место. «Какое-то горе. Она переживает какое-то сильное горе. Но что это может быть? Ведь ничего не случилось, все спокойно вокруг»,—думал он, но сердце его почему-то дрогнуло.

— Я не пойду за Нарсиса,— наконец сказала Джулиана.

— Что? Что? — удивленно спросил отец.

— Я не пойду за Нарсиса! — еще более четко проговорила девушка.

— Как? Почему? Должна же быть какая-то причина.

— Не могу!

— Что значит — «не могу»? Разве, дитя, у тебя есть своя воля? Тебя благословляют родители, и этого должно быть достаточно.

— Так решила моя матушка, я ведь знаю. А вы... вы, отец? Неужели вы тоже будете неволить меня? Он мне просто... отвратителен! — выпалила она и перевела дух.

Синьор Оттавио помолчал. Затем, будто придя в себя, сказал:

— Но что же мы стоим? Проходи. Проходи и садись. Я чувствую, что разговор наш будет долог.

Джулиана молчала, разглядывая серебряные узоры на своем платье. Потом она подняла голову и сказала совершенно спокойно:

— Вы правы, отец, ничего не бывает просто так. И у меня не просто... Хотя, пожалуй, и очень просто,— она помолчала и так же спокойно добавила,— я люблю другого человека.

У Оттавио перехватило дух, он хотел что-то сказать, такое, чтобы сразу указало дочери на нелепость ее заявления. Но он тут же понял, что ничего такого говорить не надо. Не за тем пришла к нему его гордая, строптивая дочь. Она пришла за утешением, за помощью. Он помолчал. А потом заговорил мягко, спокойно, в своей обычной манере:

— Детка моя, я хочу, чтобы ты мне поверила. Я уже много прожил, много видел. И мне тоже приходилось смирять свое сердце.

Джулиана удивленно глянула на него и хотела что-то сказать, но отец остановил ее:

— Погоди, послушай меня. Ты еще только начинаешь жить, тебе всего лишь тринадцать.

— Четырнадцать через три месяца! Разве не в этом возрасте моя матушка родила моего старшего брата?

— Ну, хорошо, пусть. Пусть четырнадцать. И все же это такой детский возраст! Какая любовь? Я понимаю, можно вспышку чувств принять за любовь, но...

— Нет, отец, вы не понимаете,— спокойно и строго сказала Джулиана,— ни о какой вспышке чувств речи быть не может. Я люблю этого юношу, и только за него я пойду, а иначе...

— Что — «иначе»? Неужели ты думаешь, что то, что случилось с тобой, произошло впервые в этом мире? — он смотрел на нее серьезным, глубоким взглядом, пытаясь предугадать, что таится в этой головке, на что способна эта девочка.

— Я ни о чем таком не думаю,— сухо ответила она,— и меня не волнуют другие. Для меня есть только одно: он и я.

Оттавио вдруг почувствовал, что продолжать подобный разговор бессмысленно. Эта юная девушка, его жизнерадостная, бойкая дочь говорила, как совершенно взрослый, много испытывавший человек. Он подошел, обнял ее за плечи и по тому, как она напряглась, он понял, как его бедная девочка волнуется. «Откуда в этой малышке такое владение собой? Да-а, это не простой ребенок, это сильное, обладающее волею существо». И он окинул Джулиану каким-то новым, оценивающим взглядом.

— Давай поговорим спокойно,— сказал он,— ты же знаешь мать. Ее железную волю не сломит и не изменит никто. Если уж она что-то решила — это приговор. Поверь мне, я прожил с ней двадцать один год.

Джулиана молчала.

— Ты знаешь, детка, долг... это тяжкая обязанность. Но все общество человеческое, вся жизнь держится только этим... Когда рушатся устои, а я не о государстве говорю, о жизни человеческой... так вот, когда это происходит, начинаются трагедии. Такие события, которые могут просто сокрушить все!

Джулиана молча смотрела на отца. Она не вслушивалась в его разумные речи, не могла. Просто понимала, что и он, такой умный, такой добрый человек, ничем не сможет ей помочь. Ведь то, что он сказал о матери, было известно ей, Джулиане, с самых младенческих пелен. Она вдруг согнулась и, упав локтями на колени, громко заплакала. Оттавио растерялся. Все его благоразумие покинуло его, и он сам еле сдерживался, глядя на сотрясаемые рыданиями худые, совсем еще детские плечи дочери.

— Деточка! — закричал он,— не надо! Не плачь так! Еще же ничто не произошло! Будем молиться, будем просить... Ах! Как я все это знаю! — с силой воскликнул он,— как я все это пережил сам когда-то!

Джулиана на миг застыла и затем, оторвав руки от заплаканного лица, спросила:

— Вы?... Что вы такое пережили, отец? Неужели вы... любили когда-то?

Он сидел, наклонив голову, пытаясь побороть волнение. Этот разговор вывел его из давно усвоенного внешнего и внутреннего равновесия. Чувства, усилием воли загнанные куда-то в неведомую ему глубину, таившиеся там, как некий затонувший с кораблем клад, резко, как забродившее вино, выплеснулись в его грудь. Дочь, дочь! Можно ли было когда-нибудь подумать, что этот ребенок в одно мгновение сокрушит крепость, сооруженную им вокруг собственного сердца двадцать один год назад!

— Да, Джулиана,— сказал он глухо,— я любил. Я знаю, что это такое. Я понимаю твое страдание.

Он замолчал. Джулиана пристально смотрела на него и ждала следующих слов.

— Но, как видишь, я смирился с волей моих родителей... Я женился на Власке, хоть и не любил ее. Больше того — она была мне неприятна, хоть в те годы она была довольно красива... Но... я не люблю таких женщин. Я люблю мягких, нежных. Таковую девицу я знал. И любил всем сердцем. Но... вражда наших семейств не давала мне надежды... и все же я надеялся, я думал склонить на жалость ко мне мою мать... Она была добрейшая женщина, и отец не всегда мог противостоять ее желаниям. Но...

Джулиана слушала с жадностью.

— Что «но», отец? — воскликнула она нетерпеливо,— что же могло вам помешать?

— Обычная житейская история,— с горечью проговорил отец,— дела родителя пошли плохо, ему нужны были деньги, чтобы нам не разориться. Словом, мне пришлось подчиниться, выкинуть из головы все мои планы и мечтанья.

— Проклятая вражда! — гневно крикнула Джулиана,— из-за чего она? Вы знаете, отец? Скажите! Ну, скажите же — из-за чего все должны быть так несчастны?!

Он молчал. Молчала и Джулиана. Затем она быстро спросила:

— А я знаю ее? Она жива? Или это было в другом месте?

Оттавио помедлил, но все же решился — он доверял дочери:

— Да, она жива. И до сих пор хороша, невзирая на годы и рождение четырех сыновей. И она тоже живет здесь!

— Значит... я ее знаю,— задумчиво проговорила Джулиана.

— Ты ее знаешь. Это... Симонетта, Симонетта ди Монтано!

— Монтано? Значит, Романо мог бы быть моим братом?!

— Романо? Почему ты говоришь о Романо? — удивился дон Оттавио, поражен-

ный не только названным именем, но и интонацией, с которой дочь произнесла это имя. Вдруг страшная догадка, как молния, пронзила его ум, и сердце его чуть не остановилось. Он резко побледнел и схватился за грудь.

— Отец! Отец, что с вами! — вскричала встревоженная Джулиана, но он только помахал рукой, чтобы она не подходила.

— Сейчас, сейчас пройдет... я просто вдруг подумал, что...

Джулиана молчала. Она боялась произнести хоть слово, боялась, что отцу станет хуже. Дон Оттавио резко выдохнул воздух, откинулся в кресле и уже почти спокойно посмотрел на дочь. Она опустила голову.

— Я угадал, — помолчав, сказал он, — да?

Она тихо кивнула, все еще не глядя на него.

— Так, — сказал Оттавио совсем спокойно, — разве ты не знаешь, что наши семьи состоят в старинной вражде? — Она молчала. — Ну хорошо, это и на самом деле не может убедить твое сердце. А разве ты не знаешь, что случилось сегодня? Три часа назад?

Джулиана с тревогой посмотрела на отца. Она выходила в церковь и, вернувшись, сразу прошла в свои покои.

— Нет, не знаю, — произнесла она неуверенным голосом, — а что могло случиться?

— Два часа, нет, три часа назад принесли Теобальдо. Раненого.

Отец говорил бесстрастно, но Джулиане стало страшно. Побледнев, она смотрела на родителя. Глаза ее потемнели.

— И знаешь, кто его ранил, вернее, чуть не убил? Еще бы волосок — и удар пришелся бы сразу в сердце. Слава Всевышнему, защитил мое дитя, — и Оттавио перекрестился.

— Кто?.. Кто это сделал?! — белыми губами проговорила Джулиана, уже догадываясь, но не желая верить.

— Твой Романо! Ты ведь его любишь, да?

Джулиана закрыла лицо руками и ничего не отвечала. Оттавио стало жалко ее.

— Я потому здесь сижу, что рана оказалась не смертельной. Теобальдо придется полежать, полечиться. Возле него лекарь и хорошие сиделки. Когда ты пришла со своим разговором, я понял, что тебе ничего не известно, и решил уделить тебе внимание, разобраться в твоей скорби... Но такое!.. Ты понимаешь, я не мог спокойно услышать имя человека, который чуть не убил моего сына и может погубить мою дочь... Я хочу помочь тебе, Джулиана.

Она вскинула голову и взглянула на отца, но выражение его лица смутило ее.

— Да, я помогу тебе. Но не так, как ты можешь думать. Я помогу тебе как отец, как человек, отвечающий перед Богом за твою судьбу. За твою жизнь.

Он смотрел спокойно и прямо. Джулиане снова стало страшно.

— О Романо не может быть и речи. Я ускорю помолвку и брак. Как только Нарсис вернется из Венеции, а это примерно недели через три, объявим помолвку. С этого момента к вам будет приставлена дузня. Поверьте мне, дочь моя, чем раньше все свершится, тем меньше вы будете страдать. Нарсис — достойный человек, и он любит вас. Вы смиритесь. Это будет... Вот и я — как ни глубока была рана, смирился же! И теперь имею такую прекрасную дочь! — и он с улыбкой посмотрел на нее. Затем, желая подбодрить, добавил, — в смирении, дитя, есть утешение. Оно обязательно приходит, если человек сумеет сделать над собой усилие. Мужайтесь, дитя, а я помогу вам... Я поддержу вас в трудные минуты. Вы всегда можете приходите сюда, поверьте.

Джулиана казалась спокойной. Молча выслушав отца, не проронив ни слова в ответ, она глубоко поклонилась и вышла из кабинета. «Бедная девочка», — вздохнул он. На сердце у него было тревожно.

БРАТ МОЙ — ВРАГ МОЙ

Старая Домника не на шутку была встревожена. Джулиана не ела ничего и не желала с ней разговаривать. Целыми днями, похудевшая, темная, она или лежала на постели, или стояла у окна и, не отрываясь, глядела в осенний сад. Чего она ждала? Нянька не знала.

На второй день прислали от Доны Власки узнать, что с дочерью, почему она не выходит, как положено. Джулиана велела передать, что съела что-то негодное и поэтому постится, но что уже лучше. Можно не беспокоиться. На другой день она пошла в покои раненного брата. Теобальдо лежал бледный, с лихорадочно блестящими глазами. Возле него сидела, перебирая четки, монахиня. На столике лежали всякие медицинские предметы для ухода за больным и стоял фарфоровый тазик с водой. Взглянув на входящую сестру, Теобальдо поразился. «Неужели она так любит меня? — подумал он, — как похудела и побледнела!»

— Сестрица моя прекрасна, стоит ли ей так скорбеть? Ведь я жив и дела мои неплохи.

Джулиана, сдвинув брови, взглянула на него и, вздохнув, сказала:

— Я рада за вас, братец. Хотя вид у вас пока что не лучший. Сестра! — обратилась она к сиделке, — не могли бы вы ненадолго перейти в соседние покои? Мне хочется поговорить с братом наедине.

Монахиня молча поклонилась и вышла. Джулиана смотрела на брата, не решаясь начать разговор. В комнате повисло молчание. Наконец Теобальдо нарушил его:

— Сестра, вас что-то беспокоит? — спросил он.

— Я не знаю, можно ли вам разговаривать, вид у вас еще очень больной.

— Нет-нет, мне сегодня намного лучше. Я чувствую, что если так пойдет дело, через недельку я встану.

— Хорошо бы, — промолвила Джулиана. — Я, собственно, просто хотела узнать, как это все вышло? Но если вам тяжело об этом говорить — не будем.

Теобальдо нахмурился.

— Что именно? — спросил он.

— Почему вы дрались с Меркурием?

— А как же я мог стерпеть? Ведь этот негодяй нанес оскорбление нашему роду — он смеялся над нашим гербом!

— Над гербом? Как это?

— А вот так: кричал на всю площадь, что льву на нашем гербе давно пора подрезать гриву! И что секира с герба ди Монтано рано или поздно это сделает! И как я мог стерпеть? Вы бы видели, с какими ужимками это все говорилось! Ну ничего, я вбил его язык в его дерзкие уста!

— И тогда вас вызвал... Романо?

— Да!

Джулиана замолчала. Она смотрела на брата, который от только что пережитого воспоминания побледнел еще больше, и понимала, что брат теперь — самый лютей враг ее возлюбленного и, получается, ее враг.

— Ничего, ничего! — воскликнул Теобальдо разгорячено, — я еще посчитаюсь с этим молодчиком!

— С кем?! — вскрикнула Джулиана.

— С Романо ди Монтано. Вот только заживут раны, обрету прежнюю форму, уж я его найду!

— Брат! — вне себя крикнула взволнованная девушка, — оставьте! Оставьте! Неужели мало крови пролито? Откуда такая ненасытность!

— Кровь, между прочим, пролита моя, дорогая сестра. И вы считаете, что я должен это стерпеть? Или вы так беспокоитесь обо мне? — он взглянул на нее с подозрением. Но подлинная правда не могла прийти ему в голову, просто он смутно ощущал некоторую странность ее волнения. Джулиана ничего не отвечала. Только смотрела расширенными глазами на брата, который нес в себе таящуюся до времени смерть ее возлюбленному. Потом, резко повернувшись и закрыв лицо руками, она выбежала из спальни. Монахиня с недоумением посмотрела ей вслед и, пожав плечами, пошла к своему подопечному.

На следующий день, к вечеру, вбежала, задыхаясь, взволнованная Домника.

— Синьорина! Синьорина! — прокричала она, — ваш отец идет сюда!

— Отец? Сюда? Зачем? — в недоумении воскликнула Джулиана, но родитель уже входил в покои. Махнув повелительно рукой кормилице, он взглянул на дочь и остановился. Первым движением его души было подойти, обнять, но она смотрела так отчужденно, даже враждебно, что он не решился.

— Что с вами, дитя? — спросил он. Джулиана не отвечала. — Вы так похудели, побледнели. Не больны ли вы?

— Нет, — сухо ответила она и отвернулась.

— Вы не смотрите на меня, на отца, который так вас любит? — потрясенно проговорил Оттавио. — Вы не хотите со мной говорить?!

Джулиана повернулась и посмотрела на него с вызовом:

— О чем нам говорить с вами, отец? — спросила она холодно. — Все уже сказано. Я выполню ваше благословение. Что еще вы хотите от меня?

Оттавио растерялся. Он шел, надеясь утешить дочь, помочь ей в ее тяжелых переживаниях и, может быть, согреть ее на своей груди. Но девушка стояла, как мраморный столп, и было окончательно ясно обоим, что о прежнем доверии и близости не может уже быть и речи. Синьор Оттавио тяжело вздохнул и выпрямился.

— Я рад, — сказал он с холодным достоинством, — что благоразумие вернулось к вам. Пройдет время — и вы, возможно, поймете, что прав был я. А пока — что ж? Крепитесь. Мне нечего больше сказать вам, — и, повернувшись, он вышел, больше не оглянувшись на свою окаменевшую дочь.

Как только дверь закрылась, Джулиана упала ничком на постель и лежала так, не шевелясь и не издавая ни звука. Заглянула старая Домника и, покачав головой, закрыла дверь.

МЕЖДУ ГОРЕМ И НАДЕЖДОЙ

Ночью, внезапно проснувшись, Домника услышала глухие, безутешные рыдания. Какое-то время старуха крепилась, но жалость разрывала ее сердце, и она не выдержала. С плачем открыла она дверь и увидела, что Джулиана лежит в том же положении, одетая, и даже туфелька одна упала на ковер, а другая висела на пальцах маленькой ножки. Услышав звук шагов и плач старой кормилицы, она замолчала. Домника опустила на колени перед ложем и, глядя плечи, спину страдающей девочки, со слезами заговорила:

— Ну что же это такое, моя госпожа! Ведь этак и помереть можно от горя, сердечко-то не каменно.

— А я и хочу, хочу умереть! — крикнула Джулиана в подушку. — Я не могу. Я... я... — и она зарыдала еще громче, безудержней. Старуха зарыдала вместе с ней. Вдруг Джулиана села и, глядя куда-то в тень тяжелых портьер, закричала:

— Они рады, рады будут моей смерти! Они не любят меня, никто! Я думала, что отец... но он тоже... он такой же! — она опять упала лицом в подушку.

— Я люблю вас, синьорина, — дрожащим голосом пробормотала кормилица, — больше всего на свете, больше жизни! — и она заплакала, засморкалась, а Джулиана вдруг рассмеялась. Старуха оторопела — этот неуместный смех напугал ее.

— Вот-вот! — вперемежку со странным смехом, быстро заговорила Джулиана. — Одна лишь ты, старая, меня жалеешь! А они? Я пообещала отцу выйти за Нарсиса, но я не могу, не могу! — и она заплакала жалобно, как ребенок.

— Домникушка, — всхлипывая и обнимая старуху, зашептала ей в ухо, — и он, он! Тоже не любит меня. Не любит! Забыл. Прячется, наверное, от гнева герцога, Что я ему? Он... он ... — и, не договорив, она уткнулась в шею старухи.

— Не мог он забыть вас, моя красавица, козочка моя, — жарко зашептала нянька, поняв, наконец, главную причину ее горя, — да разве ж такую красавицу забыть можно? Нет и нет! — убежденно воскликнула старуха. Джулиана невольно подняла голову и посмотрела на нее с надеждой.

— Да и не убил же он нашего господина! Ну ранил его, да и то... сколь уж они, петухи эти, дерутся, дырявят друг друга, и ничего им не бывает. А мы тут плачем о них! — Она выпрямилась и уверенно сказала:

— Помяните слово мое, синьорина! И пары дней не пройдет, как даст знать о себе молодой господин!

Слова ее были прерваны глухим стуком. Стукнуло на балконе.

— Домника! — встрепелась Джулиана, — посмотри, посмотри скорее, что там?

Домника открыла балконную дверь и со свечой в руках стала осматривать пол. Послышался ее удивленный возглас, и она появилась, держа в руках небольшой сверток:

— Вот, — сказала она, — вот это лежало на полу.

— Дай сюда! — Джулиана подбежала и выхватила у нее сверток. Это был шейный платок красивого и тонкого лилового шелка. Развернув его, девушка увидела камень, завернутый в бумагу.

— Записка! — крикнула она. — Записка, Домникушка! Принеси свет поярче... это от него, я чувую, что от него!

Домника зажгла светильники. Джулиана, быстро поворачивая смятую бумагу, читала написанное. Лицо ее вспыхнуло румянцем, глаза загорелись. Бросив записку на постель, она кинулась на шею старой няньки, смеясь от радости:

— Домника! Старушка! Он помнит! Он помнит обо мне!

— А я что говорила? — ликующе воскликнула старуха. — Да разве ж забудешь такую вишенку. Касаточку такую!

— Он был ранен, Домника! Пишет, что его зацепило слегка, надо было чуть подлечиться! — и она, схватив записку и покрывая ее поцелуями, закружилась по комнате. Старая нянька стояла, покачивая головой, и с улыбкой смотрела на нее.

Вдруг тихий свист раздался под балконным окном. Джулиана выглянула. Из тени, на свет луны выступила фигура, и девушка увидела подростка.

— Госпожа! — приглушенным голосом крикнул он. — Что передать синьору? Он велел взять ответ.

— Сейчас! — тоже шепотом крикнула Джулиана и, схватив записку, на другой ее стороне написала несколько слов. Завернув в бумагу камень, кинула его в темноту сада. Мальчик схватил его налету и мгновенно скрылся.

В течение недели ловкий подросток появлялся еще пару раз. «И как он только проскакивает, постреленок!» — восхищалась кормилица. Джулиана ходила то радостная, то задумчивая, видно было, что она что-то про себя решает. В один из долгих, молчаливых вечеров она взглянула на кормилицу странным взглядом, вздохнула и, наконец, сказала:

— Я позвала его. Он придет.

— Куда? — испугалась старуха. — В сад? А вдруг его поймают!

— Не поймают! И он недолго будет в саду, его не успеют заметить, потому что ты приведешь его ко мне!

Она строго глянула на оторопевшую кормилицу. Та силилась что-то сказать, но Джулиана не дала ей и рта раскрыть:

— Ты любишь меня, старая? — спросила она вкрадчиво. Старуха кивнула.

— Значит, ты не хочешь, чтобы я умерла с тоски?

Нянька прижала обе руки к груди:

— Но, синьорина! — умоляюще заговорила она. Джулиана резко прервала ее. Нахмутив лоб, она крикнула:

— Ничто не помешает нам увидеться! Ничто! А если ты вздумаешь что-нибудь кому-нибудь...

Старуха затрясла головой:

— Нет, нет, госпожа, никому не скажу. Но ведь грех какой!

Джулиана отвернулась:

— Иди, — сказала она через плечо, — я буду спать.

СВИДАНИЕ

Наступил следующий вечер. Старая нянька как всегда, дремала в кресле. Вдруг сквозь сон ей почудился тихий свист. Встав, она проковыляла к балкону и, взглядев-шись в темноту сада, скорей не увидела, а почувствовала движение в смутной его глубине. Вот показалась фигура, закутанная в плащ. «Он!» — пронеслось в голове Домники. Фигура быстро приблизилась, и, не успев как следует испугаться, старуха увидела, как, ловко подтянувшись, неизвестный перепрыгнул внутрь балкона. На старую Домнику жарко глянули нетерпеливые карие глаза.

— Ну! — раздался шепот у самого уха. — Веди!

— Синьор! Синьор! — запричитала она. — Меня же выгонят, убьют! Вы понимаете, как все это опасно!

— А-а-а, — прошипел Романо, — держи, старая корова! Неужели ты думала, что я тебя обману? Да я готов все состояние отца и братьев в придачу отдать, лишь бы добраться поскорей до моей госпожи!

Кормилица растаяла от такой страсти.

— Вы уж, только не знаю, как вас называть, молодой синьор...

— Романо!

— ...молодой синьор Романо,— заговорила она подобострастно,— вы уж пожалейте мою синьорину, она такая молоденькая, такая нежная!

Глаза Романо сверкнули. Он дернул старуху за рукав:

— Ну что же ты? Что стоишь? Веди!

Домника посмотрела на него и, увидев горящий, как у молодого волка, взгляд, зашептала снова:

— Вы, синьор Романо, больно горячи. Боюсь, помните нашу козочку!

— Не твое дело, старая! — хмыкнул Романо.— Забыла, небось, как тебя мяли, когда молодая была.

Кормилица громко хихикнула, но, спохватившись, зажала рот руками и осмотрелась. Везде было тихо.

— Так то — я,— зашептала она,— мы — народ простой, дело грубое — помнут, отряхнешься — и как не бывало. А Джулиана-деточка, она такая...

— Ладно! — властно оборвал молодой Романо.— Хватит! Время уходит. Веди! Потом еще получишь, не сомневайся.

Кормилица кивнула и открыла дверь в опочивальню. Романо мягко, по-кошачьи, крался за ней.

* * *

— Ой! Кто это? — испуганно прошептала Джулиана. Она, конечно, догадывалась, кто это, и ждала его, но сейчас ей сделалось страшно. Романо, распахнув плащ и раскинув руки, двинулся к ней.

— Это я, мое солнце,— прошептал он, еле сдерживая дыхание.

— Ты пришел, пришел! — воскликнула Джулиана, в то же время отступая от него.

— Пришел, моя принцесса. Ты рада?

Джулиана, не в силах от волнения говорить, горячо кивнула головой. Романо сделал еще шаг и заключил ее в объятия. Теперь его глаза, темные, жаркие были совсем близко от ее лица. Крепко держа ее, он принялся осыпать поцелуями ее бледное личико, приговаривая:

— Как же не прийти к такой чудесной девочке... Пришел, прилетел боевой петушок к своей нежной курочке...

— Боже мой! Неужели я обнимаю тебя!.. Мог ли я мечтать об этом!.. Ты дрожишь?

— Я боюсь, Романо!

— Не бойся меня, моя девочка, я весь твой. Скажешь — уйду, исчезну, скажешь — останусь.

Руки его тем временем искали на ее спине застёжку. Он нашупал, наконец, целый ряд мелких, граненых пуговиц.

— О-о! — вскрикнула Джулиана,— что ты делаешь?!

— Пытаюсь извлечь тебя из этого дурацкого кокона.

— Зачем?

— Хочу проверить — налились ли мои заветные яблочки,— бормотал, задыхаясь, Романо, а руки его продолжали свое дело.

Джулиана отскочила и с негодованием уставилась на него. Романо, глянув в ее разгоревшееся лицо, отошел и убрал руки за спину.

— Джулиана,— сказал он с обидой,— ты играешь со мной? Зачем!

— Я... я не играю, но... Романо! Ведь это грех. Страшный грех!

— Грех? — спросил он, успокаиваясь,— а не грех, если тебя выдадут за этого павлина, индюка этого. Как его там? Я даже не помню его имени!

— Нет! Нет, только не это!

— А не грех, если меня женят на Марсии? Я видеть ее не хочу, не то, что жениться!

— Тебе сватают Марсию?!

— Да,— ответил он, чуть приблизившись к ней,— но разве тебе не все равно?

— Мне? Мне все равно? — вскричала Джулиана и вдруг заплакала. Романо, рас-
троганный, схватил ее в объятия и стал целовать слезинки, мелким градом осыпав-
шие ее щеки.

— Ну не плачь, не плачь, моя принцесса. Я же тут, по твоему зову! Ты же сама
писала мне: «Приходи скорей, я решилась». Или ты передумала?

Джулиана отрицательно покачала головой.

— Ну, вот я и пришел. Ты рада, мое дитя?

Она кивнула, все еще пряча лицо на его груди. Романо стал нежно гладить ее
склоненную головку, белые плечики с детскими ключицами. Губы его прильнули к
ее губам, а пальцы рвали пуговицы, бесконечный ряд пуговиц на бархатной спинке
ее платья.

— Что ты делаешь, Романо? — вскричала она.

— Тише! — прошептал он.— Весь дом перебудешь!

— Да-а-а... А зачем ты рвешь пуговицы? Что ты собираешься делать?

— Что? Сейчас увидишь. Я ничего нового не придумал. Делаю то, что делал твой
отец с твоей матерью. А иначе — как мы получим дитя, которое нас спасет?

Джулиана смотрела на него растерянно — это был ее план! Но сейчас ей стало
страшно. Ткань затрещала.

— Романо! Романо! Ты же порвешь! Меня убьют за такую порчу, и потом... как я
объясню это?

— Тогда снимай сама.

Джулиана отступила на шаг и, закусив губу, отчаянно затрясла головой.

— Ну что ж,— помолчав, сказал Романо,— видно, рановато ты меня позвала... Да
любишь ли ты?

Глаза Джулианы наполнились слезами, но она молчала.

— Что ж,— сказал Романо печально и твердо,— видно, пора уходить, но будет
ли еще, возможность прийти к тебе? — он сделал шаг к балкону.

— Нет! — крикнула Джулиана и бросилась к нему.— Не уходи! Я не знаю... Я
умру, если с тобой что-нибудь случится! — и она кинулась ему на грудь. Романо гла-
дил ее по голове, как маленькую.

— Промочишь мой колет, глупышка,— шептал он,— он уже промок, и рубаха,
наверное, уже вся мокрая. Но... — он замолчал.

— Что — но? — спросила сквозь слезы Джулиана.

— У тебя носик красный!

— Нет, что ты хотел сказать! — нетерпеливо крикнула Джулиана.

— И губки набухли!

— Ты смеешься?

— Нет-нет,— шепнул он ей в самое ушко,— но... пуговики-то расстегнуть на-
до, а?

Джулиана отпрянула от него, Романо смотрел на нее и молчал, не двигаясь.

— Я... я сама,— проговорила она нерешительно. Щеки ее горели,— а то ты и
вправду порвешь пуговицы.

Неловкими движениями она принялась за это нелегкое дело.

— Меня ведь кормилица всегда одевает-раздевает.

Под расстегнутыми пуговицами виднелся корсаж с несколькими десятками мел-
ких крючков. Романо, чертыхаясь, принялся их расстегивать, пальцы его дрожали.
Наконец, не выдержав, он рванул три последних крючка — и тяжелая, шитая сереб-
ром шелковая роба как бы нехотя сползла с тела девушки и осела блестящим сирене-
вым сугробом вокруг ее колен. Джулиана смотрела на него глазами жертвы. Романо

невольно отступил на шаг — перед ним стояла тоненькая, как прутик, девочка с глубокой впадинкой между ключицами, почти бесплотная.

— Джулиана! — потрясенно прошептал он. — Какая ты маленькая! — и упал к ее ногам, обняв ее детские коленки. Джулиана сорвала шапочку, заколки выпали — и блестящий водопад волос обрушился, покрыв медными тугими кольцами черные кудри и спину Романо.

* * *

Опершись на локоть, Романо неотрывно глядел на бледное личико своей возлюбленной. Она лежала, прикрыв глаза, и легкая улыбка, маленькая ямочка на щеке, бисеринки нежного пота на прозрачном виске — все вызывало у Романо незнакомую ему, какую-то щемящую нежность. Он дунул на ее висок и прошептал:

— Какая же ты красавица, звездочка моя!

— Я? Красавица? — Джулиана удивленно открыла глаза, — какая же я красавица?

— Еще какая! — убежденно воскликнул Романо.

— Нет, ты шутишь? Вот моя сестра — красавица, на самом деле.

— Какая это? Белобрысая, что ли? — возмутился Романо.

— Никакая не белобрысая. Белокурая. И потом, у нее такие чудесные голубые глаза! Но... Я ее не люблю. Она доносчица! Было время, мне хотелось расцарапать ее румяные щечки и потаскать ее за патлы. Да!

— Да ты у меня, видать, драчуня! — засмеялся Романо, — но ничего, я не люблю манной каши!

— Как это — манной каши?

— Да-да, мне подавай чего-нибудь с перчиком... Нет, ты очень красивая. А какая у тебя кожа!

— Какая? — заинтересованно спросила Джулиана.

— Белая и теплая. Как молоко! Только знаешь, настоящее молоко, только надоенное. А то, которое постоит и его разольют в кувшины, становится как бы мертвым и чуть голубоватым.

Джулиана с удивлением смотрела на него: он как-то странно разгорячился.

Поймав ее взгляд, Романо засмеялся:

— Смешно сказать, но с молоком у меня вышла целая история.

Джулиана удивилась еще больше.

— Когда мне было лет пять или шесть, не помню точно, я упросил старшего брата взять меня в деревню, где была конюшня. Кони там паслись на воле. Поглядела бы ты, какая красота!

Джулиана слушала, не отрывая глаз от его оживленного лица.

— Так вот, — продолжил Романо, — там был еще большой коровник. И пока брат выезжал коней, я бегал туда. Он даже и не знал об этом, а то бы наверняка запретил. А мне там понравилось все: и добрые морды коров — я быстро перестал их бояться, и запах сена, и даже сам запах коровника. Но особенно мне понравилось, когда работник доил коров. О, это замечательное зрелище! Оно меня просто завораживало.

— Правда? — спросила Джулиана, — а я никогда этого не видела.

— Нет, правда, чудо! Такая теплая, белая струя брызжет и со звоном падает в сосуд. А потом — пена, тоже такая на вид теплая. Вот как твоя кожа. И запах! Вкуснее не знаю. Симоно давал мне даже попробовать. О, это нектар! Словом, я бегал туда все дни, что мы были там с братом. И видно, запах этот въелся в меня, в волосы. Потому что, когда мы приехали домой, и мать моя встречала нас на крыльце, она обняла меня и тут же отпрянула. «Романо! — закричала она. — Что это за запах? Вонь какая-то. От тебя несет, как от мужика!» Я не хотел ей рассказывать. Но пришлось. Деться было некуда. Я пытался смягчить ее своим восторгом, но это не удалось. И она взяла

с меня слово, что я не буду больше туда ходить. Иначе она запретит мне ездить с братом. А этого мне — ой как не хотелось! Ведь он учил меня потихоньку верховой езде. И я, с болью в сердце, дал обещание.

— И ты больше не ходил туда, к своим коровам?

— Да, как же! — засмеялся Романо, — еще как ходил! Это было сильней моей воли — я ощущал во всем этом какую-то магию живой жизни. Не знаю, как тебе объяснить.

— А я представляю, ты так рассказываешь! Я даже почувствовала все это с тобой вместе. Как будто сама все видела.

— Умница моя!

Романо поцеловал ее в глаза:

— Так вот, главное — как все это кончилось!

— А как?

— Оказывается, мать сильно ругала моего брата, что такому малому ребенку он дал столько свободы. И братец быстро выследил меня. И, конечно же, доложил синьоре Симонетте!

Романо весело засмеялся. Видно было, что ему доставляет великое удовольствие вспоминать и рассказывать о своем детском приключении.

— И что же с тобой было потом? — спросила Джулиана с живейшим интересом. — Тебя наказали?

— О! Еще как! Я запомнил это наказание. Запомнил еще и потому, что потом последовала такая сладкая награда!

Он мечтательно улыбнулся.

— Награда? Как это — награда за наказание?

— Сейчас узнаешь, не спеши. Сначала меня наказали. Поставили голыми коленями на чечевицу — маленькое удовольствие, скажу тебе. При этом я должен был прочесть 50 молитв.

— Ну и ну! И каких же?

— Отче. Знаешь ведь, она не маленькая, эта молитва. А тут — 50 раз! — он засмеялся. — О-о-о! Я никогда в жизни так быстро и страстно не молился!

Джулиана тоже засмеялась.

— А потом... потом пришла матушка. Вытерла мои слезы. И сделала такую вещь, что всякий раз, как я вспоминаю об этом, сердце мое согревается любовью.

Джулиана слушала молча, затаив дыхание. Ей заранее было почему-то грустно.

— Мать моя встала предо мной на колени, — медленно заговорил Романо, — и поцеловала просеченную, саднящую кожу на моих бедных ногах... При этом она сказала: «Целую послушные колени моего непослушного сына».

Романо замолчал. Молчала и Джулиана. Она думала о себе. О своей матери, о том, что никто на свете, никогда не говорил ей таких пронзительных слов.

Романо заметил грусть ее и встревожился. Опережая его вопрос, Джулиана тихо прошептала:

— Никто не любит меня. Мать... я это знала всегда. Но отец... я думала, что хоть он любит меня. Но...

— Джулиана, солнце мое! Да разве это возможно — тебя не любить!

— Возможно, — тихо ответила девушка.

— Я! Я буду любить тебя всегда! Как отец, как мать — за всех на свете буду любить тебя!

* * *

— Нет! Насытиться тобою невозможно, — простонал Романо и откинулся на спину.

Джулиана не отозвалась. Повернувшись, он взглянул на нее. И увидел странное, очень странное лицо.

— Ты о чем-то думаешь? — с тревогой спросил Романо.

— Да, — немного помолчав, ответила она.

— О чем же? — спросил Романо, — разве что-то случилось? Что-то не так?

— Так, так, — она легла к нему на грудь, опершись на нее локтями, и долгим взглядом посмотрела на него.

— Знаешь, — наконец заговорила она, — у меня очень странное чувство. Все это время я думала, что умру, если мы не будем вместе, а теперь...

— Что теперь? — окончательно встревожился Романо.

— А теперь мне так хорошо, что даже хочется умереть с тобой. Вместе, сейчас!

Романо рассмеялся.

— Зачем же умирать? Если так хорошо? — весело спросил он и поцеловал ее вздернутый носик.

— Нет, ты не смейся, — задумчиво проговорила она, — это совсем не смешно. Мне просто кажется, что никогда, слышишь, никогда! — и она заплакала. Романо растерялся.

— Что ты, детка? Что? — заговорил он торопливо, совершенно не понимая той удивительной глубины чувств, которые охватили Джулиану и вызвали из ее глаз терпкие, чуть горькие, но все же бесконечно сладкие слезы. Романо был мужчина, и этим сказано все.

— Никогда, — сквозь слезы заговорила Джулиана, — больше так не будет, никогда! Я чего-то боюсь! Уж лучше...

Он не дал ей договорить. Крепко прижав ее к груди, стал качать как маленькую девочку.

— Тише, тише, — шептал он ей на ушко, — ты брось эти страхи.

Джулиана доверчиво прижалась к нему.

— Ты не терзай себя всякими ужасами, — продолжил он, — нам с тобой — и умереть? Когда все только начинается? Детка, тебе еще придется много потерпеть! Поэтому что я не остановлюсь на тройке-четверке ребят. Будешь рожать и рожать!

Джулиана засмеялась сквозь слезы.

— Ты думаешь, все это будет?

— А как же! — с непоколебимою уверенностью вскричал он, — мы с тобой убежим далеко, подальше от этого злого города. Туда, где нас никто не знает, и заживем!

— Ах, как ты прекрасен, Романо! — она вздохнула, перебирая его смоляные кудри, — и все же меня что-то томит.

— Томит?

— Да, — снова вздохнула она, — я думаю, это из-за нашего греха.

— Опять ты о грехе! Я не чувствую никакого греха. Одну радость, сладость какую-то и... и... как будто у меня расширилась грудь!

— Это так, Романо. Но грех тем и страшен, что человек не умеет распознать его.

— Как это? Почему? Откуда ты-то знаешь?

— Я ничего не знаю, но об этом мне говорил отец.

— И что же он такого страшного наговорил тебе, что даже этот сладкий миг не вызывает у тебя радости?

В словах Романо слышался явный упрек. Джулиана посмотрела на него с почти материнской лаской:

— Не обижайся, милый, — сказала она столь нежно, что у Романо растаяло сердце.

— Я просто так полна. А тут еще эта... томящая такая горчинка... Отец говорил, что грех всегда прячется в сладость и обнаруживает себя лишь тогда, когда эта первая сладость проходит. И тогда он наполняет человека такой горечью! Он открывает свое истинное лицо и уже никакая сладость не может пересилить его горечь.

— Детка! — воскликнул Романо, — а может, ты просто увлеклась мною? Может, ты и не любишь меня по-настоящему?

— Романо, это я раньше тебя не любила, — прошептала Джулиана, — я теперь только и поняла, что это — любить. Знаешь, какое у меня появилось чувство? Будто я — твоя, вся твоя, вещь твоя и ты можешь сделать со мной все, что хочешь!

— Так уж и все? — лукаво прищурился Романо.

— Все-все! Только... — и она замолчала, глядя на него испуганно.

— Что только?

— Только ты не можешь бросить меня! Потому что я тогда уж точно умру.

Он схватил ее в охапку, осыпая поцелуями и приговаривая:

— Что? Бросить такой лакомый кусочек? Да что я, осел, что ли, какой? Не дожидетесь, принцессита, не дожидетесь!

ПРЕДЧУВСТВИЯ СБЫВАЮТСЯ

В соседних покоях раздался осторожный шумок, и в спальню тихо постучались. Джулиана вскочила и подошла к двери.

— Синьорина, — послышался голос Домники, — пора синьору уходить. Уже рассветает.

Джулиана подошла к окну и отдернула тяжелую штору. Было почти темно, но в сереющем саду уже стали проступать смутные силуэты деревьев.

— Романо, пора! — шепнула Джулиана, — через полчаса рассветет.

— Какое — полчаса! Еще темно!

— Нет, милый, уже светлеет. Да и птицы уже начинают чирикать. Иди, мой любимый, иди! Не заставляй меня дрожать за твою жизнь.

Романо нехотя поднялся.

— Как же тяжело расставаться с тобой. Ну ничего, ничего! Еще несколько дней — и уж никто не сможет нас разлучить.

Он обнял девушку и стал целовать ее — в губы, щеки, в прозрачный висок.

— Романо, Романо! — зашептала она, высвобождаясь, — беги, не мучь меня. Я боюсь!

— Глупышка! Не бойся ничего. Как только все у меня будет готово, я дам знать. А там...

И он снова хотел ее обнять, но Джулиана решительным движением подтолкнула его к окну. Он перекинул ноги и, сидя на широком подоконнике, последний раз поцеловал Джулиану. Ловко, бесшумно прыгнув в траву, послал ей воздушный поцелуй и тут же скрылся в серой мгле. Джулиана с бьющимся сердцем вслушивалась в темноту, но, слава Богу, ни один звук не нарушил ее.

* * *

— Вы заметили, что ваша любимая дочь стала очень странно себя вести? — спросила Дона Власка, входя в кабинет мужа. Ее визиты были столь редким явлением, что Оттавио не смог скрыть своего удивления.

— Что вы имеете в виду? — недоуменно спросил он.

— А то, что она постоянно то бледнеет, то краснеет. От каждого стука вздрагивает. Хотя я и вижу-то ее в основном лишь за обедом, но от меня все это не укрылось. А вы, как я вижу, безмятежны?

— Но что случилось такого уж выдающегося? Обычные перемены, в этом возрасте все девушки бывают несколько странными.

— Да? — с непередаваемой иронией воскликнула Дона Власка, — все девушки? А я думаю иначе. Она чего-то ждет.

Оттавио облегченно вздохнул:

— Ну конечно, конечно, ждет! Вы совершенно правы. Я не говорил вам, у нас с Джулианой был разговор. Я ей сообщил, что на днях приезжает Нарсис — и мы объявим помолвку.

Дона Власка пожевала губами, опустила глаза.

— Нет! — сказала она затем очень твердо. — Не в этом дело.

— А в чем же еще? — удивился Оттавио. Он держался очень естественно — боязнь выдать дочь мобилизовала все его силы.

— Я прошу вас усилить ночную охрану.

— Это еще зачем? У нас, что — война? Враг подступает? Или, может, чернь взбунтовалась?

— Ваши сарказмы совсем неуместны. Прошу просто выполнить мое требование.

Оттавио мог просто согласиться, и он знал, конечно, что все равно сделает то, о чем она его просит. Но его оскорбил ее тон и нежелание объяснять свои требования.

— Нет, — еще более сухо сказал он, — я все же прошу пояснить — какая необходимость в подобных действиях.

Дона Власка опять помолчала. Затем глаза ее оживились, в них мелькнула какая-то мысль.

— Хорошо, — сказала она, — только я объясню все за обедом, в присутствии нашей дочери. — И, развернувшись, как корабль на рейде, величаво выплыла из кабинета.

За столом, как всегда, царило чинное молчание. Дона Власка повернулась к Джулиане и скрипучим голосом спросила:

— Отчего это наша дочь последнее время такая... странная?

Лауретта со жгучим любопытством глянула на старшую сестру.

Джулиана от неожиданности поперхнулась глотком вина, и это ее спасло: голос у нее от волнения осип.

— Простите меня, — пробормотала она и больше ничего не ответила. Дона Власка смотрела на нее долгим пронзительным взглядом. Потом, как ни в чем не бывало, повернулась к супругу:

— Вы знаете, сегодня в саду выловили вора. Мальчишка. Негодяй признался, что лазил за нашими грушами.

Груша в саду Капучильи была предметом зависти многих горожан. Сажены привезли из Бергамо, но прижился только один. Но он и один, став большим, раскидистым деревом, давал так много чудесных плодов, что хозяева могли щедро одаривать своих гостей.

Джулиана замерла, сильно побледнев.

— Что с вами, милая? — спросила Дона Власка, — вы-то чем расстроены?

Джулиана огромным усилием взяла себя в руки

— Я... я просто представила, что могли сделать с бедным мальчиком ваши люди.

— Ах, ах! Вам жалко негодяя? — притворно удивилась Дона Власка. — Ну конечно, он получил достаточно плетей, но так и не сознался, для чего именно забрался в наш сад.

Джулиана ничего не ответила, только привычно вздернула головку и окончательно замкнула свое лицо.

— Да, кстати, — как будто вспомнив что-то, Дона Власка повернулась к мужу:

— Прикажете-ка как следует усилить охрану сада. А то как бы у нас еще чего не похитили.

И она в упор взглянула на Джулиану. Та сидела ровная, каменная.

— Я недавно посетила Бастинду, — снова обратилась Дона Власка к мужу, — по картам вышло, что ждать нам интересных событий.

Она сделала паузу. Глаза всех устремились на нее в ожидании. Джулиана собрала все душевные силы.

— Да, так вот,— медленно заговорила Дона Власка,— надо ждать вора!

— Так вор же уже был? — спросил дон Оттавио.

— Ну уж, не на этого же сорванца указывали карты. Не-ет! Кто-то поважней собирается тайно посетить нас!

Оттавио невольно взглянул на дочь. Бдительная мамаша перехватила этот взгляд и обратилась к дочери:

— А вы что думаете по этому поводу, милая?

Джулиана молчала, но страшная бледность выдавала ее волнение. Оттавио поспешил на выручку бедной дочери:

— Неужели вы так верите картам? — с глубокой иронией спросил он.

— Верю! — сухо отрезала Дона Власка,— и не сомневаюсь: все, что сказали карты, может приключиться на самом деле. А вы, супруг мой, выполните мою просьбу немедленно.

Она повернулась к дочери и с приторной лаской пропела:

— Вы явно нездоровы, дитя мое. Поэтому несколько дней до приезда жениха прошу вас: никуда, кроме церкви! Вы поняли?..

Джулиана сидела по-прежнему прямая и не смотрела на мать.

— Ну ничего, вы еще поймете,— удовлетворенно проговорила Дона Власка и встала из-за стола. Она всегда, в нарушение этикета, вставала первая, подчеркивая этим, кто в доме самый главный.

СТАРУХА

— Что с вами, синьорина? — испуганно вскрикнула Домника, когда Джулиана вошла в покои.

Джулиана не отвечала. Она начала носиться по комнате, зажав виски ладонями, и это безостановочное кружение стало постепенно вызывать у старой кормилицы ощущение чего-то неотвратимого, внезапно надвинувшегося и уже стоящего у порога. От страха она заревела. Джулиана внезапно остановилась и посмотрела на нее:

— Да! — сказала она совершенно чужим голосом, — вот и ты плачешь! Что ты плачешь? Что ревешь? Или ты тоже что-нибудь знаешь? Говори! — и она устала на старуху, схватив ее за плечи. Домника еще больше испугалась и заревела в голос. Джулиана махнула рукой и снова принялась кружиться по комнате. Потом, остановившись, сказала:

— Если они его убьют, если поймают... я жить не буду.... Ишь, какие ловкие! — И она строго посмотрела на стену.

— Да кто ловкий-то? — заплакала Домника.

— Мать моя. Отец. Все!

— Да что же они сотворили, господа?

— А разве ты не знаешь? — удивилась Джулиана, недоверчиво глядя на нее. Домника приблизилась, желая обнять ее.

Но Джулиана предостерегающе вытянула руку. Старуха остановилась и, молитвенно скрестив руки на груди, плачущим голосом заговорила:

— Голубонька моя, синьорина, клянусь Мадонной, не знаю я ничего! Неужто вы не верите своей старой няньке? Да я за вас... — и, не договорив, она снова горько заплакала. Джулиана как будто очнулась, кинулась к ней и, схватив за руки, быстро заговорила:

— Ах, ты и знать не можешь, в самом деле! А они такую хитрость придумали! Они как будто все знают!

— Да что же они знать-то могут?

— А то, что мы с Романо уговорились бежать!

Домника, перестав плакать, оторопело уставилась на девушку.

— Бежать? Куда ж это? И как возможно? Ведь вас поймают! Деточка моя! — жалостным голосом воскликнула кормилица. — Ведь вы одна у меня, ведь никого я не люблю, как вас! И вы бросить меня хотите?

— Успокойся, старая, ничего все равно не вышло. И если с ним что-нибудь случится!..

— Да что, что с ним-то будет?!

— А-а, ведь ты не знаешь, правда! В саду поставили усиленную охрану, а Романо... Романо... он ничего не знает. И завтра ночью!.. — она упала на грудь Домники и горько заплакала.

— Та-ак! — сказала Домника раздумчиво, — та-ак! Да тут не плакать надо, а дело делать. И срочное!

Джулиана, отстранившись, уставилась на нее со страхом:

— Какое дело? — спросила она.

— Единственное дело, которое поможет. Не сомневайтесь, госпожа моя.

И она торопливо пошла в свою комнатушку. Джулиана последовала за ней. Старуха открыла старый сундук и, покопавшись, с самого дна достала небольшой узелок. Развернув его, она достала вещь, и Джулиана увидела, как, распрямляясь, пролилась из старческих рук нитка дешевеньких, но веселых самоцветов.

— Господин подарил их мне, когда вам исполнилось три годика, — довольным голосом проговорила Домника, — а я что? Полюбовалась-полюбовалась — да и отложила. Уж я стара для таких игрушек. Думала: когда-то еще пригодятся. Вот и пригодились! Десяток лет ждали!

Старуха еще полюбовалась игрой камушков, затем, спрятав бусы в платок, убрала их в свой необъятный карман.

Джулиана смотрела на нее, ничего не понимая. Поймав ее взгляд, старуха улыбнулась и проворковала:

— Ничего с вашим соколиком не случится. Уж вы поверьте старой няньке!

И она, надев парадную шаль, подошла к девушке и прошептала на ухо:
— Моя родня служит в доме Монтано. Сестрица двоюродная. Пойду-ка навещу. Давненько не видались! — и, подмигнув, она выплыла из покоев.

ПАДРЕ

Сад виллы Капучилли изысканными террасами спускался к самой реке. Там, возле мраморной скамьи, была маленькая дверца, скрытая лиловыми гроздьями пышно цветущей глицинии. Именно в эту калитку выскользнули однажды в полдень две женские фигуры. В одной, приглядевшись, можно было, несомненно, узнать Домнику, с ее развалистыми боками, с подагрической, затрудненной походкой. Лицо другой, высокой и стройной, было скрыто под фатой. Это была Джулиана.

Женщины быстро миновали опасный участок дороги, где их могли окликнуть слуги, и, стараясь держаться маленьких, пустынных в этот час улиц, направились к собору. Он был заперт. Рядом, в небольшой часовне, горело несколько свечей. У ног мраморной Мадонны склонилась коленопреклоненная фигура.

— Падре! — чуть слышно окликнула Джулиана, но человек все равно вздрогнул и резко обернулся. Он, видимо, так глубоко ушел в молитву, что взгляд его не сразу утратил отрешенность.

— Кто там? — спросил он, поднимаясь с колен и всматриваясь в юное лицо, скрытое тенью полутюкнутой вуали и чем-то смутно ему знакомое.

— Это я, Джулиана...Капучилли. Два года назад вы меня подтвердили. А не так давно я причащалась.

Падре всмотрелся в лицо девицы и вспомнил сразу не только ее, но и ту забавную сценку, которая разыгралась во время конфирмации.

Девочка была полна неподдельного любопытства и все время крутила головой, забывая о важности церемонии и хорошем тоне. Ее мать, супруга одного из знатнейших синьоров, в бесконечном раздражении щипала дочь за плечо, но это не помогало. Священник заступился за девочку, сказав, что, в конце концов, не самая смиренная овечка в стаде бывает самой плодоносящей. Девчушка послала ему очаровательную улыбку и сделала такие кокетливые глазки, что падре с трудом сохранил серьезность.

Теперь перед ним стояла юная, полная некой внутренней решимости девушка с необыкновенным, резким и притягивающим лицом. «Как быстро они подрастают, эти девочки», — подумал падре с каким-то смутным недовольством.

— Что случилось, дочь моя? — спросил он спокойно. — Почему ты одна? И в такой час?

— Я не одна, — ответила Джулиана, — на улице меня ждут. Но дело не в этом! — на мгновение она как будто заколебалась, но затем заговорила решительно:

— Падре! Я согрешила! Я согрешила тяжело — и мне нужна ваша помощь.

— Ты хочешь исповедаться? Тогда...

— Нет! — перебила его Джулиана, глядя смело и настойчиво ему в глаза. — Я пришла не за исповедью. Я пришла за советом и помощью.

«Странная девица, — подумал падре, — какая дерзкая», — и вздохнул.

— В чем же грех твой, дитя? — спросил он, немного помолчав. Джулиана не сразу ответила. Она смотрела на священника, внезапно задумавшись, затем тряхнула головой и четко проговорила:

— Я полюбила мужчину и отдалась ему.

Падре вздрогнул. Редко в подобном грехе исповедовались девицы из благородных семейств. Пожалуй, он и не припомнит, когда это было в последний раз.

— Но, дочь моя, как же ты дерзко говоришь о столь тяжком грехе! — воскликнул

он.— И что будет с твоей душой, если ты так начинаешь свою жизнь? — он пронзительно взглянул на нее, но она выдержала этот взгляд.

— Я сделала это сознательно, падре.

— Сознательно?!

— Да. У меня не было другого выхода. Тот, кого я полюбила... ему бы никогда не отдали меня. Никогда!

— Что, он недостаточно родовит? — спросил падре.

— Нет,— ответила Джулиана и замолчала. Если сейчас назвать имя, она окажется полностью в руках этого священника. А она ведь не знает его и даже представить не может, как он обойдется с ней. И она пожалела о том, что отказалась от исповеди.

— Дочь моя,— мягко заговорил падре,— ты должна рассказать мне все, если ждешь от меня совета. Не бойся, я не предаю тебя. Это было бы грешно. А я боюсь оскорбить моего Бога.

— Он... между нами вендетта! — быстро проговорила Джулиана, и падре сразу понял, о каком семействе идет речь.

— Романо? Или Франческо? Кто из них? — назвал он имена двух холостых кавалеров этого семейства.

— Это Романо,— Джулиана перевела дыхание и заговорила быстро, без пауз:

— Теперь вам понятно, насколько наш брак невозможен. Вначале мы решили бежать. Но... Связи моей матери столь велики, что нас разыскали бы повсюду. Тогда мы договорились сделать... это. Чтобы им уже не было отступления. Мы решили все рассказать им потом. Потом, когда я уже буду...

Она замолчала. Падре понял, о чем идет речь.

— Ну? — спросил он,— и что же теперь?

— Теперь... Я, поразмыслив, отказалась от этого плана.

— Почему?

— Вы не знаете мою мать. Если бы я даже и уговорила отца смириться — он любит меня, то мать... Она — как скала! И потом, она так кичится древностью своего рода! Она не потерпела бы такого оскорбления! Не допустила бы... Романо все равно убили бы! Ребенка бы отдали в какой-нибудь приют. А меня... в монастырь!

Падре смотрел на ее сразу же осунувшееся лицо и думал, как ему поступить. Помочь ей, значило, поссориться с ее семейством. Ему этого не хотелось. Открыть все ее отцу...

— Хорошо, дитя,— произнес он задумчиво,— я подумаю, как убедить твоих родителей.

— Нет! — закричала Джулиана в страшной тревоге,— нет, падре! Не делайте этого, молю вас!

Она схватила его руку своей маленькой ручкой и, не помня себя, прижала ее к своей груди.

— Падре,— зашептала она решительно, глядя близко в его глаза,— имейте в виду, падре, что если они убьют его, я совершу самый страшный грех,— глаза ее потемнели. Она сунула руку в складки платья и извлекла маленький острый стилет.

— Вот! Это я всегда теперь ношу с собой! — проговорила она, не отрывая взгляда от священника.

«Безумная!» — мелькнуло в уме у падре. Быстро протянув руку, он попытался схватить стилет. Джулиана отстранилась еще быстрее и засмеялась:

— Неужели вы думаете, падре, что я не найду другого способа сделать это?

Падре внезапно успокоился.

— Ладно,— сказал он,— давай подумаем, что тут можно сделать.

Джулиана молчала, с тревогой глядя на него.

— Твой Романо... Он действительно предан тебе? Ты уверена в нем?

— Как в себе!

— И он на все пойдет?

— Ну что ж,— сказал падре и задумался.

— Что ж,— повторил он через несколько долгих минут. В часовне была такая тишина, что казалось, над миром стоит глубокая ночь. Глубокая, вечная ночь над пустым безжизненным миром.

— Что ж,— повторил он в третий раз,— если вашу мать не смягчит скорбь дочери, то, может, ее смягчит горе утраты...

— Утраты,— не поняла Джулиана,— какой утраты?

— Может, потеряв дочь, она пожалеет о своей непреклонности, и тогда...

— Падре! Что вы задумали? — вскричала Джулиана в страшной тревоге.

— Видишь ли,— медленно заговорил он,— я не всегда был священником. До принятия сана я многим в жизни занимался... Составлял лекарства... яды...

Джулиана смотрела на него в полном замешательстве. Она ничего не понимала. Но ведь не мог же священник желать ее смерти. Тогда что? Падре взглянул на нее с мягкой улыбкой.

— Успокойся,— сказал он,— это не то, о чем ты думаешь.

— Не то? — эхом отозвалась девушка.

— Не то,— подтвердил падре,— но то, что я хочу предложить тебе... это опасно.

— Опасно,— снова повторила за ним Джулиана и взглянула на него, будто пробуждаясь.

— Говорите! — сказала она твердо.— Говорите. Я не испугаюсь.

— Ты должна умереть. Но на время,— быстро добавил он. Джулиана изумленно смотрела на него и молчала. Она ничего не понимала.— Я тебе дам капли. Ты примешь их и умрешь. На самом деле это будет не смерть, но даже самый опытный врач не сумеет распознать в тебе признаки жизни. Даже тело похолодеет.

Джулиана побледнела. Она не отрывала глаз от священника, и было видно, как под тяжелыми складками платья вздымалась от волнения ее маленькая грудь. В этот момент странное чувство кольнуло падре: кого-то смутно она напонила, кого-то давно забытого. И даже намек на это воспоминание был ему тяжек. Падре отогнал навязчивое ощущение и заговорил быстрее, глаза его засверкали. Он взволновался каким-то давним чувством юности и авантюры. И мысленным взором он видел уже грядущую картину: внезапное горе семейства Джулианы, глубокую скорбь траура и вспыхнувшую молнией невообразимую радость нового обретения дочери! Радость, в которой сгорят дотла остатки прежней вражды, разъедающей жизни обоих семейств уже более полувека. Мир, мир! Ослепительное счастье! И все это совершит он, падре Лукрецио, он, простой священник.

— Ты очнешься через три дня в склепе. Романо будет знать, ты посвятишь его в наш план. И он тоже примет эликсир. А когда вы оживете, ваши родители согласятся на все. На все! Перед лицом всего города и Бога,— он торжественно перекрестился и поднял глаза вверх,— они не отважатся на новую жестокость!

Джулиана поняла. Глаза ее заблистали, она схватила руку священника и поцеловала ее.

— Приходи завтра, дочь моя. Вечером. И мы все совершим. Во имя мира я иду на это и, надеюсь, Господь мой не осудит меня.

— Падре, мне опасно идти самой. Я пришлю мальчика.

— Тогда, вот,— сказал падре,— пусть он приходит в мой дом. Я ведь не буду готовить снадобье здесь. Хорошо, что я об этом подумал, так будет намного лучше.

«ВРЕМЕННАЯ СМЕРТЬ»

Отец Лукрецио остался один. Чувства настолько переполняли его, что он невольно упал на колени. Иисусе Христе! Ему, скромному священнику, Бог приготовил такую миссию! Служение делу мира! Он, он — вернее, через него — свершится, наконец, примирение почти столетней вражды!

Чистый восторг переполнял его, и он мысленным взором уже видел грядущие картины примирения: слезы радости, рукопожатия вчерашних врагов, ликование простого народа. Несомненно, весь город страдал от этой тяжелой внутренней войны. И вот, он, падре Лукрецио, силой Божией пресечет ее навсегда! Он горячо зашептал молитвы, благодаря Творца за дарованную ему, скромному, малоизвестному священнику, возможность свершить столь великое деяние. Мысли его незаметно приняли новое направление. Да, не зря он столько лет пребывал в своем служении, столько лет без продвижения. Многие его сверстники продвинулись вверх по иерархической лестнице. Кто-то служит в Риме, кто-то стал каноником, а Амбросио Греджио, Амбросио, которого все дразнили плюшкой тетушки Фаншетты и дергали за вихры — при папском дворе!

Глаза Лукрецио сверкнули. Что ж! Вот и его время приблизилось. Если он сумеет сделать все как должно, о его деянии услышат. Узнает кардинал. А может... может, дойдет и до Ватикана!

Восторг переполнял его грудь, и он зарыдал. Бедный падре. Он настолько потерял свое обычное внутреннее бесстрашие, что даже не понял, не заметил, что не святое чувство, а настоящая страсть овладела им — и яростно, жадно распоряжается его сердцем и умом.

Он встал и еще раз помолился о даровании ему спокойствия и внимания, необходимых в таком сложном деле. Ведь в руках его сейчас две юных жизни! Малейшая неточность в последовательности, в дозировке и!.. Ему страшно было и подумать о дальнейших последствиях, тем более что он давно все забыл — ведь около двадцати лет этим не занимался. «Ничего, ничего, — успокоил он себя, — раз Бог дал мне это свершить, он даст мне и силу, и внимание».

Падре, сделав последний поклон, вышел и направился в свою скромную келью.

Старая Сантуцца — экономка, повариха и прачка в одном лице, занималась своим любимым делом — надраивала медную посуду до орденского блеска.

— Ты можешь идти, — сказал падре. Она испуганно взглянула на него:

— Так рано? — и глаза ее округлились.

— Да. У меня сегодня важное занятие. Ты будешь меня отвлекать.

— Да я совсем тихохонько! — зачастила старуха. — Один маленький котелочек! Всего-то! — и она с надеждой глянула на него.

— Нет, — сухо сказал падре и пошел к двери — надо было обязательно запереть ее, чтобы кто-нибудь случайно не застал его за столь странным занятием. Стоя на пороге дома, он невольно оглядел улицу. Никого. Только вдалеке, у самого поворота, шли две женщины — стройная, изящная синьорина и, на шаг позади, дуэнья — тощая, как палка, и прямая, но при этом очень важная. Синьорина чем-то напомнила утреннюю посетительницу, и опять что-то смутное царапнуло его память...

Войдя в дом, он постоял несколько минут, припоминая, где у него может быть заветная тетрадь. «Да-да, она там!» — пробормотал падре и пошел в чуланчик, где в самом темном углу, за бочонками с вином и маслом, притаился старенький сундучок. Лукрецио достал его, бережно обтер пыль и поставил на табурете. Руки его слегка дрожали. Боже мой! Сколько лет он не прикасался к этому сундучку! И для чего он все эти годы хранил его! Сегодня стало ясно — это Божие Провидение!

Шепча молитву, он открыл крышку и замер. Все лежало в полном порядке: реторты и колбочки, бронзовая ступка, маленькие весы с крошечными гирьками. Отдельно, в аккуратно завязанных мешочках лежали препараты, в том числе и камни, которые он когда-то ненавидел всей душой — ведь их надо было дробить, мельчить и растирать. Да в придачу дышать этой каменной пылью или разогретой серой или какой-нибудь не менее противной гадостью. Хозяин только составлял рецепты, а остальное делали они, подмастерья.

Сейчас содержимое сундучка казалось ему сокровищем. Ведь оно послужит великому делу в жизни города, в судьбе двух семейств. «И, надеюсь, в моей судьбе», — прошептал он и бережно взял в руки тетрадь. Вдохнул запах старой кожи, погладил трещинки на переплете, перекрестился и открыл ее. Как ни странно, он быстро нашел искомое. Вот он, знаменитый рецепт. Скольких людей он за два с лишним столетия спас! Человек умирал, и его преследователи забывали о нем. А он, «восстав из мертвых», благополучно скрывался, уезжал в другой город или страну. Да мало ли в каких ситуациях могла помочь эта временная смерть! Кстати, так снадобье и называлось — «Временная смерть», но из осторожности хозяин записал название на каком-то древнем языке. Из всех подмастерьев только он, Лукрецио, знал, что таится за этими непонятными буквами. Покойный Паоло ему доверял, как сыну, больше, чем сыну, потому что сын был вертопрах и гулена.

Падре открыл мешочки со снадобьями и проверил по тетради: вдруг там нет какого-нибудь необходимого компонента. Хвала Иисусу, все, что нужно было, присутствовало. И, что приятно, ничего не надо было долбить и мельчить. Надо было только аккуратно все развесить, смешать и осторожно подогреть. Но он всегда был аккуратным и внимательным. И все же, для предосторожности, он помолился.

С волнением он начал работу. Это оказалось довольно сложным — руки его за долгие годы отвыкли от мелких операций и точных движений. А когда-то он это делал со сноровкой, не задумываясь. Сложным было все: развесить компоненты на маленьких весах (постоянно получался недовес или перевес), установить на крохотной треноге столь же крохотную серебряную чашечку (тренога слегка погнулась и чашечка никак не хотела стоять строго по центру). Наконец все получилось. Он разжег огонь и стал помешивать короткой спицей с утолщением на одном конце. Шепча молитвы, он следил за тем, как одна за другой тонули плавающие частицы, как жидкость постепенно меняла цвет, приобретая красно-коричневый оттенок. Лукрецио взглянул на песочные часы. Время приготовления подходило к концу, а тонкая пепельная пленка не исчезала с поверхности. Он заволновался — эликсир не получается. Что-то было не так. Но что? Он не помнит. Он стал напряженно вспоминать, вспомнил себя, свои вечно темные на кончиках пальцы, вспомнил старого Паоло, который много раз напоминал им: «Кто не умеет быть внимательным, тому здесь делать нечего!» Лука был внимательным, осторожным, пунктуальным. «Лука»! Он удивился — давно уж он забыл свое детское имя. Но с этим именем вдруг ожила память, и он как будто услышал внутри себя голос хозяина: «Лука, бамбино! Главное — это вовремя прикрутить фитиль! Не то состав перегреется и ничего не получится!» Лукрецио радостно вздохнул всей грудью! Вот оно! Как же он забыл такой важный момент! Он принялся за все сначала, но никак не мог создать нужного температурного режима. И лишь с третьего раза он понял, что получается! Жидкость становилась прозрачной, не меняя цвета. Он запел. Наконец он погасил огонек под чашечкой, осторожно перелил в стеклянную посуду и посмотрел на свет. Радость вскипела в его груди. Вот оно! Теперь найти подходящий флакон, подождать, пока эликсир остынет, и перелить его — осторожно, дорожа каждой каплей! Он запел громче и вдруг остановился. Глаза его округлились, брови сошлись у переносицы, и выражение неподдельного изумления отразилось на его благообразном лице. Что он

поет?! Он, почитаемый прихожанами падре Лукрецио, напевает уличную песенку про какую-то Луситу! Падре схватился за голову. Боже мой! Он вспомнил эту песенку, он вспомнил, как ее орали мальчишки ему вслед, когда он проходил по улице с Лоиской, своей подружкой. «Лусита, не верь, береги свой цветник, чтоб опытный вор в него не проник», — мальчишки, мелюзга, приплясывали, распевая, делали непристойные жесты, пока Лоиска в ярости не оборачивалась к ним. Тут они с хохотом разбежались в разные стороны — связываться с Лоиской было опасно, она становилась бешеной...

Падре стоял, как громом пораженный, руки его дрожали, сердце больно колотилось. Вот! Вот кого она напоминала ему, эта Джулиана! Конечно! Те же медные кудри, те же зеленоватые, как у кошки, глаза! Даже ресницы, ресницы! Редкие, но длинные, окружающие глаза как стрелы. Он застонал, покачиваясь и обхватив виски длинными тонкими пальцами. Прошлое, казалось навсегда забытое, хлынуло на него, как прорвавшая плотину река.

ЛОИСКА

Лоиска была разбитная, веселая девчонка лет двенадцати. Дочка прачки. Но, видать, ее папаша очень хотел первенца, мальчика — и все его желание как-то отпечаталось в младенце, который, не успев появиться на свет, сумел раздосадовать своего родителя (кстати сказать, желанного мальчика он получил лишь после четвертой девчонки). Так или иначе, у Лоиски были все повадки мальчугана: она умела все, что умели мальчишки, ее ровесники — свистеть, лазать по деревьям, метко кидать биту. Но она еще, вдобавок, была очень сильная и яростная. Лука же, наоборот, был очень робким мальчиком. Он не любил уличных игр, не умел драться и вообще — всех боялся. Однажды Лоиска услышала улюлюканье в соседнем переулке. Это ее заинтересовало, и она отправилась посмотреть, что там происходит. И в это время на нее вылетел растерзанный подросток, запыхавшийся, с выражением отчаяния и страха на маленьком безбровом личике. За ним неслась свора с криками: «Бей труса! Лупи без пощады!». Беглец, оглядываясь на ходу, врезался в Лоиску, свалил ее и свалился сам. Мальчишки, вылетев из переулочка, пришли в бешенный восторг: «Ай да молодец! — орали они. — Завалил девку! Не такой уж он и трус! Ну чего раззявился? Давай, давай!». Этого уже Лоиска не выдержала. Обескураженная вначале быстротой происходящего, она тут же пришла в себя, озлившись на гнусные намеки «мошкар». Она как пружина, выпрямилась, вскочила на ноги и с маху врезала двум ближайшим обидчикам. «Мошкара» еще больше развеселилась. «У-у-у, великанша! Башка до неба!» — орали мальчишки, разбежаясь в разные стороны. Она погрозила им кулаком и повернулась к Луке. Вид у него был жалкий. Лоиска несколько минут разглядывала его в упор, потом спросила:

— Ты кто?

— Я? Я... Лука, — дрожащим голосом ответил мальчик. Лоиска тряхнула головой, при этом одна темно-рыжая прядка упала на ее тощее плечо.

— Я не о том спрашиваю! Ты кто? Откуда взялся?

Лука глянул на нее и тут же опустил глаза.

— Я у синьора Пабло...кондитера. Там, за ратушей. Маленький желтый дом...

— А, знаю! — перебила его Лоиска. — Знаю! И что?

— Что — «что»? — не понял Лука.

— Что ты тут делаешь? И чего они, мошкара эта, к тебе привязались?

— А-а, — протянул Лука, — меня хозяин послал сюда к заказчику. А эти... не знаю, пристали и вот... — он окончательно замолчал.

— Да-а-а, ты не боец, это точно,— с усмешкой сказала девочка, разглядывая его. Потом тряхнула кудрями и добавила:

— Ну, ничего, больше они тебя не тронут! Это я тебе обещаю! — и она засмеялась во весь свой большущий рот.

Так началась эта странная дружба. Лука был очень занят работой, у него не было времени на гулянье. Да и Лоиска тоже не бездельничала — помогала своей матери полоскать, гладить и разносить белье по заказчикам. И виделись они только по воскресеньям. Лука пел в церковном хоре. Голос у него был поистине ангельский — высокое, нежное, очень чистое сопрано. И в первое же воскресенье Лоиска узнала Луку и, поняв, что это он так сладко поет в церкви, восхитилась.

— Ну Лука! — сказала она ему.— Тебе и не надо быть храбрецом! У тебя такой голос! Да ты поешь куда лучше, чем синьор Качинелли!

С тех пор она дожидалась Луку после службы, и они оправлялись гулять по улицам. «Мошкара» уже давно «сосватала» их и пела им вслед непристойные песенки. А если парочка долго не обращала внимания, в ход шла тяжелая артиллерия. Преследуя Лоиску с Лукой на безопасном расстоянии, мальчишки дружным хором начинали вопить: «Долги ноги, лягушины глазки! Долги ноги, лягушины глазки!» — это все относилось непосредственно к лицу и фигуре Лоиски. На самом деле, она была очень долговязой девчонкой за счет высокой талии и очень длинных ног, что создавало впечатление некоторой несоразмерности. А в глазах ее, круглых, с очень большими блестящими зрачками, и вправду, было что-то лягушиное. Лоиску это не задевало, она считала себя красавицей. Но когда ей надоедал ор, она внезапно резко оборачивалась, растягивала рот двумя пальцами и издавала тигриное рычание. «Мошкара» со смехом улетучивалась, так как знала, что дальше пойдут в ход боевые действия.

Кстати сказать, пение определило многое в судьбе мальчика. Он был сиротой, и заступиться за него было некому. Но вот однажды хозяин услышал, как он что-то напевал за работой. Почтенный Паоло, как все итальянцы, любил музыку, пение и сам, бывало, напевал, попивая с друзьями винцо. Но что это было за пение! И когда он услышал тихий нежный голосок мальчика, он сделал стойку, как собака на охоте, затем приказал: «А ну, Лукито, громче! Ты можешь громче?». Мальчик растерянно замолчал, потом, поощряемый ободряющими кивками хозяина, запел. Сначала тихо, затем все смелее и смелее. «Мамма миа! — воскликнул пораженный хозяин.— Да это ж не голос! Это ж сокровище, дар Божий! Ну пой еще! — приказал он. С тех пор Лука часто пел за работой, улаждая музыкальную душу хозяина. Однажды в лавку зашел что-то заказать важный человек, синьор органист из собора. Войдя, он застыл на пороге, слушая дивное, ангельское пение. С тех пор Лука пел в соборе. Почтенный Паоло полюбил мальчика, как своего сына. А так как на последнего рассчитывать не приходилось — больно он был никчемный парень, бестолковый и ленивый,— хозяин стал постепенно передавать Луке секреты своего ремесла. Главное достоинство лавки было не в леденцах, не в засахаренных фруктах, не в лепешках с миндалем. Люди шли к папаше Паоло, потому что он умел составлять всевозможные мази, сонные зелья, прочие лекарства и яды. Именно эти знания он начал передавать Луке.

«Учись, сынок,— говорил он,— все под Богом живем, не угадаешь, что может случиться. Скажем, вдруг я заболею... Да это я к примеру! — добавил он, заметив тревожный взгляд ученика.— Так только! Ну вот, значит, я заболел, а ты уже можешь и сам кое-что сделать. Составить кое-что. Пока, правда, простые порошки да капли. Но если будешь прилежным да внимательным...»

Луке было двенадцать лет, а Карлите, дочке хозяина, девять. «Вот, годика через три-четыре поженю их и на него дело запишу»,— думал хозяин. Но жизнь повернула все по-своему.

СОБЛАЗН

В пятнадцать лет Лука потерял голос. «Ничего, ничего,— утешал его Пабло,— голос — это не главное. Вот поженитесь через годочек, а там, глядишь, будешь молодой хозяин. А я,— папаша Паоло засмеялся и почесал свой круглый живот,— уйду на покой, внуков нянчить!» Он еще раз засмеялся от такой умилительной перспективы. Но Лука был безутешен. Даже Лоиска, верная подруга, которая, кстати, не подозревала, что ее «жениха» могут оженить без ее участия, и та никак не могла развеять мрачного настроения Луки. И тут в дело опять вмешался соборный органист. Он за эти три года хорошо узнал мальчика, оценил его скромность, смирение, упорство. Он-то и предложил Луке учиться на священника, сказав, что если тот согласен, то за протекцией, деньгами на обучение дело не станет. Есть знатные синьоры, которые охотно снабдят Луку всем, что понадобится, при условии, что, закончив обучение, он вернется служить сюда. В свой город.

Это было так странно, так волшебным, что Лука не сразу мог прийти в себя. Но чем больше он думал и представлял себе служение в церкви, тем яснее ему становилось, что именно это — и ничто иное, может наполнить его жизнь смыслом, гораздо более высоким, чем он полагал в пении. Он согласился. Самое трудное было сказать об этом хозяину, так сжился он с мыслью, что Лука станет его зятем и подельщиком. Взятая за это дело органист. Он долго и подробно описывал пораженному Паоло новую жизнь, ожидающую Луку, почтенность и славу церковного служения и милость Божию, проявленную к бедному сироте. «И, прежде всего, эта милость заключалась в том, что Бог послал на путь несчастного мальчика столь доброго человека, как вы, почтенный Паоло»,— добавил он, чтобы как-то смягчить удар. Но эта уловка была бесполезна. Когда Лука пришел, хозяин встретил его молча, но глаза его были полны такой горечи и укора, что Лука не выдержал. Слезы покатались по его бледным щекам градом, и он упал перед старым Паоло на колени.

— Простите меня, простите! — пролепетал он и, закрыв лицо ладонями, заплакал навзрыд.

Этого хозяин не выдержал — бухнувшись возле Луки, он обхватил его шею руками, прижался лицом к его мокрой щеке и тоже заплакал.

— Ладно, Лука,— выдавил он наконец сквозь слезы,— что ж теперь поделаешь? Видно, Бог тебя призывает... тут уж грех мешать. Но знай, сынок, когда б ты ни приехал, мой дом для тебя останется родным. Не забывай там, не забывай старого папашу Паоло! — и он снова заплакал.

Оставалось только попрощаться с подругой. Когда Лоиска услышала новость, она вскинула брови, открыла рот и с изумлением уставилась на Луку. Потом спросила:

— Чего, чего ты сказал?

— Буду учиться на священника,— угрюмо повторил Лука.

— Ты? На священника?! — и Лоиска расхохоталась. Лука посмотрел на нее в упор и, резко повернувшись, пошел прочь. Догнав его, она схватила его за руку и резко повернула его к себе. Глаза ее смотрели тревожно.

— Нет, ты вправду, что ли? Ты не шутишь?

Лука пожал плечами и ничего не сказал.

— А как же... я?!

Он опять пожал плечами и опустил голову:

— Священники не женятся,— глухо пробормотал он. Лоиска какое-то время смотрела на него непонимающими глазами — и вдруг лицо ее потемнело от прилившей крови, губы вмиг распухли, и Лука испугался, что она сейчас заплачет или бросится на него. Но гордая девушка, удержав уже готовые пролиться слезы, отверну-

лась и быстро пошла, а потом побежала от него в ближайший переулок. Лука стоял и с тяжелым сердцем смотрел ей вслед. Нелегко, очень нелегко оказалось рвать такие привычные, такие прочные узы. И вдруг он понял, нет,— ощутил всем существом, что вся прежняя жизнь стремительно утекает, как бы сливается в некую огромную воронку. И он стоит теперь один над неведомой бездной. И некому уже больше помочь ему. Теперь за все придется отвечать и расплачиваться самому.

...Лука не приезжал два года. В семинарии ему очень нравилось. Все дышали одним духом, не было никакого раздвоения, напротив, царила соревновательность, не переходившая рамки допустимого. Предметы были крайне интересные, хоть приходилось и трудно, много надо было заучивать наизусть. Но у Луки, как у всех музыкальных людей, была острая хватка на интонацию языка. И к середине второго года он уже шел по латыни первым.

Наконец, после окончания второго года, на летних каникулах он решил посетить свой родной город. Старина Паоло встретил его с большой радостью. Он долго вертел Луку в разные стороны, рассматривая его лицо, фигуру, а потом удовлетворенно изрек:

— Да ты, мальчик, уже настоящий мужчина! Эти годы пошли тебе впрок!

Появилась Карлита и, увидев гостя, смущенно застыла на пороге. Огромный живот натягивал ее платье, как спелый арбуз. Паоло засмеялся и похлопал Луку по плечу:

— Как видишь, мы тут тоже время не теряли! Карлита уже год замужем. А вот и зятек мой!

На пороге появился рослый парень с румяными щеками и бровями, сросшимися в одну прямую черту. Он хмуро взглянул на гостя.

— Э! Э! Что глядишь? — со смешком заговорил хозяин,— это ж наш Лука, наш маленький аббатик!

Парень широко улыбнулся, расставил руки и произнес густым басом:

— А! Слыхали, слыхали! Как же! Витторио! — и, схватив огромной лапицей руку растерянного Луки и, чуть не раздавив ее, начал долго трясти, покрывая и кивая головой.

— Ладно, ладно,— вступился за гостя старый Паоло,— оставь руку-то его, она ему еще пригодится! Перекусить пора. Да и вина выпить! — и он добродушно подмигнул Луке.

Лука никуда не ходил, только в церковь и изредка — в семейство Паоло. Он не хотел видеть никого, с кем было связано его прошлое. У него было заветное местечко на берегу реки, где он любил, растянувшись на траве, почитать что-нибудь из полюбившихся ему латинских подлинников. Особенно он любил Вергилия. Место и в самом деле было хорошее: высокий берег и рослые кусты делали его невидимым. Луке порой казалось, что он один во всем мире, наполненном солнцем, тихим плеском воды и монотонным стрекотом кузнечиков.

Однажды его одиночество было грубо нарушено. Лежа на животе и держа перед собой книгу, Лука услышал гул голосов, возгласы, смех. Звуки приближались. Шли женщины. Скоро они приблизились так, что можно было расслышать обрывки фраз. Лука чуть раздвинул ветки и увидел их. В основном это были пожилые женщины, и лишь одна из них, стройная и высокая, явно была молода. Женщины стали раздеваться. «Купаться пришли», — подумал Лука с испугом и уткнулся в свою латынь. Но никак не мог сосредоточиться. Крики становились веселей, послышался шум от плюхнувшихся в воду грузных тел. Лука не выдержал и снова раздвинул ветки. Две женщины уже были в воде, еще две стояли на берегу совершенно голые, и Лука увидел удивительную вещь: тела их были белы, а руки от локтя до кончиков пальцев были багровы: казалось, что с них снята кожа. Это поразило Луку так, что он не мог

оторвать взгляда. Потом он вдруг сообразил: прачки! Да, это были прачки — от непрерывного пребывания то в горячей, то в холодной воде их руки постепенно приобретали отвратительный вид голого мяса. У молодой еще не было этого резкого контраста, но все же кожа от локтя была розовой, в то время как все тело светилось нежной белизной. Лука заморожено следил за девушкой. Вот она сняла нижние юбки, вернее, выскользнула из них, как узкая белая рыбка, освободила волосы — и пышная пелена темно-рыжих, в красноту, блестящих на солнце волос окутала ее стройное длинное тело. Маленькая грудка выглянула, сверкнув из пушистых кудрявых прядей. Девушка повернула голову, что-то со смехом сказав пожилой своей товарке, — и у Луки чуть не остановилось сердце — он узнал ее! Это была Лоиска — несомненно, она, хоть он не видел четко черт ее лица. Лука в ужасе уткнулся лицом в книгу, зажмурился, словно в ней он тоже мог увидеть Лоиску. Шум и плеск воды вернули его из шокового состояния, и он, весь дрожа, снова глянул вниз. Лоиска уже была в воде. Она плыла сильно, стремительно и с тонких ее рук срывались, блестя на солнце, струйки воды...

Лука решил срочно бежать из города. Страшная картина все время стояла у него перед глазами. Ему нестерпимо хотелось увидеть Лоиску, схватить ее за руки, жадно впиться глазами и рассмотреть, какая она стала. Старый Паоло удивился, когда Лука пришел к нему прощаться: «Что это ты так с лица спал, Лукито? Заболел, что ли?» Но еще больше он удивился, когда услышал, что Лука уже через два дня уезжает. Ведь до назначенного срока оставалось еще две недели. Лука ничего не стал объяснять, да и не мог же он, в самом деле, сказать, что бежит от какой-то девчонки. Он просто сказал: «Так надо». Но уехать ему без новых ран не удалось. Лоиска видела его в соборе и все ждала, что он придет с ней повидаться. Потом она догадалась, что Лука ее избегает. За день до его отъезда она подстергла его у дома соборного органиста, где Лука остановился по любезному предложению хозяина.

Выходя из дома, Лука буквально наткнулся на девушку. Она стояла в несколько вызывающей позе, уперев руки в бока.

— Ну, и как это называется? — вместо приветствия спросила она. Лука от неожиданности онемел, он смотрел на нее изумленными глазами, потеряв дар речи. Он так хотел ее увидеть, хотел рассмотреть! И вот она перед ним, стоит и сама в упор разглядывает его. Постепенно испуг сменился в душе Луки восхищением. Лоиска сильно изменилась. Куда девалась ее долговязость, угловатость! Она была просто высокой, стройной, с какими-то текучими, нежными линиями тела. И рот уже не казался таким большим, и глаза как-то удлинлись. Ничего «лягушачьего» в них не осталось. Были только прежняя дерзость и лукавство. И вдруг Лука вспомнил реку, тонкое белоснежное тело с розовыми руками, струи воды, обтекающие эти тонкие руки... Лука густо побагровел и сделал движение — бежать. Но Лоиска цепко схватила его за руку.

— Это так принято в твоей семинарии, да? Так надо встречать старых друзей?!

Лука снова дернулся, но бесполезно — Лоиска с детства была очень сильной, и нынешняя хрупкость ее тела оказалась обманчивой. Держа руку юноши, словно в железном капкане, она продолжила, уже открыто издеваясь:

— Хорош женишок! Невесту свою уже не хочет узнавать!

Лука взглянул на нее с такой ненавистью, что она сразу осеклась.

— Не женишок я тебе, — заговорил он, медленно наливаясь гневом, — и ты мне не невеста. Ты... ты... Ты враг мне — вот кто ты! — крикнул он ей, словно выплюнул, в лицо и, вырвав руку, быстро пошел прочь.

НЕОБРАТИМОСТЬ

Падре Лукрецио был аскет. Он много молился, нередко — по ночам. Мало спал, мало ел. Был не стяжатель. Жил он в простейшей обстановке и всячески приучал себя к смирению. Его любимым чтением были святые отцы. Читал он их в оригинале. За годы служения его некрасивое, безбровое лицо приобрело некое одухотворенное выражение, скромную умильность. Глаза всегда смотрели со вниманием. Четки не сходили с его рук. Но жила в его душе некая тайна, скрытая от людей. Вернее, их было две. Но являлись они в последовательности. Первая тайна — это Лоиска. Именно с ней было связано появление аскезы. Давно это началось. Когда он, совсем юный, позорно бежал из города (хотя кто знает, может, и не позорно, а, наоборот — героически). Он решил вообще не возвращаться туда никогда. Но все же он был связан обещанием. Пришлось прибегнуть к помощи духовника. Тот знал всю историю и понимал, чем грозит безбрачному священнику подобная ситуация. Поэтому перед рукоположением Лукрецио, его духовник спросил аудиенции у монсиньора Квардуччи и, рассказав ему о положении своего подопечного, попросил на пять лет направить его на служение в дальнюю провинцию. И Лука, теперь уже падре Лукрецио, начал поход против своей предательской памяти.

Образ Лоиски преследовал его и мучил и во сне, и наяву, особенно во время молитвы. Вот тогда-то, по совету своего епископа, большого аскета, он принял за то, что у подвижников называется «умерщвление плоти». Мало сна, минимум еды, многочасовые ночные молитвы. И частая исповедь. И что же, года через два колдовской образ стал таять, терять над ним власть. Он научился даже во сне, не пробуждаясь, прекращать соблазнительные видения. А еще через три года он решил, что может спокойно возвращаться на родину. И на самом деле, ему удалось убедиться, что годы аскезы не прошли даром.

Как-то, выходя из церкви, он увидел высокую, красивую женщину с пышной грудью, с крутыми боками. Она стояла и пристально смотрела на него, пока он спускался по ступенькам паперти. Она явно ждала его. Падре всмотрелся. Лицо ее явно было знакомым, хоть он и не мог вспомнить, где же он видел ее.

— Не узнаете, падре? — спросила женщина приятным грудным голосом.

— Н-нет, что-то не припоминаю,— не слишком уверенно ответил он. Глаза женщины, серо-зеленые, опущенные острыми, прямыми ресницами, неувовимо изменились, Что-то лукавое и озорное мелькнуло в них. И падре вспомнил!

— Узнали,— удовлетворенно протянула она, заметив, как внезапно расширились его зрачки.

— Узнал,— вполне спокойно и даже приветливо ответил падре. Он был готов к этой встрече, и неожиданность не смутила его.

— Конечно, я изменилась. Еще бы! Мне уже двадцать четыре года. Вполне взрослая! — засмеялась она.— К тому же, у меня уже четверка детей в подоле путается,— она опять засмеялась. Падре улыбнулся.— А вы тоже изменились. Такой... такой симпатичный, благообразный! — последнее слово она протянула, как показалось Лукрецио, со скрытой усмешкой. Явно, она вспомнила того робкого, худенького мальчика, которого когда-то защищала от назойливой «мошкеры».

— Конечно, изменился,— спокойно ответил падре,— да и ты...настоящая матрона. Кто теперь вспомнит девчонку-драчунью! — он улыбнулся.

— Джулио! Джулио! — вдруг закричала Лоиска.— Иди сюда! Ну! Муж мой. Такой увалень,— добавила она, поворачиваясь к падре. Из-за колонны вышел мужчина и смущенно, приблизившись, поклонился ему.

— Благословение возьми, идол эдакий! — со смехом сказала Лоиска. Джулио неловко протянул руки для благословения и оглянулся на супругу.

— Вот так-то! — усмехнулась она, затем спросила у падре.— Ну как, ничего у меня муженек? — и сама ответила.— Неплохой, худого не скажу. Вот только одно — тюфяк тюфяком! — припечатала она и рассмеялась. Джулио, видно, давно привык к манерам жены и тоже улыбнулся. Но во взгляде его читался некий вопрос.

— Ах, да! — спохватилась Лоиска.— Я же не познакомила вас. Это мой муж. Как вы уже поняли. А это... Помнишь, Джулио, я тебе много рассказывала про своего дружка, Луку? Так вот, это он и есть! — и, довольная произведенным впечатлением, сложила руки на животе. Джулио опять покраснел и нерешительно глянул сначала на падре, потом на Лоиску.

— Да не бойся ты! Падре уже давно все позабыл. Не так ли, святой отец? — с вкрадчивым лукавством спросила она.

— Так, так,— вполне любезно ответил Лукрецио,— но простите, мне надо торопиться. Рад был повидаться,— и он повернулся, чтобы уйти.

— Постойте, падре, а меня ведь вы не благословили,— и, подойдя под благословение, поднимая голову от его руки, добавила,— а пятого мы придем крестить к вам.

И только тут он заметил, что она беременна.

С тех пор прошло двенадцать лет. Образ бывшей подружки не беспокоил его никогда. Да и ничего в этой грузневшей и стареющей женщине не напоминало ту стремительную и яростную девчонку, которую он знал много лет назад. Эта тайная язва перестала жечь его душу. Но постепенно на смену ей пришла другая, с которой он тоже боролся проверенным некогда способом. Только теперь акцент приходился не на пост, а на исповедь. Со временем его все больше стало уязвлять его скромное положение. Давно уже его бывшие товарищи по учебе обогнали его. А он все еще, после стольких лет беспорочной службы, простой священник. И ничто как будто не предвещает ему продвижения. Он видел, что превзошел образованностью многих своих коллег, что вполне мог бы принять на себя более высокие обязанности. И все же он старался всячески смирять себя, понимая, что это в нем говорит голос тщеславия, скрытой гордыни. И теперь, когда Христос поручал ему великое дело примирения, этот тайный голос заговорил с удвоенной силой. Падре потерял всякую осторожность, он впал в восторг, хоть всегда знал, что восторженность — самое опасное состояние. С ним произошло то, что в аскетике именуется набегом, когда давно, каза-

лось бы, побежденная страсть вдруг налетает стремительно, как ураган — и, улетая, оставляет за собой развалины...

Бедный падре! Как ужасно было пробуждение прошлого! Куда подевались его смирение, его спокойствие в любых ситуациях? Он бегал по комнате, схватившись за голову. Потом падал на колени, истово молился, плакал. Но обольщение не проходило. Вызванное приходом этой знатной, но уже испорченной девицы, видение приобрело над ним страшную силу. Лоиска, выскальзывающая из юбок, входящая в воду, плывущая, ее темные от воды волосы, длинные пряди которых, как змеи, обвивают нежное тело, ее маленькая снежная грудка... Все это не только стояло перед внутренним взором. С ужасом падре ощутил телесное движение, нараставшее со стремительностью урагана. Он упал на пол, растянулся, раскинув руки в виде креста и молил, молил Мадонну вступить за него. Приступ, как будто, стал ослабевать. О, Мадонна, Царица, заступница наша!

В это время кто-то тихо поскребся в дверь. Падре поднял голову, дико взглянул в сторону двери, прислушался. В дверь снова постучали. Со стоном он поднялся и пошел к двери, все еще находясь в пространстве прерванной борьбы. Открыл дверь. На пороге стоял мальчик.

— Падре,— робко произнес он, пораженный странным видом священника, его безумным взглядом, спутанными волосами,— падре, я... я за эликсиром.

— Каким эликсиром?.. Ты кто? — Лукрецио все еще был вне себя.

— Молодая синьорина прислала. Она сказала, что вы знаете,— так же робко пролепетал мальчик. Тут Лукрецио разглядел в его одежде цвета семейства Капучилли.

— А-а! — простонал он и потер лоб. Он вспомнил. Ничего не говоря, он вошел в комнату. Взял флакон с зельем и протянул его мальчику.

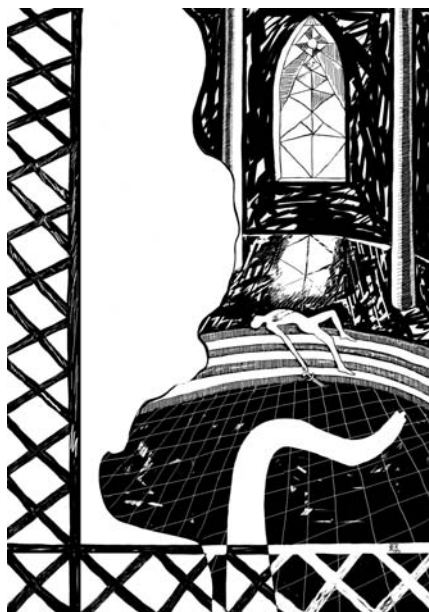
— На. Иди,— отрывисто произнес он и, толкнув мальчика, закрыл за ним дверь.

Постояв несколько мгновений посреди комнаты, он упал на колени и заплакал.

...Падре проснулся. Оказывается, он спал лежа на полу. За окном стояла глубокая тьма. «Боже мой! — содрогнулся падре,— что это было?!» Он обхватил голову руками и закачался из стороны в сторону. «Прости меня! Прости!» — бормотал он. Потом встал, зажег свечу и стал медленно, непрерывно бить поклоны. Он уже успокаивался, как вдруг страшная мысль иглой проколола сердце и мозг. Он вспомнил, что не написал, не сказал, как принимать эликсир, дающий глубокую летаргию. Ведь в большой дозе это яд, сильнейший яд! Его надо было принимать в течении трех дней, каждый раз удваивая дозу. Да и количество его было рассчитано на двоих!

Все в нем застыло от ужаса — ни одна мысль не шевелилась. Только этот ледяной страх. Он резко дернул головой. Надо что-то делать! Но что?! Первым его движением было — бежать. Бежать к дому Капучилли. Он уже схватил шляпу, но тут же остановился. Что, что он скажет привратнику? Что ему нужна молодая синьорина? Сейчас? Посреди ночи? Невозможно было ничего сделать. Ничего! Полная безысходность! Как он, опытный священник, аскет, знающий все правила и ловушки духовной жизни, как он мог попасть в столь ужасное положение? Он может стать причиной смерти двух юных существ и вместо мира принесет горе и страшную скорбь! Сам дьявол вмешался в его беспорочную жизнь! Именно дьявол прислал к нему эту блудницу! А он еще расчувствовался и влез в это грязное дело.

Он подбежал к окну и уткнулся воспаленным лбом в прохладное стекло. Он плакал, нет, не слезами раскаяния, он плакал слезами ярости. «Бестия! Колдунья! Блудная девка! Пришла к нему под видом смирения! Да нет! Какое смирение?» Он вспомнил смелый взгляд девицы, вспомнил, как она прижала его руку к своей груди! Падре зарыдал в новом приступе ярости и отчаяния. И безлунная ночь тускло смотрела на него сквозь оконное стекло...

СМЕРТЬ РОМАНО

Старая Домника, кряхтя, пристраивалась в своем просиженном кресле. В эти безумные дни сон оставил ее, она засыпала на краткие мгновения, которые не давали ни отдыха грузному телу, ни ясности мысли. Думы, одна тяжелей другой, одолевали старуху. Она без конца казнила себя за то, что не обратилась к синьору Оттавио в тот страшный вечер, когда ее молодая госпожа металась между жизнью и смертью! Да и как было решиться на такое предательство? Никогда, никогда бы Джулиана не простила ей, если бы по ее вине ей пришлось расстаться с Романо. «О-о-о! — застонала старуха. — Да кабы знать, что из этого всего выйдет, я бы ни минуточки не помедлила, отобрала бы этот проклятый пузырек и побежала бы к синьору, невзирая на ночь!» Домника бессильно всхлипнула. Мысли ее переметнулись на другой предмет — на собственное положение в этом доме. В эти страшные, суматошные дни, когда даже сама непреклонная, гордая госпожа потерялась, а синьор Оттавио вообще обезножел, о ней, старой няньке, все забыли. Это было благо. Иначе неизвестно, как бы они с ней поступили. Теперь она, хоть и слабо, но все же надеялась, что ее просто сошлют в деревню. А там уж она как-нибудь пристроится, хотя из родных у нее остались только внучатые племянники. Ну да с деньгами все же не пропадешь. А она скопила кое-что за годы своей службы, ведь она когда-то нянчила старших сыновей синьора, а уж потом — и свою голубочку! При мысли о Джулиане старуха вновь залилась слезами. Так она и заснула незаметно, пока кто-то не затряс ее за плечо. Она испуганно встрепенулась и открыла глаза. Над ней склонился незнакомый мужчина.

— Спишь, старая ведьма! — прошипел он, склоняясь к ее испуганному лицу.

— Кто? Кто это? — вскрикнула Домника одними губами — голос отказал ей.

— Не узнаешь! — свистящим шепотом крикнул он. — А как кошелек хватала, так знала, от кого берешь! Теперь-то, небось, больше получила, а?!

И тут Домника узнала его.

— Синьор Романо! — в ужасе вскричала она, невольно заслоняясь руками.

— А-а, узнала!

— Узнала, узнала! — затараторила она, инстинктивно ускоряя речь, надеясь все и сразу объяснить. — Горе, горе-то какое! Я все глаза проплакала. Голубочка моя, касаточка! — запричитала она и залилась слезами. Романо молча смотрел на нее сверлящим взглядом, и его молчание еще сильнее пугало старуху. Да и вид его вызывал у нее содрогание. Ничего не осталось в этом лице от юношеской сверкающей красоты. Округлость щек спала. Проступили скулы, и нос заострился, как у покойника. И лишь глаза, окруженные глубокой тенью, жили на этой неподвижной маске, горели темным пламенем мести и боли.

— Говори, кто? Кто купил тебя?! — Романо снова сильно тряхнул старую няньку.

— Да кто же мог меня купить! — закричала старуха. Романо зажал ей рот.

— Не ори! Услышат! — приказал он. Домника испуганно закивала головой.

— Вы не знаете синьорину! Ей, если что войдет в голову, — все, конец! Никто не остановит! — заговорила она быстрым шепотом. — Мне самой все это не нравилось, да я и не понимала, что она задумала. Падре прислал какой-то флакон, а она, бедняжка, всю ночь! — тут Домника не выдержала и снова зарыдала.

— Что — всю ночь, что? Говори!

— Всю но-очь то смеялась, то застывала как статуя. Мне даже страшно стало. Я ее уговаривать, а она как крикнет: не лезь, старая, не то прогоню! — и плечи старухи снова затряслись. Романо молча смотрел на нее, явно что-то обдумывая. Вдруг Домника схватила его за руку и жарким шепотом заговорила:

— А вы, синьор, благодарите Мадонну, что сами живы остались! Ведь и для вас была приготовлена отравка эта! Да не дошла до вас! — и старуха истово перекрестилась. Романо изумленно уставился на нее.

— Да-да, и вам понесли склянку!

— Кто понес?

— Рикко. Прачкин сынок. Царство ему небесное! — и она снова перекрестилась. Губы ее скривились, но Романо не дал ей заплакать.

— Да говори же ты! — крикнул он, крепко тряхнув ее за плечо.

— Под утро синьорина велела привести мальчишку, написала записку и дала ее вместе с пузырьком, наказав крепко-накрепко, что если записка попадет в чужие руки, то ей и вам, господин, смерть будет. Мальчишка побежал и больше не вернулся!

— Куда ж он делся? — нетерпеливо проговорил Романо.

— Он... он, — Домника заплакала и продолжила сквозь слезы, — его поймали в вашем саду, сразу по одежде поняли, откуда он, и бить начали! А он, бедняжка, пузырек-то тот в кусты бросил, а записку в рот сунул. Когда отняли, она уж вся сжеванная была. Но один, сатана быстроглазый, заметил, куда он кинул что-то. Стали искать и нашли! И тут же... тут же заставили выпить!

— И что? — почти крикнул Романо.

— Что? Что? Да то, что он выпил — и свалился, как подкошенный, к их ногам. Бедная Аньеза, как убивается! Сынок-то единственный был! — и старуха окончательно разревелась. Романо стоял над ней в глубоком раздумье. Услышанное ошеломило его. Падре! Почему? Как он мог желать их смерти? И почему Джулиана выпила эту отраву и прислала ее ему? Неужели она хотела умереть? В тот миг, когда все уже было готово к побегу. И только то, что он был послан в Неаполь по делам отца, отсрочивало их счастье. Нет! Что-то здесь было не так, чего-то он не знает!

— Значит, падре? — спросил он странно спокойным голосом. Старуха закивала головой и глянула на него с испугом.

— Синьор, синьор, — заговорила она, складывая для убедительности руки на груди, — что это вы задумали, синьор? Оставьте, оставьте Богу, ничего уже не поправишь, а вас Он бережет.

* * *

Город спал. Нигде ни огонька. Только кое-где прогуливались стражники, охранявшие покой спящих горожан. Недалеко от собора двое из них тихо переговаривались, спрятавшись от ветра в глубокой нише. Вдруг мимо быстро прошел мужчина в глубоко надвинутой шляпе. Стражники молча проводили его взглядом, но одному из них что-то внушило подозрение.

— Пойдем, Энцо, посмотрим, куда пошел этот синьор,— сказал он.

— Да ну! — ответил ему приятель.— Чего смотреть-то? Небось идет от своей красоти.

— Не-ет,— протянул первый,— никак нет. Разве от бабы так резво скачут? Что-то мне этот синьор не понравился! Пойдем, пойдем, итак застоялись!

Энцо пожал плечами, и оба стражника неторопливо пошли по спящей улице.

Падре Лукрецио читал канон и не услышал, а скорее почувствовал, что кто-то вошел и стал за его спиной. Он резко обернулся и вздрогнул: перед ним стоял Романо и пристально глядел на него. Падре с внутренней дрожью всмотрелся в его глаза — что в них? Горе или смерть? И увидел в них мрак, глубокую бездну. На мгновение промелькнуло ощущение, что стоящий перед ним — мертв. Нет, он, конечно, стоит, смотрит и, наверное, пришел разговаривать, но он уже мертв! Усилием воли падре отогнал неприятное чувство и кратко помолился про себя. Все это время Романо молча смотрел на него.

— Сын мой, какое горе! — кротко произнес падре, но пришелец не ответил. Он еще ближе шагнул и, приблизившись вплотную, так же молча прожигал священника непонятным, пугающим взглядом.

— Хорошо, что ты пришел ко мне, сын мой,— продолжил Лукрецио, стараясь говорить как можно спокойней.

— Я не сын тебе, и ты мне не отец,— заговорил, наконец, Романо,— я судья твой и палач.

— Судья? Но у нас один есть судья — Господь Бог! — воскликнул падре.

— Молчи, не произноси имя Божие,— бесстрастно приказал Романо,— отвечай только на мои вопросы.

Падре молча смотрел на него, взвешивая, насколько он опасен.

— Скажи, зачем ты хотел убить нас? Меня и Джулиану?!

— Я вовсе не хотел этого, видит Бог! — воскликнул падре, складывая молитвенно руки на груди.

— Как видишь, я жив,— продолжил Романо, будто не услышав сказанного.

— Возблагодарим Мадонну! — горячо произнес священник, но Романо, схватив его за ворот одежды, прошипел ему в лицо.— Я спрашиваю, зачем?

— Отпусти меня, я все объясню,— как можно спокойнее сказал падре.

Тиски разжались. Падре повел головой и начал говорить. Романо слушал, не отрывая глаз от его лица.

— Я клянусь тебе всем святым, что есть в этой жизни и будущей,— заговорил падре,— что я старался помочь вам. Больше того! Я хотел примирить, наконец, ваши семьи, покончить с враждой!

— Над нашими гробами?

— Да! Но вы не должны были умереть, нет! Этот эликсир давал глубокий сон, похожий на смерть. А через два дня после похорон вы должны были ожить! И уж никто, никто бы не посмел препятствовать вашему соединению! — он невольно воодушевился, и его волнение передалось Романо. Он вышел из каменного оцепенения, и глаза его сверкнули.

— Так может, она просто спит?! — воскликнул он. — И план не удался, потому что я еще жив?

— Нет- нет, сын мой, увь! Она на самом деле мертва... Страшное недоразумение произошло, вмешательство дьявола, никак не иначе!

— Как вы можете это знать?! — воскликнул Романо. — Ведь не прошло же еще этих дней! Ее только сегодня похоронили...

— Знаю, — глухо сказал священник, — она должна была пить эликсир три дня, каждый раз удваивая дозу... и лишь на третий день она бы заснула... А она заснула в первый же день!

— И что это значит? — не понял Романо.

— Это значит... — падре замолчал.

— Ну! — крикнул Романо и угрожающе надвинулся на него.

— Она приняла все сразу.

Глаза Романо потухли. Он молчал. Вдруг некая мысль, как молния, пронзила его. Он схватил священника за ворот одежды и, глядя в самые его зрачки, прохрипел:

— Так, говоришь — сразу? А почему? Почему?! Разве ты не объяснил ей? Не растолковал, как надо его принимать?!

Падре растерялся. Как объяснить этому, потерявшему от горя всякое самообладание, юноше то, что произошло? Рассказать, как Джулиана своим приходом нарушила весь ход его жизни. Поломала такими трудами добытый душевный мир? И что он теперь не может и гадать, как и чем обернется для его жизни эта трагедия? Ничего он не сможет объяснить этому разъяренному человеку!

— Молчишь! — Романо опять схватил его за ворот. И тут волна предательского гнева нахлынула на священника и поглотила все его благоразумие.

— Это я! Я должен у вас вопрошать! — закричал он срывающимся голосом. — Как, впав в столь тяжкий грех, вы еще смеее что-то от меня требовать! Как она смела прийти? Не на исповедь, не на покаяние! Ее сам дьявол прислал — разрушить мою жизнь, мой подвиг!

Глаза Романо расширились. Лукрецио стало страшно, но он уже не мог остановиться.

— Блудница! Дьяволица! — кричал он. Тут стальные руки схватили его за горло, и он захрипел. Все крепче сжимались пальцы на горле задыхающегося падре.

— А-а! Что я говорил тебе! — раздался внезапный крик, и руки стражников рванули Романо от его жертвы. Он в бешенстве оглянулся и попытался вырваться. Но две пары рук держали его цепко. В этот миг падре застонал, и один из стражников, отпустив Романо, бросился к нему. Этого было достаточно. Романо освободившейся рукой молниеносно выхватил стилет и коротким, мощным ударом всадил его себе под дых...

ИНТЕРДИКТ*

Площадь перед собором была забита народом. Люди стояли стиснутые, как сельди в бочке. Они висели на деревьях, фонарных столбах. Конечно, все балконы и даже некоторые крыши были заняты любопытствующими. Не только смерть двух юных детей враждующих семейств собрала их здесь, хотя это страшное событие потрясло весь город: последние три дня только и было толков об этом. Но главным событием сегодняшнего дня был приезд известного на всю Италию проповедника, каноника Риенцо Дуно. Его прислал Рим. Да, дело это не смогло укрыться за стенами города, ведь в нем был замешан священник. И само по себе оно выходило из ряда не столь

* Интердикт — запрет на богослужения.

уж редких смертей, случавшихся в результате поединков. Нет, эти два юных тела, стоявшие на украшенных цветами одрах перед соборной папертью, символизировали нечто столь значительное, сколь и ужасное для судеб самой Вероны, что это чувствовали и понимали все жители города, от мала до велика.

Одр Джулианы, принесенный из склепа, был покрыт тонким белым покровом: тление уже тронуло тело девушки. Одр Романо был открыт. И всех поразило его лицо: изможденное, темное, со страдальческой складкой губ. Ему никак нельзя было дать его семнадцати лет. Сидевшая у одра Симонетта ди Монтано неотрывно смотрела на горький лик своего сына, и тихие слезы непрерывным потоком струились по ее запавшим щекам. Отец и старшие братья Романо стояли за ее спиной, и все: их позы, руки, нервно сжимающие эфесы шпаг, их тяжелые взгляды — все говорило о страшном гневе, сдерживаемом великими усилиями и готовом неудержимой яростью прорваться, как только наступит подходящий момент.

Другая картина рисовалась на стороне Джулианы. Дон Оттавио вообще обезножил, когда услышал страшную весть, и сюда, на площадь, его принесли в паланкине. Он сидел, свесив голову на грудь, и какое-то бормотание, прерываемое изредка всхлипами и стонами, исходило из его уст. «Что он говорит?» — то и дело спрашивали в толпе. Но расслышать было невозможно: голос его был слишком тих. Дона Власка стояла, выпрямившись, вскинув голову и ни на кого не глядя. Лишь изредка, когда бормотание и всхлипы становились сильнее, она косо поглядывала на своего мужа, и брезгливая гримаска презрения трогала ее плотно сжатые губы. Уж она-то знала, что он там бормочет. Он говорил только одну фразу, только ее и повторял бесконечно: «Бедная девочка! Она приходила ко мне за помощью и я, я! оттолкнул ее!». Больше от него ничего не слышали, и он вообще не реагировал ни на какие вопросы и обращения.

Теобальдо, старший, был потрясен не только смертью сестры, но и ее таким неожиданным коварством! Он теперь понимал, зачем она приходила к нему, когда его ранил ненавистный ди Монтано! Не его рана, не его страдание устрало тогда неверную сестру. Нет, она тряслась за жизнь своего любовника! Теобальдо почти не смотрел в сторону братьев Романо. Зато туда кидали угрюмые взгляды его младшие братья Энрико и Лючано, озлобленные и полные страстного желания, похожие на молодых волчат, рвущихся к добыче...

Все это зрелище наблюдалось и непрерывно обсуждалось толпой. Но вот тяжелые двери собора открылись — и вышла целая толпа духовенства. Почти всех горожане видели впервые. Они узнали только своего епископа и настоятелей других веронских церквей. Епископ благословил народ, он и остальные отцы помолились. Затем вперед выступил высокий, худой священник с совершенно невыразительным, бесстрастным лицом, прорезанным продолговатыми морщинами. Это и был проповедник. Он встал, скрестив руки на груди, и устремил задумчивый взор на тела возлюбленных. Толпа замерла. Но проповедник молчал. Глубокая тишина водворилась на площади. Дона Власка взглянула на него в пристальном ожидании. Наконец он открыл уста и заговорил. Так тихо и спокойно, что в толпе зашелестело: «Что? Что он сказал?». Он чуть повысил тон голоса — и все услышали неожиданные слова:

— Когда я был юн, как этот мальчик, — и он медленным движением простер руку в сторону одра с телом Романо, — да, когда я был так же юн, у меня была невеста. — Он поднял глаза, и легкая тень улыбки чуть тронула его уста. — Ах, как она была хороша, моя Флоретта! И как же я любил ее... — Голова его склонилась на грудь. Народ застыл в глубоком изумлении. Симонетта ди Монтано подняла голову и заплаканными глазами взглянула на каноника. Он почувствовал ее взгляд и, повернувшись к ней, воскликнул полным, глубоким голосом: — Да, она была прекрасна, и я горячо любил ее... но за три дня до венчания она умерла!

Симонетта вздрогнула и закрыла лицо руками. Народ глухо ахнул. Проповедник молча обвел площадь глазами и после паузы заговорил, ровно роняя слова:

— Я думал, что умру... сойду с ума от горя... Лишь потом, намного позже, открылось мне, что Господь уготовил для меня гораздо более высокое, неизмеримо более высокое предназначение, чем то, что я тогда мыслил,— служить Ему, служить всей жизнью своей! Всем духом и телом!

Голос каноника зазвучал с необоримой силой, глаза его наполнились светом и дерзновением. Толпа шумно передохнула, лица людей разгладились. Проповедник снова задумчиво посмотрел на народ и сказал:

— Действительно, разве может наш бранный ум понять, увидеть истинный смысл событий, когда они роковым образом свершаются в нашей жизни. Только один Бог знает, зачем Он посылает то или иное испытание нам, грешникам! — он грозно взглянул на толпу, затем медленно повернул голову к одру, покрытому тонкой пеленой.— Бедная девочка! — глухо произнес он.— Она хотела жить. Она любила... И она не думала умирать! — Он посмотрел на толпу с таким гневом, что люди невольно попятились назад, отдавливая ноги стоящим позади.— Вы! Вы убили ее! — Он резко выкинул руку и обвел ею пораженных родственников. Симонетта зарыдала в полный голос. Сыновья ее набычились, а Дона Власка непримиримо вскинула голову. Толпа рокотала.

— И вы! — крикнул проповедник яростно.— Вы все — виновники смерти этих детей! Это не только дети Капучильо и ди Монтано! — это ваши дети, дети города Вероны!

Народ ахнул.

— Да-да! — крикнул каноник.— Десятилетиями лилась среди вас кровь! Лучшие юноши убивали друг друга! Или вы думаете, что кровь, которую пили площади и мостовые вашего города, не вопияла к Богу? О не-ет! Всему когда-то приходит конец...

Голова его упала на грудь, и он замер как статуя. Никто не смел шелохнуться. Вдруг он поднял голову и обвел площадь сосредоточенным, полным внутренней силы взглядом.

— А я знаю! Дерзаю утверждать, что мне ясен тайный смысл этого горестного события.— Он помолчал и затем бросил в толпу отдельно, как камни, семь слов:

— ЭТО ВАША СТРАШНАЯ ЖЕРТВА... ВО ИМЯ МИРА!

Люди окаменели. Помолчав, он снова заговорил:

— Милосердный Бог! Он протягивал к вам руки... Да, именно они,— он бросил полный печали взгляд на два неподвижных тела,— они готовы были дать всем чудесную весть, весть о мире... о прощении... о Христовой любви! В их телах могла соединиться кровь обоих семейств. И рожденное ими дитя могло принести долгожданный мир... мне известно больше: они дерзнули совершить во имя любви великий грех — они соединились без брака! Без благословения своих отцов... грех! И они вкусили его последствия.

Пока он это говорил, смятение охватило два враждующих клана. Никто из этих семейств не мог даже предположить такого. И сейчас этот приезжий каноник перед всем городом огласил их позор! От проповедника не ускользнули ни гневные взгляды, ни заломленные руки. Он видел все. И сказал в ответ:

— Не вы ли сами толкнули своих детей на преступление?! Я вижу лишь одного человека, который кается, который сражен не пощечиной своей родовой гордости, нет, он сражен горем! — И мягким жестом он указал на сломленного синьора Оттавио.— И вижу я еще одну скорбную мать.— он проникновенно взглянул на Симонетту.— А вы! Вы и сейчас, перед этими гробами, полны злобы и ненависти! И тем самым вы оправдываете отчаянные поступки ваших детей! Вот ваша жертва — Романо. Самоубийца!

Симонетта, рыдая, упала на колени.

— Плачь, плачь, мать! Слезы твоего покаяния, хоть я уверен, что именно ты ничего злого не совершила, слезы твои так нужны твоему бедному сыну.

В толпе послышались отдельные стоны, всхлипывания и, наконец, вся площадь заплакала.

— Люди! — крикнул священник. — Я хочу хоть немного утешить вас! Да, это имеет вид самоубийства. Но было ли оно? Был ли этот человек, — и он снова указал на Романо, — в состоянии контролировать свои поступки? Нет! Отчаяние целиком поглотило его разум — сама последовательность событий говорит нам об этом. И повторяюсь, сказав, что это не самоубийство, — это убийство! Ваша ненависть заселила город демонами. Даже священник, отец Лукрецио, пал жертвой их коварства. Он совершил недолжное. Но он хотел дать городу мир. Он составил напиток, который мог создать лишь подобие смерти. И рассчитывал, что внезапное оживление детей примирит враждующие кланы... Сейчас он предстоит пред церковным судом. И суд решит его участь, — добавил он устало.

Площадь шумела. Слишком потрясающие вещи говорил проповедник. Епископ взглянул на него. Каноник властно поднял руку. Народ послушно замолчал.

— Все события и все участники их подтвердили один непреложный факт — НА ЗЕМЛЕ, ЗАСЕЯННОЙ ГРЕХОМ, НЕ МОЖЕТ ВЫРАСТИ ПЛОД ПРАВДЫ.

Он замолчал. Все напряженно ждали продолжения. Но он, повернув вдруг просветлившееся лицо к плачущей Симонетте, произнес нежно:

— Не бойся, мать. Хоть по канону мы не сможем отпевать твоего сына, я сам буду его предстателем перед Всевышним. Я буду умолять Его! Бог всемилостив. И я горячо верю, что он помилует твоего сына.

Симонетта подняла глаза, полные благодарности к этому незнакомому человеку, который понял ее самую главную скорбь, и вот — дает ей надежду. Народ зашумел, уже радостно. Проповедник поднял руку.

— А теперь — самое главное, — произнес он спокойно и твердо, — я приехал примирить вас. И если вы пожмете друг другу руки в знак мира, Господь примет жертву ваших детей как необходимую и не будет судить их строго.

Он скрестил руки на груди и обвел семейства взглядом. Обе семьи были в смятении. Мужчины кидали друг на друга мрачные взоры. Желваки пробегали по их скулам. Симонетта, вскинув молитвенно руки, кидалась то к сыновьям, то к мужу. Те упрямо гнули головы. В другом семействе картина была более однообразна. Дона Власка стояла, как статуя, ни разу не дрогнув, не повернув головы. Теобальдо отвернулся от своих врагов. Народ зашумел.

— Ну что же! — перекрывая шум, грозно крикнул каноник. — Вижу, что каменные сердца нельзя растопить никакими увещаниями. Но клянусь святыми ранами Христа, я не уеду из этого города без мира! У меня, вернее, у Церкви есть оружие, которое ломит любую гордыню. Я объявлю интердикт!

И он замолчал. Страшный смысл его слов мгновенно дошел до всех. Семейства тревожно переглянулись, народ загудел. И тогда проповедник крикнул всему этому сборищу: «ДА! ДА! Вы меня правильно поняли — я запечатаю ваши церкви! Вы будете жить в грехах ваших и не сможете покаяться! Не сможете ни крестить, ни венчать, ни отпеть. Никого! А вы, гордые враги, — он метнул гневный взгляд на Дону Власку, — вы становитесь причиной общего бедствия! И я не завидую вам.

— Власка, Власка! — раздался слабый, полный мольбы голос. — Смирись, молю тебя, смирись!

Это синьор Оттавио взывал к своей непреклонной жене. Он даже попытался встать, но не смог — ноги не держали его, и он со стоном рухнул на свое ложе. Симонетта сделала два шага и протянула руки.

— Синьора! — слабым голосом заговорила она. — Нам больше нечего делить... И детей нам не вернуть... Не будем вызывать еще больший гнев Господень. Смотрите: наши мужья и сыновья уже готовы протянуть руку мира. Неужели мы с вами, слабые женщины, подвергнем весь город такому тяжкому наказанию! Ведь нас с вами проклянут!

И она закрыла лицо руками. Дона Власка только слегка покосилась на нее. Вот она, ее соперница! Жалкая, ничего не осталось от той нежной красоты, которой пленялся Оттавио. Дона Власка отвернулась. И тут она услышала за своей спиной угрожающий гул. Она повернулась на этот гул и вздрогнула: на нее с ненавистью смотрели сотни глаз! Толпа зашевелилась и придвинулась к ней, рыча. И тут впервые Дона Власка испугалась. Растеряннo глянула она на мужа, на соперницу. Симонетта протягивала к ней руки с такой кротостью, с такой странной, невозможной любовью в исплуканных глазах, что сердце Власки толкнулось в груди, забилося тревожно и часто. И гордая женщина невольно сделала шаг вперед. Симонетта бросилась к ней, и голова Власки упала на тонкое покрывало, скрывающее поседевшие кудри былой соперницы. Грудь Власки расширилась, казалось, сейчас разойдутся ребра. Хриплое рыдание вырвалось из-за стиснутых губ. И в тот же миг необычайная, непередаваемая сладость излилась в ее впервые смирившееся сердце...

СОЛНЦЕ НАД ГОРОДОМ

(Эпилог)

Солнце, солнце... Стоит в самом зените. В самом расцвете дневной силы. Льет на город свои беспощадные лучи, смотрит на него из самого центра небес. Все сверкает под его великолепными лучами: блестят отшлифованные лошадиными подковами мостовые, блещут вывески над разнообразными лавочками. А мраморные ступени парадных лестниц в домах знатных горожан как будто тают от великого жара солнечных лучей. Не блестят только окна домов, они узкие, и стекла в них вставлены глубоко, создавая внутри прохладу. Многие фасады обвиты вьющимися растениями, сплошным ковром покрывающими стены, что создает в комнатах дополнительную тень — люди в городе не любят жары, не любят яркого солнца. Поэтому они в этот час, час его торжества, попрятались по домам, как по норами.

У солнца нет плеч. Оно не может пожать их недоуменно. И вообще, оно равнодушно к людям. Оно глядит царственно, бесстрастно.

Сказать, что улица совершенно пуста, нельзя. Вон Беппо, как всегда, сидит у своей лавочки, под вывеской-кренделем, и наигрывает на издававшей видах облезлой цитре. Беппо! Ему и зной нипочем! Он — горский парень. Спустился когда-то со своих гор, и дядька пристроил его к пекарю. Удачно пристроил. Беппо усердно служил ворчливому хозяину, можно сказать, обхаживал его. Но еще усердней служил он хозяйской дочке — носатой, грудастой Марцелле, перезрелой, но очень капризной невесте — несмотря на обилие женихов, которых весьма привлекали денежки ее папаша, она так и не остановила своего выбора ни на ком. Видно, ждала его, Беппо. Достойный плод усердия предприимчивого горца обнаружился столь поздно, что папаше не оставалось ничего, кроме как благословить парочку. Соседи, конечно же, заметили, что плод любви появился намного раньше положенного, но что делать! Посудачили-посудачили — да и переключились на более свежие новости. Зато теперь Джузеппе второй, то есть Беппо младший уже бойко стоит за прилавком лавочки, давая отцу возможность празднично посидеть на табурете возле входа. Беппо младший распечатал обильную женину утробу, и из нее так и посыпались мальчишки и девчонки, так что Беппо старший теперь за столом сам-десятый. Что ж ему гневить Бога — все хорошо. Дело процветает, семья большая, дружная. Вот

он и сидит, терзая свою бывалую цитру, распевая во все горло горские гортанные напевы...

Улица постепенно оживает — солнце переместилось за полдень. Вот проскакал запыленный всадник. Видно, издалека. Наверняка заглянет в таверну дядюшки Уго. Нет, поскакал дальше. Видно очень торопится.

А вот — юная синьорина. Как изящно переступает ножками! Лицо прикрыто фатой — ей ни к чему загар, личико должно быть всегда беленькое. За ней плетется дуэнья. Тощая и желтая. Ишь, брови сводит! Недовольна, наверное, что в такую жару ее вытащили из дома. А синьорине хоть бы что! Скользит, как лодочка. А правда, куда это она в такую жару собралась?

Солнце смотрит на город. Оно уже заметно переместилось. И народу на улицах все больше и больше. Вот несут паланкин. Какая-нибудь знатная дама восседает за малиновой сторкой. Носильщики идут мерным шагом, легко, будто несут перышко, а не живого человека. Золотистые, отполированные их лапищами поручни паланкина лежат на их плечах покойно. Возле стены высокого, с башенкой, дома стоят три молодых синьора. Увидев приближающийся паланкин, они стаскивают с голов береты, шляпы и усердно кланяются. Дрогнула на мгновение и приоткрылась сторка, глянул любопытно черный смеющийся глаз — и паланкин проплыл дальше, унося очаровательное виденье...

Все больше и больше народу на улицах. Слышны отдельные всплески разговоров, кое-где — смех. А вон — запели. И как хорошо поют!

Люди уже не прячутся, не боятся солнца. Да и что его бояться? Истощило уже дневную силу, склоняется к закату. Нет уже в лучах царственности, величия. Скорей, меланхолия. Свет ровный, мягкое тепло.

Закатные лучи остановились на высоком строении с широкой лестницей, с мраморными вазонами, из которых струится к земле густая, пышная вьющаяся зелень. На втором этаже растворено окно, отдернуты шторы. У окна, облокотясь о подоконник, почти высунувшись из рамы, повисла девочка с темно-медной копной волос, с ниточкой жемчуга на тонкой шее. Она страстно, напряженно вглядывается в людей на площади. Кого она там высматривает? Пока что слышны только обрывки знакомой песни. Она знает ее и тихонько допевает отдельные пропадающие слова. Эту песню любит ее брат, Теобальдо. А вот и он оказался, наконец, в поле ее зрения. С высоты дома он не такой уж большой. Он и его три друга кажутся стройными мальчиками. Они идут, обняв друг друга за плечи, и задорно орут свою веселую песенку. Теперь девочка слышит все слова и, как всегда, не понимает ее героиню, красотку Люческу.

Что плачешь, Люческа, над сломанной розой?

О-ля, ля-ля, ля-ля.

Что льешь запоздалые горькие слезы?

Ля-ля, тра-ля, ля-ля.

Зачем же калитку ты в сад открывала

И позднего гостя в калитку впускала?

О-ля, тра-ля, ля-ля!

Девочка недоумевает: что плакать над сломанной розой? Вон у них в саду сколько! И если вдруг они поломаются, садовники тут же насадят новые.

А песни уже нет, звучит смех. Подбадривающие выкрики. В лучах заходящего солнца, словно серебряные нити, поблескивают шпаги. Это двое друзей затеяли звонкую шутиливую перебранку. Девочка в восторге! Как свободны ее брат и его друзья! Идут, куда хочется, делают, что хотят. Девочка завистливо вздохнула: ну почему

я не родилась мальчиком?! Тряхнула энергично головой и еще ниже свесилась с подоконника, так, что толстые ножки не доставали до пола.

— Ах, негодница! — послышался ворчливый старческий голос. — А вот пожалуюсь матушке, что тогда! — Девочка отскочила от окна, старуха задернула шторы. — Сколько раз говорено, а толку нет! — продолжала она. — Ведь так и выпасть можно, и заболеть. Вон какой прохладой тянет! — И она закрыла окно. Девочка вытянула важно губы и показала язык старухиной спине.

И на самом деле, за окном струилась прохлада. Солнце садилось. Его лучи мягко легли на темнеющую зелень сада, тронули скользящим золотом янтарную сливу, пурпурный бок граната. Эти нежные, почти бессильные лучи окрашивали наступающие сумерки чуть грустным, щемящим очарованием. Солнце прощалось с остывающими улицами, площадями, садами. Воздух чуть трепетал, готовясь к ночному покою. Земля блаженствовала.

GLORIA...

GLORIA...

GLORIA MUNDI...*

* *Gloria mundi* — слова из известного латинского выражения: *Sik tranzit Gloria mundi* — Так проходит слава мира.

Ольга Пономарева-Шаховская
(г. Москва)

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

Повесть. (Часть 2)*

Москвичка, окончила Московский электротехнический институт связи, инженер-электромеханик. Работала в проектных институтах. Стихи и прозу пишу с 1998 г. Публиковалась в альманахах: «Истоки», «Озарение», «Стихосвет», «Протуберанцы», «Белая Скрижаль», «Московский Парнас». Автор 4-х книг: «Образ мысли — стихи» — 2000 г., «Мозаика» — 2002 г., «Ходики» — 2004 г., «Стихия» — 2008 г. Подборка стихов вошла в Антологию Современной поэзии «Созвучья слов живых», т. 6, изд. «Московский Парнас», 2011 г. Член Международного сообщества писательских союзов и Союза писателей России.

ОБЕД

С мая установилась необычайно теплая погода. Санька жил с бабушкой и дедушкой на даче. Дедушка и бабушка — «деды» недолюбливали ее, потому что бытовая неустроенность лишала их доли необходимого комфорта, к которой они привыкли в городе.

Вдруг бабушка внезапно заболела, и Санька уехал в Москву. Оставлять ребенка одного — нельзя: мал еще. У отца сохранился большой неиспользованный отпуск за период командировки. Санька предложил ему взять отпуск, чтобы отдохнуть, используя хорошую погоду, и построить возжеланный погреб.

Отцу дали полмесяца. Все заботы, связанные с садом, лежали на родителе, он стал строить погреб, так что кухарить было некогда. Мать подводила балансы, рассчитывала премии в Москве.

Однажды Сашка и Лешка пошли на пруд, а дело было к обеду. Успели искупаться по разочку. Вдруг видят, по бугру-гребешку, отделяющему территорию военного аэродрома от территории совхоза, кто-то идет знакомой прихрамывающей походкой. Отец хромал с детства, и никакие врачи-знахари не помогли ему преодолеть недуг.

— Пап, ты чего пришел? А как же обед? — спросил удивленно Санька.

— Стоит на керогазе, — сказал отец и добавил любимую поговорочку: — Пес его дери!

— И кто за ним смотрит? — поинтересовался Санька.

— А что за ним смотреть? Готовится и ладно! — подвел черту повар.

Накупавшись вволю, не замечая бег времени, о котором им настойчиво напомнили желудки, ребята с отцом пришли домой.

— Сегодня, — заявил он, — французская кухня. Первое блюдо — суп под названием «Жуи де плюи», второе — «Кормилиус».

— А биточков по голове и гуляша вокруг стола не будет? — хитро спросил Лешка.

* Окончание. Начало см. в «ПЗ» № 2/2012.

— Нет, не бойся. Этого нет, — сказал отец и налил суп в тарелки.

Супчик оказался дивного, неподражаемо ярко-зеленого цвета и при этом совершенно безвкусный. Выяснилось, что приготовлен он был из уже открытых и случайно забытых консервов, названных, если следовать надписи на этикетке, борщом. Первое блюдо, по сути, целиком и полностью соответствовало названию, данному ему отцом, и незамедлительно полетело в компост.

«Кормилиус» представлял собой вполне сносную еду, особенно на голодный желудок. Картошка с тушенкой — милое дело со свежими огурцами, ароматной зеленью с грядки и репчатым луком, а если еще туда добавить томат-пасты, то за уши не оттащить.

Была бы мать в отпуске, она бы не допустила подобного волонтаризма и «не стала бы кормить ребенка чем попало».

Во время дачного сезона многие садоводы питались тем, что привозили на своем горбу, или купленным в деревне молоком. Иногда выручали овощи с огорода. В Сашиной семье было жестко заведено трехразовое питание, не зависимо от того, где она в данный момент находилась в городе или на даче.

САМОВАР

На даче Дед любил ставить самовар. Это был целый ритуал. С незапамятных времен жил в доме самовар фирмы «Баташовъ» на одно ведерко, с медалями на «грудь», серебряного блеска, если его часто чистить кусочком кирпича, не допуская зелени цвести на его боках.

Сначала, хмураясь и кряхтя, Дека сливал остатки воды, вытряхивал из самовара золу. Снизу растопочная труба закрывалась круглой самодельной металлической крышечкой с петелькой. Была до нее заводская решетка, да прогорела.

Дед ставил самовар на улице, на специальной площадке из двух вкопанных в землю кирпичей возле «ветряка» — деревянного столба, выходящего из асбоцементной трубы. Столб сверху венчал деревянный крашеный флюгер в виде самолетика, выточенный отцом.

Дедушка никогда не носил самовар с холодной водой, он наливал колодезную воду (водопроводная хранила «стойкие воспоминания» о трубах в виде ржавчины) из ведра прямо на месте для растопки. На дощечке рубил чурочки тоненькие и маленькие, чтобы свободно проходили в трубу. Огонь разводил, поджигая газету, потом добавлял мелочь-щепки, а за ними «кормил» огонь чурбачками.

Трубу на самовар он не надевал до тех пор, пока огню не станет тесно и он не станет выполаживать наружу. Как надевал трубу, так она начинала «гудеть», а иногда из нее вымахивал огонь. Труба была сделана им из металлического листа, края которого он завальцевал в шов. Нагревалась она быстро — плюнешь — шипит, и Дед брал ее тряпкой.

Перед окончанием процесса Дека клал в топку несколько шишечек, дающих смоляную «отдушку». Защитная полоса из деревьев, посаженных садоводами для отгораживания участков от мощного ветра, гулявшего по соседним полям и аэродрому, изобиловала елями, поэтому запасливым хозяевам шишек всегда хватало.

О том, что самовар кипит, Дед узнавал по возникновению пузырей в отверстии для выпуска пара. После этого обдавал кипятком заварной чайничек, клал 3—4 ложечки заварки и, под настроение, либо три листочка перечной мяты, успокаивающей нервы, росшей в конце участка напротив коричной яблоньки, либо брусничного листа для выгона солей, иль земляники для дыхательных путей со «смородовым» листом. А для пущего аромата — вишневого листа, надерганного с прореженных веток и высушенного годом раньше.

Потом Дед приносил самовар и ставил его на почетное место во главе стола. Самовар еще пыхтел, и дух на веранде стоял особенный — пахло древесным дымком.

Тут же мать и бабушка собирали на стол: чашки, блюдца, ложки, домашнее варенье, которого в доме всегда водились «моря», сыр, масло, колбасу и хлеб. Очень любили класть колотый сахар, щипчиками коя кусочек на части. Сейчас такого в столичных магазинах не сыщешь, а вот на рынке иногда попадается.

Домашние любили пить чай из самовара. Дед священнодействовал, и лицо, глаза его светились тайной радостью приобщения к приятному занятию.

На следующие сутки вода в самоваре остывала, ее пили.

Ближайший колодец выкопали посередине участков у дома сторожа на Центральной улице давным-давно, когда Санька еще дошколенком был. Оттуда в ведрах таскали чистейшую воду, слегка «обогащенную» известняком, но последний при кипячении выпадал в осадок, образуя на внутренних стенках самовара белесый налет.

Много позже, после Деки, на участке вырыли колодец о девяти кольцах, на него поставили деревянный домик-крышку. В колодце забило три ключа.

А самовар до сих пор жив и радуется домочадцев.

МУЖИКИ

Николай возвращался домой после ранения.

Будучи человеком осторожным и неглупым, подъезжая к Москве, он бросил трофейный «вальтер» через разбитое окно тамбура электрички куда-то в частый березняк, столпившийся у железнодорожного полотна. Несмотря ни на что, он считал себя счастливым человеком. Может быть, потому что тихо верил: Бог помогает людям в трудных жизненных ситуациях.

Николай женился еще до войны, вернулся домой на своих ногах, сейчас у него подрастал сын. А тот горький период его жизни (существование в концлагере трудно было назвать жизнью) не озлобил, не ожесточил сердце солдата, не заколотил досками недоверия вечно распахнутую настежь душу. Он уважал всех на свете, считая, что в каждом человеке есть искра Божья. Познав боль утрат, унижение и разочарование, он бережно относился к окружающему миру: никогда ни на кого не кричал, жил дружно с соседями, говорил тихим, как бы извиняющимся, голосом. Однако пережитым ни с кем не делился, лишь изредка позволял себе смахнуть застарелую горечь в наполненный доверху граненый стакашек, да и опрокинуть его залпом, притупливая тяжелые воспоминания, постоянно бередившие измученное сердце.

В начале 50-х Николаю — человеку заводскому — выделили участок в восемь соток под Москвой. Знай — копай да корчуй спиленный кем-то лес. Вместо лебедок и прочих средств механизации — топор, молоток да крепкие руки. Мужик он был справный, трудолюбивый. Со временем построил дом из того, что сумел достать. Печки в нем не было. Потом на важных чертежах, изображавших будку, разрешенную тогдашними властями (одноэтажное строение для хранения садово-огородного инвентаря), откуда ни возмись, появилась, как бы нарисованная детской шаловливой ручкой, аккуратная печная труба. Народ поверил в сказку, которая непременно станет былью и начал спешно обзаводиться печками.

Поскольку Николай с женой открывали дачный сезон в апреле, а заканчивали в октябре, как правило, после Покрова, то печь им была просто необходима. Встала она красавицей из красного кирпича в большой комнате. И обед сварить можно, и воды для мытья вскипятить, и погреться — будьте любезны. Одна досада, при растопке кирпич неудержимо пах аптекой, но домочадцы привыкли.

Годы летели. Хозяин пристроил к дому терраску. К тому времени он стал дедом.

Внука Лешку возили каждое лето к деду с бабкой для укрепления здоровья и отдыха. Лешкин отец подался подзаработать куда-то на север, да и сгинул. Лешкина мать работала закройщицей, заказов много, на сына времени не хватало, с ее согласия внука стали воспитывать дедушка и бабушка — «деды».

С апреля они продавали в гарнизоне, что находился поблизости, соленые огурцы, высыпав их из трехлитровых банок в эмалированное ведро. От одного вида их у опытного гурмана нет-нет, да и зачешется во рту, а по обеим сторонам языка поползут тягучие слюнки. Продавали раннюю зелень, редис, позднее — помидоры, ягоды, яблоки, все то, что произрастало на участке и могло принести доход в тощий семейный кошелек.

Лешкин дед, Николай Сергеевич — мастак на всякие инженерные придумки, изменил до неузнаваемости обетованный клочок земли. Он организовал корневой полив деревьев.

Скорее всего, на аэродромной свалке, куда он навещался по весне, пока шныряющих везде дачников было мало, Сергеичу удалось раздобыть манометры. Установив их на водопроводные трубы от водонапорной башни, он мог контролировать уровень заполнения ее водой. Рядом с домом хозяин выстроил железобетонную кухню, сильно смахивавшую на трансформаторную будку. Крыши всех строений участка, как диковинные головные уборы, были украшены причудливыми флюгерами из жести и стальных труб.

Плиты на дорожках участка дед делал сам из бетона и арматуры, но часть дорожек была покрыта железными листами с круглыми отверстиями. Листы он приволок с того же благословенного аэродромного Клондайка. Во время войны их скрепляли по длине и ширине, чтобы получалось целое поле для посадки самолетов — передвижной аэродром. Приземляясь на такое поле, самолеты издавали звук подобный ударнику в оркестре. Вездесущие мальчишки говорили, что в войну там стояли самолеты эскадрильи «Нормандия-Неман».

Как-то у деревни Лешка нашел целое мальчишье богатство — настоящий немецкий кинжал со стертým символом принадлежности к войскам СС. Его клинок из желтоватой стали был обломан так, что до рукоятки оставалось сантиметров 20. Он одинаково плохо поддавался заточке и плохо тупился.

«Деды» никогда не запрещали внуку заниматься стрельбой дома. Сергеич говорил: «Мужик должен уметь стрелять!» А бабка, помалкивая, думала: «Все на глазах. Видно чем занимается».

При явном попустительстве «дедов» Лешка со своим закадычным дружкой Санькой, что тремя годами старше, устраивали на терраске настоящее стрельбище. Сначала с расстояния пяти метров из «духовика» они целились в детские кубики, потом, воткнув спички всером в спичечный коробок, отстреливали им серные шапочки.

У деда было ружье 16-го калибра, которое он держал незаряженным. Он раздобыл сигнальных патронов и дал пострелять ребятам, словно из ракетницы. Зеленые и красные огоньки украсили темное небо. На салют это, конечно, не тянуло, но все равно здорово!

Как-то летом дед устроил стрельбы. Во вскопанное поле воткнули кол, на него повесили умыкнутую из хозяйства трехлитровую банку.

Дед и Санька с Лешкой отошли на почтенное расстояние, метров на 50. Первым стрелял Лешка. Промазал. Дед осерчал. Санька снес полбанки случайно, так как не ожидал, что это ружье имеет такой мягкий и быстрый спуск, а команда «опробовать оружие» не прозвучала.

Лешка занимался спортом, но разрядов не имел, хотя из любой драки уходил с честью. Он был курнос, мускулист, высок, голубоглаз, носил длинные ухоженные

волосы, писал стихи, не боялся службы в армии, с детства нравился девчонкам, и сам приударял за какой-нибудь новой смазливой мордашкой. Он — пижон: обожал носить на шее яркий платок или серебряную цепочку, модные брючки с прорезными карманами. Вот учился паренек плохо. В восьмом классе он с ужасом думал об экзаменах. Но, поймав в дачном пруду ветрянку, Лешка счастливо увернулся от ожидаемой публичной экзекуции.

Молоко тогда носили из деревни. Молочница Марья, молодая дородная девушка с русой косой, розовощекая, с голубыми глазами, полуприкрытыми густыми ресницами, была ни дать ни взять русской красавицей. Дед млел, находясь рядом с ней, ему стоило больших трудов не коснуться или, еще того хуже, не ущипнуть ее. Чтобы никто не догадался о его сердечной слабости и скрыть смущение, он напускал на себя строгий вид.

Однажды Марья принесла в лукошке трех котят.

— Возьми, Сергеич, хоть одного, топить тварь божью рука не подымается, а кормить, куда к шутам! У меня уже есть кошка,— говорила, будто всхлипывала, молочница.

— Ты, Марья, покажи моему внуку. Он охоч до всякой живности. Жили в доме кроли. Он со своим приятелем Санькой до чего додумался: совать им под лапы детский барабан, да и слушать кроличьи концерты. Потом хомяка где-то купил, ну точно крыс, только окрас рыжий! И кормили эту тварь нормально, а он, словно из голодного края, проел дыру на новых Лешкиных брюках. Леха, до тебя тут пришли, — крикнул дед в сторону сарая, где мальчишки увлеченно клеили бумажного «змее».

— Чего, дедушка?

— Кошечку хочешь? Так иди, смотри.

— Ой, деда, какие махонькие, пушистенькие. А вот этот трехцветный, богатый. Марьюшка, это кот или кошечка?

— Да кошечка это, милый, кошечка. Смиренькая, ласковая. Ишь, как смотрит, будто понимает чего, животинка подневольная.

— Ты это, вот что, Марья, на лето только возьмем, как в пионерлагерь. Как бишь ее звать-то, Мурка, что ли?

— Мотей. Она на Мотю откликается. Спасибо, мужики.

Чего только Лешка и Санька над бедной Мотькой не творили. Измеряли ее бабьим сантиметром от носа до хвоста, взвешивали на безмене в авоське, а потом записывали полученные результаты в специальную тетрадку. Ребята пытались ее дрессировать, но смышленная кошечка оказалась с норовом, и ребячьи задания выполнять категорически отказывалась.

Каждый день Леша наливал ей молока, чему Мотька была несказанно рада. В сентябре Марья пришла за отпускницей. Куда там, кошара прижилась у Лешки и не захотела уходить: как неизвестная доселе миру птица, взвилась она на самый верх пятиметровой груши, не порадовавшей своих хозяев за все время существования ни одним плодом, цеплялась за тонкие ветки, истошно крича от страха, поскольку дерево слегка качалось от ветра.

Пришлось Лешке выручать животное. Как мальчик не упал, не знает никто. Спасенная кошка тут же юркнула под дом, откуда ее, уже умудренную опытом, даже с помощью карманного фонарика достать было невозможно.

Чем старше становился дед, тем чаще посещали его грустные мысли о прошлой жизни, и это было заметно по глубоким морщинам, опускавшим уголки рта вниз. Сеансы принятия «успокоительного» участились.

Как-то дед-аккуратист забыл помыть за собой стаканчик. Бабка, как всегда, копалась в огороде. Через приоткрытую дверь с победным видом влетела оса. Она окинула хозяйским глазом оставленный на столе натюрморт, но прельстилась лишь не-

сколькими каплями жидкости в стаканчике. Допив их, она сделалась совершенно пьяная. Сначала Сашка хотел прихлопнуть любительницу спиртного, но интерес пересилил неприязнь к зловредному насекомому, от укусов которого его отец распухал до неузнаваемости. Оса попыталась взлететь из стаканчика, но не смогла. Леша положил его на бок, тогда она выползла наружу и села на стол.

— Будь я насекомым, я б наверно услышал, как ей плохо. Смотри,— сказал он Саньке.— Она, наверное, вздыхает и собирается с мыслями, как наш сторож, а, может, матерится, складно расставляя слова, как Петька Попов.

— По-моему, она не в себе. У нее проблемы с вестибулярным аппаратом,— авторитетно заявил Сашка.— Не может взлететь. Наверно, думает, что с ней все в порядке, потому что — хорошее настроение: хочется летать и петь, как на празднике. Но вот окружающий мир качается и плывет, а она, бедняга, от этого в шоке.

Оса расставила лапки пошире, чтобы крепче уцепиться за уплывающую опору, потом взлетела сантиметров на 20 вверх. Вскоре ее начало кренить влево, и она упала на стол спиной. Чуть полежав в неудобном положении, она перевернулась на брюшко и раскинула крылья, желая обсушить.

Посушив их на холостом ходу, она попыталась повторить полет. Но опять неудача: оса снова перевернулась и, к огорчению команды болельщиков, оказалась на столе.

Разочарованные мальчишки переключили свое внимание на щекастые помидоры, семейкой лежавшие на подоконнике. Дед берег пасленовые и запрещал Лешке их трогать. Дескать, сорт редкий.

У садоводов принято раскладывать на подоконниках сортовые яблоки или помидоры да огурцы, подаренные соседями на семена. Неправдоподобно красны были эти помидоры для июля. Они зазывно блестели пузатыми бочками.

— Леха, как твои «деды» получают такие красные помидоры, когда у всех они еще совсем зеленые?

— Дедушка сказал, редкий сорт, скороспелые. Давай попробуем по одному?

— Тебя накажут.

— Тю, накажут — ремень покажут. Тумаков не дадут, убегу на пруд!

Леха, предвкушая поэзию вкуса, отрезал толстый ломоть черного ржаного хлеба, посыпал его крупной солью и откусил бочок почти полпомидора-сына, а Санька положил в рот целиком помидор-дочку. Вместо привычной сахаристой сладости и вкусного сока, рты мальчишкам обожгло словно огнем. Леша не выплюнул, а стойчески прожевал отраву и доел оставшуюся часть. Поначалу его голова работала четко, в памяти всплыло случайно увиденное действо: дед из бутылочки со спиртом, как доктор, набирал жидкость тонкой иглой в шприц, затем укалывал многократно в то место зеленого плода, где раньше рос цветок. Укол делался в каждый сектор, чтобы огненная жидкость разливалась, словно кровь по сосудам в человеческом организме. Вот оно, срослось! Ребята уже успели узнать вкус водки, и дедова хитрость была раскрыта.

Пришел Лешка с вечеров поздно, так как долго выяснял, кого же все-таки он любит — белокурую розовощекую Татьяну или пышную и ласковую Галину.

Бабушка долго пыхтела, но дед только тихо оправдывался. Дело кончилось миром.

ДЕТСКАЯ МЕСТЬ

Костер для ребят был не просто ежевечерним ритуалом, где пеклась картошка, «травились» байки и анекдоты, пробовали вино, крутились романы, он стал для них местом общения, пространством без взрослых. Костер — магический атрибут детства.

При воспоминании о нем в Санькиной душе разливалось тепло. Жгли его на неудобье, на земле, не принадлежавшей ни садоводческому товариществу, ни совхозу, там, где дорога поворачивала вниз и спускалась к пруду.

В тот вечер ребята, по обыкновению, принесли мытой картошки, собрали сухие ветки, разожгли огонь и расселись вокруг.

Неспешный разговор еще не обрел устойчивого русла, как вдруг явился «Горына Гиеныч» или «Г» в кубе», он же — Геден Геннадьевич Горшков. Мелкий мужичка с препротивной лисьей мордой, «востренькими» глазками, эдакими микро-рентгенчиками и елеин визгливым голосочком. Ему всегда мешали все везде и всюду, поэтому он считал себя в праве совать свой, уже сломанный кем-то нос в любое дело, и с ходу начал орать:

— Что это вы тут костры жжете?! Сады спалить хотите?!

Патологическая привычка сгущать краски выдавала его, как начинающего психопата. Единственный обладатель автомобиля на садах, он ставил свою «Победу» за забор участка, заботливо укрывая ее брезентом.

— Дядь, вы че? Мы тихо-мирно сидим, никому не мешаем. Сегодня воскресенье, у нас культурный досуг и поджигать ничего не собираемся, — ответил Леха, против обыкновения спокойно. На садах он считался неуравновешенным малым, с ножом в кармане, поэтому народ с ним предпочитал не связываться.

Но «закрученный» на работе и зажатый дома властной женой и вздорной любимицей «дочкой», Горын «закусил удила».

— Знаю я вас, шпана подзаборная! Материтесь, аж пыль к дороге прилипает, курите, пьете. Вон девушки с вами. Приличные все по домам, сидят книжки читают и по кострам не ходят. Разврат один да и только!

— Почему один, дядь? Вы уж четыре насчитали, — простодушно ответил Миха.

— Ишь, шкет, и ты туда же. Молоко на губах не обсохло! Все матери скажу. А еще в Министерстве работает! Интеллигентная, а сын... Много воли взяли! Вот вызову милицию, мало вам не покажется! — С этими словами он вытащил из-за спины и вылил в костер большую банку воды.

Настроение «скисло», и они поплелись по домам, но решили непременно отомстить психопату.

— Проколоть колеса — банально, да и подозрение упадет на нас. Нет полета мысли, а душа требует. — авторитетно заявил Санька.

— Эх, раскрасить бы ее по трафарету, — мечтательно протянул будущий художник Валерка.

— А че, можем! У нас в соседнем доме подъезды красили. Я «бесхозные» валики умыкнул, на них цветочки-листочки — бабская марцеваль — тиснение такое. Строители работу закончили, а их бросили, — изрек хозяйственный Миха.

— А я краску у деда в сарае видел, — поддержал Леха. — Мужики, забориста зараза до изумления. На брюки неделю назад капнул, свести до сих пор не могу, скоро дыра будет. А на его линяло голубой машине, слепой заметит, к бабке не ходи!

— Не дрейфь, салага, если будет густо, растворителя добавим, — сказал Саша.

Дождавшись ночи, мальчики выскользнули из родительского поля зрения, прихватив с собой необходимые инструменты и материалы.

Скинув брезент, прикрывавший машину, они принялись за работу в три руки при свете фонаря. В творческом порыве мщения валики мелькали, и за полчаса все было закончено. Краска сохла на редкость быстро. Закрыв брезент и спрятав улики, удовлетворенные «художники» пошли спать.

Рано утром, наскоро позавтракав, Санька соврал бабушке, что ему срочно надо на пруд, где он договорился встретиться с Лешкой, чтоб ловить рыбу. На самом деле это занятие паренька никогда не занимало.

Саша дошел до плотины, там ребята обычно прыгали с «тарзанки», и встал на самое высокое место, чтоб «заценить масштаб разрушений».

«Гиеныч» с гордым видом в костюме, при галстук и в белой рубашке, с портфельчиком в руке открывал брезент на своей «лошадке», отвернувшись от нее, любуясь поднимающимся солнцем и вдыхая, утренний аромат трав, слушая неумолчное пение птиц.

Он повернулся, чтобы поставить портфель и сложить снятый брезент, да и застыл в позе страдальца-радикулитчика. Рот его стал медленно открываться и хватать воздух, а глаза вылезали на лоб. Последнее Саша не различал, а лишь представил глупую физиономию «Гиеныча» по непередаваемой энергичной жестикуляции.

Издали коричневатые цветики с листочками на выгоревшей машине смотрелись стройными рядами клякс. Казалось, увидь Горын на машине бегемота, он удивился бы меньше.

Ветерок донес сочный витиеватый мат. Горшков в сердцах бросил портфель, брезент, пиджак, ослабил галстук, колупнул ногтем краску, попытался оттереть. Краска въелась насмерть. Он еще посутился около машины несколько минут, а потом пошел пешком вызывать милицию, находившуюся в двух километрах от садов.

Молоденький участковый, было рьяно взявшийся за дело, расспрашивал ребят, но те впали «в несознанку», а улики не нашлось. Выяснив обстоятельства, милиционер догадался, чьих рук это дело.

Несмотря на главенство порядка и закона в цивилизованном обществе, он, внутренне соглашаясь с мальчишками, ощущал себя одним из них и оценил глубину мысли... «Хулиганы костры жгут против пруда». Ну какие это хулиганы, обычные ребята, сами такими были, может, еще озорнее. Костер рядом с водоемом гораздо безопаснее, чем на территории садового товарищества, если уж на то пошло.

Победовладельцу участковый объяснил, потребуется время, чтобы разобраться в этом деле, припугнул Горына, что ему придется приезжать в участок для подписания протокола в рабочее время. Однако заверил потерпевшего в том, что обязательно будет информировать его о ходе расследования и виновных непременно накажут по всей строгости советского закона.

Горшков перекрасил машину в темно-синий цвет и перестал оставлять ее за забором. Построил гараж, завел брехливую шавку, такую же, как сам. И мимо пруда больше не ходил. Костер ребята больше не разводили, чтоб не провоцировать...

САДЫ ИЛИ КРЫСА

Их хозяйство начиналось с холщового армейского вещмешка времен Второй мировой войны и притороченной к нему саперной лопатки. Нехитрое содержимое мешка состояло из алюминиевой посуды, свертка забористой махорки, соли, сухарей и грубого солдатского одеяла.

Григорий Михайлович, так звали новосела, оформленного сторожем садоводства, образованного на бывших совхозных землях по приказу Сталина, за неимением ни жилья, ни стройматериалов, со знанием дела выкопал уютную землянку, сложил в ней печурку. Завод предоставил ему топор и молоток, мужик смастерил топчаны, сделал полочки и табуретку, ведь лес тогда находился рядом.

На благословенном кусочке земли, выделенном садоводческим товариществом, супруги разбили сад и огород. Михайловна — жена сторожа — баба работящая, под стать супругу, хлопотала по хозяйству с утра и до темна. Она часто ходила в гарнизон, где продавала излишки ягод и овощей, а на вырученные деньги экономно покупала необходимые продукты. Другого заработка женщина не имела. Михалычу платили за сторожевство. Он был отменным хозяином, такого сейчас вряд ли сыщешь. В

нищие послевоенные годы у него водилось многое: от мыла до гвоздя, а если не водилось, то знал он, где приобрести и чем платить.

По весне, когда семья Петровых объявлялась на садах, сторож важно сообщал Санькиной матери: «Ивановна, нынешний год капуста больно хороша, хрустящая, язви ее! Присылай сына». И Санька с бидончиком шел к сторожу за наипервейшим российским витамином.

Григорий Михалыч то курей разводил, то свиней, то пчел.

Одно время он занялся вязкой собак. Щенков покупал гарнизон для охраны. Санька помнит громкий злобный лай и огромные страшные, клыкастые морды овчарок и догов, скалившиеся через густую металлическую сетку вольеров.

Сперва воды на садах не было, и люди возили ее из ближайшей деревни на тележках в ведрах, баках, флягах, деревянных бочках. Потом вырыли глубокий колодец с деревянным срубом и асбоцементными кольцами. Дивная холодная вода, так что немели зубы, радовала округу. В засушливые времена, когда разбор ее был велик, садоводы сидели на бревнышке возле колодца и, ведя неспешную беседу о житебытье, ждали, пока водица натечет. Участки расширялись, и для более эффективного водоснабжения люди поставили водонапорную башню, от которой живительная влага по железным артериям потекла к каждому дому.

Шалея от изобилия, многие садоводы, случалось, заливали участки, так что вода хлюпала под ногами, а после зимы приходилось подсчитывать урон.

К шуму разогреваемых моторов, доносившемуся с военного аэродрома, садоводы привыкли, как к необходимому атрибуту их существования. Ребята бегали на стрельбище, где добывались стреляные гильзы, которые возмущенные матери частенько вытряхивали из карманов.

Аэродромное начальство уважало Михалыча. Правда, истосковавшиеся по витаминам и приключениям солдатики, иногда совершали набеги за яблоками. Однажды одному незадачливому охотнику полакомиться не повезло. Убегая от сторожевой собаки, тот оставил клочок из штанов на заборе.

Дабы раз и навсегда прекратить воровство, сторож пришел в гарнизон, где построенным на плацу солдатам скомандовали повернуться. Нарушителя опознали по дыре на штанах. Набеги прекратились.

Когда к сторожке прибилось это мелкое пучеглазое рыжее создание, никто не помнит. Только «Михалычев хвостик», по кличке Тюлька, сопровождал хозяина повсюду. Собачка давала себя гладить, и ей это нравилось. Однако стоило появиться на дороге велосипедисту, псинка бросалась наперерез, нервно лаяла и норовила ухватить седока за штанину. Мамаши укушенных не раз жаловались сторожу на подопечную. Тюлька получала нагоняй, но «охота» повторялась с завидным постоянством.

Спустя немало лет (время было нищее: ни денег, ни стройматериалов) завод помог ящиками от станков и оборудования, и Михалыч построил сторожку.

Через дорогу, напротив от него, жила большая семья Сашиного друга Валерки.

Валерка — младший из трех братьев — художник от Бога, был редкостным лентяем. Для достижения весомого результата к таланту принято прикладывать упорство, волю и труд, но их-то мальчику как раз не хватало, поэтому заложенное в него богатство он использовал лишь в армии, для выпуска красочных стенных газет и боевых листовков, чем радовал военное начальство, дававшее ему кое-какие поблажки по сравнению с другими солдатами. Способности не были востребованы, а время бездарно потрачено на рыбалку, гулянье, шалости неумной молодости, игру в карты.

Кстати, о картах. Теплым летним днем Леша, Миха и Валерка расчистили на столе пятачок в бардачном доме «художника» (порядок и дом Валеры — понятия взаимно исключающие).

— Вылил бы, или доел супешник-то. Я его третий день лицезрею. Коркой прикрылся, мухи на коньках катаются, — сказал Лешка флегматичному Валерке. — Убери приборы, противно братья, все сальные, — добавил он.

— А куда торопиться? Успеется, — ответил тот.

— Что, не докис? — съязвил Миха.

— Не твоего ума дело, мелкий, — беззлобно ответил Валера. Миха был младше приятелей.

— Мужики, у меня дома есть старая простокваша. Бабка доньжит: «Допей, да допей!». А я — бычок, — простодушно заявил Миша, — с детства только молоко уважаю. Давайте «приговорим» ее. Кто проиграет, тому и пить, — сказал тот.

— Пойдет, — авторитетно заявил вечно голодный Валерка. Его «дубовый» желудок спокойно справлялся с подобными «инсинуациями». Однажды бедолаге в травмопункте пришлось вправлять челюсть вследствие чрезмерно открытого рта, обрадовавшегося огромному бутерброду, навороченному с голодухи.

Родители мальчика воспитывали отпрыска своеобразно. Они не оставляли ему ни денег, ни еды, с тем расчетом, чтобы голодное чадо не находилось на даче в столь нежном возрасте одно, но Валерка был упрям и ходил с домочадцами в противофазе: они — на дачу, он — с дачи. Перебиваясь случайной едой, рыбой из пруда и грибами из леса, он упорно продолжал существовать отдельно от своей шумной семьи бастионом самостоятельности.

— Тащи, — одобрил Саша, полагая, что избежит кисломолочной экзекуции, поскольку будучи старше своих приятелей, играл внимательно и умел считать карты.

Миха принес трехлитровую банку еще не горькой, но уже «дрыгнувшей ножкой», «отрыгнувшейся» сывороткой, простоквашы. Валера деловито помусолил боевую колоду и сказал: «За дело, господа, за карты!»

Из-под высоко занесенной руки для хода Леша увидел в открытое окно крысу. Жирная тварь препротивной наружности, темно-серой масти, с длинным носом и чуть ли не метровым хвостом, то ли отъевшаяся на ближней помойке, то ли ожидающая потомства, неспешно переходила дорогу. Она чинно вышагивала на водопой к единственному колодцу, где под решеткой часто стояла вода.

Лешка, известный на все сады горячностью, возмущившись подобной наглостью, схватил первое, что попало под руку, а это был, случайно завалившийся на обеденном столе, молоток и метнул его в крысу.

Упражнение по метанию было отработано «на отлично». Гордая представительница фауны упала, чуть дрыгнув ножками, выполнив последнее па прижизненного танца.

Тут же «нарисовалась» Тюлька и впила зубами в шею «добыче». С трудом волоча трофей, собачонка мелкими шажками посеменила к сторожу, желая продемонстрировать хозяину, что вовсе не даром ест хлеб. Крыса и псинка явно были в разных весовых категориях, но Михалыч, увидев Тюльку, не обратил на это никакого внимания и долго с гордостью рассказывал всем и каждому о своей необычайно смелой и сильной собаке. Рассказы его с каждым разом приукрашивались живописными подробностями и стали походить на охотничьи, или на рассказы заядлого рыбака.

Повеселившись вдоволь, ребята не стали разубеждать Михалыча в феноменальных способностях его собачки...

Уж полвека минуло, сменилось поколение владельцев. Дети стали дедами и бабушками, но помнят Григория Михайловича. После него никто так не вел хозяйство, все больше пили...

ЛЕСТНИЦА

В августе, когда отец взял на работе отпуск и решил строить погреб, пришел Кузьмич. Внешне Кузьмич — уменьшенная карикатурная копия Бывалого из «Самогонщиков».

Они выбрали место для строительства погреба, учитывая, что потом над ним будет возвышаться сарай.

Любознательный Санька донимал отца вопросами. Как и чем будем заливать пол? Из чего будет потолок? Как сделать, чтобы не стояла вода? Что нужно, чтобы избежать нашествия мышей? Как проветривать помещение?

Приехал Санькин дядюшка из Башкирии — Степан — крепкий молодой парень, и полетела земля в разные стороны. Как всегда «в большом строительстве километр — не ошибка». Отец, начиная копать, выкорчевал кусты сортовой крупноплодной смородины, те, что мать принесла из питомника. Годы совместного проживания с этим незлобивым человеком заставили ее постепенно привыкнуть к его копательскому весенне-осеннему ражу, при котором он забывал про цветы и посадки, сделанные ранее, а может, она сама забывала предупредить о них, а потом напрасно обвиняла мужа в невнимании.

«Штык» — Сашка — на площади три на два метра один и две десятых кубометра грунта — долой. «Штык» — Лешка — еще столько же долой из ямы. Два штыка — дядя Степан. Кузьмич вовремя остановил команду работяг, иначе вырыли бы колодец вместо погреба.

Отцу было не до Саньки и не до готовки. Что накухарил, то и ели. Раз в неделю приходила Лешкина бабушка, еле-еле передвигая больные ноги, звала внука обедать, но он либо уже поел, либо она его не заставала на месте. Если Сашке что-то разрешалось, то младшему — Лешке — это разрешалось по определению, и его «дядя» даже не вникали, чем занят парень. Ребята гуляли везде, упиваясь относительной свободой. Помогая отцу по строительству, они успевали и купаться, и гулять до ночи, и сидеть у костра, травя анекдоты.

Когда погреб был готов, а выше уровня земли на полметра торчало бетонное изголовье, его загудрили и по бокам засыпали грунтом. В грунт посеяли газонную траву. Место находилось с южной стороны под наклоном, сухое, хорошо проветриваемое и прогреваемое, поэтому его облюбовали осы.

Погреб строили из подручного материала энтузиасты, а не специалисты. Тогда, в шестидесятые, стройматериалы достать было трудно, даже на свои кровные деньги. Но погреб служит верой и правдой и поныне. Сколько яблок сохранил!

С годами он стал протекать, в июле приходилось выкачивать воду электронасосом. Стены, пол и потолок его покрасили, однако он все равно «слезился», и краска благополучно утекала вместе с водой. Надежда на соседский колодец, вырытый поблизости, не оправдалась, воды в погребе не убавилось, а наоборот.

Опыт строительства погреба вдохновил хозяев на решение иных проблем: обшивка оргалитом второго этажа, продление террасы и строительство лестницы.

При вскрытии пола и потолка (необходимо было удлинить террасу, чтобы поместить лестницу) обнаружили пикантные подробности давнего строительства в виде заботливо выточенных и подложенных клиньев. Для нормальной стыковки балок углам полагалось быть прямыми, а не наклонными.

Одному из соседей привезли бревна, балки от разобранного после пожара дома. Отец договорился с хозяином материала, что придет взять обгоревшую балку. В куче лежали и нетронутые огнем экземпляры. Сашин приятель, Миха, пришел помогать носить тяжелое. «Саш, зачем тебе на новое строительство дерьмовый материал, когда есть хороший? Вот эта балка, к примеру», — резонно заметил практичный мальчик.

Балка, на которую положил глаз приятель, действительно была то, что надо: длиной шесть метров, сечением 250×250, совсем не горелая. Ребята водрузили ее себе на плечи. Отец попытался возражать, да понял, бесполезно. Лучше заплатить.

Потом он захотел подставить, как Ленин на субботнике, свое крепкое плечо, но недостаточный рост не позволил ему сделать это. Ребята «скроили лица тыпками» и в молчании прошествовали мимо хозяина материала.

Балка для второго этажа была толста и тяжела. Ребром встал вопрос, как почти без инструментов расколоть ее вдоль. Отцу дали дрель с цельнометаллическим корпусом, правда она слегка «била» током. Тогда отечественная промышленность других не выпускала, а импорта в магазинах не было. Отец наметил через каждые три-четыре сантиметра точки сверления с двух противоположных плоскостей балки и просверлил дырки. Потом двумя топорами завершил работу по делению целого на две части. Половина балки была положена на асбоцементный столб, подпиравший второй этаж, и на террасу, а вторая благополучно сгнила с южной стороны дома, дожидаясь своего часа.

Мать сказала Саньке, что на втором этаже он жить не будет, если она не сможет контролировать, чем он там занимается. Поэтому понадобилась лестница. Обстоятельный отец, со своей крестьянской сметкой, подбирал каждую доску, чтобы найти подходящую по размерам и не пилить, посему строительство лестницы продвигалось медленно, и ему удалось закончить ее только глубокой осенью.

Сломав старый дом, когда это «стало выгоднее, чем латать дыры», Санька аккуратно перенес лестницу — в новый и установил ее между вторым этажом и чердаком. Пусть труд отца послужит детям, внукам, а, может, и правнукам.

ДЕКА ВАНЯ

В школе у Саши был друг — Андрей Шалашов (Шала), парень неплохой, только скрытный. Сашиной матери он не нравился, чувствовала она какую-то неискренность в нем: не смотрел парень в глаза, когда говорил с ней.

Внезапно Андрей проболтался, что собирается поступать в математическую школу. Шала целый год ходил туда заниматься. Одному ему проходить собеседование, тянуть билет, сдавать экзамен было боязно. Поэтому Андрей предложил Сашке пойти с ним за кампанию, для испытания судьбы.

Саша сдал экзамен, и его приняли в школу, а Андрея — нет. Позже он пересдал экзамен, и тоже поступил, но ребята оказались в разных классах.

Весной математическая школа устраивала для своих учеников путешествие на теплоходе по каналу имени Москвы. Говорили, было интересно и много математических конкурсов. За победу в каждом из них давали специальную валюту — «тугрики», на них школьники могли купить разные книги по математике, «прошедшие» в магазинах. Самой дорогой для Саши стала книга «Математические беседы» Е.Б. Дынкина, которую он так и не сумел приобрести, о чем часто жалел.

«Деды» на теплоход парня не пустили, кроме того, для поездки Саньке требовалось отпроситься в той школе, где он учился.

Известно, что за апрелем следует май. А в мае канцелярия школы, куда поступил Санька, запросила документы учеников. И тут случилось невообразимое. Подросток впервые столкнулся с административно-хозяйственным аппаратом и командной системой. Директор сказал, что не даст документы Петрову Александру для перевода его в другую школу, так как тот *«не является ни дебилом, ни малолетним преступником»*.

Санька понуро поплелся домой и все рассказал деду — Ивану Сергеевичу.

«Вань, ты бы похлопотал!» — сказала бабушка.

Дед нахмурил густые седые брови, ничего не ответил, надел рубашку, галстук и костюм, на котором красовались, блестя на солнце, три ряда орденских планок. Бабушка спросила: «Ой, Вань, чегой-то ты?» — Он сурово ответил: «Скоро буду». И вышел. Дед иногда так делал, когда надо было решать серьезные вопросы. Санька спокойно сел обедать.

Но тут прибежал Андрей, он надеялся урегулировать конфликт тихо и мирно, с помощью тетушки из РОНО.

«Слушай, Саш, там твой дед в школу идет. Как бы чего не случилось? Может, нам сбегать, помочь чем?» — обеспокоено спросил Шала. — «Иди, Саша, Деке-то помоги! А вдруг чего-нибудь?» — сказала бабушка. Она, зная деда, не могла не понимать, что никаких «чего-нибудь» быть не должно, но тревожное «а вдруг» не давало ей покоя. Кроме того, Шала топтался в сениях, точно конь в стойле, не зная, что делать.

Санька и Андрей пошли в школу.

Первый человек, кто встретился им в вестибюле — вездесущая Екатерина Ивановна — нянечка, уборщица и вахтер — в одном лице. Напуганная, она лишь тихо спросила Саньку: «Это кто? Твой отец?» — «Нет, дед».

Иван Сергеевич вышел из кабинета директора спокойный и невозмутимый, как всегда, и на ходу бросил: «Сегодня у них канцелярия закрыта, завтра они вам все дадут».

Позже Санька узнал, что дед задал директору простой вопрос. «Ты, за или против Советской власти?»

Тот опешил от неожиданности, втянул голову в плечи и сказал, что не понимает о чем, собственно, речь.

Тогда Иван Сергеевич пояснил: «В твоей школе оказались талантливые ребята, которые проявили незаурядные способности в области математики, поэтому их приняли после вступительного экзамена в специальную математическую школу. А ты препятствуешь развитию их способностей. Не хочу обобщать, но у меня возникают вопросы: Кому это выгодно? А на кого ты работаешь? А ты уверен, что занимаемое тобой место — твое? Я сформулирую эти вопросы и обязательно задам их на ближайшем бюро райкома партии».

Сашин дедушка, родом из деревни. Он работал там кузнецом, имея четырехклассное образование церковно-приходской школы, пел в Тропаревской церкви Архистратига Михаила Архангела, служил в царской армии в Первую мировую войну, а в 1917 брал Зимний. Он, персональный пенсионер союзного значения, употреблял другую лексику. О чем можно было судить по оторопелому пунцовому лицу Екатерины Ивановны...

Санька окончил физико-математическую школу без троек, институт и вечернее отделение МГУ им. Ломоносова с отличием, чем заслуженно гордится. У него есть звания, степени и дипломы. За все это он, в первую очередь, благодарен своему деду, который научил его реальной жизни.

ВАРЕНЬЕ

Только благодаря тому, что Сашиного отца послали работать на строительство станкоинструментального завода в Египет, семья смогла скопить деньги на кооперативную квартиру. По тогдашним куцым нормам на человека имевшихся метров у них было достаточно, поэтому на государство никто не рассчитывал. Четырехкомнатная квартира в 1969 году стоила 9000 рублей, столько же, сколько автомобиль «Волга», покупка которого для многих, при зарплате 200 рублей, была не реальна.

Поблизости от деревни Тропарево в чистом поле и выстроили 9-ти этажный

блочный дом с двумя арками в изгибах. В том доме и купили квартиру Петровы. Сначала рядом с домом можно было увидеть лосей. А еще недалеко стояла пятиэтажка. И все, больше вокруг никакого жилья. Но в десяти минутах ходьбы уже существовала станция метро Юго-Западная — конечная остановка на Сокольнической линии. Теперь она выходит на проспект Вернадского, а тогда...

Доехав однажды до конечной станции и выйдя на сторону строившегося дома, Саша поднял глаза и увидел черно-белую корову. Та, деловито жуя травку, неодобрительно промышала в ответ на его неожиданное вторжение в ее мир. У метро не существовало ни единой тропинки да и людей нигде не было видно. Санька решил, что он — Пятница в этом неосвоенном солнечно-зеленом рае, и Господь послал ему корову.

Санька Петров понимал, строительство метро было продиктовано соображениями мирового значения. Здесь на Юго-Западе столицы тогдашний глава государства — Хрущев хотел поставить павильоны международной выставки ЭКСПО. Точно так же, как он в пик ООН, построил Калининский проспект, здание СЭВ, где сейчас располагается мэрия. Обычно люди дожидались годами новых станций метро, а тут ее построили за четыре года до начала возведения жилого квартала. «Вообще-то, так и должно быть, когда наверху думают о людях!» — подумал Санька.

По Ленинскому проспекту с интервалами в движении полчаса или час ходил троллейбус № 62. В конце проспекта, а конец его тогда находился примерно на уровне будущей улицы Миклухо-Маклая, завершался этот маршрут.

Документы на квартиру оформили. Вступительный взнос заплатили. Потом предстояло еще 25 лет выплачивать стоимость квартиры. Деду, как персональному пенсионеру, полагалась дополнительная площадь, а так бы нипочем не дали. Удивительно! За свои деньги.

Москва расширялась, прирастая новыми микрорайонами, один из них — Тропарево, а потом уже и Тропарево-Никулино.

Дед был родом из деревни с одноименным названием, пел в церковном хоре. На территории церкви Архистратига Михаила Архангела похоронен его отец. На мосту через овраг сходились драться на кулачках «ихние и наши». Деревня славилась черной крупной вишней Владимиркой и сладкой великаншей-морковью.

После заселения в новый дом Сашины родители ходили в родную деревню, когда ее сносили. Они хотели выкопать пару молодых вишневых деревьев — в память и, чтоб не пропали, перенести их в сад. Дед сказал: «Им там накундачут!» У него были интересные выражения — фигуры речи. Домой родители вернулись расстроенные: старые деревья и молодняк были варварски поломаны... «до основанья, а затем...».

После работы, вечерами родители Саши ездили убирать новое жилище: оттирали ластиком паркетную щепу, ибо паркетом это не называется. Хлипкие деревянные полосочки длиной 12 см, шириной 3 см, а толщиной 3 мм. Убирали следы пребывания рабочих, похоже, что там даже кто-то из них жил.

Вероятно, в одну из квартир строящегося дома должен был заселиться корреспондент из «Московской правды». Он часто выезжал на место, брал интервью у бригадира, помещал фотографии, добросовестно освещал в газете ход строительства в позитивном плане, так что уровень информационной поддержки был высок. Строителям недвусмысленно намекнули, от них ожидается только отличное качество, иначе пресса отразит оценку работы как есть.

Однажды Дека решил съездить на новую квартиру провести Санькиных родителей и посмотреть новое жилье. Бабушка, практичная женщина, всучила ему тяжелую трехлитровую банку варенья. В доме никто, включая хозяек, не помнил, когда оно было сварено. Дед, бывший военный, много поездивший на своем веку, умел отлично паковать разные вещи. Банка была укутана газетами и поставлена в авоську.

Авоська — характерная примета шестидесятых — хозяйственная сумка, сплетенная из нитей с ячейками чуть меньше, чем на рыболовных сетях.

Дед поехал на троллейбусе.

У Саньки к тому времени еще не кончились занятия. Он жил тогда с «дедами», поскольку ходить в школу от них ближе и удобнее, чем от родителей. Да и кто будет там, когда родители на работе, кормить мальчика обедом, следить за ним, чтоб не «шалберничал», а делал уроки. Мать с отцом жили на Профсоюзной в беспокойном районе.

Каждый день Дед ходил в магазин за продуктами, а бабушка готовила. Раз он зашел в «кулинарию» за мясом. Одна из покупательниц, хорошо знавшая Ивана Сергеевича, посоветовала взять ему свежие потроха и кости, на что тот отозвался: «Что я, собака что ли?»

Вечером приезжали родители с инспекторской проверкой и спрашивали, как идет учеба.

Санька пришел после школы и, не видя деда, поинтересовался, где он. Баба Дуся, а была она женщиной очень мнительной, стала уже не на шутку волноваться, поскольку дедушка отсутствовал пять часов. Сотовых телефонов в ту пору не было.

— Ми-и-и-лая моя, Деки-то как долго нет! Саш, ты бы поехал, посмотрел, не случилось ли чего.

Уроки Саша сделал еще вчера. Продав троллейбус около часа, внук отправился на выручку. Выйдя из него, парень встал, как вкопанный. На снегу возле дедовых следов, больше никаких следов не было, дорожка темных кровавых капель. «Может, дед упал и ушибся?» Санька нагнулся и попробовал кровь на вкус, та оказалась сладкой. «Варенье», — догадался мальчик. По дороге к дому капли становились больше. Сладкая дорожка довела Саньку до квартиры, но родители, закончив работу, уже ушли, и ему никто не открыл. Чертыхаясь, он вернулся домой.

— И чего поехал, кто тебе велел? — встретил его дед.

— Бабушка волновалась: тебя долго нет.

— Ну, ты ее слушай больше, не знаешь, что она паникерша известная. Лену накручивала, такого нагораживала, когда я из командировки чуть задерживался, девка бояться начинала.

— Дек, признайся, банку-то с вареньем стукнул?

Дед никогда ни в чем не признавался.

— Цч-цч-цч, — он отвернулся от бабушки и приставил палец к губам. Партизан!

Оказывается, он действительно «легонышко приложил» банку с вареньем о поручень троллейбуса, и родители убрали ее подальше с уговором, что потом отец сделает вино, чтобы продукт не пропал и бабушка не «гундела». Теперь Санька узнал, из чего делают портвейн. Вино получилось не самое плохое.

СТРИЖКА

Всем Учителям посвящается

В конце 60-х годов многие молодые люди бредили «Битлами» и фильмом «Пепел и алмаз» А. Вайды. Для них, 14-ти — 15-тилетних отчетливо вырисовывался современный герой. Интеллигент с удлиненной прической, но без хвостиков, патл и милитаристского бобрика. Чистые аккуратно уложенные волосы должны были закрывать уши и шею, а челка — доходить до бровей.

Герой носил очки непременно прямоугольной формы с дымчатыми стеклами в черной оправе, которую невозможно было купить, нет достать. Пожалуй, этот термин больше подходит к тому времени.

Внешний облик героя — вызов, протест всему навязываемому, противному сво-

бодной человеческой личности. В те застойные времена власть в СССР активно боролась с подобными проявлениями, полагая, что в прямоугольных очках и прическе под «Битлов» таилась скрытая угроза существующему строю. Так некогда преследовали «стиляг», а «бдительные» граждане принимали людей, носящих усы, за иностранных шпионов, по принципу: «Сегодня парень в бороде, а завтра где? В Эн-Ка-Вэ-Де!»

Что и говорить, сложное положение было у преподавателей физико-математической школы, обязанных не только адекватно оценивать происходящее вокруг, но и воспитывать детей должным образом. А учились в той школе умницы и умники. Некоторые средненькие преподаватели не выдерживали общения с языкастыми учениками и уходили в обычную школу.

Задачей школьного коллектива преподавателей-единомышленников во главе с директором Владимиром Федоровичем Овчинниковым было: «формирование демократического мировоззрения, свободололюбивых людей с чувством собственного достоинства, интеллигентных и образованных...».

Всеволод Лапин носил именно такую прическу и такие очки. Он учился в параллельном классе с Сашей.

Ребята встретились в буфете на короткой перемене. Проглотив традиционный винегрет за четыре копейки и, выпив чаю с жареным пирожком с повидлом, приятели обменялись мнением о темах сочинений. Школа заставляла их думать не только на профилирующих предметах — физике и математике, но и на литературе. Скажем, чего стоит такая тема сочинения: «Почему в философский центр романа «Преступление и наказание» поставлена Катерина?» Или еще, по роману Даниила Гранина «Иду на грозу» — «Гражданское мужество. Что стоит за этими словами?» И никаких «гугляний по образам».

Проверенные работы выдавались школьникам с оценками по русскому и литературе. Кроме того, после оценок следовала небольшая рецензия учителя — известного литературоведа, критика, сотрудничавшего в «Новом мире», Виктора Исааковича Камянова, основные принципы преподавания которого «заклучались в правде освещения материала, искренности общения и уважении личности ученика».

Увидев Лапина на длинной перемене, Санька обомлел от удивления: Севкину голову украшала стрижка. Она была хороша, но непривычно коротка. Да и когда он успел? Он никогда бы не позволил сделать это с собой добровольно, поскольку гордился своей прической, для нее он не один месяц отращивал волосы. Иногда одноклассницам приходилось закалывать длинные шелковистые пряди, чтобы не вызвать гнев у особо нетерпимых преподавателей.

Сева поведал Саньке грустную историю.

Выкурив сигарету, парень направлялся на урок и тут увидел директора. Школьники, за глаза, нарекли его Шефом. Отучившись три курса в Институте стали и сплавов, Шеф окончил истфак пединститута, стал мастером спорта по альпинизму, лыжам и баскетболу.

«Всеволод, пойдем со мной», — сказал Шеф. Сева, теряясь в догадках, по какому поводу, пошел.

В директорском кабинете стоял незнакомый юноша. Не успев понять, в чем дело, ученик услышал звук запираемой двери. Оказалось, молодой человек — не ученик, а парикмахер по вызову. Такая услуга для обычных людей в то время была недоступна. Обнаружив марсианина в кабинете Шефа, Севка удивился бы гораздо меньше.

— Постригите его, — сказал директор.

— Пожалуйста, садитесь, — предложил парикмахер, у которого все уже было готово. Он обращался с Севкой корректно, и предстоящая экзекуция никак не вязалась с этим обращением.

— Я вынужден подчиниться. Но это насилие над личностью и попираание прав человека! Сообщаю, что платить за данное мероприятие я не намерен, поскольку не располагаю ни деньгами, ни желанием! — возмущенно заявил Севка.

— Сева, располагайтесь поудобнее,— сказал радушно директор. И добавил миролюбиво.— Не огорчайтесь. Школа заплатит из средств, сданных родителями в классный фонд.

— А вы уверены, что они одобряют ваши действия? — спросил уныло Севка, потеряв всякую надежду отвертеться. Он миллион раз говорил «предкам», что нечего тратить время и ходить на родительские собрания, а тем более платить деньги.

— Одобряют, одобряют. Уже одобрили, если угодно знать. На собрании все родители мальчиков выразили неудовольствие по поводу длины волос своих дражайших отпрысков.

Сева Лапин учился вовсе не в тоталитарной школе. Каждое время воспитывает своих лидеров. «Во времена глухих и согласных» человек, открыто объявивший о своем расхождении с общепринятой точкой зрения по какому-либо вопросу, по определению, считался либо диссидентом, либо сумасшедшим. Тем не менее, именно тогда Шеф восседал в президиуме отчетно-перевыборного комсомольского собрания школы, где каждый второй, критикуя школу и директора, говорил такие вещи, которые за стенами данного учебного заведения рассматривались как сущая крамола. А Владимир Федорович, понимая юношеский максимализм и неумное желание «математиков-аналитиков» во всем разобраться досконально, только улыбался, за что его горячо любили ученики.

Школьник, допустивший оплошность, за которую его могли бы немедленно исключить из школы, оставался в ней под письменное поручительство класса. А чего стоили персональные заявления учащихся: *«Обязуюсь не курить на территории школы в неотведенных для этого местах...»*

Для курения был отведен мужской туалет на втором этаже. Вот где была демократия: курили школьники и педагоги. Там, в неформальной обстановке ученики узнавали многое о жизни, о том, как оно было на фронте, и чего она, действительно, стоила наша Победа, из уст непосредственных участников тех событий...

Спустя десятилетия, пережив райкомовские гонения, Виктор Федорович Овчинников и сейчас преподает в школе.

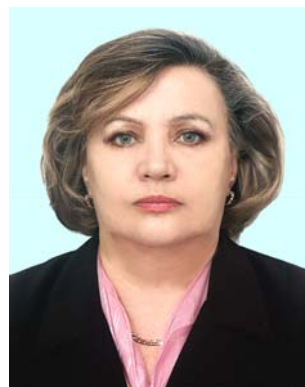
Дай Бог ему долгих лет жизни, душевных сил на этом благородном поприще! Да пребудет с ним любовь его учеников бывших, настоящих и будущих!

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА

Татьяна Камаева
(г. Москва)

ЗАПОЙ

Татьяна Камаева, прозаик, член Союза писателей России и творческого клуба «Московский Парнас», автор книги «Путь к себе». Автор журнала «Приокские зори».

Однажды Галина возвращалась из Бишкека в Курган. Когда покупала билет, то хотела, чтобы с ней в купе ехала хотя бы одна женщина. Но случилось все наоборот. Напротив нее на нижнюю полку устроился мужчина с красными глазами и одутловатым лицом, а верхние полки заняли два парня, от которых несло перегаром на все купе. Поезд тронулся, попутчики зашевелились: мужчина достал еду, парни подсели к нему с бутылкой водки, предложили и женщине присоединиться, но она, поблагодарив, вышла за кипятком. Кипяток был еще не готов, и Галина стала смотреть в окно. Поезд уже набрал скорость, и колеса, казалось ей, равномерно отстукивали: «Раз-ве-лась, раз-ве-лась!». Да, она ездила в Бишкек, чтобы развестись с человеком, которого продолжала любить.

С мужем Галина познакомилась в университете, Александр учился на факультете иностранных языков курсом выше. Он был серьезным и рассудительным парнем, играл на гитаре, писал песни, а Галина прекрасно пела, и Александр пригласил ее в сборную команду КВН, капитаном которой являлся. Они стали встречаться. Девушка была не очень искушенной в любовных делах, но испытывала к нему большое и светлое чувство. О свадьбе решили подумать после окончания университета. Вначале его и ее родители были против брака: Александр — киргиз, Галина — русская. Но их чувства были выше всех доводов. Они поженились, сыграли свадьбу и жили у родителей мужа. Она взяла его фамилию и стала Кинеевой Галиной Григорьевной. Свекор плохо говорил по-русски, а девушка совершенно не знала киргизский язык. Когда Галина пришла к ним в первый раз, Сашин отец повел ее показывать свой сад, где росли яблони, груши, абрикосы, персики, вишни, но особой гордостью был виноград. Отец с большим наслаждением ухаживал за ним, шил из марли мешочки и укутывал каждую виноградную гроздь, чтобы осы не портили ягоды. В глубине сада находился большой муравейник, около которого стояла скамейка. Если свекор куда-то пропадал, то найти его можно было либо в винограднике, либо на скамейке у муравейника. Он подолгу мог наблюдать за этими трудолюбивыми насекомыми. Галина, когда вы-

давалось свободное время, тоже приходила посидеть рядом с ним и посмотреть на холмик, где кипела своя жизнь, понятная только этим маленьким существам. Свекор научил ее облизывать соломинку и опускать в гущу муравейника, а затем брать в рот. Соломинка становилась кислой, он улыбался и повторял на ломаном русском языке: «Корошо, корошо, лекарсво». Отец полюбил Галину, часто угощал девушку припрятанной конфетой или орешками.

А вот свекровь относилась к ней по-другому. По их обычаю, невестка должна была встать раньше всех, подмести двор, вскипятить чай, подать завтрак, затем все убрать, вымыть, почистить, но Александр заставлял все это делать своих сестер, а жену любил и жалел. Шло время, но детей у молодых не было. Мать все чаще о чем-то подолгу разговаривала с Александром, сердито выговаривала ему что-то на своем языке, а иногда дело доходило до ругани. К тому времени они жили уже шесть лет, а Галина все не могла родить. Однажды, когда Александр был на работе, свекровь зашла к ней в комнату и стала уговаривать невестку оставить сына, просила уехать, плакала, называла ее «порченной». И Галина решилась на разрыв. Александр уговаривал ее остаться, но она уехала в Россию, к матери. Они жили вдвоем, отец бросил их, когда девочке не было и года.

Приехав в Курган, уже через три недели молодая женщина поняла, что беременна. Решила ничего не сообщать Александру, ведь за это время он ни разу не позвонил и не написал. У Галины родился мальчик. Сын был удивительно красивым ребенком с большими раскосыми глазами. Когда малышу исполнилось четыре месяца, позвонил муж и попросил ее приехать для развода, сказав, что документы уже все готовы.

А рельсы все отстукивали и отстукивали: «Раз-ве-лась, раз-ве-лась!». Вернувшись в купе, она увидела, что ее попутчики допивали бутылку водки.

Галина — противник любых алкогольных напитков. Крепче кваса ничего в жизни не пила. Слово «запой» для нее было только слово, а не явление, но все в жизни когда-то бывает впервые. Первый раз кто-то поднесет тебе бокал шампанского, кто-то нальет рюмку водки. Если есть сила воли, то ты будешь употреблять горячительные напитки только в торжественные дни и по праздникам. А если алкоголь станет смыслом жизни, то человек превратится в существо, у которого одна цель — достать деньги, чтобы выпить. Став алкоголиком, он начнет направлять всю свою энергию, средства и мысли на добывание спиртного, не обращая внимания на родных, близких, жену и детей.

Начальная стадия алкоголизма — это когда человек напивается и теряет память, наступает «затмение». Он постоянно думает только о спиртном, ему кажется, что выпил недостаточно, и начинает пить «впрок», у него развивается жадность к алкоголю. Вторая стадия — алкоголик теряет контроль над собой уже после первой выпитой рюмки, у него развивается высокомерие и агрессивность. Он начинает обвинять окружающих во всех своих бедах и уходит в запой. Третья стадия — это уже хронический алкоголизм. Алкоголик ежедневно начинает с похмелья, если не может купить нормальной водки, то пьет суррогаты алкоголя. Существует множество причин злоупотребления алкоголем. Врожденность. Любопытство. Удовольствие. Доступность. Достаток и досуг.

Превращение добропорядочного человека в алкоголика — процесс быстрый и губительный. В первую очередь ты растеряешь друзей, которые ведут другой образ жизни в отличие от тебя. Самыми близкими людьми теперь будут собутыльники. Перед тобой встанет выбор: или бросить пить и снова становиться уважаемым человеком, или катиться вниз и превратиться в алкоголика и изгоя общества. Говорят, в России две беды — это плохие дороги и дураки, но, мне кажется, что это понятие давно устарело. Теперь в России другие две беды — это наркоманы и алкоголики. Алкоголизм проник во все слои нашего общества, он не щадит ни детей, ни взрос-

лых. Это цепная реакция! «Пьяницы рожают пьяниц»,— еще девятнадцать столетий назад изрек древнегреческий писатель Плутарх.

Вот и Галинины попутчики спокойно допили бутылку водки и достали вторую. Они сидели дружно, как будто всю жизнь прожили в одном городе, на одной улице и были родственниками. «Собутыльники»,— мелькнуло у нее в голове. «Друзья» подвинулись, освобождая край стола, чтобы женщина могла поставить кипяток. Галина не стала возмущаться, проситься в другое купе, решила, что как-нибудь выдержит эту кампанию. Мужчину, уже изрядно пьяного, звали Ильей. Паренька, который немного заикался, они называли Костяном, он постоянно почесывал за ухом и говорил:

— А-а-а не выпить ли нам, а-а-а?

— А-а-а давай! — передразнивал его другой парень азиатской национальности.

Галина осмелилась и спросила:

— А сколько может выпить человек водки?

— С друзьями да с хорошей закуской очень много,— ответил мужчина.

— А-а-а на второй день и-и-и без закуски много,— сказал, заикаясь, Костя.

— А на третий день уже не считаешь, сколько пьешь,— добавил Аскар.

И Илья стал рассказывать свою историю:

— Как-то мы обмывали моего первенца. Жена еще была в роддоме, а я пригласил пятерых своих пацанов, ну взяли четыре бутылки водки...

— Мало взяли,— перебил Аскар.

— Ты слушай дальше,— продолжил Илья,— набрали закуски: колбасы, консервов, пельменей. Вначале все пили за моего сына, а потом стали пить каждый за свое. Слово за слово, водка кончилась. Я сгонял и купил еще две бутылки.

— Н-а-а-а-до было три брата,— вставил Костя.

— Да не перебивай! Наутро я насчитал одиннадцать бутылок. Даже не помню, кто бегал за выпивкой. Во, погуляли! Голова болит, руки трясутся, во рту, как будто кошки нагадили. Посмотрел по сторонам — все разбросано, на столе посуда перевернута, окурки валялись на полу, торчали в стаканах, а скатерть была вся прокурена и в дырках. Страшно хотелось пить, я прямо из банки напился рассолу, достал огурчик...

— «А рабочему человеку без огурчика никак нельзя: с огурчиком соленым и хлеба в охотку съешь, и поправиться, когда нужно, опохмелиться — первое средство для оттяжки»,— процитировала Галина Шмелева.

— Надо было сразу похмелиться, и все прошло бы,— вставил Аскар.

— Нечем было похмелиться, ну ни капельки не оставили,— он выругался,— надо бежать в магазин, а меня выворачивает каждую минуту. Лежу и думаю, что скоро умру, если не выпью. Полез в аптечку, нашел там настойку валерьянки, пустырника, посмотрел на одеколон, но брат не стал, я же — не алкоголик. Слил все в рюмку, взял эту гадость трясущимися руками, а выпить не могу, опять все нутро выворачивает.

«Раз тошнит, значит, еще не конченный алкоголик»,— подумала Галина.

— Закрыл бы нос и опрокинул быстро,— сказал Аскар.

— Молод еще, чтобы учить меня,— обиженно ответил Илья и продолжал свою историю,— я подношу рюмку ко рту, а меня мутит. Кое-как влил в себя эту жидкость, запил водой, и меня снова вырвало...

— Не прижилась,— заметил Аскар.

— Без тебя знаю, что не прижилась, не перебивай, слушай дальше. Не тебе рассказываю, а вот ей.— Он кивнул в сторону женщины.— Побежал я в магазин, а там знакомые пацаны, ну мы снова набрали водки, закуски и ко мне. Очнулся ночью, язык к небу прирос, во рту сухо, не могу вспомнить, что же было вчера, хочу встать, только приподнимусь и опять падаю, ноги не слушаются, голова трещит. Еле-еле

поднялся по стеночке, дополз до крана с водой и опять отрубился. Если бы не пришла теща, я, наверное, допил бы до «белой горячки». Теща у меня — человек. Она поднесла мне рюмочку, напоила горячим бульоном, а потом и спрашивает: «Сколько же, зятек, вас было? Я вынесла двадцать четыре бутылки?». Это значит, что мы вшестером за два дня выпили больше ведра водки. Вот вам и ответ на ваш вопрос, красавица.

Галина ужаснулась:

— Неужели вы выпили по четыре бутылки?

— Ну, это же за два дня, больше столько не употребляю. Вот сегодня мы на троих выпили две бутылки, на этом и остановимся,— закончил свое повествование Илья.

За окном уже совсем стемнело, женщина предложила устраиваться спать, помогла убрать со стола и попросила всех выйти из купе и дать ей переодеться. Попутчики вышли и пропали. «Наверное, на этом не остановились»,— подумала она и закрыла глаза. И снова в перестуке колес ей послышалось: «Раз-ве-лась! Раз-ве-лась!».

Галина вспомнила, как неделю назад, увидела Александра на вокзале, и у нее защемило сердце. Ей захотелось обнять его, поцеловать и рассказать о сыне, показать фотографии, но она не решилась.

— Здравствуй,— виновато сказал муж и помог ей сойти по ступенькам поезда, поцеловав в щеку, добавил,— а ты похорошела.

— Ты тоже возмужал,— заметила она.

— Поехали к нам, ужин уже ждет тебя,— предложил он.

— Нет, отвези меня в гостиницу,— попросила Галина.

— Отец очень просил тебя привезти, говорил, что скучает по тебе,— уговаривал ее Александр.

— А ты?

— Что я? — не понял он.

— А ты скучал? — спросила она тихо.

— Скучал, еще как скучал.

— А почему в прошедшем времени?

— Ну, не цепляйся за слова. Поехали?

Поколебавшись, она согласилась.

Дома, когда Александр на минуту отошел, чтобы принести вина, его мама успела поделиться своей радостью: «У нас будет свадьба, Саша скоро женится»,— сказала она. Услышав это, Галина почувствовала, как комок подкатился к горлу, воздуху не хватало, на глаза накатывались слезы, ей пришлось собрать всю свою волю, чтобы не показать, как тяжело на душе. Только свекор догадался, что невестка все еще любит его сына.

Сказав, что ей надо выйти, женщина поспешила в сад. Слезы хлынули сразу. Сдерживая рыдания, Галина побежала к муравейнику, села на скамейку и постаралась успокоиться. Вскоре послышался шорох — это Александр искал ее. Он подошел к ней, хотел сесть рядом, но остался стоять.

— Что с тобой?

— Я сильно устала с дороги, отвези меня.

— Оставайся у нас, сделаем все дела, и улетишь самолетом,— неуверенно предложил он.

— А откуда у вас здесь появился муравейник? — перевела она разговор на другую тему.

— Да, отец принес откуда-то в мешке. Мы в детстве брали соломинки и засовывали в гущу муравейника, а потом облизывали. Отец утверждал, что это очень полезно.

— Свекор и меня научил так делать,— сказала Галина.

— Когда он успел тебя научить, мы же постоянно были вместе?

— Были. У нас теперь все в прошедшем времени...

...Колеса все отстукивали и отстукивали навязчивые слова: «Раз-ве-лась, раз-ве-лась...», — и с каждым стуком поезд увозил ее все дальше и дальше из прошлого. Отвернувшись к стене, женщина попыталась уснуть. Домой Галина добралась под утро. Чтобы не будить маму с сыном, открыла дверь своим ключом и прошла в спальню, но там никого не было. Обойдя всю квартиру, она не нашла ни маму, ни сына. Еле дождавшись семи часов утра, пошла к соседке. Тетя Валя, женщина пятидесяти лет, моложавая, с недовольным видом, что ее разбудили, открыла дверь.

— Доброе утро, — поздоровалась Галина.

— А оно доброе? — сердито спросила соседка. — Твоих пятого дня увезла «Скорая».

— Куда увезла?

— А я почему знаю?

— Валюша, ты скоро? — послышался незнакомый мужской голос из спальни.

— Уже иду, милый, — тетя Валя, не закрывая двери, посмотрелась в зеркало, поправила прическу и с гордостью добавила: — Муж зовет, можешь поздравить.

— Поздравляю, — машинально сказала Галина, а сама подумала: «Наверное, уже десятый по счету?».

Оказалось, что матери сделали операцию. Когда Галина вошла в палату, то увидела бледную, с ввалившимися глазами и впалыми щеками женщину. Она не сразу узнала в ней свою мать, подсев к кровати и взяв ее руку, спросила:

— Как дела, мамуля?

— Хорошо, что ты приехала, доченька. Я не хотела ложиться в больницу, держалась до последнего, думала, что все пройдет, но три дня у меня была высокая температура, а когда силы стали покидать меня и боль не утихала, я открыла входную дверь и вызвала «Скорую помощь». Очнувшись в реанимации, врачи сказали, что аппендицит лопнул, и операция длилась три часа.

— Она у вас в рубашке родилась, — добавил подошедший хирург, — еще бы немного, и мы не смогли бы ее спасти.

— Спасибо вам, доктор, а где мой сын? — спросила Галина.

Но никто не смог ей ответить. Она побежала в приемную и стала спрашивать, куда поместили ее ребенка, но медсестра ответила, что в этой больнице нет детского отделения. В это время машина «Скорой помощи» доставила больного, и весь медицинский персонал стал заниматься своим привычным делом, не обращая внимания на Галину. Она выбежала на улицу и стала упрашивать водителя, который только что привез в больницу мужчину, увезти ее на станцию «Скорой помощи». Услышав историю, приключившуюся с женщиной, шофер сжалился над ней и взялся отвезти. Там она узнала, что сына определили в дом малютки.

В этот день ребенка ей не отдали, так как был выходной, и начальство отдыхало. Она плакала, умоляла, просила хотя бы показать мальчика, но сына так и не получила. Прибыв рано утром в понедельник, Галина ждала, пока кончится «пятиминутка», которая длилась больше часа, потом очень долго оформляли документы. «Как хорошо, что мы не были еще в разводе, когда родился малыш», — подумала женщина. Наконец, вынесли ребенка. О, ужас — это был не ее сын. Началась суматоха, долго никто не выходил, затем появился солидный мужчина и пообещал разобраться, сказал, что за последнюю неделю усыновили двух малышей и, может быть, что-то напутали.

— Как перепутали? Отдайте моего сына! Где мой малыш, что вы с ним сделали? — билась Галина в истерике.

— Женщина, успокойтесь, мы разберемся, приходите завтра, а лучше послезавтра,— сказал полный мужчина в белом халате.

— Как послезавтра? Я никуда не уйду, верните мне сына.

— Мамаша, криком ничего не добьетесь, все будет хорошо, поберегите нервы,— настаивал врач.

— Я пойду в милицию, я подам на вас в суд, я ...— она разрыдалась от усталости и бессилия.

— Дайте ей успокоительного,— сказал доктор и вышел.

Галина увидела, как в ее сторону направилась медсестра, лет восьмидесяти, похожая на скелет, обтянутый кожей. Вот «скелет» поднес мензурку и влил ей в рот какую-то горькую жидкость.

Правду в народе говорят, что беда не приходит одна. Как-то все сразу навалилось на нее тяжелым грузом: и развод с любимым человеком, и операция, и потеря ребенка.

Она не помнила, как добралась домой, достала бутылку водки из бара, налила рюмку, вторую, третью и напилась. Напилась до потери сознания, все проблемы с каждой рюмкой отступали куда-то в подсознание, а сознание улетучилось и летало отдельно от нее. И ей захотелось сделать что-то необыкновенное, героическое.

Она набрала номер телефона своего уже бывшего мужа.

— Алло, кто говорит? — спросил он.

— Александр, я родила тебе сына, а теперь потеряла его.

— Галина, ты пьяна, какого сына, мы уже больше года не живем вместе,— услышала женщина родной голос в трубке.

— Твоего сына, приезжай...

Ночь прошла, как кошмарный сон. Галине хотелось пить, пить и пить. Утром ей показалось, что она попала в ад: ноги не слушались, голова не соображала, в животе что-то возмущалось и просилось наружу. А страшнее всего было то, что женщина ничего не помнила. Самым необходимым местом для нее стал унитаз. Только отойдет к телефону, чтобы позвонить подруге, начинает набирать номер, а из нее, как из фонтана, вырывается противная жидкость. Наконец, догадалась взять тазик, поставила у аппарата, позвонила. Подруга взяла трубку.

— Мария, какое счастье, что ты дома, приезжай, мне плохо,— выпалила она на одном дыхании.

— Галчонок, я сейчас примчусь, потерпи, родная.

Мария такой человек, который не может жить, если кому-нибудь из близких или знакомых плохо. Она помогает всем, кто в ней нуждается: покупает продукты пожилым людям своего подъезда, кормит бездомных кошек и собак, никогда не забудет насыпать крошек в кормушку для птиц. Если видит, что человеку нехорошо, даже пусть незнакомому, она не пройдет мимо, а сделает все, чтобы ему стало легче. Мария не человек, а машина по выработке добра и милосердия. Она не забудет поздравить родных, близких и просто знакомых с Днем рождения, Новым годом, Рождеством и так далее по календарю. Ее девиз: «Чем больше отдаешь, тем больше получаешь». И ведь, правда, у нее все спорится. Она успевает контролировать работу своего салона красоты, ходить в тренажерный зал, посещать сауну, писать статьи и рассказы, которые постоянно печатают в газетах и журналах. Гонорар она переводит в детский дом, дом малютки и дом престарелых. Мария на помощь бросается, как на амбразуру. Все у нее получается, где она — там светло, тепло, уютно. Вот и сейчас мчится на машине по первому зову.

— Дружочек, что случилось? Говори прямо и четко, ты знаешь, я не люблю, когда распускают слюни,— сразу с порога начала она.

— Я напилась и мне плохо,— только успела сказать Галина, и ее опять вытошнило.

— Ну, это дело поправимое.

— Что пила?

— Водку.

Мария налила рюмку водки, зажала ей нос двумя пальцами, влила в рот все содержимое и заставила запить рассолом прямо из банки, но Галину снова стошнило.

— Не прижилась,— улыбаясь, сказала она.

— Ты, Галчонок, говоришь, как заправский алкоголик,— заметила Мария.

— Получилось все, как рассказывал Илья в поезде,— сказала Галина и поведала Марии о недавних попутчиках.

— Если похмелье не лечить — оно проходит за один день, а если лечить — за десять,— пошутила подруга и заставила ее снова выпить рюмку.— Через некоторое время поешь что-нибудь горячее, и все пройдет. Только сегодня больше ничего не пей, а то уйдешь в запой. Знаешь, как легко стать алкоголиком? Из-за чего напилась-то, ты ведь крепче кваса ничего не пьешь?

Наконец-то, Галина вспомнила весь вчерашний день и, рыдая, стала рассказывать:

— Я сына потеряла. Когда маму положили в больницу,— всхлипывая, продолжала она,— его определили в дом малютки, по документам он там есть, а на самом деле — нет.

— А что Зинаида Евдокимовна не знает мой номер телефона,— негодовала Мария,— почему не обратилась ко мне? Я бы и с малышом посидела, и ее в больницу положила. Да что теперь об этом говорить, дело сделано, надо его переделывать. А слезами горю не помочь. Сиди дома и жди звонка. Да, прими душ,— уже в дверях сказала она.

Мария — потрясающая подруга: с ней неясное становится ясным, неразрешимое решается. Она уверена, что день надо начинать с доброго дела. Утром смотрится в зеркало, улыбается и произносит: «Жить — прекрасно!». А отчаявшегося человека приводит в чувства такими словами: «Александр Абдулов был бы рад отдать славу, карьеру, состояние и, в конце концов, поменяться с тобой местами, чтобы жить! Живешь — радуйся, ищи способ жить лучше, умереть успеешь. Человек, у которого есть ноги, руки и чуточку мозгов, уже счастлив». Мария позвонила рано утром.

— Что, подруга, оклемалась? — услышала Галина долгожданный голос.— Поезжай, забирай своего ненаглядного сыночка. Да, кстати, как себя чувствует Зинаида Евдокимовна? Я постараюсь заехать к ней сегодня. В какой больнице она лежит?

— Ой, спасибо, как ты нашла...

— Потом, потом расскажу,— перебила та.— Я спешу, так в какой больнице?

— В четвертой, на втором этаже, палата двести пятая,— только и успела сказать Галина, как на другом конце уже положили трубку.

Мария не терпит, когда ее благодарят, распускают слюни или пускают слезу. «Я так живу, это — стиль моей жизни»,— любит повторять она. Бесполезно отговаривать ее не ездить к Зинаиде Евдокимовне в больницу, она все равно найдет время заехать к ней, выкроит час, чтобы встретить друзей друга, успеет забрать соседского ребенка из музыкальной школы, по ходу дела обязательно пристроит бездомного котенка, а вечером еще переделает кучу добрых дел.

В дверь позвонили, Галина открыла. На пороге стоял ее бывший муж. Сердце чуть не выскочило у женщины из груди. Ей хотелось броситься к нему на шею, прижаться, спрятаться от всех неприятностей и суеты.

— Здравствуй, Галина! Что за бред ты несла? Я прямо с самолета.

— Это не бред, а — правда. И если бы я не напилась вчера, то ты бы никогда не узнал, что у тебя есть сын.

— У меня есть сын, где он?

— Расскажу по дороге, поехали за ним.

В доме малютки их встретили приветливо, уже знакомая худошавая медсестра вынесла малыша, теперь она показалась Галине волшебницей в белом наряде. «Волшебница» передала ребенка Александру, спросила:

— Это ваш сын?

Он осторожно прижал малыша к себе, внимательно посмотрел на него и сказал:

— Да, это мой сын.

— Больше не теряйте,— медсестра улыбнулась и добавила,— а мальчик очень похож на вас.

— Теперь не потеряю,— произнес Александр.

Была весна, время года, когда просыпается все в природе, а самое главное — обостряются чувства, хочется жить и любить, становится лучше. У Галины пела душа: два самых любимых человека были рядом. Александр предложил немного прогуляться.

— А ему не холодно? — беспокоился он.

— Нет, с малышом надо чаще гулять, и сегодня удивительно теплый день,— ответила она.

— А как ты назвала нашего сына?

— Я дала ему имя любимого человека.

Александр помрачнел, и они, молча, присели на скамейку. Счастье стучалось в ее сердце. Рядом с ней близко-близко сидел тот, которого Галина любила еще сильнее, чем прежде. Отец держал сына так нежно, боясь пошевелиться, казалось, что и дышал-то мужчина через раз. Молодая женщина посмотрела на эту идиллию, и любовью наполнилась ее душа.

— Ты когда уезжаешь?

Александр испуганно прижал к себе сына, как будто его хотят отнять у него, а затем тихо произнес:

— К сожалению, завтра.

Галине стало зябко, или это от его слов повеяло холодом.

— Завтра, так завтра, а пока ты — наш гость.

Она хотела взять сына, но Александр не дал.

— Можно я сам понесу его,— сказал он. И пара медленно пошла по аллее. Галине хотелось, чтобы этот день продолжался вечно.

Дома малыш закапризничал, расплакался, и она машинально сказала:

— Дай мне Сашеньку, я покормлю.

— Повтори, я не ослышался, повтори, как ты назвала нашего сына?

— Я дала ему имя любимого человека — Александр.

— Ты назвала его моим именем?

— Да!

Он посмотрел на нее глазами полными слез, передал сына, обнял их обоих и спросил шепотом:

— Можно, я останусь?..

Елена Хисамова
(г. Москва)

НОЖКИ В ВАЛЕНКАХ

Николка любил свою деревню. Вот где раздолье, красота. Выйдешь к околице, куда ни глянь, луга расстилаются. А за ними леса густые-прегустые. Дремучие-предремучие. А воздух какой, дышишь — не надышишься. А ягоды-грибы. А молоко от коровы парное с краюхой мамкиного свежее испеченного хлеба! И речка. И рыбалка отменная, что зимой, что летом. А снег чистейший белый-белый, пушистый, нетронутый. Упадешь в него, как в перину мамину. А лыжи с коньками, да санки с гор крутых в лоску Глиняном! Эх, да что там говорить. Любил Николка свою деревню. В городе-то чего хорошего? Машины одни, носятся по дорогам, гудят, библикают. Люди хмурые все, не приветливые, спешат по своим важным делам. Не здороваются никто ни с кем. Хотя, конечно, народу-то сколько, будешь здравствовать целый день, язык отвалится. Когда батя брал его с собой единственный раз в город, Николка каждому встречному-поперечному здоровья желал. Люди, кто удивлялся, кто нет, по большей части отвечали, но многие, не обращая внимания, мимо проходили. А снег у них там какой!? Да какой же это снег? Грязный, серый, лежалый. Разве в таком поваляешься, подбросишь охапку вверх. Ну, допустим, подбросишь, и будешь весь в грязи.

Одно только Николке понравилось: метро! Вот здорово, на лестницу встал, и она везет тебя сама. И внизу красотища такая, картинки на стенах с красноармейцами, и статуи разные, даже с собакой есть! Николка, как увидел ее, сразу Бурана своего вспомнил. Эх, наверно на цепи теперь сидит, томится. Мама не спустит его, пока Николка с отцом в городе. Ведь будет, как шальной, по деревне носиться, его, Николку искать, да народ пугать. С виду то Буран — чистый волк. А может и взаправду волк, батя возле леса его нашел. Потом дядька Прохор говорил, что на лугу за деревней волчицу несколько раз видел, да у Грачевых козел Борька пропал. Одна веревка расстрепанная на колу болталась. Может и впрямь волк.

В общем, не понравилось Николке в городе. Он ему своим шумом злого майского жука напоминал, жужжащего в спичечном коробке.

Хотя каждому свое. Вон к Нылкиным и Агаповым летом дачники приезжают, чтобы дети на свежем воздухе побыли. Так Генка с Лизкой вечно задаются, что городские. И кино у них там посмотреть в кинотеатре самое новое можно, и конфеты в магазине шоколадные есть, а у вас только карамельки, слипшиеся и без фантиков, да «Тимур и его команда» и «Чапаев» в клубе по субботам. Николка и его дружок задычный Виталька порой и на крик срывались, все доказывали этим зазнайкам, что у них в деревне лучше. Да что с них толку, с этих неженков, «девчонок». Лизка хоть на самом деле девочка, а Генка! Вот ведь «кисейная барышня» в штанах. Чуть что — сразу в слезы. Ой-ой, пальчик порезал, пчела укусила, занозу посадил, ногу подвернул, с тарзанки свалился. И так целыми днями. Нытик, он и есть нытик. Так между собой Николка с Виталькой считали. Но все равно, когда дачники приезжали на летние каникулы, ребята играли с ними. А то себе дорожке выходило, тетка Серафима

Нылкина, чуть что, к маманьке сразу жаловаться бежит, что Николка — злодей, Генашу обижает. А мать у Николки на расправу скорая, и рука у нее тяжелая. Долго разбираться не будет, выдерет «по первое число» и весь сказ. Как тогда, когда Николка случайно у отца в старом ватнике (и зачем туда полез?) мятую пачку «Дымка» нашел. Сразу представлять начал, как они с Виталькой костерок запалят, он папироску вытащит и закурит так небрежно. Вот, Виталья глаза вытаращит! Ну и решил порепетировать, эту небрежность при прикуривании. Порепетировал. Мать как раз мимо шла, свинье давать собиралась, и ботву несла для поила. Выволокла она его из туалета, и такую «Кузькину мать» показала отцовским солдатским ремнем! Ну, Николка сам хорош, нашел тоже место, где спрятаться.

Короче, хоть может и не очень ребятам того хотелось, но, когда городские на лето приезжали, играли они все вместе. Игры как игры: прятки, штандер-стоп, вышибалы, в «дурака» и «пьяницу» в картишки перекидывались. И конечно, в войнушку. Простора для детского воображения хватало с избытком, места для проведения воображаемых сражений тоже. У ребят было все, и землянка, вырытая все в том же Глиняном лоску, и окопы — ямы, оставшиеся от забора глины для постройки печей, даже «катюша», из колесной пары телеги и ствола, поваленной во время грозы, березы. Они были бойцы, а Лизка медсестра, таскавшая их на себе с поля боя, и делающая перевязки. Только уговор был такой: на кладбище не играть.

На довольно крутом пригорке невдалеке от деревни располагалось местное кладбище. Домов конечно рядом не было, кому может понравиться такое соседство. Только крохотный домик тетки Зинаиды стоял с самого края. Она, как говорили, была кладбищенской сторожихой. Хотя кого там сторожить? Мертвяков что ли? Так куда же они уже убегут? Мертвых Николка не боялся, считал все рассказы о них выдумками. И на кладбище играть не из страха не хотел ходить, а просто, нехорошо это. Люди больше, те, что там лежат, ни солнышка, ни леса не увидят. А мы носиться между могил и радоваться жизни, что ли? Нехорошо это, и весь сказ. Виталья же, наоборот, до одури боялся мертвяков, леших, домовых, баб ег, колдуний и прочую несуществующую чушь. Что не мешало ему, однако на костре всех стараться напугать непонятно откуда берущимися страшными историями. Когда он заводил еще одну очередную: «В черном, черном городе, на черной, черной улице...» Николка всегда предупреждал его: «Виталька, провожать не пойду». Друг храбрился, говорил, что и не надо, он вообще ничего не боится. Но перед тем как расходиться, начинал озираться по сторонам, вздрагивать от шорохов и треска деревьев. И в итоге Николке приходилось тащиться с ним на другой конец деревни. По дороге еще и уговаривать, что нет ничего страшного.

Но в тот день произошло событие, из-за которого он перед самым заходом солнца оказался на кладбище. Это рохля Генаша был во всем виноват. Что этого труса занесло на кладбище, где он потерял армейские часы деда, подаренные тому комполка? Генка рыдал так жалобно, расписывал в красках все наказания, которые обрушатся на его непутевую головушку, что сердце Николки дрогнуло. «Ладно, пошли», — согласился он, и пристально взглянул на Витальку. Друг под его взглядом сразу как-то съезжился и залепетал: «Никол, ты знаешь. Да мамка сказала, ну, это, короче, мне домой надо, а то батя прибьет, поздно уже, и...». «Трус!» — весомо припечатал его Николка, развернулся и пошел по направлению к кладбищу, ожидая, что друг вот-вот нагонит его, положит ему руку на плечо, и они пойдут вместе. Но этого не произошло. Никто так и не догнал его, и Никола горестно думал: «А есть она вообще, эта самая настоящая дружба?».

Поднявшись на пригорок, он ступил на территорию кладбища. Солнце уже садилось, и длинные тени лежали на земле. Тишина стояла прямо звенящая. И ни ветерка. Николка шел между могил, внимательно смотря себе под ноги. «Ну, где этот раззява

мог часы уронить? Разве найдешь их здесь, травища вон какая, местами по пояс мне вымахала».

Кладбище и впрямь зарастало травой. Некоторые могилы, тех, кто был похоронен сравнительно недавно, родственники еще посещали, убирая на них два раза в год. Перед Пасхой и в Родительское воскресенье. Николка знал об этом, потому что сам, с матерью и отцом, каждый год ходил сюда на могилы своих бабушки и деда. Он и не боялся поэтому ничуть, но чем ниже садилось солнце и сильнее удлинялись тени на траве, тем как-то тревожнее становилось у него на душе. Сразу откуда ни возмись, начали вспоминаться дурацкие страшилки Витальки, его «гроб на колесиках» и другая белиберда.

«Мать прибьет, если узнает», — подумал Николка, и вдруг краем глаза заметил, как зашевелилась трава слева от него. Резко развернувшись всем корпусом в ту сторону, никого там не заметил, только трава колыхалась, будто кто невидимый шел сквозь нее. «А вдруг волк?» — почему-то подумал Николка, с опаской глянув на чернеющий вдаль лес. «Ведь папаша рассказывал, что мужики не раз в лесу волка видели, здоровущего. Глаза только, говорили, умные такие, как человек смотрит, пристально. Отец еще смеялся, что после самогонки Матрениной не то что волка увидишь, черти рогатые «барыню» плясать будут. А вдруг, правда, волк? Чего делать-то? Бежать или столбом стоять, пока не сплает?» Николка повернулся, чтобы все-таки дать деру, и аж подпрыгнул на месте от испуга и неожиданности. Перед ним стояла тетка Зинаида, та самая кладбищенская сторожиха. В деревне ко всему прочему шептались, что она еще и ведьма. Но Николка, как-то раз, спросивший об этом у матери, услышал такой ответ: «Может и ведьма, только несчастными ведьмы вряд ли бывают. Уж обязательно что-нибудь хорошее себе наколдуют. Не слушай ты ерунды, сынок, иди лучше скотине дай. Это люди от злобы своей да от невежества болтают по чем зря». И сколько не пытал ее потом Николка, с чего это тетка Зинаида несчастная, мать только отмахивалась от него.

Тетка Зинаида тем временем строго смотрела на Николку, с прищуром, словно букашку какую-то неведомую увидела перед собой. «Это чей же ты такой будешь? Ну-ка, ну-ка, а, так Вальки Авдеевой. Хорошая мать у тебя, порядочная баба, работающая, да и отец твой — мастер на все руки. Не запойный, не драчун. Что ж, семья-то видно подкачал. Ты что, лихоманец, под ночь по кладбищу шастаешь? Мертвых покой нарушаешь? Нет в нынешнем поколении никакого уважения. Нет, чтоб старухам помогать, он на погост притопал. А ну, геть отсюда, чтоб духу твоего здесь не было». Николка от испуга и неожиданности только рот разевал, силясь хоть слово сказать. Наконец, он выдал из себя нечто невразумительное: «Я тут, э... мы тут, вы не видели?» Тетка Зинаида прикрикнула: «Говори яснее! Зачем на кладбище толчешься? Пакость какую затеваешь? Или дурачок ты? Вроде не похоже». Николка, наконец, собрался с мыслями и зачастил: «Простите, тетка Зинаида! Не хотел я ничего плохого. Просто Генаша, дачник Нылкиных, часы на кладбище дедовы командирские потерял. Вот я и пошел искать. Ну, чтоб для Генки, значит. А то ведь дед его выдерет мама не горюй. Ну, вот я и хотел помочь». «А сам-то он что же? Струсил? А ты, значит, герой по кладбищам лазить? Иди с глаз моих долой. А другу твоему выволочка на пользу пойдет, нечего без спроса брать. Не тобой положено, не тобой возьмется. Ну!!!» — прикрикнула тетка Зинаида, и тут уж Николка бросился наутек.

Дома он, конечно, ничего не рассказал, схватил со стола холодную картофелину и кусок черного хлеба и мышью прошмыгнул мимо зала, где мать с отцом телевизор смотрели. Хорошо, что показывали «Семнадцать мгновений весны», а то бы так просто ему позднее возвращение с рук не сошло.

Утром Генка прибежал с вопросом, нашел ли что на кладбище Николка? Тот не стал ему рассказывать о встрече с теткой Зинаидой, только коротко ответил, что нет.

На Витальку Никола сердился, тоже друг называется, так спокойненько бросил одного, сам киношку домой смотреть побежал. Но тот как ни в чем, ни бывало с утра примчался и стал звать его на рыбалку. Николка никогда не умел долго дуться, обрадовался, собрал удочку, копнул червей в компостной куче, и они пошли к озеру. Озеро это было расположено в лесу. Ходу до него было от деревни минут сорок. Николка всегда с собой на озеро Бурана брал, но сегодня того где-то черти носили. Даже удивительно, обычно сидит возле крыльца, язык набок свесив. Его Николку дожидается, будто знает, что на рыбалку пойдут. Мальчик у матери спросил, не видела ли та Бурана, мать ответила, что «этот дьявол ночью так выл, мочи не было терпеть», она вышла, спустила его с цепи, и до сих пор не возвращался пес.

Так и пошли они вдвоем. В лесу хорошо было, приближающаяся жара вовсе не чувствовалась. Николка, наконец, сменил гнев на милость и всю дорогу рассказывал другу про вчерашнюю встречу с кладбищенской сторожихой, не забыв приукрасить ее всяческими пугающими подробностями. Виталька слушал его с открытым ртом, в особо страшных местах ойкая и озираясь по сторонам.

Наконец показалось озеро. Ребята закинули свои нехитрые снасти и замолчали. И вдруг... Начался такой клев! Николка никогда не верил рассказам рыболовов, что можно одну за другой рыбины таскать. Думал, бахвалятся, но тут! Они с Виталькой не успевали червей насаживать. И надо же было такому случиться, зацепился крючок Виталькиной удочки за коряжину. Тот заныл, конечно, запричитал, поглядывая косо на Николку. Дескать, горло недавно болело, да в воду ему нельзя, мамка сказала, осложнение там какое-то будет. Николка слушал его, слушал, махнул рукой, разулся, снял штаны и рубаху и полез.

Дно в озере противное было, илистое. «Пиявок, небось, теперь нахватаю, фу, гадость», — только и успел подумать Николка, как дно вдруг резко ушло у него из-под ног. И он с головой погрузился под воду. Вообще-то, он плавал достаточно неплохо, по-собачьи, так назывался у них с ребятами этот стиль плавания. Но от неожиданности, и от того, что он не мог достать ногами до дна, чтобы оттолкнуться, он начал тонуть. Голова его то ненадолго оказывалась над водой, то полностью погружалась под воду. И паника постепенно овладевала мальчиком, движения становились все хаотичнее и беспорядочнее. И, когда он в короткий последний миг смог еще раз вынырнуть из-под воды, увидел, что друг его убегает прочь от озера по протоптанной тропе, ведущей к деревне. Сил бороться уже не осталось, и Николка стал опускаться ко дну. Вода была темной и мутной, водоросли и тина плавали в ней. Николка из последних сил сдерживал дыхание, чтобы не впустить воду в легкие, но он порядком нахватался воды, когда барахтался и на поверхности. В ушах уже звенело, воздуха не осталось совсем. И в эту секунду Николка увидел перед собой лицо девочки с длинными белыми волосами. «Русалка», — подумал Николка и сделал вдох.

Мальчика долго рвало противно отдающей тиной озерной водой. Виталька сидел рядом и в сочных красках рассказывал, какой он молодец, ведь это он, да-да, именно он и никто другой спас Николку. И теперь ему могут дать медаль, а то и целый орден за спасение утопающего. Николка вяло слушал его, думая о своем видении под водой. «Почудилось. Девочка-то там откуда? Под водой люди не живут. Лицо ее я запомнил, красивая она. Господи, Виталька, когда же ты замолчишь. А волосы почему у тебя совсем сухие? Если ты меня спасал, то нырял бы с головой. Но ведь нырять ты не умеешь. У тебя задняя часть из воды вечно, как поплавков торчит. Так была девочка или нет?» — билась мысль беспокойными птичками в голове Николки.

Дорога домой показалась ему бесконечной. Что рассказывал Виталька родителям, он не слушал. Пройдя в свою комнату, он лег на кровать и сразу забылся беспокойным сном. Сквозь сон он чувствовал, что мама несколько раз подходила к нему и

нежно клала руку на лоб, проверяя, нет ли у него температуры. А еще ему снилась девочка, с длинными белыми волосами. Она смеялась, и смех ее звенел, как хрустальные колокольчики, звенел, звенел...

Николка проснулся от звона. Мама мыла банки под молоко. Он чувствовал себя абсолютно здоровым. «Как ты, сынок? Мы так перепугались с отцом. Какой Виталик молодец, настоящий друг, не бросил тебя. Я не знаю, как бы мы без тебя, сынок». — начала мама, увидев Николку. «Не волнуйся, все хорошо. Я люблю тебя, мам». — мальчик налил себе большую отцовскую кружку молока, отломил огромный ломоть хлеба и вышел на крыльцо. Он уселся на нагретые солнцем ступеньки и стал уплетать хлеб, запивая его еще теплым парным молоком. Все было необыкновенно вкусным сегодня, и день необыкновенно ярким, и солнце нежно грело кожу, а не обжигало своими раскаленными лучами. «Это все таким мне кажется, потому что я мог умереть вчера. Я уже почти умирал там под водой. Кто она? Эта девочка?» И вдруг... Николка замер с непрожеванным куском во рту. На тропинке перед домом, в пыли стали отчетливо проявляться следы, словно шел невидимый маленький человечек, или ребенок. Следы дошли до травы, где их увидеть уже было невозможно. И опять Николка явственно услышал хрустальный смех из сна. Он побежал в дом, чтоб рассказать матери, но передумал. А ну как испугает ее, подумает, что у Николки с головой неполадки после вчерашнего утопления.

Николка прошел к себе, улегся на кровать и начал думать: «Не мог меня Виталька спасти, и все тут. Я же видел, как он убегал по тропинке. И волосы у него были совершенно сухие, когда я очнулся. А плавает он еще хуже меня, и нырять вообще не умеет. И надо честно признаться хоть самому себе, что друг мой — трус, трус, трус. А может это он? Просто мерещилось все: побег его, девочка какая-то, а теперь еще и следы несуществующих ног. А может, это следы этой девочки? Несуществующей, да? Привидения что ли? Или ожившего мертвеца? — зябко передернулся Николка. — «Вот теперь и я, как Виталька, во всякую муть загробную верить начинаю». Взгляд его блуждал по комнате. Стоп, а что это блестит на подоконнике. Николка приподнялся на кровати, присмотрелся, и сердце его сначала ухнуло в пятки, а потом подступило к горлу и застучало часто-часто. На подоконнике лежали командирские часы Генашиного деда.

После долгих раздумий, Николка надел белую рубаху, пригладил с помощью воды и гребня свои непокорные вихры и отправился на кладбище. Единственное разумное объяснение появлению часов на своем подоконнике, приходящее ему в голову: тетка Зинаида нашла их и, незаметно подойдя к окну, оставила там. Он подошел к кладбищенской сторожке и робко постучал в дверь. «Тетка Зинаида, можно войти? Это я, Никола Авдеев». — громко сказал мальчик и, не дождавшись ответа, постучал еще раз. Тишина. Он толкнул дверь, она протяжно заскрипела и отворилась. Мальчик с опаской ступил в темные сени. По стенам висели пучки сушеных трав, которые пахли остро и пряно. Дверь в комнату была открыта, Николка с опаской заглянул в нее, но тетки Зинаиды и там не было. Он решил войти. В комнате было чисто и приятно пахло свежестью и какими-то цветами, но никакие цветы нигде не стояли. На огромном старом комоде было много фотографий и свечей. Николка приблизился и с интересом стал разглядывать старые снимки. Здесь были и очень старые фото: мужчины во фраках и мундирах царской армии (Николка видел такие в книге по истории), женщины в кружевных платьях и огромных шляпах, красивая молодая девушка с маленькой белокурой девчушкой на руках, и... Николка остолбенел. Как в замедленной съемке, он протянул руки и взял фотографию смеющейся девочки с длинными белыми волосами. Той самой подводной «русалки». Снимок был в тонкой черной рамке, под стеклом. И тут же услышал: «Положи на место», — Николка

вздрагнул и выронил фотографию из рук. Рамка треснула, а стекло разбилось вдребезги. Николка растерянно смотрел себе под ноги, потом присел на корточки и стал собирать осколки с пола. «Я, что, звала тебя в гости? Зачем появился да еще по дому лазаешь? Отвечай, кого спрашивают!» — притопнула ногой рассерженная старуха. От испуга рука мальчика дрогнула, и он порезался осколком. Несколько капель крови упали на фотографию. Николка подумал, что теперь уж тетка Зинаида заругает его еще сильнее. Он втянул голову в плечи и замер так, как нахохленный птенец. Онглянул на фотографию еще раз и с удивлением увидел, что капли крови, попавшие на снимок, исчезают прямо на глазах, словно втягиваются внутрь. Тетка Зинаида охнула, схватила его за руку и поволокла прочь из дома. «Откуда ты только на мою голову взялся? Вот не было печали... Сгинь, чтоб я тебя не видела больше!» «Постойте, тетка Зинаида, да послушайте же меня!» — взмолился Николка, откуда только смелость взялась. И он начал сбивчиво рассказывать и об озере, и о девочке под водой, и о следах в пыли, и, наконец, спросил: «А Генкины часы, Вы ведь принесли и на подоконник положили? Ой, спасибо, тетка Зинаида!» — Николка за своим рассказом не заметил, как изменилась в лице старуха. Поначалу сердитое лицо ее к концу Николкиной речи и вовсе стало мрачнее тучи. «Вот что, парень, ты не ходи сюда больше. Слышишь. Как бы худа не было». «Да какого худа, тетка Зинаида?» — взмолился Николка. — «Девочка эта, на вашей фотографии вылитая та, что меня спасла. Где она живет? Скажите мне? Я пойду к ней. Она же необыкновенная!» Лицо тетки Зинаиды дрогнуло и Николке показалось, что оно прямо сейчас искривится в жалобной гримасе, и старуха заплачет. Но через секунду оно опять окаменело, и она сказала: «Я знаю». — повернулась, вошла в дом и закрыла дверь.

Николка вернулся домой с твердым решением, чего бы это ни стоило выпытать у матери про тетку Зинаиду все, что она знает. При этом, конечно, сохранив в тайне и девочку, и следы. Ни к чему мать пугать. Мама, как всегда, была занята их обширным хозяйством. На подворье были и свиньи, и корова, пяток коз, куры, гуси и даже «экзотический», смеялась мать, индюк Хоттабыч. Так его прозвал отец, которого, кстати сказать, только и любила эта вредная птица, и бегала за ним на манер собаки. А при виде Николки, он весь раздувался, начинал курлыкать злобно и трясти своей бородой. И не попадайся тогда ему под клюв. Обязательно щипнет. И потом важный такой ходит по двору. Хозяин тоже нашелся. Николка его терпеть не мог.

Никола помогал матери, а сам все пытался зайти издалека, все про историю их деревни спрашивал. Но все вопросы непременно к тетке Зинаиде сводились. Мать, конечно, не глупая женщина, прекрасно все Николкины уловки видела, отговаривалась от него, как могла, но за день он так ее замучил своими расспросами. Она уж и прикрикивала на него. Нет, прилип, как банный лист. И решила мать рассказать ему правду о тетке Зинаиде, вон парень уже большой какой стал. Посадила она сына перед собой и начала: «Не отстанешь ведь ты. Так слушай. Давно это было. Тетке Зинаиде годков уж девяносто, поди. Родилась она в прошлом веке. И знатного рода, говорят, была. Княгиня какая-то. Ну не важно. Короче, влюбилась она в простого селянина, а обручена была с сыном графа богатого, и свадьбу скоро играть собирались. А матушка того графского сына, ну, то есть графиня старая, спиритизмом занималась. Духов всяких вроде из загробной жизни вызывала. В общем, колдунья была. Тьфу-тьфу-тьфу, не к ночи будет помянуто, — мать быстро перекрестилась три раза. — Ну, вот. Молодая Зинаида со своим возлюбленным и сбежала, прямо из-под венца. Молодой граф, позора такого не пережил, взял, да и застрелился в ту же ночь. А графиня старая, мать его, Зинаиду прокляла, и детей ее, и внуков, до седьмого колена. Только никаких колен и не будет. Родилась у Зинаиды дочка единственная, Маруся. Они с мужем души в ней не чаяли. Девочка умница была да красоты, гово-

рят, сказочной. Тяжело жилось Зинаиде с мужем и дочерью, бедствовали они сильно, но еще тяжелее стало, когда кормильца на войну Первую мировую забрали, в четырнадцатом году она началась. Остались они с девочкой вдвоем, потом революция, Гражданская, стигнул муж Зинаиды, без вести пропал». «А девочка?» — с замиранием сердца спросил Николка. «А девочка, лет десять ей тогда было, зимой пошла, возле леса хвороста набрать. Мать не разрешала, но она не послушалась, тайком побегала. Уже и смеркаться начало. Нет Маруси. Бросилась Зинаида на улицу, бегала, звала. Мужики деревенские к лесу с ней с факелами самодельными да топорами пошли. Звали, кричали, да без толку все. Только в глуши леса волк где-то выл — завывал протяжно и тоскливо. Вот в неверном свете факела заметила Зинаида нечто темное на снегу. Ближе подойдя, упала женщина без чувств: на снегу валеночки Марусины стояли, в них ножки ее остались только целыми, все остальное съели волки. Так и похоронили потом эти ножки вместе с валеночками. А Зинаида с той поры странная стала, нелюдимая, говорят, колдовством занялась, но не верю я всему, что люди болтают. На кладбище поселилась. Могилку Марусину охраняет».

Николка был ошарашен. «Что же это получается? Значит, прав Виталька был, когда говорил, что мертвяки оживать могут? Люди уже в космос почти двадцать лет летают, атомы-нейтроны всякие изучают. А тут мертвые из могилки выходят? Но по-другому объяснить все, что происходит со мной, невозможно». С такими мыслями Николка и уснул. И опять ему девочка снилась, и смех. И так Николке хорошо и радостно от смеха того становилось, душа пела.

Утром он опять собрался и, невзирая на запрет, отправился к тетке Зинаиде на кладбище. Еще он топорик с собой прихватил, тот, что батя подарил весной. Заметил он дрова, не переколотые, рядом со сторожкой навалены. Ну как это старуха девяностолетняя, скажите на милость, колоть их сможет? Тетки Зинаиды возле дома он не нашел, сторожка была закрыта, так Николка, чтоб время не терять, сразу за дрова принялся. Колот он долго, больше часа прошло, пока голос у себя за спиной не услышал: «Опять ты, настырный?» «Я, тетка Зинаида, только батя говорит, что я настойчивый». «Молодец, за словом в карман не полезешь. Ну, ладно, настойчивый, пойдем, я тебя чаем напою. Заслужил». Никола поначалу ушам своим не поверил. Потом они с теткой Зинаидой долго пили чай, с таким вкусным малиновым вареньем, что мальчик чуть язык не проглотил. И еще с баранками, которые старушка в местном сельпо купила. И разговаривали. Тетка Зинаида его обо всем спрашивала, и про мать с отцом, про хозяйство, про школу, и, особенно, про друга его, Витальку. А когда он ей о Буране рассказал, что два дня пес домой уже не возвращается, странно так сказала тетка Зинаида: «Ты пока не жди его, вдвоем им в деревне не ужиться». Мальчику вовсе не хотелось уходить от старушки. К тому же она знала множество интересных вещей, да и рассказчицей была знатной. Провожая его, тетка Зинаида сказала еще нечто любопытное: «Ты, Никола, отныне наблюдай, что за люди рядом с тобой. Может ненужный человек рядом ходит, для тебя опасный». Николка даже фыркнул, не удержался, это кто же опасный, мать с батяней что ли, или Виталька? «Ты не фыркай, а слушай старуху. Зря говорить не буду. Беда, видать, где-то рядом ходит».

Так Никола и повадился к тетке Зинаиде ходить. То дрова порубит, то воды натаскает, то на маленьком огороде гряды польет, да сорняки выполет. Подружились они, а тетка Зинаида и не гнала его больше. Полюбила она мальчика за открытость, доброту и честность.

Незаметно лето пролетело.

Начался учебный год. В первый же школьный день, на торжественной линейке, на виду у всей школы председатель сельсовета вручил медаль «За спасение утопающего» и самому первому в классе повязал пионерский галстук его другу Витальке. Николке

хотелось закричать на весь свет, что это неправда, вруну и трусу не повязывают галстук, а медаль заслужить надо. Но как он все объяснит? Меня привидение спасло? Да его в школе засмеют потом.

Целый день Николка ходил сам не свой. А Виталька, наоборот, весь надутый от гордости. «Прямо, как индюк наш, Хоттабыч,— думал Николка.— И ведь не стыдно ему, ни капельки». Но Витальке было не стыдно. Он грелся в лучах славы. Все девчонки крутились вокруг него, пищали: «Ах, какой ты смелый, ой, какой ты бесстрашный!» Ребята тоже без конца подбегали на медаль посмотреть. Даже десятиклассники подходили, чтобы руку ему пожать. Николке неприятно все это было. Так что после уроков он побыстрее постарался уйти, чтоб с Виталькой не возвращаться вместе. Вечером он не утерпел, пошел к другу и спросил у того прямо в лоб: «Почему ты врешь, Виталия. Я же видел, как ты к деревне убежал. Ты ведь и плавать не умеешь толком, и нырять. Не ты ведь спас меня. Кто-то другой, но не ты». Виталька молчал, сопел и смотрел в сторону. Лицо его стало пунцовое, глаза налились слезами. «Кто-то? Нет у тебя доказательств никаких! Моя медаль, моя!!! Ни за что я ее не отдам! Ты просто завидуешь!!!» — вскинулся на крик Виталька. «Подлости не завидуют». — тихо сказал Николка и ушел.

С того дня дружба их дала трещину.

Николка все так же бегал к тетке Зинаиде, то по хозяйству помочь, а то просто так, поговорить со старухой. С Виталькой он совсем не гулял, виделись только в школе. Ребята в классе осуждали Николу, учительница говорила ему, что надо уметь быть благодарным, тебе жизнь спасли, а ты... Николка только зубы сжимал крепче. Так до Нового года все и шло: Николка сам по себе, и Виталька тоже. Но детские обиды быстро течны. На Новомоднем утренике в школе помирились друзья. Все обиды были забыты, веселились от души. Вместе и домой пошли, только опять, как всегда Николке пришлось провожать своего мнительного приятеля. Виталька озирался всю дорогу, вздрагивал да Николку за руку хватал. «Ну что ты, как девчонка, вечно всего боишься? А еще медаль носишь и галстук пионерский». — подначил друга Николка. «Да-а-а-а,— заныл Виталька.— Хорошо тебе говорить. Со мной последние дни странные вещи происходят. Вот я что-нибудь положу, потом ищу, ищу, найти не могу. Помнишь, пару по географии за контурную карту получил, ну, что не принес ее? Помнишь? Я эту карту обыскался, а потом ее маманя на скотном нашла. Как она туда попала? Ты же знаешь, меня мать не заставляет за скотиной ходить, не как некоторых», — не удержался он подковырнуть друга. — Да и спать я плохо стал, то треск какой-то, а то словно застучит в стене. Пес наш выть стал каждую ночь. Мать еще пугает, мол, нехорошо это, к покойнику. А еще поутру я следы вокруг дома видел. В ту ночь снега много напало, нехоженный он совсем лежал. И следочки маленькие такие, а возле моего окна все утопано». Проводил Николка друга, а у самого беспокойно на душе. Прямо сейчас бы к тетке Зинаиде побежал, рассказал о следах этих маленьких. «А может из класса кто озорничает?» — уговаривал себя мальчик. Утром, только рассвело, он помчался на кладбище. Николка передал ей весь вчерашний разговор. «Что делать-то, тетка Зинаида? Что вокруг Витальки происходит? Он, конечно, не порядочно иногда поступает, но он мой друг. Я ему зла не хочу». Старуха сидела молча, только губами шевелила, будто жевала. Николка ждал. Наконец, она словно решила на что-то. «Пойдем», — тихо сказала и начала одеваться. А еще взяла она с собой воды в ведре и кружку. Шли они недолго. Под раскидистой березой могила Марусина была. Крест большой деревянный, в него фотография вставлена под стеклом: красивая смеющаяся девочка с длинными белыми волосами. «Поливай!» — приказала тетка Зинаида. «Что поливай?» — не понял Николка. «Могила поливай, да помалкивай!» — прикрикнула старуха и громко начала:

*Душа, душа, где ты бродила?
Где б ни была, ступай до тела.
До Марусиных очей,
До Марусиных костей.
До Марусиных рук,
До Марусиных ног.*

Так отчитала тетка Зинаида три раза, а Николка всю воду из ведра вылил, и пошли они в сторожку. Пили чай, как всегда с вкусным малиновым вареньем, только молчала все тетка Зинаида, да и мальчику разговаривать не хотелось.

Через три дня Виталька к нему прибежал, веселый, довольный. Стал звать его на горку, кататься. Обычно ребята в Глиняном лоску катались, горы там крутые. Что в этот раз их привело к реке, Николка сам не мог понять. Речка тоже протекала между двух крутых берегов. Пожалуй, горы здесь были еще выше, чем в лоске. А так как ребята катались на оцинкованном корыте, то скорость, с которой летело их средство передвижения, была прямо таки сверхскоростной. Они катались уже довольно долго. Зимой темнеет рано, уже и луна на небе появилась. Она была огромная, как блин. И ярко-оранжевая. Зловещая, сказал бы Николка. Они решили скатиться в последний раз, уселись, оттолкнулись и покатались. Все быстрее, и быстрее, и быстрее! В этот раз их вынесло аж на середину реки. Корыто остановилось, мальчики встали, чтобы вылезти из него, вдруг раздался резкий треск, лед лопнул, и корыто вместе с ребятами погрузилось в воду. Виталька завизжал и начал цепляться за Николку, топя его. Николка, из последних сил, отцепил его руки от себя и пытался снизу выпихнуть друга на лед. Сначала лед обламывался под весом мальчика, но в какой-то момент получилось, он выдержал, вот уже Витальке удалось вылезти до бедер, потом еще, и еще. Он полз по льду, все дальше, оставляя Николу, барахтающегося в полынье. «Опять бросил», — думал мальчик. Тяжелая мокрая одежда и валенки тянули камнем вниз. Никола замерз. Он надеялся только на то, что Виталька пришлет помощь. Время шло, а помощь не приходила. И последнее, что увидел мальчик перед тем, как впасть в забытие, были маленькие валенки. Они быстро пробежали перед лицом Николки, и сознание его отключилось. Потом ему казалось, что его бьют по щекам, переворачивают, трясут, везут. Кто, куда, зачем, он не понимал, и не хотел ничего. Только спать, спать. Сон наваливался на него, как тяжелое душное покрывало. Тяжело дышать, нечем. И тут опять смех. Хрустальные колокольчики. «Маруся, Маруся...» — шептал он в бреду долгие три дня.

Его нашла тетка Зинаида. Что привело ее на речку, родителям она так и не сказала. Да от счастья, что Николка жив, они ее не очень расспрашивали. А потом спросить стало некого. Пока Николка болел, тетка Зинаида умерла. Мама только рассказывала, что старуха радостная уходила, и у порога ей сказала, что девочка ее свое предназначение выполнила. Спасла чистую душу. Теперь всем покой будет. С тем и ушла.

Витальку он больше не встречал. Родители его на заработки в город подались, все продали спешно и уехали. Да и к лучшему оно. Не друг он, так, наносное все.

Буран снова вернулся домой. Худющий и с оборванным ухом. Никогда после этого он не убегал и везде бегал за Николкой.

На могилки Маруси и тетки Зинаиды Николка и по сей день ходит, но не два раза в год, перед праздниками престольными. А как на душе тяжело, да выговориться хочется. Ни следов, ни валенок маленьких он не видел с того раза. Но зато понял, что летая в космос, изучая атомы-нейтроны, можно верить и в чудеса.

Алексей Яшин
(г. Тула)

«ОТ ТРУДОВ ПРАВЕДНЫХ...» БУДНИ СЫСОЯ*

♦ Хотя прошло уже полторы недели со скандальных бортянских выборов, но Сысой, входя утром в приемную, отмечал некоторую сухость в приветствии секретарши. Сегодня, будучи в хорошем настроении — по погоде — даже позволил шутку: «Правильно, Людок, злись на нас, народных кровососов! История, как писал твой умный брат в предвыборных прокламациях, есть категория периодическая, повторяющаяся. Придет очередной семнадцатый год — и нас, толстозадых, опять братишки, перепоясанные пулеметными лентами, в деревянный бушлат оденут...». Сысой заговорщицки подмигнул и слегка переврал школьного Некрасова: «Жаль только в пору прекрасную жить не придется ни мне, ни тебе». — И прошел в свой кабинет.

Начинался рутинный трудовой день. А Люда даже улыбнулась, оставшись одна в приемной. Все же в отъявленном мерзавце Сысое есть некоторая здоровая основа. Пожалуй, и спала бы с ним, не будь Сысой неразборчивым бабником. Тот же и не отрицал: будь на дворе советская власть, особенно времен железных сталинских наркомов, так был бы он не с погонялом Сысой, а именовался товарищем Сысоевым, Героем соцтруда и орденоносным директором крупнейшего в главке оборонного завода...

Странно, но и Сысой то же подумал, перелистывая ежедневник срочных, полусрочных и вовсе пустяжных дел. «Были стрелки, стали сделки», — бормотал он. Нашел-таки запись важнейшего на сегодня дела: выяснить, почему главные в Бортянске мент Трифонов и пожарник Фоменко вдругорядь за этот квартал и, что настораживало, одновременно потребовали от городских оптовых торговцев и предпринимателей внеурочный бакшиш. Даже ему, невзирая на авторитет, намекнули: неплохо бы поддержать бедных полковников...

Сысой поначалу хотел послать куда подальше наглецов, но подумал и по кости им кинул; закон воровского общака: надо даже со всякой сволочью делиться от излишков. Сволочь, но ведь своя сволочь... Как говаривал некогда американский президент, спасая из потерянного америкосами Вьетнама своих марионеток...

Вот совсем недавно полетел с поста с воровской статьей тулуповский губернатор. А почему? — Сверхжадным оказался хохол, много хапнул и со своей шайкой-администрацией не поделился. Правда, успел им отомстить: всех под тот же монастырь подвел. Так и пошли бы всем кагалом на отсидку, да воспоследовавшие двойные выборы удачными оказались; на радостях всех их спустили на тормозах. Тоже закон общака сработал.

Но что случилось с Трифоновым и Фоменко? Сысой не переносил неясностей и фигур умолчания в *своем* городе.

♦ Позвонил своему осведомителю в городской управе; тот толком ничего не

* Глава из романа «Квадратная пустота», над которым автор сейчас работает.

знал, но дал наводку: какие-то семейные дела. Раз семейные, то это к бабам надо обращаться. Позвонил по селектору Люде:

— Не слышала, что там мент с пожарником гудят, народ с бабками трясут не по времени и не по чину?

— Так они решили кумовьями стать, вот и собирают на подарок будущим детишкам-новобрачным: коттеджик заваливающий, новая машина, медовый месяц на Кипре и всякое по мелочи.

— Угу, понятно. Позови ко мне Карлыча. Да, если Аркадий сейчас в городе, то и его кликни.

В ожидании юриконсульта и Аркадия, своего поверенного по московским делам, Сысой вычеркнул из ежедневника фамилии Трифонова и Фоменко, но задумался.

Оно вообще-то хорошо, что полкаши породнятся; легче договариваться будет, да в случае чего оба вместе в нижнетагильскую «красную зону» пойдут по этапу. Явно не по чину стали жировать! Ишь, удумали, как наши среднеазиатские самостийные ханы и султаны, династические браки устраивать.

Хотя Трифонов — правильный современный мент, с поборами почти не зарывается, до баб и пьянки умеренно охоч да еще успевает за своими делами относительный порядок в своей псарне содержать: за год не более пятка из его гвардии на отсидку попадают за превышение...

Зато Фоменко? — Ну что за напасть такая на Руси: что ни пожарный чин, так сволочь откровенная! Где их там штампуют... вроде как в Пензе пожарное училище. Но пензяки, что по жизни встречались, люди все приличные. Где же они будущих пожарных полкашей отыскивают? — Не иначе как по всей стране собирают...

Посмотришь стрезву на Фоменку — даже оторопь берет: экое несуразное подобие человека! Ростом метр сорок с высоченной юдашкинской фуражкой, косолапый, пузо за ремень брючный переваливает, рожа что твоя ж... Тьфу! Главное, глазенки маленькие, бесцветно-наглые, поза всегда лакейская, если только не орет на подчиненных...

Вот в Тулуповске его областного начальника, тоже полковника, по виду — брата родного, даже с похожей фамилией Фомченко, недавно на серьезную отсидку определили. Жил себе припеваючи, брал с правых и с левых — это не о политике — да зарпортовался: затребовал непомерное с солидного купца и областного депутата. Вот и получил по зубам. И наш Фоменка своего часа дождался. Пусть только в его владения сунется; тем более на химкомбинат позарится.

Сам многогрешен, но вокруг — куда ни кинь, везде клин! То есть ворье одно.

...Зуммер селектора отвлек Сысою от обличительных размышлений:

— Артем Андреевич! Борис Карлович пришел. А Аркадий со вчерашнего дня в Москве. Спрашивал: позвонить вам?

— Не надо, без него обойдемся. Пусть Карлыч войдет.

С юристом они закрылись в думной комнате, где и проговорили о важном до самого обеденного времени. Люде велено было всех визитеров первой половины дня гнать прочь, а серьезным людям переназначить время приема на завтра.

...Выходя с юристом из кабинета в приемную, довольный разговором Сысой и несколько скисший от порученной работы Борис Карлович распрощались. Последний сказал секретарше дежурный комплимент насчет наступившей весны и ее веянии на столь очаровательных женщин. Дескать, был бы он раза в полтора моложе, так приударил с самыми серьезными намерениями.

Сысой шутливо изобразил на своем лице свирепую ревность, а Люда, очень довольная ровным весенним солнышком в окне и своими новыми колготками класса «люкс», загадочно ответила бунинскими стихами:

*...А для женщины прошлого нет,
Разлюбила — и стал ей чужой.*

Сысой непонятно усмехнулся, вспомнил и остановил Бориса Карловича уже на пороге приемной:

— Так ты, Карлыч, вспомни наш давешний, в начале зимы, разговор насчет моей тетушки. По некоторым слухам, она сейчас устраивает новую жизнь и собирается продавать наш родительский дом в деревне. Она неопытна в таких делах, так сама тебе позвонит, или ты ненавязчиво сам напросись... Главное, чтобы все правдоподобно выглядело, а я — не я и кобыла не моя! Будь здоров.

Возвращаясь в кабинет, Сысой опытным глазом «левака» отметил ранее им не виденные колготки Люды, присвистнул, подмигнул ей и затворил за собой дверь.

Люда чуть покраснела, вспомнив сегодняшнюю свою дурь, что-де может и спала бы с Сысоем, не будь он таким бабником. «Да-а,— подумала,— весна пришла. Щепка на щепку лезет, как тот же Сысой говорит, а в ней ярится самый пик второй молодости. Нети, Людок, надо тебе хорошего мужика завести, а то и не заметишь: время пролетит, никакие колготки тогда не помогут. Но где его, хорошего-то во всех отношениях, взять? А воспитание не позволяет чисто бабским обойтись: мол, если нет любви, так хоть с мастером...

И Сысой, хотя и был всепогодным и всесезонным бабником («Мое «очко» — мои двадцать один сантиметр всегда готовы к делу», — приговаривал в кругу собутыльников), но сейчас тоже почувствовал первое веяние весны. «Развеяться что ли?» — но, особо не раздумывая, позвонил Егору, чтобы подрулил к входу, а проходя приемную, сказал Люде, что поехал на обед, чего и ей желает.

— После обеда ждать? — Люда слишком хорошо знала повадки шефа.

— Можно ждать, а там по обстоятельствам.

— Понятно. Нелли звоню, чтобы спускалась к машине.

◆ Пообедав в пустом в дневной час банкетном зале своего «Тимофеева трактира», самого приличного в городе ресторана с номерами, названном в честь деда, любившего иногда кутнуть по-деревенски, Сысой поднялся со спутницей на второй этаж в личный «кабинет-кровать», как его именovala обслуга заведения.

Нелка, новая его переводчица и эскорт-дама, как это сейчас называется, на званных представительствах, в прошлом году окончившая иняз Тулуповского пединститута, еще не приелась Сысоем, поэтому он заставил ее непритворно стонать уже под совместным душем. При всех своих достоинствах и женственной ладной фигуре, имела она свой пунктик: обязательно с полчаса поспать в перерыве между «моментом истины». Сысоем же после отменного обеда со сборной солянкой, семгой а-ля натюрель, жаркого из седла барашка и полбутылки любимого «камю», а главное — после освежающего соития с натуральной блондинкой под струями душа не то что сон, даже легкая дрема не смела приблизиться.

«Таковая наша тяжелая мужская доля,— усмехнулся он про себя,— баба есть тонкий инструмент, торопливости в интиме не любит. Только за деньгами к кассе в табельный день может торопиться!»

Ровное дыхание Нелли умиротворяло. Он совсем не чувствовал тяжести ее теплой, обвитой шелковистыми прядями головы на своем плече. Усмехнулся, вспомнив их первую близость полгода назад. Также не дождавшись постели, в ванной комнате загородного дома, повторно встав под душ с ней, поинтересовался: откуда такие женственно-роскошные формы в неполные двадцать два года. Она рассмеялась: «А это, мой многоопытный повелитель, от принятого сейчас раннего начала сексуальной жизни. У нас в десятом классе только страшилища и отличницы, впрочем, они ими и были, нетронутыми оставались».

Дальше случился прелюбопытный диалог. Уже в постели.

— И это считается нормальным?

— Конечно, девственность беречь — не деньги экономить. Чем раньше начнешь, тем жизнь интересней становится.

— А не надоест еще загоя до старости?

— Не знаю,— рассмеялась Нелли,— не пробовала еще. Это я про старость. Но я себе зарок дала: до шестидесяти лет буду с мужиками возжаться.

— Дай бог, дай бог... Кстати, ты из каких соображений мое предложение приняла? Деньги, карьера, а?

— Не совсем, хотя это все в стиле времени. Скажу откровенно: женское любопытство. Очень наши офисники твои достоинства в постели расхваливали!

— Ну и как сама?

— Супер! Как такой накачал?

— Это не накачивается. От дела Тимофея, наверное, унаследовал.

— Да-да, из университетского курса психологии помню, хотя и не отличница: через поколение все передается. И физиология, и содержимое головы, и все остальное вместе взятое.

...Нелли породисто всхрапнула, во сне переложив свою голову с его плеча на грудь, повернулась на бок и прижалась к нему дышащим сухим жаром телом. Снова ровно и покойно задышала.

Сысой уже хорошо знал: минут через десять проснется, захихикает и требовательно затеребит его, одновременно легко покусывая плечо. Но — это через десять минут, а сейчас мысли его текли также ровно, покойно и рассудительно.

◆ Конечно, по части соображаловки ей далеко до Люды, но головой совсем не слаба для нынешних недоносков. И через пару-тройку лет, если по рукам и наркоте не пойдет, то фигурой Люду догонит. К сожалению. К этому времени она мне надоест. И надоест по простой причине: растолстеет, никакие фитнесы и голодоморные диеты не помогут. Во-первых, Нелли явно удалась в мать — вальсяжную пышную красавицу, директоршу школы... здесь Сысой почти смущенно хмыкнул: дескать, извращенец такой! А вспомнил, как пять лет назад, когда дочери учились еще не в Англии, а в этой самой школе, где его тотчас сделали членом попечительского совета, имел он — для разнообразия жизни — несколько интимных встреч с матерью Нелли. Самой тогда школьницы.

Вот во-вторых-то как раз связано со знанием Сысоем отличительных черт характера как мамыши, так и дочки: слишком обе любили постельные дела и отдавались им с подлинной страстью. Да если учесть в случае с Нелли мастерство Сысои, его ненасытность и, так сказать, его физиологическую гордость... Здесь не надо быть, как говорила умная Люда, биологом или психологом, чтобы понять причину потолстения таких женщин. Правда, Люда про биологов-психологов говорила по другому поводу, по какому-то схожему.

Здесь он услышал контральтное «хи-хи» и легкое прикусывание в предплечье. Горячая волна прокатилась к низу живота, а уже через пару минут Нелли застонала, а Сысой явственно услышал ее произвольные в страсти: «Мам-ма!».

Очень уж это получилось во время! От неожиданности такого унисона его размышлений и «момента истины» Сысою продернуло чем-то острым и холодным. Эта волна добежала уже снизу до головы, а в последней отдалась резким расслаблением, как в самолете, идущем на посадку.

Именно такое ощущение он испытывал в стыдливой еще юности после первого соития с новой девицей-однокурсницей: и верилось, и не верилось в первые секунды после разжатых объятий, что это теплое и податливое, хрупковатое еще на вид тело стало его собственностью, собственностью торжествующего самца.

Но в те времена вспыхивала и любовь. Долгая ли, короткая, но — любовь. Однако постепенно с его заматерением и калейдоскопом все новых и новых партнерш это чувство проявлялось все реже и реже, пока не стало и вовсе туманным воспоминанием о давно прошедших годах.

И только в первые дни начала общения с Нелли он ощутил что-то похожее. Даже как-то дикая мыслишка его посетила: не развестись ли со своей мымрой и жениться на Нелли, завязать с постельной разнузданностью «на стороне» и начать новую жизнь с чистого листа... Но тут же и рассмеялся: хромого могила исправит!

Тогда же серьезные дела навалились, и с Нелли конфуз случился: залетела — то ли от вспыхнувшей страсти бдительность потеряла, а может таблетки (Сысой не переносил резинок) паленые китайские попались? Кто знает, но после всех этих дел и конфузов, увы, чувство влюбленности уже не возвратилось, а отношения их перешли в ровную, затяжную фазу. Но — не в холодно-деловую. И то слава тому мальчонке с луком, что с Олимпа.

...Еще одно полезное качество Нелли унаследовала от матери: нет у них патологической жадности к деньгам. Дико это звучит в наше сверхмеркантильное время, да к тому же в отношении женщин, и так биологически зацикленных на купюрах и золотых побрякушках, но здесь именно так. Здесь Сысой, занимая размышлениями очередные полчаса отдыха со спящей на его груди Нелли, усмехнулся: не только на старуху, но и на молодуху бывает проруха! И с ужасом почти почувствовал, куда гнут его пакостливые мысли: а не возобновить ли, так сказать, в параллель, знакомство с Катериной Михайловной, благо она ровесница его, родила Нелли на четвертом курсе пединститута! Так сказать, для остроты кобеляжа.

Не-е-ет, Сысой, это у тебя явно от пролистывания тех журнальчиков с объявлениями «Мама с дочкой ждут в гости состоятельного господина», что летом на Варшавке верткие пацаны бросают в открытые окна томящихся в заторе автомобилей. Нет, это уже от лукавого. Сысой с его деревенским воспитанием от деда Тимофея люто ненавидел извращенцев...

◆ В половине пятого пополудни Сысой свел томную, разомлевшую Нелли со второго этажа и далее — в машину. Егор лихо зарулил у ее недалежного дома. Пришедшая в себя Нелли чмокнула Сысою, сделала шаловливо ручкой шоферу и застучала каблучками к подъезду.

— Куда теперь, шеф — в обрат, в контору?

— Нет, поехали в эту... как ее — в мэрию-...ерию.

Мысли Сысою уже переключились с шалостей на текущие дела. Весна весной, но город без присмотра оставлять нельзя.

В коридорах управы веяло одновременно и запустением, и весенним дуновением. Первое — понятно, все серьезные дела по городу и району решались в директорском кабинете на химкомбинате или в банкетном зале «Тимофеева трактира». Весенний же настрой выдавали отдельские секретарши и инструкторши, встречавшиеся по пути Сысою: чуть более, чем обычно, короткие юбки, несколько ниже декольтированные блузки, а помада на губах вольнолюбиво отсвечивала перламутровыми блестками. И это невзирая на строгий устный приказ нынешнего градоначальника Коливодопроводчика, как его звал за глаза весь город, одеваться на службе скромно, чтобы можно было отличить мэрию от публичного дома.

И в приемной градоначальника одиноко перелистывала папку с бумагами пожилая, специально подобранная Колей, как символ пуританства нынешней администрации, секретарша Вера Игнатьевна.

Увидев приоткрытую по административному этикету на четверть проема тамбурную дверь в кабинет, поздоровавшись с секретаршей и ловко ввернув в приоткрытый верхний ящик стола извлеченную из кармана пиджака баночку черной икры, Сысой утвердительно осведомился:

— Так понимаю — срочный вызов в район?

— Да-да, Артем Андреевич, спасибо за презент. У меня записано, что Николай Алексеевич ждет вас к пяти часам, но позвонили из обладминистрации: наш новый губернатор в рамках президентской предвыборной кампании выехал к нам в район на долгострой бани в Ивахнинском поселке. Поэтому и Николай Алексеевич туда уехал. Просил извиниться; он вам попозже сам позвонит.

Сысой кивнул, осведомился о здоровье и школьных успехах долгожданного Верой Игнатьевной внука-первоклассника. Не слушая ее восторженные референции умнице внуку, Сысой задумчиво смотрел на напольный бюст Георгия Валентиновича Плеханова, стоявший в красном углу приемной. Опять же в Бортянске и в самом Тулуповске хорошо было известно, что еще на заре демократизации, почти одновременно с окончанием «сухого» закона Горби-меченого и введением в милицкий обиход резиновых дубинок Коля-водопроводчик провозгласил с одной из митинговых трибун: «Только правильно понятое учение великого Плеханова позволит нам всем страхнуть с себя бациллы советизма и сделать Россию великой и свободной!»

...Может это и не запомнилось бы, но вслед за этими программными словами в Колю полетел и пребольно ударил в грудь ржавый, явно подобранный на помойке, сортирный водопроводный вентиль. Городские и областные газеты подняли шум с цитированием плехановских слов Коли. На другой день он проснулся слегка смазанный йодом и знаменитым.

Бюст же изваял придворный тулуповский скульптор, автор всех городских памятников и бюстов за последние двадцать лет Артур Белоглазов. Заплатил ему Сысой — дело было в прошлом году, а Коля-водопроводчик бартером издал приказ о присвоении деду Тимофею посмертно звания Почетного гражданина Бортянского района, специально введенного в обиход.

Заодно Сысой заказал Артуру и бронзовый бюст на могилку деда. К сожалению, бюст на третий день после установки на сельском кладбище сперли для сдачи в утиль. А из мрамора Артур бюстов делать не умел.

◆ Сысой слегка раздосадовался: он не любил, когда продуманная цепочка действий на время давала сбой. Так и сегодняшний разговор с градоначальником был следующим звеном утренних обсуждений с Карлычем.

Но — против лома, то есть губернаторского визита в район, как известно, даже в боевом каратэ нет приема.

Он уже прощался с Верой Игнатьевной, стоя спиной к входной в приемную двери, когда та растворилась и послышался хорошо знакомый голос:

— Верочка Игнатьевна! Ба, да сам Артем Андреевич! А я вот к Николаю Алексеевичу на минутку за подписью... Да его, наверное, нет, на встречу с губернатором отъехал?

Вера Игнатьевна, много чего знающая, да кто в городе об этом не знал,— в оба глаза смотрела на картину неожиданной встречи «зятка» и «тещинки», как заглаза в бортянском бомонде именовали Сысою и директрису самой престижной в городе школы-гимназии. Пикантности добавляла и устойчивая молва об имевших некогда место связях «зятка» и «тещинки».

Сысой же, услышав со спины хорошо знакомый, энергично темпированный голос Катерины Михайловны, так и замер, вспомнив свои недавние шуточные размышления о «параллели» и даже мысленно перекрестился: «Чур, чур меня, окающая сила!»

Преодолев секундное остоленение, повернулся и поздоровался. Первый порыв весны, вне всякого сомнения, не обошел стороной и первую красавицу городского истеблишмента, явно скукавшую за скромными ночными ласками слабосильного мужа, наробразовского чиновника средней руки.

«Вот такой же серьезно-сексапильной, роскошной станет Нелли через пару-тройку лет,— подумалось вдругорядь Сысой,— нет, не должна она мне надоесть ни через три, ни через пять лет...»

И тут же образ Нелли погас, а его потянуло к роскошной, манящей и обольстительной, а она уже пела осанну щедрому благотворителю ее школы:

— ...Как ваши девочки в Англии-то? А мы вас всем коллективом благодарим за высокоскоростной интернет и переоборудование компьютерного класса...

Здесь Сысой ухмыльнулся: то-то теперь школяры порнухи насмотрятся на этом скоростном интернете! А Катерина Михайловна все продолжала, ориентируясь в основном на секретаршу:

— ...А учреждение ежегодных грантов для лучших предметных учителей и во все фурор произвело, даже в губернском департаменте просвещения вас в пример остальным серьезным предпринимателям ставят! До Москвы самой дошло. Наши учителя все интересуются: почему вы эти гранты назвали по имени своего деда Тимофея?

Сысой помедлил чуть, живо вспомнив похабные частушки Тимофея и его рассказы о боевой молодости в чоновском отряде, где он лихо рубил шашкой кулацкое отродье от мала до велика, назидательно пояснил:

— Дедушка мой, несмотря на церковно-приходское образование, был ярым сторонником просвещения и культурной русской речи. О вообще его жизнь — пример человеколюбия и социального оптимизма.

Теперь уже в два голоса распрощавшись с Верой Игнатьевной глаза которой заблистали, как у матерой кошки, увидевшей мышку, Сысой и Катерина Михайловна вышли в пустынный коридор.

«Господи! Или дьявол? Что я творю?» — взмолился внутренне Сысой, рыснул взглядом вправо-влево, убедился, что дверь нигде не скрипит, и, чувствуя, как все в нем напряглось, развел полы расстегнутой шубы Катерины, обхватил торс соблазнительницы и вжался в упругое тело. «Что творю? Что творю? Что тво-о-рю...» — и замер в голове голос разума.

Здесь скрипнула — или показалось? — третья от кабинета градоначальника зверь. Катерина, мгновенно запыхав лицом, ловко выскользнула из железобетонного объятия Сысои, шепнув: «Еще не вечер, дорогой!»

◆ Как и почти все персональные водители, Егор с интересом читал раскрытую на руле книгу — второй том мемуаров генерала Деникина. До недавнего времени в многочасовых ожиданиях заседающего или б...го хозяина он читал до отупения одинаковые детективы в мягких обложках. Заметив это, секретарь Люда по своему почину взялась за повышение интеллекта Егора, принося из дома или от брата более полезное чтиво. Егору это понравилось, а Сысой предупредил вроде как шутливо: «Ты, Егор, читай, да не зачитывайся! Ибо начнешь размышлять, думать. А думать, особенно в наше время, качество вредное и вовсе порой опасное. Даже состоятельным людям это ни к чему».

Увидев выходящую из здания мэрии парочку, Егор и бровью не повел, всего навидавшись, захлопнул том Деникина, отметил резонно про себя: та-а-к, значит сегоднешнюю ночь не под боком у супруги проведу, а в гостевой комнате в коттедже за городом.

Сев с попутчицей на заднее сиденье, Сысой приказал:

— Давай к Дому учителя. Подбросим Катерину Михайловну.

С ней же они коротко, по-деловому все обсудили еще в вестибюле. До восьми Катерине надо быть в Доме учителя: «Губернатор, конечно, к нам не заедет, вот ему интересно слушать и морщиться на вопросы о повышении зарплаты и увеличении школьного финансирования! Но горобразовское начальство решило перестраховать-

ся, всем директорам школ, техникумов и профучилищ до вечера сидеть и не расходиться».

А в начале девятого Сысой подъедет, за соседним домом подождет ее.

— А мужик твой? Нелли не догадается?

— Да все одно к одному, милый, нам благоволит. Муж до конца недели на каких-то долбанных курсах в Москве — изучают новые веяния от министерства по части усиления роли этого, не менее долбанного интернета. Нелька же, как сам уже смог оценить, девочка умная, вся в меня, над лишним не задумывается. Позвоню — уехала, мол, к сестре в Тулуповск до завтрашнего вечера, какие-то у нее семейные неурядицы. Тем более, что это так и есть, и Нелька об этом знает. А завтра и правда к ней съезжу.

— Ну и стервы же вы, бабы,— восхитился Сысой.

— Рыбак рыбака...— засмеялась Катерина и, не обращая внимания на Егора, вырливающего с площади мэрии на дорогу, приластилась к плечу Сысои.

...Егору же и вовсе не было никакого дела до воркующих. Думал: хватит ли ему на сегодняшний день-вечер оставшихся полутора сотен страниц воспоминаний бело-гвардейского генерала, которого в последние годы часто стали хвалить по радио и телевизору. Никак его хотят посмертно орденом наградить.

◆ Высадив Катерину у Дома учителя, Сысой вознамерился было ехать на свою фабрику «Тимофеевы колбасы» — выгнать взащей и прилюдно проворовавшегося директора, но позвонила Люда:

— Артем Андреевич! Я все на сегодня по канцелярии сделала, ухожу домой, а только сейчас Аркадий из Москвы приехал. Передаю трубку ему.

Поздоровавшись, Сысой велел своему поверенному по московским делам ждать в конторе.

По-столичному лощенный, с постоянно загорелым лицом Аркадий в провинциальном Бортянске выглядел случайно заблукавшим в малочерноземном болоте консулом-латиносом. Зная почти что отвращение патрона к компьютерным гэджикам, он раскладывал перед Сысоем распечатанные листы, поясняя:

— Вот это сводная таблица по обороту московской наркоты, это по проституции, а здесь по теневым сделкам. Каждая статья расписана по этническим группировкам и отдельным крупным смотрящим из наших, кавказцев и зарубежных: ближних и дальних.

Здесь сводная таблица по нашему сектору — острiem на столицу — отмывки денег. Много действующих точек отбеливания в Тулуповске. Без ликвидации хотя бы четверти из них наш планируемый бизнес не будет давать дохода сверх контрольной цифры. Но — это уже не мой фронт работы...

— Да-да, молодец, Аркадий, мы уже сегодня с Карлычем кое-что наметили. Это больше по его части. А ты давай по пунктам, таблицам и схемам подробно пройдишь.

Через час с четвертью Аркадий откланялся — обратно в столицу, работать по многочисленным замечаниям шефа.

— Забыл сказать,— остановил его на пороге кабинета Сысой,— я просил Карлыча, а он введет тебя в курс дела, позаботиться о продаже моей тетушкой, что поносит меня на каждом углу, дома в деревне. Вы с Карлычем должны небольшой спектакль разыграть.

— Будет сделано, шеф! Я через пару-тройку дней сюда вернусь.

По-деловому возбужденный разговором с Аркадием, Сысой довольно потер руки, спрятал в сейф дубликаты принесенных тем бумаг — без его пометок, те Аркадий взял с собой, подмигнул черному квадрату на холсте. И почудилось в отблесках низко светящего из окна предвечернего солнца, что чернота квадрата, как кофейная гуща у гадалки, сложилась в тоновый рисунок: поочередно Нелли и Катерина одобрительно кивают ему.

— Тьфу, чертовки! — Сысою сейчас было не до шалостей с бабами. Отвернулся от картины, прошел в думную комнату, плеснул себе коньяка, выпил. Да, все пока складывается удачно. И хорошо, что сегодня Колю не застал, без презента пришел. Набрал номер Люды:

— Слушаю вас, Артем Андреевич,— голос секретарши выражал некоторое недоумение. Сысой крайне редко звонил ей домой. Тот и сам ей не раз говаривал: «Мой дом — моя крепость», поэтому в свою мобилу в память и не записываю твои домашние телефонные координаты. К сожалению, память хорошая, не забываются». Она в тон ему отвечала: «При чем тут память, даже ваша, если мой городской номер любой с первого раза запомнит: в середине цифры — бабья пенсия, а по бокам — предельно низкий — в рамках уголовного кодекса — возраст ваших молодых пассий!»

— Людок! Я по делу. Если сегодня от готовки ужина и воспитания дочери останется минут десять-пятнадцать, пошарь по интернету: где купить какое-нибудь старое, желательно прижизненное издание всех трудов Плеханова, и где их роскошно в кожу с золотом переплести. Не сильно озадачил?

— Сделаю. А вы что, сегодня Николая Алексеевича не застали в мэрии? Ах, да, губернатор...

◆ Вспомнив после разговора с Людой по какой-то непонятной ассоциации об окончании сегодняшнего трудового дня, позвонил и в коттедж прислуге: приготовить к половине девятого приличный ужин на двоих и потеплее натопить-разжечь камин в спальне. И столик там же накрыть: закуски, фрукты, напитки...

Уже по прямой ассоциации взглянул на часы: до восьми еще час с гаком, надо прилечь и отдохнуть, а то Катерина (он сознательно не пропускал в голову слова «мамаша» и «дочка»), в отличие от Нелли, не имеет привычки сонных «перекуров». Напротив, любит в перерыв, облачившись в шелковый халат, посидеть с Сысоем, тож в халате, только махровом, за закусочным столиком, выпить рюмку коньяка, закусить с отменным аппетитом, при этом беспрерывно болтая. Уважает слушать от Сысои матерные анекдоты, возбуждающие ее на следующие постельные полчаса.

Выпив еще стопку, Сысой, сняв как аккуратист ботинки, прилег на думный диван. Задумался на злобу дня. Он прекрасно понимал: для чего затеял эту пакость с Катериной. Для того только, чтобы этой, так сказать, бытовой пакостью затушевать задуманное, сверхпакостливое — заработать изрядный куш по отмывке столичного черного нала. Опять все упирается в досадный, неразрешимый вопрос: есть предел накопительству?

Неужели их так правильно учили в советской школе? Что делать и кто виноват... Да, скорее всего — это за что-то ниспосланное именно русским проклятие: не жить как весь остальной мир, а мучиться этими дурацкими вопросами. И неважно, кто ты: последний бомж или процветающий делец. Главное — ты русский, и это звучит как приговор.

Что бы сейчас (а по чьей указке?) не верещали с экранов и репродукторов на кухне, не тискали на газетных листах про пресловутую толерантность, национальное и расовое равноправие, но жизнь-то об обратном свидетельствует. Вот говорят: преступность не имеет национальных границ. Допустим. Но у нас все состояния — плод преступности, а, значит, все мы, избранники такой новой жизни — самые настоящие преступники, по которым ржавеют топоры лобного места. И аз, грешный, в их числе. Ну-у, не в первой десятке, конечно, даже не в первых сотнях условно приговоренных, но и до его сотни по божеской справедливости должно дойти лезвие палача, веревка на перекладине или девять граммов свинца...

Но как же в этих десятках лауреатов журнала «Форбс», в сотнях с условно отсроченными прокурорскими делами «Хранить вечно»... какое же отсутствие национальных границ? Вовсе наоборот. Никаких вопросов из школьной литературы не задают

себе березовичи и абрамовичи, дельцы с Кавказа и с Закавказья, надвигающиеся с Востока, из Приморья вожак китайских триад и чайнатаун. Да и многие другие. Нет для них таких вопросов.

Зато есть выраженная, веками и тысячелетиями выпестованная национальная устремленность. Кто-то, ограбив всю страну, копит свой многомиллиардный шекель на строительство Третьего храма, на сей раз — всемирного. Другие, обложив свое ложе мешками с «зелеными», видят сладостные сны о Великом Туране и супермечети на Красной площади. А кому довольно и аула, процветающего на деньги глупых и трусливых русских налогоплательщиков. Как было в Золотой орде. Все понятно с китайцами.

Только русские воруют, грабят и пухнут от дармовых денег без всякой цели. А что делать-то, коли выпала лафа выбиться из серой массы грошевых бюджетников, нищих пенсионеров и гнущих горб за алтын работяг? — Если голова на плечах, мозги работают, сила так и прет из здорового тела — то чем еще заняться в нынешней стране? Где не сеют и не пашут, не строят заводы и авианосцы.

...Опять же вспомнились рассказы деда Тимофея, что по матери происходит из староверов, хотя и крещен был в никонианской вере, как он сам говорил. В царевы времена от Никона и почти до самой революции православная гостерковь жестоко преследовала староверов. Им запрещались почти все виды деятельности, исключая земледелие, ремесленничество и торговлю. Что оставалось из их среды делать людям умным, непьющим и крепким здоровым? — Вот и шли в купцы, строили дороги, пароходы, заводы и целые обширные фабричные местности, как текстильный край вокруг Иваново-Вознесенка.

Но огромные свои капиталы не пропивали, что бы там сочинитель-драматург Островский о них не писал, а возвращали народу — без различия веры — и ненавидящему их государству в виде промышленных и культурно-образовательных объектов и центров.

Сейчас, как говорится, положение несправедливого русского купечества хуже губернаторского. Нет цели, нет объектов приложения.

◆ Умные женщины — барометр состояния мятущейся мужской души. Не хуже кота, что чувствует больное место своего хозяина и сворачивается в сонный клубок на саднящем плече или боку.

Такова тетка Нина, в трудную пору заменившая ему рано умершую мать. К ним же относится и вовсе вроде посторонний ему человек — секретарша Люда. Но эти барометры не мембранные механические приборы со стрелкой, указывающей на текущее количество миллиметров ртутного столба или гектопаскалей* в атмосфере. Это датчики сугубо биологические, душевные. Поэтому родственность-неродственность существенно сказывается на работе такого барометра.

Люда — почти чувствительный и безэмоциональный биоробот в этом отношении. Где надо — мягко подскажет, где не надо — промолчит многозначительно. А теткин барометр оказался настолько сверхчувствительным, любящим, что не выдержал дурных скачков давления у племянника, что перегнулся в другую сторону от нормы и обернулся ненавистью. Как у Ивана Грозного и Петра Первого к своим непутевым сыновьям.

* Страсть к идиотическим нововведениям не сугубая привилегия нашего лихого времени. Опробование их относится к постсталинским советским временам. Достаточно вспомнить хрущевскую кукурузу от Мурманска до туркменских песков. Пик такого идиотизма — это имевшая место на рубеже 70—80-х годов замена привычных нам миллиметров ртутного столба на гектопаскалей. Народ хохотал, слушая утром за завтраком сводку погоды из кухонного динамика: «...Давление в Тулуповской области сегодня несколько выше нормы и составляет столько-то гектопаскалей». Хохот дошел до Кремля — и перестали полоскать имя великого ученого и философа Блеза Паскаля. — Прим. авт.

Нелли и Катерина тоже суть барометры. Также сугубо биологические — не надувные же резиновые куклы из интим-магазина. Но эти барометры реагируют только на давление в известном месте. Но и они здесь почти что исключение. Другие же постельные бабы Сысой регистрируют только давление — вес разовых или помесячных выплат «за услуги».

И совершенно напрасно ты, Сысой-сан, называешь Нелли и Катерину стервами и проститутками. Хотя и высокого полета. Нет, малоуважаемый, тебе здесь несканзано повезло: они почти что японские гейши, то есть превращающие скучный, вообще говоря, биологический акт в сладостное искусство. Как для него, но более всего для себя.

Что же касается ситуации «параллели», то, во-первых, они не настолько его укладывали между собой; во-вторых, мать и дочь (Сысой все же употребил в мыслях эти слова) — слишком своеобразный кентавр, чтобы сходу предосудительно о нем судить и рядить. Нормальный половой акт потому естественен и нормален, что третий здесь абсолютно лишний. А если случается пересечение с третьим, то в другом пространстве-времени. Даже они и измеряются всего лишь километрами и часами.

Сложно все это — о бабских характерах размышлять. Хорошо бы Люда — в воспитательных целях — переориентировала Егора на чтение соответствующей литературы. Заставила же она его читать мемуары Деникина! Вот бы Егор и рассказывал вместо утренних анекдотов про поведение и хитрости женщин. Вот смеху-то будет! Но почему сразу смеху? — Думаешь, что Егор глупее тебя? Как бы не так. Во всяком случае он побыл в свое время в братках, ну-у, пару-тройку достойных того морд расквасил, да одумался и в мирные водилы попросился. И это вовсе не из-за совковой узости мышления, трусости или чистоплюйства. Просто нужную ему философию выработал.

Сейчас Деникина читает и выводы из прочитанного делает, что Сысой и в голову бы не пришли: дескать, надо учредить медаль этого белогвардейца и принудительно награждать ею с распиской об обязательности прилюдного ношения теми, кто силен задним умом.— Чтобы таких кавалеров и на версту не подпустить к руководящим креслам.

...Вот так и Деникин на антантовские деньги залил кровью весь юг европейской России, а потом, во время Отечественной войны писал прошения Сталину взять рядовым бойцом в Красную Армию.

«Ну-у, Егор,— изумился Сысой,— не дай, бог, принесет тебе Люда от своего братца полные собрания сочинений Маркса с Энгельсом и Ленина со Сталиным, так и Зюганову придется на заслуженный отдых уходить!» — «А не выйдет, шеф». — «Это почему? Как Чапаев — языков не знаешь?» — «Да нет, просто вспомнил анекдот. Стоит в зоопарке мужик перед клеткой со львом. Мимо служитель тамошний проходит. Мужик и спрашивает у него: мол, говорят, что лев за день тридцать кило мяса может сожрать? — А тот отвечает, что сожрать-то он сожрет, но кто ему столько даст».

◆ Вспомнив этот разговор с Егором, Сысой заухмылялся, еще тяпнул коньячку, вспомнил о губернаторском визите в район, взял со столика пульт и включил телевизор. Как раз время вечерних новостей.

Вот и молодцеватый губернатор распекает поселкового начальника за хронически недостроенную баню. Поодаль в кадре телеоператора стоит Коля-водопроводчик. Выражение лица по-плекановски сосредоточенное, но одновременно и отсутствующее. Ибо здесь он вроде ни при чем, ибо между поселковым главарем и им стоят еще два начальника, а вассал моего вассала не мой вассал, как учили в советской школе. А на перемене школяры, дурачась, переделывали: вассал моего вассала твоему вассалу... Общый хохот, а у любопытных девчонок уши от непристойности нежно розовели.

Так у Нелли розовеет шелковистая кожа грудей после... Тьфу! Опять о бабах! Ранно еще, думай о делах. Однако время дел на сегодня уже вышло.

А на экране телевизора в местных новостях губернатора, руководящего на местах, сменил эмвэдэшный полковник со смятой фуражкой прической — главный в области по наркоте. Суконным языком, которому их обучают еще в сержантских школах, тот, явно стыдясь себя, докладывал о каких-то граммах героина, изъятых у гражданина цыганской национальности в результате тщательно подготовленной и успешно проведенной операции.

И Сысой почувствовал себя неловко. — За себя. Еще два года назад, наняв оставшихся без работы братков, он изгнал из города торгашей дозами и спалил в предместье пяток цыганских домов — опорных пунктов поставки зелья. Теперь же имеет намерение широкомасштабной отмывки денег от московских наркокартелей. Истинно, правая рука не знает, что творит левая!

Уныние Сысои усилилось в следующем сюжете губернских теленовостей: показали отрывок из интервью с заслуженным профессором Тулуповского университета, которому исполнилось восемьдесят пять лет. Еще когда Сысой учился в этом вузе, тогда именовавшемся техническим институтом, Владислав Сергеевич был живой легендой вуза и всей тулуповской военно-технической науки, обширно представленной в городе двумя десятками крупных оборонных *НИИ-КБ* и серийных заводов.

Да что там Тулуповск и его областные окрестности! Был он научной фигурой с мировой известностью, нередко сидел в президиумах международных конгрессов и симпозиумов по газодинамике и теплотехнике летательных аппаратов.

На что уж Сысой-студент не любил математику, не из тупости, а по крестьянской, малочерноземной сугубой практичности, но и его охватывал порой внутренний восторг-озноб на великолепно аранжированных лекциях Владислава Сергеевича. А тот, как опытный преподаватель перемеживая академические анекдоты с изложением методов решения интегральных уравнений Фредгольма второго рода, убеждал студизузов: «Плох тот солдат, что не мечтает о маршальских погонах; вот и вы должны настраивать себя на кандидатскую, более того — докторскую ученую степень в будущей вашей жизни. А там без высших уровней математической науки не обойтись! И помните: для защиты кандидатской по газодинамике достаточно знать дифуравнения в объеме учебников Смирнова и Фихтенгольца, для особо одаренных, то есть ленивых — справочника Камке, то на степень доктора наук надо выходить, умея решать интегральные уравнения Фредгольма и Вольтерры с использованием метода регуляризации Тихонова!»

Случилось чудо: практицизм Сысои уступил свои позиции внутренней красоте спецглав высшей математики в изложении Владислава Сергеевича. Крепко все в голове его осело.

...Намного позже, когда Сысой уже легализовал свою деятельность, случился конфуз с руководителем проекта по капитальной перестройке отвоеванной в братковских войнах Сысоем сахаро-рафинадной фабрики.

На техсовещании приглашенный из Москвы руководитель проекта зачитал обоснование и перешел сразу к экономической части, справедливо решив, что технические выкладки и чертежи явно не для узколобого (хотя Сысой и отличался мордастостью) бандюгана-заказчика.

Но Сысой затребовал «простыню» со схемой генпроекта, минут десять посидел над ней, затем задал вопрос:

— А почему тяговая труба едва ли не выше самых больших труб на химкомбинате с его гигантскими мощностями?

— Так по расчету, Артем Андреевич, получается.

— Дай-ка сюда пояснительную записку и раскрой ее на этих самых трубных расчетах.

«Цену себе набивает», — почти в открытую усмехнулся руководитель проекта, приказав своему помощнику принести из своего временного стройкабинета четвертый том пояснительной записки.

Сысой посмотрел оглавление, сам раскрыл в нужном месте и несколько минут листал страницы, исписанные математическими выкладками-постановками задач для программирования.

Главпроект уже устал скрывать змеиную улыбочку, когда все совещанцы вздрогнули от грохота полупудового кулака Сысои по столешнице:

— У тебя что — газодинамик с дипломом зооветеринарного техникума?

— Никак нет, — невольно вскочил и даже руки сделал по швам главпроект, — очень опытный инженер-расчетчик с тридцатилетним стажем ра...

— Уволь его к едреной фене, а сам заплатишь мне неустойку за частичную переделку проекта! Иди сюда, это что? — Сысой ткнул в одну из многочисленных формул на странице.

— Да-а-а я, собственно, в общем знакомился с проектами. Видите ли, расчеты не по моей части...

— Понимаю, по твоей части капусту срубить и нам говно вместо проекта сбегать. Объясни своему расчетчику, что эта функция именуется нелинейным уравнением Вольтерры — Гаммерштейна, а под интегралом аргумент ядра уравнения должен значиться как «икс» минус «эс». Где минус, где «эс»? Да в советские времена твоего инженера перевели бы за такое в младшие техники, а тебя в завхозы. Не говорю уже о временах сталинских: статья по вредительству и общественно-полезный труд на просторах Колымы. Все, забирай свои бумажки, а через полторы недели все в исправности привезешь. Счет неустойки выставим твоей проектной конторе на днях!

...Заулыбался было Сысой от воспоминания, но тут же и поскучнел. Весь какой-то потерянный, резко постаревший, Владислав Сергеевич робко благодарил с экрана телевизора за высокую награду к «его скромному юбилею» — Почетную грамоту от администрации области. Потом и вовсе понес — явно с чужих слов — нелепицу о возрождении российской науки и молодом поколении, динамичном и амбициозном, успешно штурмующем высоты этой возрождающейся науки в стенах славного их университета...

Кисло сморщившись от обиды за любимого профессора, Сысой взял со столика пульт и выключил телевизор.

◆ В тот же миг напольные часы в кабинете с антикварной почтенной хрипотцой пробили половину восьмого. Пора в последний за этот трудовой день бой, уже второй постельный.

Самое интересное, но не Люда привила ему любовь к добротным старинным предметам обихода. Здесь опять «виноват» дед Тимофей, ибо в деревенском их доме и по сей час, хотя и заколоченном, стоят напольные часы в филигранно-резном корпусе. Их реквизирует лихой чоновец Тимофей у раскулаченного соседа и перенес, как контрибуцию, еще в старую родительскую избенку, заняв ими весь красный угол. Сосед же кулак, в свою, более раннюю, очередь реквизирует их из бывшей помещичьей усадьбы, которую в семнадцатом году по приговору деревенского *общества* разграбили и сожгли — в назидание потомкам.

А на рубеже веков и миллениумов-тысячелетий Сысой, будучи в столице, по пьяни попал на солидный аукцион и купил враз пять штук разноформатных напольных часов. Как ему объяснили завсегдатаи подобных мероприятий, уже потомки таких же дедов тимофеев намерены сожгли по заказу строителей нового досугового центра, то есть публичного дома, расположенный в пределах Садового кольца музей-

усадыбу. Как люди рачительные, братки перед аутодафе вывезли все ценное из антиквариата.

Люда прокомментировала покупку Сысой в том смысле, что история движется циклами, в основных чертах повторяющихся. «Так следует из теории этногенеза историка Льва Гумилева,— пояснила она,— сына великого поэта, расстрелянного по приказу Троцкого за антисемитизм». Сысой с ней и со Львом Гумилевым согласился, заодно вспомнив советский еще анекдот-присказку на злобу тогдашнего дня: об ограничении продажи водки семью часами вечера. «Кто такие семиты и антисемиты? — Семиты — те, кто успел затариться водярой до семи, а антисемиты — кто не успел и во всем видит происки евреев».

Приобретенные же на аукционе часы Сысой разместил по основным местам своего пребывания: в городском доме, в загородном коттедже, в конторе и в кабинете-постели «Тимофеева трактира». Пятый же антикварный экземпляр украли при перевозке из Москвы в Бортянск.

Сысой поднялся с дивана отдохнувшим от дел и делишек, обулся. Явно подражая в нарочито-стариковской интонации деду Тимофею, забормотал: «Егор-то, наверное, уже проголодался от трактирного обеда, а за городом только часа через полтора соберут. Надоть ему покрепиться сейчас захватить что-нибудь. А то от чтения Деникина язву голодную себе заработает».

Взял из холодильника полубуханку «бородинского», что раз в два-три дня ему покупала по дороге на работу Люда, отрезал два ломтя, щедро наваксил их черной икрой и сложил, разделив икорные поверхности пластинками сала с чесноком. Так Егор уважал. Завернул егоров биг-мак в телепрограмму, вышел, тщательно затворив за собой все три двери: в думную, в кабинет и в приемную.

Егор бутерброд одобрил, заметив, что Антон Иванович тоже любил простую русскую еду. Закусив, включил газ и взял курс на Дом учителя, даже не спросив о маршруте у шефа, и напевая в четверть голоса из репертуара своей юности, а именно из «Ласкового мая» Разина, племянника Горби-демократизатора: «А что я ем? — А ем я осетрину, простую русскую еду».

И Сысой, заразившись неизбывным оптимизмом Егора, подтянул: «А что я пью? — Я пью коньяк армянский, простой армянский коньячок!»

◆ Ужинали в коттедже в парадной столовой втроем. Кухарку-горничную Сысой отослал разбираться со своим мужиком — ответственным в доме за все — от электропроводки и дизеля на случай отключения электроэнергии (провода на цветмет часто режут в сельской глуши) до наружной и внутренней охраны. Сысою при встрече во дворе показалось, что тот слегка пьян. Сысой держал прислугу во всех своих домах в строгости, не баловал, ставя им в пример Егора, что пил только на новый год, на Пасху и во время табельного своего отпуска.

Егор с аппетитом, вовсе не перебитым сложным сально-икорным бутербродом, скушал заливную осетрину, помянув добрым словом племянника генсека с иудиной отметиной, наваристый борщ с пампушками, специально для него одного поданный, и осилил пару котлет по-киевски с картошкой фри. После чего ушел в хорошо знакомую ему гостевую комнату. По пути заглянул на кухню и попросил кухарку принести ему литровый заварной чайник — все же решил сегодня добить второй том Деникина.

Антиквариат не успел еще мелодично обозначить девять часов, как запел мобильник Катерины. Выслушала и коротко ответила:

— Да, уже по Тулуповску едем. Скажи, что завтра к вечеру буду.

— Дочурка проверяет?

— Вроде нет, не в ее характере — мое все же воспитание. Звонил ей наш спонсор, конечно, похилее тебя. Ему наша географичка единицу влепила. Артемчик, по-

ставь какую-нибудь порнушку, только не немецкую! Надо эту одурь от трехчасового сиденья с бабьем сбить.

Нелли же в полудреме лежала, подогнув ноги в коленках, на диванчике. Тихо включенный телевизор ненавязчиво пестрил «говорящими головами» бесконечного сериала. Чувствуя во всем теле негу и томную усталость, почти физически еще ощущая шестипудовую тяжесть супермужика, она раззевалась и собиралась перебраться на постель, уже загодя ею разобрannую, как позвонил какой-то идиот с жалобой на географичку в школе.

Пунктуально воспитанная, Нелли перезвонила уехавшей к тетке Саше в Тулуповск матери, но, услышав в первые секунды соединения последние два такта хорошо уже знакомых ей часов, все мигом сообразила.

«Кобель долбаный»,— зло прошипела она, некрасиво наморщив лоб и по-бабьи поджав губы,— будут тебе рога подлиннее твоего...». О матери же вспомнила мимоходом и тепло: «Надо же и ей, вечной труженице с квелым мужем, время от времени развешиваться. Мне от этого кобеля не убудет!»

Тотчас вспомнив вчерашний звонок от бывшей школьной подруги, собирающейся замуж и устраивающей сегодня объединенный девичник-мальчишник, позвонила ей:

— ...Да-да, вчера что-то с горлом простудное было, а сейчас в норме. Ждите, выезжаю.

Получив вроде как формальное приглашение, Нелли вчера тотчас отказалась. Чего ей-то радоваться за Варьку: она-то замуж выходит, жизнь устраивает, а ей еще сколько под хрюкающими боровами валяться, пока в люди не выйдет! Но главная обида, когда в последнем школьном классе Варька отбила у нее, первой красавицы, парня. Такое не прощается. «Вот сегодня и отомщу обоим: Сысою и Варьке. Поженски отомщу!»

...В половине первого ночи, заперевшись от пьянящих гостей и клюющей носом от изрядной дозы сладкого ликера-бабоукладчика «Амаретто» невесты в пустом чулане новопостроенного особняка, где из мебели стояло только старое кожаное кресло, также подпившая Нелли отдавалась со злобно-сладострастной маской на лице в экзотической позе жениху — мускулистому спортсмену, замдиректора физкультурного техникума. По-нынешнему — колледжа. Услышав непритворный стон партнерши, глуповатый спортсмен горделиво загоготал, победно откинув голову на кадыкастой шее.

А до коттеджного будуара донесся совсем тихий здесь бой часов на первом этаже. Уже в третий раз, обвивши пухловатыми руками и идеально стройными ножками мощный торс и бедра Сысою, Катерина тоже непритворно застонала и непроизвольно выдохнула: «Мам-ма!»

— Нет, уж хрен вам! — яростно заорал Сысой и покрыл весь мир десятиэтажным. Партнерша пришла в экстаз.

Яков Шафран

(г. Тула)

Андрей Каретников

(г. Тула)

**Главы из нового романа
«Круг замкнулся»***

Яков Шафран

Андрей Каретников

РЕМОНТНАЯ РОТА

В жизни бывают дни, когда воспоминания потоком набегают на человека. Вот и сегодня Курилов, проезжая на машине по улице вечернего города мимо военкомата, вспомнил, как уходил в армию. А происходило это дважды. Первый раз — до срока, осенью восемьдесят второго, когда умер Брежнев, и в стране была достаточно сложная ситуация. Родные, как водится в таких случаях, организовали проводы. Маму в городе многие знали, и у него самого друзей и знакомых было не счесть, поэтому пришли семьдесят человек. Однако наутро, на пункте сбора, объявили, что его и других досрочников оставляют до следующего приказа. Вот так и получилось, что весной Андрея провожали вторично, но на этот раз уже по наступлению срока призыва.

Попал же он в хорошее место, в Москву, на автобазу Министерства обороны. Служил в ремонтной роте батальона обеспечения. Двадцать четвертые и тридцать первые «Волги», ЗИМ-ы и ЗИЛ-ы, лучшие советские машины той поры составляли автопарк элитного подразделения. Солдаты ремонтной роты, в которой служил Курилов, полностью разбирали, перебирали и вновь собирали машины, делали текущий ремонт и изготавливали различные части корпуса и внешнего оформления — все, кроме моторов, узлов и агрегатов. Они проходили хорошее обучение, чтобы стать первоклассными специалистами, ибо других там не должно быть по определению. Поэтому к ним обращались за технической помощью и гражданские лица. Платили за «левую» работу хорошо — десять рублей тогда были большими деньгами.

Сам же Андрей как слесарь-сантехник со своим напарником-электриком занимался казармой, столовой, продовольственным складом и всеми узлами и коммуникациями технических служб.

Автобаза располагалась на Беговой, позади издательства «Красная Звезда». Ее шестиярусный пантус в то время было большой редкостью. В этом многоэтажном гараже каждая машина имела свое особое место. Командование автобазой находилось в районе станции метро «1905-го года», на ул. Пресненский Вал, недалеко от Ваганьковского кладбища. Там же находился и весь генералитет...

...Машина Курилова незаметно въехала в пробку, растянувшуюся на километр. Был воскресный вечер, и многие возвращались домой, кто с дачи, кто из лесу, кто из Москвы. Вокруг пытели машины, наполняя воздух угарным газом. Из них то тут, то там высывались руки с сигаретами, люди нервно курили в предвкушении «радости» провести столь ценное время в этом скопище еще до сих пор отдающего дневной жар, еле движущегося металла.

* Действие романа охватывает период с 1913-го года до наших дней.

На перекрестке на подстилке сидел парень-инвалид без обеих ног, в форме десантника с подвернутыми штанинами, и молча провожал взглядом прохожих. Изредка кто-то из них останавливался и бросал в коробку несколько монет...

Андрей вспомнил, как в армии они, молодые солдаты, писали рапорт с просьбой отправить их в Афганистан. Кого-то из них отправили, кого-то, и его в том числе, оставили...

Дисциплина на базе была железная. За провинность могли послать служить, как говорится, и на «станцию Зима». Но таких случаев не было, так как к отбору военно-служащих для этого элитного подразделения подходили очень серьезно. Их набирали всего из нескольких областей: Тульской, Калужской, Воронежской, Орловской, Курской и Липецкой. На роту было всего два-три человека из Москвы, и то по великому благу. Брели сюда только русских, но были и исключения — с ними проходили службу четыре украинца. Особость подразделения подчеркивала и форма — красивая, добротная, из полушерсти, и хорошо подогнанная, похожая на парадную.

А была там еще отдельная двести тридцать девятая рота, в которой служили водители, возившие генералов из соцстран, участниц Варшавского Договора. Двести тридцать девятую называли «веселой». Водители, фактически, никому, кроме генералов, не подчинялись. За нарушения режима получали устную взбучку и лишь иногда «губу». Но генералы всегда выручали своих «доблестных» водителей. И те чувствовали себя вольготно — угоняли машины на гулянки с девушками, после чего приезжали в любое время суток, как бы только что от генерала, и даже после отбоя пойти на кухню поесть.

В этой роте при желании можно было найти все, начиная с кроссовок и кончая французскими духами. В буфете всегда были дорогие по тем временам сигареты — «Ява» и «Пегас», и гражданские постоянно пытались к нему прорваться. Поэтому, когда Курилов из «учебки» попал на базу, она показалась ему раем...

...Пробка была не самой страшной из тех, какие бывают, и машина потихоньку, но продвигалась. На заветном перекрестке удалось свернуть туда, где движение было более оживленным. Хорошо знавший город Андрей окольными путями стал продвигаться гораздо быстрее. Вдруг под колесом что-то звякнуло. Курилов оглянулся — крышка люка. И вспомнился интересный случай из того пласта воспоминаний, в котором он сейчас находился.

Работали они как-то на территории возле казармы. Нужно было обследовать подземные коммуникации. Подойдя к открытому канализационному люку, он быстро начал спускаться по лестнице и, когда спустился уже до пояса, почувствовал необычный запах и сладкий-сладкий привкус во рту. «Газ», — понял он и начал терять сознание. Хорошо, что рядом прапорщик оказался и успел поймать Андрея за ремень. Не окажись прапорщика, он мог упасть и сильно покалечиться, или даже погибнуть, так как колодец был глубоким. Сильную психологическую травму, связанную с возможной гибелью человека, впервые Андрей получил тоже тогда, в армии. Рядом с базой проходила железная дорога. Однажды на глазах под маневренный поезд попал мальчик. Ему отрезало ногу, но самого мальчика Андрею с сослуживцами удалось спасти. Они туго перевязали-перетянули ремнем бедро, подогнали свободную машину и быстро доставили в ближайшую больницу... Сколько времени прошло, а до сих пор эта ужасная картина будоражит душу, словно все произошло только вчера. А тогда, несколько дней подряд, все — и «деды», и «молодые» переживали этот случай...

Сейчас во всех СМИ, показывают, пишут и говорят о царящей в армии жестокой дедовщине. Трудно сказать насколько это правда. Думается, нельзя из отдельных случаев создавать картину всеобщего садизма.

Конечно, дедовщина, в той или иной степени, была всегда, и тогда тоже. Но как всеобщего явления ее в их подразделении не было. Происходящие же случаи часто

носили особый характер. Как с тем старослужащим парнем (Андрей уже запомнил, как его звали), который поднял однажды ночью молодых, приказал им взять в руки по табуретке и залезть под кровать, изображая ночное вождение. Шум и грохот разбудили спящих. Те стали вскакивать и бить молодых. Такие и подобные им ристалища этот солдат устраивал несколько раз. В итоге медкомиссия определила у него психическое заболевание, и его перевели в другую часть. После этого на все время службы Андрея всякая «дедовщина» прекратилась...

...Зазвонил сотовый. Это жена, Лилия, уже обеспокоилась задержкой.

— Я стоял в пробке, сейчас более-менее еду, скоро буду...

— Ждем, без тебя не садимся ужинать...

...Однажды, когда Курилов возвращался из увольнительной, поезд из-за сильного снежного заноса застрял на полпути. Естественно в часть Андрей опоздал и получил трое суток нарядов вне очереди. Мог ведь добраться на попутке, да денег жалко стало.

— Почему не позвонил?

— Откуда? — и тут слукавил, можно было, хоть и пешком, до ближайшего полустанка дойти, но снова по-солдатски сэкономил. А сотовых тридцать лет тому назад еще не было...

ДАВНИЙ СПОР

1 августа 1913 года семейство Михаила Григорьевича Заянчицкого, доцента Московского университета и кадета по своей партийной принадлежности, в полном составе отдыхало на своей даче в Михайловке под Москвой. Стояла именно та погода, которая так приятна по эту пору в средней полосе России. На безоблачном небе светило солнце, было тепло, но не жарко, и легкий ветер, приятно освежая, приносил в садовую беседку запахи цветов, в изобилии растущих на клумбах возле дома. Супруга, Мария Павловна, распорядилась по хозяйству, а дети — студенты и гимназисты развлекались: шутили, смеялись, пели под гитару и играли в подвижные игры. Все радовалось этому прекрасному дню — и люди, и птицы, заливающие окрест, и садовые деревья, увешанные плодами, все пело песню благодарности жизни.

В беседке, кроме стоящего у столба главы семейства, откинувшись на спинку скамьи, сидел гость — питерский писатель Николай Иннокентьевич Земсков, двоюродный брат Марии Павловны и давний друг их семьи, бывший проездом в свою усадьбу, в селцо Юзинка Т-й губернии. Они вели активную беседу и, более того, оппонировали друг другу. Это можно было заметить по жестикуляции, сдвинутым бровям, а подойдя ближе, и по интонации речи.

— Вы же не станете отрицать, что в России второй половины XIX столетия в области общественной мысли царил идеологический хаос? — спросил Земсков.

— Не совсем с вами согласен, уважаемый Николай Иннокентьевич. Было и ярко выраженное направление, которое называлось западничество, предлагавшее определенный путь развития...

— Согласен, были направления. И справедливости ради следует сказать о другом пути, предлагавшемся как альтернативный указанному вами — о славянофильстве. Да вот беда, единой идеологии не было.

— О славянофильстве? О пристрастии к ограниченно националистическому взгляду на жизнь? — вскинул брови Заянчицкий. — И это в противовес всеобщему гуманизму?

— Ох, уж мне этот абстрактный всеобщий гуманизм, Михаил Григорьевич!.. Ведь гуманизм сам по себе не существует и реализуется только через националь-

ное,— внимательно посмотрев на собеседника, сказал Земсков.— А что касается отдельного человека, то, чтобы понять общее, ему необходимо быть личностью, со своим мнением, с самостоятельным мышлением. Если же человек таковым не является, то за него будут думать другие, и он будет жить под управлением других. То же самое имеет отношение и к государству, и к народу.

— Ну, Николай Иннокентьевич, нас хлебом не корми, только, дай выпятить свое, исконное!.. Вот не можем мы жить так, как вся Европа живет уже века. Это, извините, национализм какой-то...— Заянчицкий нервно заходил вокруг беседки.

— Ради Бога не нервничайте, Михаил Григорьевич! Рассудите спокойно. По-вашему жить в своих традициях и своей вере, значит, быть националистом? Да так, позвольте, все народы Европы живут! И никто их при этом националистами не называет! — твердо и уверенно ответил Земсков.

— М-м-м...— не находя что ответить ему, засунув руки в карманы брюк и перекатываясь с носков на пятки и обратно, промычал Заянчицкий.

— Вы ведь не станете отрицать, сударь, что острое противостояние западничества и славянофильства началось с публикации первого «Философического письма» Чаадаева?

— Ну, так, и что?..— Михаил Григорьевич остановился и снова вернулся к своему столбу.

— А то, что Чаадаев постоянно доказывал преимущество католичества над прочими вероисповеданиями и его неминувшее близкое над ними торжество,— сказал Николай Иннокентьевич.— И еще он настойчиво утверждал, что русская история бессмысленна и пуста. По мнению Чаадаева единственным путем спасения для нас является безусловное и полное приобщение к европейской цивилизации.

— Имел право на собственное мнение!..

— Конечно, имел, кто же спорит?!

Подошла Мария Павловна, стройная сухощавая женщина с едва начинающей пробиваться сединой в волосах. Издалека ее можно было принять за девушку.

— Спорить можно бесконечно, а обед готов. Посему милости прошу отобедать!

— Николай Иннокентьевич, продолжим за столом,— предложил Заянчицкий.

Собеседники прошли к накрытому в саду обеденному столу, за которым уже сидела вся молодежь и ждала старших.

— Так о чем же вы так горячо спорили? — спросила Мария Павловна.

— Да вот Николай Иннокентьевич считает, что нам нужно отказаться от цивилизации и жить по-монастырски,— улыбнулся супруг и, взяв ложку, наклонился к тарелке с супом.

Земсков внутренне помолился, пожелал всем приятного аппетита и только после этого принялся за еду.

— Мария Павловна, твой супруг шутит,— улыбнулся в ответ он.— Разница во взглядах славянофилов и западников основана не на принятии или непринятии цивилизации, и не на чем-то внешнем вообще. Различия между ними духовны по своей сути и основаны на социально-политическом, идеологическом и культурном противостоянии Православия и западных конфессий.

— Наша семья, Николай Иннокентьевич, придерживается Православия,— с достоинством заявила Мария Павловна.— Мы и в церковь по праздникам ходим. Вот на Троицу ходили...

— Помилуй, я не вас имею в виду, я говорю, в общем...

— А, в общем,— каждый имеет право на свободу вероисповедания. И пора нам уже как в Европе жить! — произнес Кирилл, молодой человек в студенческом кителе, сын Заянчицких. Щеки его бледного, худощавого лица в тот же миг залились ярким румянцем.

— Повторюсь, господа, речь идет только о том, на какой основе должны строиться развитие цивилизации в стране и улучшения жизни народа. На какой основе?! Мы считаем, что всего этого можно достичь на основе Православия и наших традиций! — ответил Земсков, обращаясь, в том числе, и к Кириллу.

— Позволь, Николай Иннокентьевич, не совсем согласна с тобой. Прогресс возможен только тогда, когда он основан на земных знаниях, а не на небесных откровениях! — выпрямившись и сложив пальцы рук в замок, заявила хозяйка дома.

— Помилуй, уважаемая Мария Павловна, — в тон ей, с легкой иронией и чуть снисходительно ответил Земсков. — И славянофилы и западники за прогресс. Вопрос, на чем он основан — на уме, опирающемся на Высшую мудрую волю, или на несовершенные человеческие знания? И, соответственно, ради чего этот прогресс? Ради собирания сокровищ на небе или на земле?

Молодежь, все как один, перестали есть и смотрели на говорившего. Видно было, что они слышат такое впервые.

— Так, дети! Кушайте, остывает ведь! — Мария Павловна принялась хлопотать — открыла утятницу, стала раскладывать аппетитно пахнущее жаркое по тарелкам, спрашивая каждого, чего он еще желает отведать из находящихся на столе блюд (Они на даче за столом позволяли себе обходиться без прислуги).

— Поэтому не ставится под сомнение чей-либо патриотизм, — несколько погодя продолжил Земсков, но его слова уже как бы повисли в воздухе. — Речь идет не о нем, а о разной духовной основе его. И далее — о целесообразности и эффективности тех или иных действий...

— Ну, слава Богу, а то я уже думал, Николай Иннокентьевич, что, по-вашему, мы смотрим в разные стороны... — вынимая из-за воротничка салфетку, сказал Заячницкий.

— Если позволите, господа, я продолжу...

— Да, я только хотел сказать, что мы виновны перед народом за свое благополучие на фоне его бедности, — по тому с каким удовольствием Михаил Григорьевич говорил это, можно было заключить, что он «сел на своего любимого конька». — Мы не можем поэтому чувствовать себя вполне счастливыми. И мы готовы рисковать и жертвовать многим, чтобы исправить положение. А исправлять нужно, как можно быстрее, не взирая на ситуацию в стране, как внешнюю, так и внутреннюю! — заявил он.

Все семейство с гордостью смотрело на него. Чувствовалось, что все они — от гимназиста до супруги разделяют такие революционные взгляды.

— И все же позвольте мне продолжить... — Земсков выпрямился и одновременно сделал жест рукой, ясно говорящий о его несогласии и о том, что ему есть что возразить. — Ведь еще Пушкин говорил об исторической суете, которой он противопоставлял подлинную историю, которая совершалась на Руси подвигами веры, стяжанием духовной энергии, вершившуюся вне исторической суеты и наперекор суете. Такая суета, основанная на слабости веры, может привести Россию к трагическим итогам!

— Вы против революции, против изживания всякого зла в российской действительности? — чуть ли не в один голос воскликнули супруги.

— Я — за изживание зла! Но не путем революции, а путем эволюции, путем преобразования внутреннего человека в каждом, эволюции, основанной на внутреннем духовном своеобразии России. И я призываю вас, Михаил Григорьевич, и ваших единомышленников, одумайтесь, иначе может быть очень и очень поздно и плохо!

— И после этого вы говорите, что любите народ? — снова вступила в разговор Мария Павловна.

Земсков замолчал. Он замолчал не потому, что ему нечего было возразить своим

оппонентам. Нет, он замолчал потому, что понял — они его не слышат, более того, не хотят слышать...

— Простите господи! — Земсков встал. — Благодарю вас за гостеприимство, тебя, Мария Павловна, особо за изумительный обед, но мне, к сожалению, уже пора на поезд, — он взял шляпу и, попрощавшись со всеми, направился к станции.

Молча глядели ему вслед оставшиеся за столом дачники. Разное выражали их взгляды. А что творилось в их душах, то одному Богу известно...

«ТОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫМИ...»

Назавтра Курилов снова с трудом пробирался вместе со сбившимися в притык друг к другу десятками машин, находясь в ситуации, ставшей уже привычной для горожан и именуемой «пробкой». «Скоро, как жители какого-нибудь Лондона будем бриться и чай-кофеи распивать в пробке», — тоскливо подумал он.

Всегда памятуя о возможности попасть в пробку, Андрей заранее, при первом же подозрении старался придерживаться ближней к тротуару полосы движения, чтобы иметь пространство для маневра — для съезда в сторону. Вот и сейчас, поглядывая вбок, готовясь при первой же возможности свернуть, вдруг увидел знакомое лицо. «Ба, да это же никак Виктор Леонов!»

Курилов буквально дополз до съезда, повернул и, проехав немного вперед по широкой пешеходной полосе, остановился. Похожий на Виктора мужчина, одетый в полевую маскировочную форму, в которой ходят обычно военные да охотники с рыбаками, неторопливо шел вперед, неся на плече небольшой рюкзак и в другой руке большую плетеную корзину.

Андрей догнал его и, поравнявшись, спросил:

— Простите, вас Виктором зовут?

— Так точно, — ответил мужчина. — Андрей, ты?! Вот так встреча!

— Да! Я тут в «пробке», смотрю вроде бы знакомое лицо. Решил остановиться...

— А ты, брат, растолсте-е-ел...

— Да и ты не остался прежним... Постарели мы...

Виктор был высок ростом, сухопар и подтянут, как всегда, только пряди седых волос на висках да морщины вокруг глаз и на лбу выдавали возраст.

— Чем занимаешься? Все там же у себя на заводе мастером? — поинтересовался Андрей.

— Нет... Ушел я оттуда...

— Слушай, а давай ко мне в машину, посидим пока пробка, поговорим, а потом я тебя подвезу. Ты не торопишься?

— Нет, куда мне спешить... Хорошо, давай, — согласился Леонов.

Они вернулись к машине. На улице было жарко, и машина, казалось, готова была расплавиться. Присесть на улице было негде, и приятели, оставив открытыми двери, уселись в салоне, включили маленький вентилятор и продолжили разговор.

— А почему не на заводе?

— Заказов долго не было и, соответственно, зарплаты. А когда появлялась работа и зарплата, то деньги быстро тратились — уходили на оплату долгов и на необходимые покупки, и снова наступало безденежье... — Виктор тоскливо посмотрел на Курилова. — Надоела такая жизнь, потому и ушел... Сейчас работа на заводе понемногу наладилась. Новый директор привлек команду толковых специалистов, и они смогли перестроить производство, привлечь инвестиции, создать линии по выпуску новой продукции. Вот бы на таком заводе поработать!

— Так в чем же дело?

— Прошло уже семь лет, как я ушел. Кто ж меня возьмет? Там от молодых отбоя нет...

— И чем же занимаешься, на что живешь? — Андрей с интересом взглянул на давнего приятеля, но признаков алкоголизма и явной нищеты по достаточно упитанному лицу его не обнаружил.

— Чем занимаюсь? Ты не поверишь... Хожу по лесам, собираю грибы и ягоды, охочусь в положенное время, рыбачу, и всем, что добыл, торгую на рынке. Жена у меня врачом работает все там же, в заводской поликлинике. А сын учится в университете...

— И хватает? — удивился Курилов.

— Ты знаешь, хватает!.. — уверенно ответил Виктор и улыбнулся. — Я ведь спортсмен, могу за день много пройти, и охотник, и собиратель я заядлый. День похожу, день на рынке посижу, отдохну, и снова в поход. Так что все нормально!

— Ну что ж, если тебе так нравится... А то ко мне давай. Я тут сейчас строительством и поставками стройматериалов хочу заняться...

— Нет, нет, — Виктор нетерпеливо прервал Андрея. — Не люблю я коммерции эти... Хотя не осуждаю, имеют право быть и нужны... Если честные, конечно... Но это — не мое!

— Как знаешь... Хозяйственная жизнь многообразна, и в ней необходимо и то, чем ты занимаешься. Главное, кроме материального, получать еще и моральное удовлетворение от «трудов наших праведных».

— Правильно рассуждаешь! Впрочем, ты всегда рассуждал правильно, даже в студенческие годы! — Виктор повернулся к Андрею и с улыбкой обнял его за плечи.

Курилов, окунувшийся в воспоминания, как он часто любил делать, не отстранился от неожиданного жеста.

— Наши студенческие годы... — с удовлетворением произнес он. — Хоть и учились мы на вечернем и были уже изрядно понюхавшими пороху, а все же юность она и есть юность.

— А тебе учиться было легче. У тебя ж до этого была производственная практика, и я помню, как ты помогал нам разбираться в вещах, в которых по одним лекциям и книжкам сложно было разобраться, — стал вспоминать Виктор.

— Да, последний год перед армией я проработал на заводе. И хорошо «натаскался» по железу. А еще в армии много было перекручено-переверчено своими руками.

— Это много дало, — подтвердил Леонов.

— Ты же работал на заводе в конструкторском отделе техником, если я не ошибаюсь?

— У тебя хорошая память!

— Пока не жалуясь ... И насколько помню, успевал чертить и строчить курсовые в рабочее время?

— Было дело!..

— Конечно, было, а то я не знаю! — улыбнулся Курилов. — А вот мне приходилось все это делать по ночам, так как днем работал на стройке. И со стройки, «порубав» пельменей, бежал в институт. Потом до утра чертил, или дежурил в сторожке на той же стройке. Брал дополнительно любую ремонтно-строительную работу, в том числе делал бани, бассейны в горячем цеху. Освоил все строительные специальности. Поэтому в учебе все давалось легче, так как уже было понимание. И характерно то, что алгебра в школе шла на тройку, а высшая математика в институте — на пятерку. Хотя сопромат давался достаточно тяжело. Но я взял его упорством.

— Да, сопромат это — сопромат... Кто его сдавал, уже мог считать, что Рубикон перейден.

— Один из распространенных студенческих мифов... Что же касается технического образования, как производственник, долгое время проработавший на заводе, думаю, что кроме теории необходимо хорошо давать и практические знания — навыки, методы и приемы профессиональной деятельности... Но о чем это я? Сейчас вообще дело «швах», нет и того, что было...

«Пробка» по-прежнему никак не рассасывалась. Воздух был сильно загазован, дышать было нечем. И мимо их машины по тротуару, несмотря на жару, торопливо шли люди, стараясь как можно быстрее пройти этот участок пути.

— Давай отъедем,— предложил Курилов и, включив зажигание, отогнал машину подальше, в проезд между домами, но так, чтобы наблюдать за ситуацией на дороге.

Друзья несколько минут помолчали...

— Скоро выборы. Ты за кого будешь голосовать? — вдруг спросил Леонов.

— Не скажу, это — мое право! — ответил Курилов и улыбнулся, но видно было, что не хочет откровенничать на эту тему.

— А я из этого никакого секрета не делаю,— сказал Виктор и твердо посмотрел в глаза Андрею.— Я — за коммунистов...

— Так тебе же никогда не нравились общественные науки?! — удивленно вскинул брови Курилов.

— Да, они были не жизненны. Преподавать нужно было с примерами из практики, в привязке к действительности. А они давались в отрыве от жизни, да и не глубоко, поверхностно, спонтанно и большими объемами...

— Не говори, даже такой актуальный в те годы раздел, как кооперация, и на лекциях и на семинарах раскрывался очень слабо. Кроме двух человек в группе, никто ничего в этом не понимал. Не профессионально преподавалось! Да откуда же было взяться профессионалам, если в течение многих лет запрещалось даже теоретизировать на подобные темы, а не то чтобы иметь по ним практику!

— Значит были, наверное, причины... Боялись лавины произвола... А получилось — чего боялись, на том и попались!

— Да уж...— согласился Андрей.— Поэтому не бояться нужно было нового, а, «держая руку на пульсе», понемногу прививать знания, навыки и культуру работы тем, кто желал трудиться в этом направлении.

— Я считаю, что в рамках общественных наук должны были преподавать культуру, этикет и этику. И нужно было учить психологии взаимоотношений в коллективе. Может, это и поважнее теории было бы!.. А вообще я не любил общественные науки,— добавил он.

— Ты прав, Виктор, полностью согласен в отношении культуры, этики и отношений между людьми!..— сказал Курилов и внимательно посмотрел на старого приятеля.— А с чего это ты в коммунисты подался, если не любил те самые общественные науки?

— Нынешние коммунисты, Андрей, имеют к тем общественным наукам весьма отдаленное отношение...

Пробка понемногу стала рассасываться, движение машин по мостовой стало более ощутимым. Но дышать было уже абсолютно нечем. Приятели пожалели, что, увлекшись разговором, не отъехали куда-нибудь еще подальше. Да что уж теперь? Они закрыли двери машины, и Курилов выехал на проезжую часть улицы.

— Сколько пожеланий можно высказать еще по улучшению высшего образования! — сказал Андрей, перестраиваясь в полосу ближе к осевой.— Как хорошо бы совместить в преподавании теорию и практику, совместить обучение с производством — по типу кафедр медицинских институтов в клиниках, как рассказывал мне знакомый доцент-патриот из Медико-физкультурного... Эх, да что там! Ведь мы обсуждаем образование, которого уже нет. Нынешнее образование стало заметно более плохим...

— Да! Уровень так называемого высшего образования скатился ниже бывшего самого слабого техникума. И лучшего образования — от начального до высшего,— которое было в советский период, нет. Хотя и там были недостатки, но в основном это было настоящее образование.

Курилов задумался, и вспомнилось ему недавнее время, когда он заочно и платно получал второе высшее образование — финансово-экономическое. Нужно сказать, что до этого экономика была его хобби. А пошел снова учиться, так как интересно было понять, как работают иностранные банки, карточки, да и многое другое, связанное с современной экономикой. Хотелось почерпнуть побольше полезного для деятельности. Но довольно быстро он понял, что практически ничего нового от учебы не получит, ибо все преподаватели были несведущими в современной экономике и финансах. Многие люди с производства, работающие по специальности, опытные пришли для получения диплома и разбирались в экономических и финансовых вопросах часто лучше преподавателей. Задавали им каверзные вопросы, часто спорили... Курилов тогда смирился с ситуацией и учился немного тому, немного этому по большей части у своих сокурсников...

— Что-то мы так засерьезничали с тобой...— улыбнулся Виктор.— А ведь тогда были веселыми, жизнерадостными ребятами. И гуляли, было дело, частенько, и влюблялись...

— Тогда мы были молодыми...

— Одно слово — молодость! — видимо вспомнив что-то приятное, связанное с теми днями, сказал Леонов.— Андрей, а давай обменяемся телефонами, чтобы не теряться! Буду снабжать свежими ягодами и грибами, дичью в охотничий сезон и рыбой.

— Хорошее дело, давай! — ответил Андрей, останавливая машину недалеко от дома, где жил Виктор.

Друзья обменялись телефонами и дружески пожали друг другу руки.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

АКТРИСА

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России, Академии российской литературы, Творческого клуба «Московский Парнас».

Поздний вечер. Комната во мраке. На жесткой постели лежит старая актриса: мягкая постель ей непривычна. Она всегда спала на жесткой, чтобы сохранять осанку и не разнеживаться в безделье. Ее время никогда не тратилось на пустяки, занятое постоянными трудами. Какие у нее труды? Держать фигуру, сохранять голос, говорить по-французски, петь по-итальянски, танцевать по-испански, учить роли, увлекать зрителя.

Когда-то ею восхищались. На ее бенефисы собирались люди разных сословий и званий. Знатные чины Петербурга и Москвы присылали ей в подарок огромные букеты цветов. Безденежные студенты кричали с галерки слова признания и пылко аплодировали. Как она играла!

Кто научил ее играть? Мать была не слишком удачливой актрисой провинциального театра, исполняла второстепенные роли, сошлась с таким же неудачником и родила, чуть ли не на сцене, девочку, которой все прочили, по причине странного рождения, актерскую будущность. Умерла мать быстро, не дождавшись даже пятилетия дочки, актер же уехал еще раньше на поиски успеха.

Воспитывалась Любушка в семье театрального художника Смирнина, так что детство и юность прожила в кулисах. Ей приходилось мыть, чистить, шить, подавать горячий чай антрепренеру или разогретое молоко исполнителям. Лет с пятнадцати симпатичную девушку стали вводить в спектакли в качестве статистки, и она испытывала огромное счастье, глядя на зрителей со сцены.

Любушка — девушка милого нрава, с очаровательной улыбкой и ямочками на щеках — не имела врагов: все любили ее в театре. Разве только заезжие актрисы, проникнутые чувством собственного величия, не замечали ее. А она смотрела на них с обожанием и знала все их роли наизусть. Иногда на репетициях замещала очередную приезжую красавицу. Мало ли чем может быть занята заглянувшая ненадолго в их захолустье похитительница мужских сердец? Только хотелось не замещать, а играть самой.

Как нередко бывает в актерском мире, помог счастливый случай. Любушке было тогда лет восемнадцать. В город приехала на ангажемент мадам Загорецкая — дама капризная и неуравновешенная. Актеры ее не любили и травили исподтишка. Антрепренер злился, капризы актрисы изводили и его. К несчастью, ее местный покровитель — первый богач города — желал видеть Загорецкую не только на сцене, но и в своем доме.

В этот вечер играли веселый водевиль. Обычные спектакли не вызывали всеоб-

щего интереса, на водевилях же театр был почти полон. И вот за полчаса до представления выяснилось, что госпожа Загорецкая отказывается выходить на сцену, по причине грубого с ней обращения. Обращение антрепренера с актерами и в самом деле доходило до грубости, однако с Загорецкой такого не допускал. Мадам Загорецкая решила этот вечер посвятить ловле богача в свои сети.

Переполох среди актеров поднялся невообразимый. Любушкин благодетель Смирнин, как всегда еле державшийся на ногах, орал:

— Примадонна вшивая ваша Загорецкая. Называет меня мазилой немазанным. А я так скажу: моя Любушка сыграла бы не хуже. Не хуже, говорю я.

— Ну что вы, Сил Васильич, разбушевались? Скажите об этом Климентию Петровичу, — подхихикивал над художником Шумов, местный герой-любовник.

— А и скажу. Всем скажу: вы в подметки моей Любушке не годитесь!

Художник изошелся в крике, остановить его не могли, или не хотели. Крик добрался до ушей Климентия Петровича, и тот, немного поразмыслив, повелел:

— Быстро одеваться! Нет времени на разговоры.

Через несколько минут раскрылся занавес, и водевиль поплыл по театру, приукрашенный молодой и зажигательной героиней. Аплодисменты не прекращались, а после представления Климентий Петрович вызвал Любу к себе и многозначительно произнес:

— От мадам Загорецкой посыльный прибыл: она уехала с Акинфием Силантьевичем. И хорошо. Заменишь ее. На афише напишем, — антрепренер немного подумал и, проведя рукой, будто по афише, произнес, — Любовь Светицкая!

Так маленькая закулисная девчонка стала первой актрисой театра. Потом были другие театры: в Курске, Тамбове, Туле, Саратове. Всю Россию объездила Любовь Светицкая. Сначала играла в водевилях, скоро почувствовала, что водевильное легкомыслие не для нее. Ей хотелось трагических пьес, в которых можно передать внутренний мир персонажа. Особенно серьезно задумалась об этом, оказавшись на спектакле Большого театра. Она приехала в Москву в надежде получить место в казенном театре. Надежда чуть грелась, поскольку ни связей, ни средств не было, хотя за плечами стояли восемь лет непрерывной работы над собой. Не пойти в один из лучших театров страны провинциальная актриса не могла.

Театр поразил размерами и роскошью. На фронтоне здания мчится Аполлон на колеснице, запряженной конями. Кажется: еще мгновение, и унесется всадник в самые небеса и, даже ее, Любу, унесет к подружкам-музам. Войдя в зал, она оказалась среди резных и лепных пышных украшений и богатых кресел. А над головой, словно сказочный мир расположился в плафоне. Там, высоко-высоко прекрасные музы ведут хоровод. Как бы хотела Любушка подружиться с ними, а более всего с музой трагедии Мельпоменой, зовущей к серьезному взгляду на мир. Наверное, ею вдохновлена и картина, расписанная на огромном занавесе. В торжественную минуту встречают горожане русских воинов, предводимых Мининым и Пожарским. Все окружение, в которое окунулась молодая актриса, говорило о торжественности и вызывало серьезные раздумья.

Давали оперу Даргомыжского «Эсмеральда». Завороженная музыкой и событиями, переживала Люба происходящее на сцене. Влюбленный в Эсмеральду Клод Фролло пытается похитить девушку, развлекающую парижан песнями и танцами. Ее защищает молодой офицер Феб. Эсмеральда любит Феба, однако Фролло, ее враг и губитель, ранил офицера в схватке. Эсмеральде же угрожает: либо погибнешь, обвиненная в покушении на капитана, либо подаришь свою любовь. И кому? Клоду Фролло, ненавистному синдику.

Плакала Люба, музыка перевернула ее душу. Хотелось слушать и слушать. А какие декорации — площадь, словно настоящая, перед собором Богоматери! Какие

костюмы! Никогда у нее ничего похожего не было. А ведь что такое костюм? Это важная деталь к образу. Долго потом представляла Любовь себя в роли Эсмеральды. Она бы прожила на сцене так, что зрители обязательно поверили бы в реальность происходящего. Надо жить на сцене, а не играть. Так думала и чувствовала всем сердцем Любовь Светицкая.

Тогда ее в казенный театр не приняли. И продолжились поездки по стране. Только теперь ее роли глубоки и психологичны. Виолетта Валери в пьесе «Дама с Камелиями» Александра Дюма, Джильда Виктора Гюго из пьесы «Король забавляется», Жанна Д'Арк из пьесы Шиллера «Орлеанская дева», Офелия — несчастная подруга шекспировского Гамлета.

Помнила она завет первого актера Малого театра Михаила Семеновича Щепкина: играть без фальши. Такая игра магически действовала на зрителей, поскольку влияла на них чувства искренности и правдивости. Прошли еще четыре года неустанного труда, и получила она приглашение в Москву в Малый театр.

Теперь Любовь Ивановна обрела квартиру и приличное содержание. Ежедневно к подъезду дома подъезжала казенная карета, в которой ее отвозили в театр. Не большие удобства, но все же голова освобождалась от необходимости думать о завтрашнем дне, что давало возможность для развития творчества. Грибоедов, Гоголь, Островский, Достоевский — ей были предоставлены лучшие пьесы и лучшие роли, которые она проживала на сцене. Казалось, что все происходившее с ее героинями, случается с ней самой. Особенно близок ей был в это время Достоевский, произведения которого наполнены искуплением и страстным покаянием.

Она училась у известного актера Малого театра Прова Михайловича Садовского создавать психологические портреты своих героинь, тщательно работать над текстом роли. Каждый персонаж великого актера особо говорил и держался, и ей хотелось добиться того же. Два года совместной работы с мастером были для нее счастьем. Его смерть актриса переживала как личную потерю.

Тогда же пришла любовь. Поздно пришла и потребовала отказаться от театра. Разве это можно? Любовь Светицкая жила театром. Отними его — все равно что воздух отнимешь. Николай Петрович желал, чтобы будущая его супруга отказалась от звания, которое, по его строгому разумению, многими считалось не вполне приличным.

— Коля, разве тебе не нравится моя игра? Разве ты не переживаешь, когда я на сцене?

— Нравится, Любушка. Но не могу я видеть, что на тебя смотрят как на легкомысленную особу.

— По моим ролям можно сказать, что я легкомысленная?

— Нельзя. Только не все думают о твоих ролях.

— Но ты же сам говорил, что полюбил меня за игру проникновенную!

Оба мучились, и договориться не могли. Когда же в Сербии началась война против турок, Николай Петрович в числе добровольцев отправился на Балканы защищать славян и сражаться в рядах русских войск против турок. Там и погиб через два года. В последнем письме Николай Петрович писал: «Любушка, счастье мое светлое! Здесь в кровавой сумятице и неразберихе понял я, как был не прав. Театр — жизнь твоя, и я не имею права этой жизни мешать. Я хочу быть рядом с тобой и переживать наше счастье. Знаю, как больно ты восприняла мой давнишний отъезд и как беспокоилась обо мне. Не волнуйся, родная, ничего со мной не случится. Вернусь, и проживем мы с тобой. Обязательно счастливо! Здесь я понял: совсем неважно, что думают другие, главное, что думаем мы с тобой».

Пережила гибель Николая Петровича стойко. Театр помог. Обходили ее стороной сплетни и закулисные игры. Умела она выбирать людей для общения. Годы летели — трудные, наполненные радостями, приобретениями и победами. Любовь Ивановна

видела: настойчиво входят в жизнь театра молодые актеры. Они совсем не похожи на прежнее поколение: хорошо образованные, прекрасно воспитанные. Недавно пригласили ее в Общество искусства и литературы на спектакль «Скупой рыцарь». Старого скрягу играл, оказывается, совсем молодой актер, почему-то недовольный тем, что он делал на сцене. Да как он это делал! Любовь Ивановна видела таких стариков в жизни.

Потом этот же молодой человек, которого все уважительно называли Константин Сергеевич, пригласил ее на «Бесприданницу» Островского. Играла в спектакле Машенька Ермолова, которую Любовь Ивановна почитает за лучшую актрису Малого театра. Она помнит, как несколько лет назад Мария Николаевна сыграла Лауренсию в спектакле «Овечий источник». Кажется, автор пьесы Лопе де Вега ничего такого героического не писал, а Лауренсия Ермоловой всех вдохновила на борьбу с угнетателями. Потому спектакль быстро сняли. Власти заподозрили в нем призыв к восстанию.

Восхищение же актрисой у нее, как и у многих других, росло. И она бы тоже протестовала против угнетения, пропитавшего всю жизнь. Угнетение, к сожалению, ощущается и в любимом театре. Только сил для протеста у Светицкой нет. Теперь же в образе бесприданницы Ларисы она увидела не столько метущуюся от безысходности женщину, сколько женщину, протестующую против отношения к ней как к роскошной вещи и глупой пустышке. Да, думала Любовь Ивановна, в Малом театре выросла великая актриса, занявшая свое место по праву таланта.

Поздно вечером, перебирая в памяти увиденный спектакль, думала Любовь Ивановна о том, что изменилось в русском театре. В него пришли новые люди. Они уже не хотят играть поодиночке, им для полного проникновения в образ и в идею спектакля нужен слаженный актерский ансамбль, нужен человек, который бы этим ансамблем управлял.

Говорят: актеры — несчастные люди. Она — счастливая. Всю жизнь занималась любимым делом. Прошла трудный путь и пришла к его концу, сознавая: после нее есть кому взять на себя актерский труд. Она может уйти спокойно, да и пора уже. Пожила на белом свете. Там — далеко в вышине — ждет ее Николай Петрович, понявший, в чем ее назначение.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ

Витюшка Симонов появился у нас после зимней сессии на втором курсе. Мы ждали начала первой после каникул лекции по патанатомии в так называемом «греческом зале». Название это было придумано нашим братом — студентом полукруглому лекционному залу с ярусами рядов столов и скамеек, уходивших вверх от доски и трибуны лектора.

Все уже привычно рассаживались по своим облюбованным местам. Девушки оживленно щебетали, обмениваясь впечатлениями от отдыха. Кто-то уткнулся в ходивший по рукам затертый номер роман-газеты с напечатанным вдруг «Одним днем Ивана Денисовича»... Оставалось буквально несколько минут до начала лекции, когда в зал вошел среднего роста, в тщательно отутюженном, элегантном, новом синем костюме незнакомый нам жгучий брюнет с ровно уложенными набок, в пробор, волосами на голове, с легкой усмешкой на выбритом до синевы лице с правильными славянскими чертами. На вид ему можно было дать лет двадцать пять — двадцать шесть, то есть он оказался старше нас — восемнадцати-девятнадцатилетних.

Все, особенно наши девчонки, как-то притихли, повернув с интересом свои любопытные носики в его сторону. От новичка исходила столь ценимая женщинами в мужчинах внутренняя уверенность в себе в сочетании с природной интеллигентностью и загадочностью.

Незнакомец первым непринужденно протянул свою руку известному разгильдю и любимцу курса Славе Шабанову, стоявшему у входа в зал. Тот с удовольствием пожал ее:

— Позвольте представиться — Славик... А вы какими судьбами будете в наш вертепчик?

Новенький оценил славикову непосредственность и шуточный тон, тем более, что за действием наблюдало с интересом большинство присутствующих:

— Виктор Николаевич Симонов, ваш покорный слуга и новый однокашник... Перевелся после восстановления из Новосибирского мединститута. В силу ряда независящих от меня обстоятельств пребывал пару лет в академотпуске... Ваш ректор, как истинный интеллигент, в отличие от новосибирского, проявил понимание моей трудной судьбы и подписал приказ о восстановлении. Будем вместе грызть гранит нашей альма-матер! — представился новый студент. Славик продолжил в том же духе:

— Позвольте вам представить некоторых наших коллег... Машенька Белогривова — наш эрудит и большой душевный стоик. Но приемлет иногда, в хорошей компании, «червивочку», но только из духа противоречия, — при этом Шабанов прижал свободной рукой к себе выступающим мягким боком пышногрудую, невысокую, захихикавшую Белогривову. Витюша расплылся в обворожительной, сдержанной улыбке:

— Рад, очень рад вашему соседству... Я, знаете-ли, по душевному складу больше эстет, как, видимо, и вы... Думаю, найдем точки соприкосновения...

— А это — Натали,— поймал за руку Славик только-что вошедшую в зал высокую, с орлиным носом, объемным, но плосковатым бюстом, туго обтянутым грязновато-серого цвета свитером навывпуск, девушку.— Очень оригинальная женщина, и в некоторых ситуациях просто незаменимый товарищ...

Натали, тоже недавно «восстановленная» после академотпуска, своим цепким, оценивающим женским взглядом прошлась по Симонову сверху вниз, протянула руку:

— Мерси, Славик. Ты, как всегда очень мил... Будем знакомы — Натали...

— Виктор,— скромно промолвил новичок, несколько задержав руку девушки в своей ладони с длинными, тонкими, аристократическими пальцами.

В это время в зал вошел профессор Запрудин — седой мужчина неопределенных лет, с красным, покрытым звездочками от лопнувших подкожных сосудов, лицом. Он был уважаем студенческой братией за чувство юмора и отходчивый характер. На его лекциях в «греческом зале» можно было, если сядешь на задних рядах, заниматься всем, чем угодно: от просто поспать, улегшись с ногами на сидение, подсунув под голову портфель или куртку, до игры в покер вперемежку с распитием дешевого яблочного вина — «червивки», покупаемой обычно в гастрономе через дорогу от учебного корпуса.

При появлении Запрудина все расселись по своим местам. Наиболее примерные, с первых рядов, раскрыли тетради, приготовившись слушать лектора.

Виктор Николаевич в сопровождении Шабанова и Натали, неторопливо прошел на задние ряды, где и расположился, даже достав из черного, еще нового дипломата новую общую тетрадь. Внимание сидевших рядом с ним девушек привлекла необычная импортная авторучка, которую он с деловым видом вынул из бокового кармана костюма. Когда ручка лежала горизонтально — под прозрачным плексигласовым стеклом в ее центральной части вырисовывалась изящная цветная фигурка симпатичной японки. Когда Виктор Николаевич взял авторучку в руку, придав ей вертикальное положение, японка вдруг начала полностью раздеваться, представ с обнаженной грудью, животом и так далее. Симонов с улыбкой дал Славiku и Натали поиграться с забавной заморской штуковиной, с улыбкой наблюдая за их веселой реакцией.

Девушки курса, особенно самые серьезные, учуяв в новичке солидного потенциального жениха, две пары лекций подряд группками оживленно обсуждали появление Виктора Николаевича в нашем коллективе, время от времени бросая в его сторону заинтригованные, со скрытым значением взгляды. А, он, делая вид, что не обращает на это никакого внимания, казалось, слушал лектора, и иногда даже делал какие-то пометки в тетради.

Две последующие недели, ведя себя таким же образом, таинственный Симонов обрстал все более привлекательными качествами в глазах, в первую очередь, прекрасной половины нашего курса. Все знали, что он не курит, никогда не ругается матом в силу своей природной интеллигентности. Что он предельно внимателен и деликатен с дамами, с ним можно интересно поговорить на любую тему, что он увлекается живописью... А Шабанов по секрету сообщил, что Виктор Николаевич коллекционирует иконы, сам иногда пишет и даже выставялся где-то в Москве со своими картинами; что он разведен, был женат на дочери генерала КГБ, а сейчас живет неизвестно где, но не в общежитии...

Все эти пикантные подробности в глазах наших однокурсниц выделили его среди нас — неопытных мальчишек, которые, конечно-же, не могли составить Симонову никакой серьезной конкуренции.

Надо сказать, мы — парни тоже не были на него в обиде, так как он оказался

коммуникабельным, общительным товарищем. А это очень ценилось в нашей среде. Обладал острым умом, любил пошутить при случае, понимал юмор, и, кроме того, относился к окружающим — и студентам, и преподавателям снисходительно, легко прощая человеческие слабости.

Первая неожиданность, заставившая всех по-другому взглянуть на этого человека, случилась в общежитии по прошествии двух недель после первого появления Виктора Николаевича.

Однажды утром один из наших сокурсников попытался выйти из своей комнаты в тесноватый коридорчик секции, состоявшей из четырех комнат. К его удивлению он не смог сразу открыть дверь, что-то достаточно тяжелое препятствовало этому снаружи. С трудом, с помощью соседа удалось все-таки отжать дверь и это загадочное, невидимое изнутри что-то.

Каково же было их удивление, когда, наконец, выскользнув в полуоткрытую щель двери, сотоварищи обнаружили на полу коридора лежавшего Симонова. Они не сразу определили Виктора Николаевича в свернувшемся в клубочек на боку, одетом в мятый, местами непотребно испачканный костюм, человеке с сильно всклокоченными волосами на голове, с заплывшим от перепоя лицом, что-то бессвязно бурчащем в ответ на их вопросы.

Студенческий уклад жизни всегда подразумевал основной закон: сам погибай, а товарища — выручай! Поэтому парни затащили почти бездыханное тело Симонова к себе в комнату, уложили утомленного на одну из кроватей, а сами вскоре ушли на занятия, оставив его там, в комнате, одного.

Когда через четыре часа, на большом перерыве, ребята вместе с другими соседями по секции вернулись к себе в общежитие, то обнаружили, что Виктор Николаевич успел не только очнуться, прийти в себя, но и опохмелиться «червивкой», сбегав за ней в любимый всеми студентами гастронм «Приветливый», функционировавший под боком у студенческого общежития. Четвертый семестр в мединституте не зря прозвали «золотым». После крайне плотного, загруженного анатомией, анатомичкой, физиологией, биохимией, другими сложными и новыми для вчерашних школьников предметами, после тяжелейшей зимней сессии, где по всем ним сдавали экзамены, начинался ненапряженный в плане учебы, для многих критический четвертый семестр.

Именно во время его студентки-отличницы и комсомольские активистки, сбросив прессинг знаний, вдруг обращали внимание на своих, таких же зачуханных учебной однокурсников, которые, естественно, не медлили с адекватным ответом.

И походы в читальные залы библиотек заменялись походами группой в кафе, или в канун получения стипендии — в ресторан. Если же денег сегодня оказывалось недостаточно для этого, то слали гонцов в «Приветливый» за «червем» или «чернилами» и веселились прямо в общежитии. Коллективное веселье иногда затягивалось до утра, иногда до утра следующего дня, а наиболее стойкие и заводные погрязали в бытовом пьянстве на неделю, бездумно пропуская напропалую занятия.

То, что «русский интеллигент» Виктор Николаевич Симонов, опохмелившись сам свежим «червем», как истинный джентльмен, приготовил для гостеприимных хозяев комнаты и их соседей несколько бутылок вина и раскрыл две купленные в «Приветливом» банки с национальным студенческим блюдом под названием «Кильки в томате», было воспринято товарищами крайне одобрительно. Все с удовольствием стали искать по комнатам пустые стаканы. Откуда-то выплыла даже Натали, без которой редко когда обходились подобные мероприятия в общежитии.

Виктор Николаевич, блестя своими слегка красноватыми, выпуклыми, темно-карими глазами, излучая оптимизм и уверенность, несмотря на колючую, несбритую щетину, которая только придавала ему особый шик, скромно предложил первый тост:

— Друзья, прошу извинить за неожиданное вторжение в вашу тихую обитель... Просто вчера как-то сорвался... Получил повестку от судебного исполнителя, что пришло время платить задержанные алименты моему гнойничку... то есть сыну, который воспитывается в приличной генеральской семье в Новосибирске... — пояснил он, произвольно меняя рукой расстояние от пола, иллюстрирующее возраст и предполагаемый рост ребенка. — Он у меня уже такой большой вырос, вот такой... или, пожалуй, такой... Нет, все-таки, видимо, несколько ниже будет ростом...

Народ дружно заржал этой его непринхотливой шутке, внимательно улавливая остальные подробности.

— Так вот, собрал я двадцать рублей — это мой отцовский долг перед генеральской дочкой из расчета неполучаемой стипендии, за полгода по алиментам, понес деньги на почту отправить перевод в Новосибирск... И надо же на досаду по пути встретился «Приветливый»... Заглянул туда — а там привезли свежую «червивку» по рубль ноль две — за бутылку... Взял на пробу, принял, и понеслось... Очнулся ночью в какой-то незнакомой квартире с незнакомкой под боком в постели... Славная, душевная женщина оказалась, но возраст... Чем-то напомнила мне мою бывшую тещу по первому браку... Поэтому кое-как от нее выбрался и сбежал... Так выпьем же, дорогие друзья, за наших горячо любимых дам! Как говорил один знакомый грузинский князь — за тех, которые дают и не увядают!

Он залпом опрокинул стакан с вином, занюхал корочкой черного хлеба, вилкой подцепил из банки тонюсенькую спинку кильки. Расправив ее на кусочке хлеба — с аппетитом заел:

— Что может быть лучше студенческого бутерброда?

Все остальные, также дружно приняв по стакану «червя», задумались над этой загадкой, но Виктор Николаевич не заставил долго томиться в неведении:

— Лучше кильки в томате — только салака с хлебом с горчицей! — подняв вверх испачканный палец, изрек Симонов. — А теперь давайте поднимем наши бокалы за милых боевых подруг! За тебя, Натали!

При этом Виктор Николаевич заботливо поправил сидевшей рядом Натали неровно завернувшийся воротничок ее легендарного свитера. Та расплылась растроганно в улыбке, и предложила:

— Может, выпьем на брудершафт, Витюша?

— С удовольствием, Натали. Это будет честью для меня.

Под восторженные крики и свист они опрокинули до дна свои стаканы с вином и слились в долгом, затяжном поцелуе с некоторыми элементами эротики. Закончив эту приятную процедуру, Симонов усадил Натали к себе на колени, по новой наполнив стаканы.

— Как говорят в нашем славном русском народе: первая рюмочка — колом, вторая — соколóm, а остальные — мелкими пташечками! Поехали, друзья! Вперед, за знаниями, как учил нас Владимир Ильич Ленин и учит Мария Абрамовна с кафедры философии!

И поехали! Конечно, на последующие занятия многие не пошли. С легкой руки Симонова покати́л загу́л, каких еще не видела общага! Человек пятнадцать беспробудно пили в течение четырех дней, выходя из секции только за тем, чтобы сбежать за вином в «Приветливый».

На пятые сутки к утру все было допито и пропито. Деньги у всех кончились, но жутко болели головы от принимаемого почти без закуси «червя». Обнадежил радостный возглас из угла Саши Зейнутдинова:

— Нашел! Ура, нашел! Я же помню, что у меня была в запачке трешка... Вот она!

Он радостно размахивал найденным денежным знаком. Но пропивать его просто так, без куража, не хотелось. Да и на всех явно не хватало такой скромной суммы, так как «больных» насчитывалось не менее десяти человек. Кто-то предложил:

— Пусть эта трешка достанется тому, кто голым пройдет до конца общежитского коридора и вернется назад...

Предложение даже тогда кое-кому показалось, мягко говоря, странным. Но слово — не воробей. Раз глупость сказана — давать задний ход было не в традициях студенческих пирушек тех времен, как-бы эксцентрично или цинично это не выглядело. Решили, что испытуемый должен будет в совершенно голом виде, сняв с себя все, как в бане, дойти от дверей секции, расположенной в одном конце коридора, куда открывалось еще не менее десятка таких же дверей, до другого конца, где начиналась лестница, ведущая на другие этажи.

— Ну, кто желает сыграть!? — глаза Витюши светились беспокойным огнем. Все как-то потупились, ощутив необычность и определенную циничность ситуации. Хотя в этот утренний час большинство студентов и, что особенно важно — студенток находились на занятиях, встретиться с кем-то из них в голом виде никто не хотел.

Симонов не заставил себя долго ждать. Притворно вздохнув, он начал раздеваться:

— Что ж, опять вся тяжесть ложится на мои хрупкие плечи... Но договор — дороже денег... — он уже снял с себя все. Абсолютно все, оставив только болтающийся на голой шее модный в те времена синий галстук в красную полоску.

Под хохот и улюлюканье товарищей, в их сопровождении, не спеша, Симонов пошел по пустому коридору общежития. Дошел, никого не встретив, до другого конца. Там, не торопясь, под шутки собравшихся развернулся и направился назад.

Но у двери первой же секции нос к носу в буквальном смысле этого слова столкнулся с Мариной Ивановой — комсоргом курса. Та смотрела сначала только в глаза Виктору Николаевичу, видимо, ошеломленная запахом перегара, исходившего от него. Марина была ленинской стипендиаткой, скромницей, как называл ее декан на комсомольских собраниях, «гордостью курса». К тому же она ни с кем из ребят не дружила, славилась своей девичьей неприступностью, что вообще-то можно было объяснить непривлекательностью ее прыщеватого лица в массивных очках с толстыми линзами, и корявостью рано располневшей, видимо, от многочасового сидения над книгами фигуры. Да, еще поговаривали, что она главный «стукач» деканата на нашем курсе... Так вот, первое, о чем спросила Иванова, было:

— Симонов? Это вы? А, почему не на занятиях?

Виктор Николаевич обаятельно и интеллигентно, как мог это делать только он, улыбнулся:

— Я-то понятно, почему... А вот вы — Иванова, ленинская стипендиатка — а прогуливаете?! Нехорошо, буду ставить вопрос о вашем поведении на очередном комсомольском собрании...

— Я заболела, поэтому и не смогла пойти, у меня справка есть, — стала сбивчиво объяснять Марина, затем ее четыре глаза подслеповато посмотрели ниже того места, где на голой шее у Симонова висел галстук.

Под обвальный дикий хохот присутствующих она в растерянности какое-то время в недоумении рассматривала витюшины обнаженные органы, которые до этого, наверное, видела вот так, вблизи, только в больших стеклянных банках с раствором формалина в анатомичке.

— Ах, Симонов... Это как понимать?! — оторопев, ахнула ленинская стипендиатка.

Затем, по словам очевидцев, ее лицо залила пунцовая краснота. Чуть было не упав, зацепившись за порог, Марина рванула назад, в свою секцию.

Виктор Николаевич не спеша поправил съехавший набок галстук на шее, обворожительно улыбнулся и пошел дальше по маршруту, не проявив ни малейших признаков торопливости. Только бросил через плечо вслед сбежавшей комсомольской активистке:

— Я всегда говорил, что половое воспитание молодежи нужно начинать со школьной скамьи...

Вернувшись в «свою» секцию, Симонов оделся, забрал причитающуюся ему трешку, пожал всем руки и попрощался:

— Сожалею, но есть кое-какие неотложные дела. Накопились, знаете-ли, за эти напряженные деньки... Вынужден вас покинуть... Желаю удачи...

Март. Мы — студенты-второкурсники сидим на практикуме на кафедре патфизиологии на первом этаже учебного корпуса. Работаем уже полтора часа самостоятельно: режем, мучаем бедных лягушек, прикрепляем к их истерзанным лапкам электроды... Их зеленые, подопытные, безропотные тела отрешенно дергаются теми или иными местами, когда пропускаем через них электрический ток.

Скучное занятие, но делать нечего — надо выполнять учебную программу. Виктор Николаевич на этом цикле появился только единожды — на первом занятии. Поулыбался, мило побеседовал о всякой ерунде, не имеющей отношения к медицине, с нашим преподавателем — дородной, моложавой, не утратившей женской прелести брюнеткой с благородными, породистыми чертами лица. Потом исчез до сегодняшнего дня. Мария Ивановна — наш педагог, как-то поинтересовалась — куда подевался Симонов? Шабанов, ставший правой рукой Виктора Николаевича, разъяснил, что тот якобы отбыл в Москву в связи с неожиданной кончиной любимой тети. Наши девушки, слышавшие эту байку про несчастную тетю на предыдущем цикле, тихо захихикали в кулачок.

А Мария Ивановна, как интеллигентная женщина, определившая в Симонове такого же убежденного интеллигента, поверила.

Сегодня шло предпоследнее занятие по патфизиологии, следующее будет зачетным.

За широкими окнами учебной комнаты виднелось серое небо. Несмотря на март, на улице холодно, слякотно, сыпет мокрый, крупными хлопьями снег. Иногда безлистые, не оттаявшие после зимней стужи ветви деревьев во дворе наклоняются от налетающих порывов ветра.

Всем скучно от надоевшей возни с подопытными лягушками, от безрадостной погоды на улице, от того, что до дня выдачи стипендии осталась еще неделя, а деньги у большинства закончились.

Мария Ивановна, иногда не выдерживая, скрывает ладонью приступ зевоты. Она сидит за столом, что-то тихонько почитывает. Если у кого-то возникают затруднения с проведением опыта — негромко поясняет.

В комнате тепло, я начинаю ощущать, что еще минута — и усну. Тягостная дремота предательски заползает в голову, от этого слабеет тело.

В этот момент Люська Винникова, моя соседка по столу, которой я элегантно доверил проведение всех издевательств над бедными зелеными существами, достаточно чувствительно толкает локтем в бок и шепчет:

— Посмотри, кто там заглядывает в окно?

Поворачиваю голову и вижу за стеклом улыбающееся лицо Симонова. Он что-то говорит, но нам не слышно, жестикулирует, показывая на ручные часы. По учебной комнате проносится тихий смешок, возникает оживление. Растрепанная, без шапки голова Витюшки исчезает.

Через несколько минут в дверь раздается тихий, но настойчивый стук. Мария Ивановна замечает этот чужеродный звук, отрывается от книги, поворачивает свою

красивую голову в сторону выхода. Дверь со скрипом приоткрывается и появляется Симонов. Появляется только наполовину, своей верхней частью туловища, ноги остаются за дверью, в коридоре.

На нем наброшенный впопыхах, отнюдь не белый, а серовато-грязный халат. Он улыбается своей обворожительной интеллигентной улыбкой на небритом, поэтому заросшим темной щетиной лице. Глаза его возбужденно блестят, как у гриппозного больного.

— Мария Ивановна, извините за неожиданное вторжение, опоздал... Знаете-ли, был на похоронах любимой бабушки в нашей златоглавой... Пришлось задержаться, — лепит «туфту», как говорит Ваня Коптелкин — наш одноклассник, который, кстати, как и все остальные с интересом наблюдает, что произойдет дальше. А сейчас кажется, вот-вот — и Симонов расплачется, столько неподдельного горя в его словах. Мария Ивановна не замечает даже, что вместо тети, заявленной ранее, почему-то умерла бабушка, или делает вид, что не замечает.

— Да, Симонов, я в курсе. Заходите, может, успеете выполнить самостоятельную работу, — разрешает преподавательница, вновь уткнувшись глазами в книгу, лежащую в полуоткрытом ящике стола. Интересно, что там у нее — детектив или любовный роман?

В этот момент Виктор Николаевич успевает вписаться, пройти в помещение и нижней частью своего тела. Быстренько проходит до ближайшего стола, садится рядом с Шабановым.

Вся группа начинает заходиться в скрываемом смехе. Это связано с тем, что Симонов пришел на занятие... босиком. На его ногах нет отличных новых импортных ботинок, которые так восхищали некоторых наших девушек. На полу остаются мокрые следы от его несвежих, грязных, правда, шерстяных носков.

Люська толкает Виктора Николаевича в спину:

— Витюша, а где ботиночки? Или на улице резко потеплело? — ехидно интересуется она. Симонов с невинным лицом объясняет шепотом, но слышно всем близко сидящим:

— Понимаешь, когда садился в Москве на поезд, ботинки, точно помню — были на ногах. После поминок страшно сушило в горле, а деньги кончились. Делать нечего — предложил соседу по купе свои ботинки за две бутылки водки. Он согласился, с ним же и распили... Он вышел в Сафонове, а я не помню — спал... Утром, в Смоленске проводник будит — вставай, дружок, приехали, выходить пора... А ботиночки-то уже сошли раньше, вместе с соседом... Делать нечего — вышел в носках, выпил пивка в привокзальном ресторане — и скорее сюда, на занятия...

Народ давился потихоньку от хохота. Все уже давно поняли, что Симонов — законченный алкаш, но интересен, черт возьми, неординарен в своих выходках, веселит всех. И, видимо, не только нас — студентов, но и преподавателей. Они тоже люди, не лишены чувства юмора.

Мария Ивановна как-то легко, по-женски принимает, а вернее, прощает Витюше большинство пропусков по циклу и ставит зачет. На отработках они беседуют о современной литературе, живописи, моде на женскую одежду... Об этом нас информируют девчонки, которых не тех же отработках Мария Ивановна спрашивает, и исключительно только по теме. Они с завистью не понимают, как Симонов может «уговорить Марью».

А вот, может. Такой у него дар...

В этот же день изучение патфизиологии Симонов и Шабанов завершили походом в баню (нашли где-то старые ботинки у сердобольной лаборантки кафедры!), где посещения парилки сочетались с распитием пивка и водочки, закусываемых килькой пряного посола, купленной в банном буфете.

Своеобразным было отношение Симонова к женщинам. Он любил, смакуя, например, вспомнить о своей встрече с москвичкой — женой солидного партноменклатурщика, с которой случайно познакомился в метро во время одного из своих вояжей в столицу. Как-то на одной из лекций, будучи в хорошем подпитии с утра, развалившись на сиденье, он с пафосом зачитывал под хохот соседей пришедшее письмо от своей наивной подружки:

— ...Ага, значит пишет так: «Милый мой Виктор... После того, как ты уехал, я трое суток не могла прийти в себя... Ходила, как во сне, по квартире, вспоминала наши свидания на даче, за городом...» Я у нее там жил две недели,— пояснил Витюша, прихлебывая из одноразового бумажного стаканчика «червивку» из бутылки, захваченной по пути на лекцию запасливым Славиком Шабановым.— Дача, скажу я вам — класс, двухэтажная, кирпичная, мебель вся старинная, холодильник битком был набит закусью и напитками, впервые попробовал шотландское виски... Мужик у нее в международном отделе ЦК работает, хлопотное занятие, сплошные командировки... Не знаю, чтобы его жена делала, если-бы не наша роковая встреча в метро... Женщина — замечательная, вот пишет дальше: «...Только с тобой, мой милый, я познала, что такое — настоящий мужчина... только с тобой узнала цену настоящему женскому счастью...». Вот так-то, настоящее счастье со мной человек испытал, да к тому же денег одолжила на дорогу, на первое время... Муж у нее хорошо зарабатывает... Пишет, что скоро он снова улетит по заданию партии на три дня во Францию, приглашает в гости. Придется навестить, пообщаемся...

— Виктор Николаевич, а на пейзажи сегодня пойдем, на природу? — поинтересовался Шабанов, который после полгода дружбы с Симоновым ощутил в себе призвание художника. Даже купил мольберт, и иногда они вдвоем выходили писать пейзажи. Обычно делали это на пригорке возле Успенского собора. Оттуда открывался впечатляющий вид на Днепр, и никто не мешал. Чтобы лучше творилось, набирали с собой несколько бутылок «чернил», которые распивали на воздухе.

— Пойдем, Славик, пойдем обязательно... Только, не как прошлый раз, без глупостей, а то опять в вытрезвитель попадешь... Бегай потом — выкупай тебя у ментов, чтобы не сообщили в деканат... — полуобнял приятеля за плечи Симонов.

— Договорились. Обещаю — никаких эксцессов с пассажирами трамвая. Даже если они опять будут к нам приставать...

— Да, уж, они к тебе приставали! Это вы, Славик, допекли всех, начав падать с мольбертом на грязный пол, хватаясь при этом за всех подряд... Вот граждане и сдали вас наряду милиции. Хорошо еще, мне удалось затеряться в толпе, а потом, ранним утречком, проспавшись, с новыми силами я занялся вашим вызволением, заняв у друзей четвертной. Еле уговорил дежурного пожалеть бедного студента-бывшего детдомовца, не отправлять информацию из вытрезвителя в институт... Кстати, где сегодня ночуем? Опять у друзей в общежитии?

Проблема с жильем у Симонова с Шабановым появилась трое суток тому назад, когда их выставила из дома разгневанная хозяйка, у которой они квартировали около месяца.

По началу все складывалось у них на этой частной квартире, а точнее — в частном доме, расположившемся в овраге за стадионом, просто отлично.

Вариант был найден по объявлению в газете о сдаче комнаты внаем. Хозяйкой оказалась сорокалетняя, молодая, не утратившая своей красоты и жизненной силы, вдова, проживающая вместе с восемнадцатилетней дочерью, со слов Славика, тоже не лишенной привлекательности.

Вдова работала продавцом в гастрономе, дочка училась на продавца в ПТУ. В общем, Симонов сразу определил, что в этом доме нет проблем с пищей и всем остальным. По его предложению вместе с хозяйками друзья отметили в «семейном

кругу» свое новоселье. Вечер прошел насыщенно и весело. Витюша играл на скрипке (учился когда-то в музыкальной школе), Славик рассказывал остроумные истории. Было много выпито, и в итоге, утром, друзья проснулись в соседних комнатах в постелях с хозяйками: Виктор Николаевич — с матерью, а Шабанов — с дочкой.

Так дружно, душа в душу, они прожили три недели. Разлад наступил, когда женщины решили на пару дней съездить в гости к родственникам в другой город.

Вернувшись из поездки несколько раньше намеченного, хозяйки застали следующую трогательную картину.

Виктор Николаевич и Слава вместе с Натали и Машенькой Белогривовой, нагие, с помятыми лицами спали в необъятной хозяйской постели среди кучи измочаленных простыней. По комнате были разбросаны лифчики и прочие предметы женского туалета, пустые бутылки из-под вина, грязные тарелки с остатками закуски. Холодильник, всегда плотно заполненный содержимым запасников гастронома, где трудилась хозяйка дома, абсолютно опустел.

Негодованием нагло обманутых женщин не было предела. После непродолжительной, но жесткой борьбы, на улицу, за дверь, был изгнан полуодетый Симонов с разбитым во время выяснения отношений мольбертом в руках, без рубашки, в застегнутых брюках, в ботинках на босу ногу. Остатки его личных вещей с нелитературными, неинтеллигентными выражениями оказались выброшены следом.

Натали и Маша спешно ретировались самостоятельно, через открытое окно спальни, у одной из них под глазом красовалось малиново-красное, увеличивающееся в размерах свидетельство неосторожного контакта с работниками торговли. Славик — в подштаниках, тщетно пытавшийся отыскать затерявшиеся брюки, босиком выкатился на крыльцо последним. Косо застегнутый ворот его далеко не белоснежной рубашки был оторван с одной стороны, на голове творилось что-то непонятное, наверное, так выглядит прическа утопающего, когда спасатели тащат его за волосы.

Чертыхаясь, подбирая выброшенные вдогонку туфли, разорванные брюки Шабанова, под неистовые крики разгневанных хозяек, друзья были вынуждены капитулировать, отступить к ближайшей пивной точке, где за кружкой светлого, стылого, разбавленного пива немного пришли в себя, твердо решив больше не снимать частных квартир у работников гастрономов.

За трудностями быта Симонов и Шабанов прогуляли целый цикл на одной из кафедр. Спасло то, что на этой кафедре только что был избран новый заведующий, который энергично, с энтузиазмом взялся за освоение новой должности. Первое, что он задумал, было отремонтировать помещения, что и было сделано хозяйственным способом. Оставалось только покрасить стены в коридоре кафедры, но маляров пока не удавалось найти.

Узнав об этих проблемах, Виктор Николаевич с Шабановым предложили покрасить помещение в обмен на проставляемые зачеты по пропущенному циклу.

Заведующий решил рискнуть и согласился, благо другого реального выхода в тот момент не виделось.

Получив банки с краской, кисти, Витюша и Славик решили оформить кафедру вечером, взяв перед заказчиком твердое обязательство точно все закончить к утру следующего дня. Для творческого настроения они по привычке затарились кучей бутылок вина, купленных в всегда перевыполняющем план по реализации «Приветливом». Принимая по ходу дела бодрящий напиток, друзья взялись за дело решительно и, что самое главное, творчески, как и подобает людям художественного склада личности...

Рано утром заведующий кафедрой, пришедший принять работу, открыв кафедральную дверь, обнаружил на полу в коридоре два свернувшихся клубочками, ус-

тавших тела «мастеров» среди кучи разбросанных здесь же пустых бутылок из-под вина и банок из-под краски. Но стены коридора, учебных комнат были действительно неплохо покрашены, дело было сделано! Поэтому, стараясь не обращать внимание на исходивший от с трудом очнувшихся «красителей» дурной сивушный запах, руководитель кафедры сдержал свое слово и, закрыв глаза, проставил друзьям зачеты в подсунутые студенческие книжки. Студенты на радостях отправились в баню, выпаривать из организма остатки нитрокраски. Этот процесс у них затянулся на трое суток, так как Славику родители неожиданно прислали денежный перевод, а в «Приветливый» подвезли свежую партию неплохого «червя».

К концу третьих суток краска на стенах кафедры окончательно подсохла, и тут разразился скандал. Это было связано с особенностями высыхания отечественных красок. Именно к этому времени они мертво зафиксировались на стенах, и в одном месте, причем самом видном, над входом на кафедру, там, где висела вывеска с названием учебного подразделения, сквозь однотонный, светло-коричневый цвет явственно проступили, с каждым часом все усиливаясь, очертания, контуры, а позже — уже и фигура обнаженной женщины, кстати, с привлекательным бюстом, с зазывающим взглядом на лице, которая кокетливо развела свои очаровательные бедра таким образом, что вывеска кафедры оказалась в центре самого интимного места ее прекрасного тела. Вбешенный заведующий метался с перекошенным лицом под скрываемое хихиканье студентов и даже отдельных членов коллектива.

— Приведите ко мне этих шутников! Я с ними разберусь! Я им покажу Третьяковскую галерею! — требовал он от срочно доставленной Марины Ивановой. Та же только смущенно улыбалась, но ничем не могла ему помочь, так как «художники-передвижники» в это время в очередной раз стояли в очереди в «Приветливом». Разгневанный руководитель нашел каких-то маляров. Те закрасили «Венеру», как ее успели обозвать студенты, над входом, но, когда краска высохла женщина опять проступила на стене. Малярам пришлось повторять процедуру закраски еще несколько раз, и все-равно, если внимательно приглядеться, можно было различить очаровательные контуры незнакомки, которая по свидетельству большинства очевидцев лицом удивительно напоминала Марину Иванову, но без очков. Поэтому некоторые шутники окрестили кафедру именем ленинской стипендиантки Марины Ивановой.

Эта история окончательно допекла деканат. Начиналась весенняя сессия, а у Симонова с Шабановым так и не было зачетов по большинству предметов. По ходатайству комсомольского бюро курса, где, говорят, особенно принципиально выступала товарищ Иванова, приказом ректора друзья были отчислены из вуза.

Шабанов через год, пролечившись в наркодиспансере от алкоголизма, восстановился, и затем закончил институт.

А Виктор Николаевич куда-то бесследно исчез. Ходили слухи, что занялся всерьез живописью, стал выставляться в Москве и за границей на выставках. Кто-то встретил случайно его в поезде, рассказывал, что Витюша намеревался уехать в Америку... Все может быть, все может случиться, как любил он говаривать, поднимая стакан, наполненный «червивкой»... Но то, что наша студенческая жизнь поскучилась после его исчезновения — это факт...

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

ЗААВТОРСТВО

Федор Михайлович Ошевнев — выпускник Московского Литературного института им. А. М. Горького (1990 г.). Двадцать пять календарных лет отдал госслужбе: в армии и милиции. В центральной прессе дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», № 4, 1989). Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Жеглов, Шарапов и К°», «Подъем» (Воронеж), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Петровский мост» (Липецк). Автор шести книг: двух сборников очерков о сотрудниках Донской милиции, побывавших в «горячих точках», и четырех сборников рассказов и повестей на армейскую и милицмейскую тематики. Награжден медалями «За ратную доблесть», «За отличие в охране общественного порядка» и другими. Майор внутренней службы в отставке. Живет в г. Ростове-на-Дону.

— Все на месте? — спросил полковник Чаров, обводя собравшихся цепким взглядом. — Тогда... Кто вчера дежурил?

В кабинете редактора окружной газеты начиналась очередная летучка, на которой военные журналисты должны были дать оценку свежему номеру печатного органа штаба ЮжВО*.

Обязательное присутствие всех пишущих сотрудников газеты на посиделках — так офицеры саркастически окрестили летучки — Чаров ввел сразу после прихода на редакторский пост. Раньше столь большим коллективом собирались редко, все проблемы, как правило, решала «святая троица» — ответственный редактор, его заместитель и ответственный секретарь, к которым иногда лепилась «четвертая благодородица»: партийный босс редакции. Чаров же решительно потребовал демократии, и нынче всяко журналистское перо начинало свой рабочий день с вычитки новой газеты, а на послеобеденных посиделках обязано было дать ее содержанию личную оценку.

Напечатанное, однако, обозревали вяло. Ларчик здесь открывался просто: пока высказывания в целом совпадали с редакторской оценкой, Чаров с обманчиво-сонным видом сидел во вращающемся кресле, в тон кивая желаемым словам и лишь изредка подборматывая: «Правильно мыслите, государственно...»

Но стоило полковнику услышать хоть слово, не вписывающееся в его позиции, как он уничтожающе вперялся в вольнодумца и с чувством изрекал:

— Неправильно мыслите, не государственно... Мало, похоже, я с вами занимаюсь марксистско-ленинской подготовкой... — И далее следовало нудное пережевывание смертельно надоевших сентенций.

* Южный Военный округ (вымышленно).

При таком неизменном сценарии посиделок участники их, вполне понятно, старались воздерживаться от чересчур откровенных взысканий.

По традиции, первыми на летучках выступали дежурные по номеру. Вчерашний, майор Альмин из отдела пропаганды и агитации, привычно-бесцветно расставил акценты на всех полосах «боевого листка» — как иронично именовали газету в войсках — и неожиданно вернулся к первой странице.

— Впрочем, на зарисовке «В гости к внуку» хотел бы остановиться подробнее. Здесь неординарный эпизод приезда ветерана-фронтовика в воинскую часть, где служит срочную его внук, изложен буднично-серо, как говорится, не приподнят. Но это-то еще полбеды. Главное — вся дежурная группа пришла в ужас от вопиющей безграмотности автора...

Произнеся последнее предложение, Альмин настороженно покосился на редактора. Нет, Чаров никак не отреагировал на критические замечания по материалу, сохранив сонный вид. Майор воодушевился и продолжил:

— Столько было правки — целыми кусками! А стиль письма — ниже низшего, даже в «дивизионке» такого не встретишь! Я уж не говорю о деталях — эпитетах там и прочем. Да, по моему глубокому убеждению, автор просто не имеет морального права носить высокое звание военного журналиста! Ему вообще не место в газете!

Под раскритикованной в пух и прах зарисовкой стояла подпись капитана Олега Федорова, с полгода назад переведенного в штат газеты — редкий случай! — из строевой части, да еще и прямо с должности командира взвода. С Альминым вместе он теперь служил в «пропагандонском» отделе, где, по команде редактора, журналисты должны были умело представлять черное белым или хотя бы серым. Короче, так ловко врать, чтобы написанное, пусть в первом приближении, но походило на правду. Возглавлял команду «военных сказочников» подполковник Корявин — человек скользкий, старательно избегающий любых конфликтных ситуаций. Он уже с неделю находился в очередном отпуске, и обязанности главного «пропагандиста» временно исполнял тот же Альмин.

Когда он закончил обзор публикации, все журналисты некоторое время молчали. Дело в том, что майор почему-то нарушил неписаное правило газеты: обычно дежурный по номеру не оценивал материалы авторов из своего отдела. Применительно к зарисовке Альмин обязан был ограничиться стандартной редакционной фразой: «Это готовил наш отдел», анализировать же работу Федорова имели право — по желанию — другие журналисты.

«Почему нарушен привычный сценарий летучки? Почему не реагирует Чаров, и не его ли это идея расширения демократии?» — недоумевали присутствующие. Неловкую тишину, повисшую в кабинете, нарушал лишь доносящийся со двора сиплый лай типографского пса Гонорара...

Постепенно все ждущие взгляды уперлись в редакторское лицо. Полковник задумчиво катал остро очиненный карандаш по обширной столешнице, не спеша прояснять ситуацию. Но вот карандаш замер на темной полировке.

— Самокритика — это хорошо, — заговорил «царь и бог» газеты. — Особенно, если бы вы, Александр Валерьевич, с аналогичной принципиальностью разбирали и собственные материалы. Они, смею вас заверить, пока тоже да-алеки от идеала. Одно мне неясно: как вы, сами будучи «на отделе», сию зарисовку к печати-то подписали?

— Не я, не я, — тут же откестился Альмин. — Это подполковник Корявин перед уходом в отпуск пропустил почему-то. Но тут случай беспрецедентный, вот я и... — Не окончив фразы, майор развел руками.

— ...решил отличиться, — подсказал замредактора полковник Аистов. — Зарисовка, конечно, проходная. Только мог бы и промолчать. Автор — коллега по отделу, журналист только начинающий...

— Значит, не мог,— с вызовом ответил Альмин.— Здесь дело принципа.

— Его-то ты как раз и нарушил,— подключился к разговору майор Бессонов из отдела боевой подготовки.

— А хоть бы и так,— пошел ва-банк «пропагандист».— И... что?

— Да напрасно...— только и ответил «боевик».

— Мне интересно иное,— приглушенно произнес начальник отдела писем подполковник Коломчук.— Во-первых, обсуждал ли до летучки Альмин с Федоровым его зарисовку?

— Ни словом, ни намеком,— пояснил бывший комвзвода, видя, что с ответом «принципиальный критик» не спешит.

— Вот это — совсем не здорово,— вклинился редактор.— Вас, товарищ майор, отнюдь не красит.

— Ладно, теперь второе,— вновь взял слово Коломчук.— Вчера дежурным редактором был ваш покорный слуга, так что правилась зарисовка на моих глазах, и насчет «целых кусков» Александр явно хватил через край. Так в чем же тогда «дело принципа»? Бей своих, чтоб чужие боялись? Тут ведь опосредованно и в адрес Корявина упрек: он-то, мол, начальник, куда смотрел?

— Согласен, не стоило так материал громить,— высказался следующим ответственным секретарь газеты полковник Передатько.— Ну, лобовой, ну, без «изюминок», так ведь нужный же по тематике...

— Ну и, может, хватит тогда над проходным материалом копыа ломать? — предложил майор Дубцов из отдела партийной жизни.— Был бы смысл...

— Поддерживаю,— присоединился капитан Репьев из отдела авиации.— Я, кстати, об очерке Коломчука хотел доброе слово сказать...

Обсуждение номера продолжилось по накатанной колее.

Но вот редактор задал обязательный для финала посиделок вопрос: «Какие будут вопросы?» И к главному начальнику вдруг обратился сам автор «проходной» зарисовки.

— Товарищ полковник... мне можно? Понимаете, «В гости к внуку» вообще-то писал не я, моего там одна подпись...

— Не понял,— насторожился Чаров.

— Да все просто. Фактуру по этому деду-ветерану я из командировки привез сверх плана. Доложил Корявину — тот сразу как насыдет: срочно готовь зарисовку! Пришлось в субботу отписываться. Ладно... В понедельник, с утра, отнес я готовый материал Виталию Сергеевичу, а перед обедом он мне рукопись на стол — швырь! И без обиняков заявляет: это, мол, графоманское убожество, которому в мусорной корзине только и место! Спрашиваю: может, исправить как? Нет, шумит, бредятина подобного рода никакой правке не подлежит!

— Так прямо и сказал? — удивленно перебил Передатько.

— Слово в слово,— подтвердил Федоров.— И вручил... целиком переписанный материал на ту же тему. Больше часа из-за тебя, говорит, бездельник, убил. Учись, как добротнo писать надо! Немедленно перепечатай, не изменяя ни единой запятой, и сразу мне — я его уже в секретариате заявил! А с подписью, уточняю, теперь как? Оно ведь получается и не мое вроде, хотя фактуру-то я брал... Может, две фамилии поставить? Корявин наотрез — оставляй одну свою! Ну, мне чужого текста не надо. Забирайте тогда, говорю, вашу рукопись, а я свой вариант в мусорную корзину выкину, раз только там ему и место. Виталий Сергеевич прямо затрясся — и с шипением: «Ты — военный человек?» — «Так точно» — соглашаюсь. «Что такое приказ — знаешь?» — «Само собой...» — «Вот я тебе и приказываю: немедленно перепечатать — и чтобы ни единой запятой! Не изменяя! И свою подпись! Исполняйте!»

— Так. По-моему, это уже никому не интересно. Затанули мы сегодня летучку, пора по рабочим местам,— прервал исповедь капитана Чаров.

— Извините, товарищ полковник,— с внезапным упорством возразил Федоров,— но майора Альмина вы не перебивали, хотя он редакционное «вето» нарушил. Меня же лишаете возможности защититься.

— Ну, хорошо...— нехотя выдавил Чаров.— Закругляйтесь, только в темпе.

— Понял,— коротко ответил капитан.— Не пойму, убей бог, другого. Я ведь выполнил приказ начальника. Незаконный, но выполнил. И теперь меня, за чужие слова,— в грязь лицом! А все вроде как «не заметили»... Так будет ли Альмин и дальше настаивать, что подполковнику Корявину, с его двадцатилетним стажем работы в газете, в ней «не место»? Или, может, Александр Валерьевич сам не в состоянии отличить «добротный», как оценил себя сам наш общий начальник, материал от писанного стилем «ниже низшего»?

Федоров сделал маленькую паузу и подвел резюме:

— Угадайте с трех раз: какая версия — правда? Лично я думаю, Альмин пытался вытереть об меня ноги, дабы самому, за счет критиканства начинающего журналиста и псевдопринципиальности, сорвать мелкий политический капиталец...

Взоры офицеров разом переместились на вчерашнего дежурного. Уши его побагровели. Альмин нервно заерзал на стуле и неуверенно подал голос:

— Ну... Корявин, наверное, торопился перед отпуском...

— Врешь! — вспыхнул Федоров.— Он зарисовку в секретариат сдал и еще два дня на службу выходил! Не вилай! Говори прямо: нужно гнать Виталия Сергеевича из газеты в три шеи?

Сгорбившись, вцепившись ладонями в сиденье стула, «пропагандист» молчал, что-то очень внимательно рассматривая на полу у ног.

— Кгм,— наконец-то решил внести свою лепту в летучку партбосс редакции подполковник Розов.— У меня вопрос к тебе, Олег. Коль уж ты считал, что твой начальник отдал явно незаконный приказ, почему тогда ты его не обжаловал по команде? Взял бы да и написал на имя редактора подробный рапорт про заавторство...

— Благодарю за «отеческий» совет плевать против ветра,— с сарказмом ответил Федоров.— Обязательно применю в будущем. Альмина же предупреждаю: еще раз так подставит — не посмотрю, что старший офицер,— набью морду!

— Да я... я на тебя в суд подам! — с криком взвился со стула майор.

— Молчать! — властно приказал, тяжело хлопнув ладонью по столу Чаров, и тоже поднялся на ноги.— Летучка окончена! По рабочим местам! Альмин и Федоров — остаться!

Из редакторского кабинета еще долго доносился грозный рык. Однако бывшему дежурному по номеру лишь вскользь попеняли за нарушение негласной традиции, а львиная доля гневных упреков обрушилась на официального автора зарисовки. Главным аргументом был избран тезис, что когда журналиста критикуют собратья по перу, он обязан со вниманием впитывать дельные советы и уж тем паче не переводить стрелки на начальника, выставляя того на посмешище.

По сути, Чаров Федорову вообще больше слова сказать не дал, а закончил многобальный разнос угрозой, что, мол, если подобное повторится еще раз, придется серьезно подумать, место ли капитану в редакционном коллективе.

Неделю после этих событий Альмин гоголем ходил по отделам и, раздуваясь от гордости, все толковал о своей принципиальности. Мало кто из журналистов соглашался с ним, но вслух предпочитали не высказываться. С Федоровым майор даже здороваться перестал. Офицеры друг с другом не разговаривали, впрочем, продолжая работать за соседними столами.

Однако скандальная история на том не закончилась.

Согласно графику нарядов, ВрИО главного «пропагандиста» вскоре вновь заступил на дежурство по номеру. Пока он вычитывал полосы, внося в них свою и редакторскую правки, Федоров корпел над новым материалом. К восьми вечера, когда в редакции, кроме него и Альмина никого из офицеров уже не оставалось, майор отнес подписанную последнюю полосу в типографию и собрался домой. Но тут капитан неожиданно вышел из-за стола и ключом запер изнутри дверь кабинета. Альмин, оставив в покое шинель, выжидательно застыл возле вешалки.

— Ты... чего? — настороженно поинтересовался он.

— Разве не догадываешься? — с усмешкой просветил его Федоров. — Пора по счетам платить. За «принципиальность». Я ведь тебе обещал, что морду набью, а ты не вник, ходил по всем отделам и опять мне на голову ср...л.

— Ты со мной не справишься! — сорвавшись на фальцет, заявил майор и на всякий случай переместился за свой рабочий стол. — А за рукоприкладство под трибунал пойдешь!

— Так свидетелей нет, — уже без улыбки возразил капитан. — Мои показания против твоих будут, а презумпция невиновности сомнение всегда толкует в пользу ответчика.

— Я... я кричать буду! — с надрывом предупредил Альмин.

— Еще успеешь, пока лучше послушай. — И Федоров присел на край своего стола. — Не столь давно был я в командировке в (офицер назвал краевой центр, входящий в ЮжВО). Там, помимо других частей, ракетная бригада ПВО стоит. Вот ее замполит у меня и выспрашивал: какой это такой Альмин в газете служит? Не тот ли, что тогда-то ракетное училище оканчивал, да как имя-отчество, да не маленького ли роста? Когда же все сошлось, сказал, что учились вы вместе, и ты на курсе носил прозвище Павлик Морозов, потому как всех ежедневно закладывал, и замучились тебе «темные» устраивать, да все без толку...

— Врет он все! — даже не уточняя фамилии замполита, тут же отперся майор. — Давай открывай, иначе...

— Что «иначе»? — переспросил капитан и, встав со стола, принялся не спеша снимать китель и галстук. — Ори громче — может, вахтерша и услышит. Хотя с первого-то этажа до третьего, да через четыре двери, да при подглуховатости... Ты уж лучше защищайся. Мужик ведь вроде, твою мать...

С этими словами Федоров резким движением ухватил собрата по отделу за отвороты кителя и сильно дернул на себя.

— А-ай! — И Альмин распластался животом на столе.

Следующим движением капитан подтянул майора ближе к себе, так, что ноги старшего офицера оторвались от пола. Пригнув Альмину голову, Федоров зажал его шею меж ног и вынул из брюк ремень.

— Тебя бить — только руки марать. Но высечь за подлость край надо. — И сложил ремень вдвое.

Порка сопровождалась грязной руганью и угрозами со стороны наказуемого. Альмин щипался и пытался оцарапать ноги Федорову, приглушенно вскрикивал: «Убью-у-у!» — и все добавлял экспрессивные словосочетания. Младший офицер во время экзекуции не произнес ничего, только в такт ударам смачно хэкал.

Преизрядно исполосовав Альмину задницу, капитан наконец отпустил майора, который тут же, obeжав стол, кинулся на обидчика с кулаками.

— Н-на! — встретил его Федоров сильным ударом ботинка в пах.

— У-у-у... — взвыл Альмин, складываясь пополам, и боком завалился на пол, прижимая ладони к ушибленному месту.

— Отдыхай пока, — подвел итог экзекуции Федоров. — Заодно и о жизни поразмышлай. Кто-то ведь и пришибить может за подлость.

— Все равно ты сядешь! — всхлипнув, пообещал с пола Альмин.

— Дурак! Хоть капля ума есть — молчать будешь. А, впрочем...

Капитан обреченно махнул рукой и стал надевать китель.

ВрИО главного «пропагандиста» совету не внял: на следующий же день настроил заявление в военную прокуратуру и рапорт на имя редактора. Эти документы позднее подкрепил копиями акта судмедэкспертизы...

Как ни старался полковник Чаров замять скандальный случай, ЧП получило широчайшую огласку в штабе округа и даже докатилось до Министерства обороны. Над выпоротым майором откровенно потешались; Федорова, не отрицавшего факта «ремнеприкладства», пугали тюрьмой, а у редактора с издевкой выспрашивали про «новые методы воспитания подчиненных», которые творческий спор решают столь нетривиально.

Ну, просто набей Федоров Альмину морду — скажем, по пьяному делу не поделив бабу или сто граммов на посошок, никто бы особо не удивился: что ж, дело житейское. Нет, наказали бы, конечно, и не слабо, но... Но — младшему офицеру высечь ремнем старшего, как нашкодившего пацана? По-озвольте, это уже нонсенс, а где его корни?

Их срочно пытались отыскать одни проверяющие за другими. Прилетали даже два полковника из ГлавПУРа, пребывание которых на южной земле влетело редакции и лично Чарову в копеечку: столичные гости знали толк в хорошей выпивке и деликатесных закусках. Редакцию лихорадило, а редактор последними словами проклинал себя за то, что на летучке, решив «поэкспериментировать», сразу не заткнул рот Альмину, а потом — «из ошибочной демократии» — разрешил до конца высказаться Федорову. Нет уж, демократия истинно хороша, только когда она процветает по соседству, а в своем огороде сорную траву надо вырывать с корнем и немедленно.

И все же по-настоящему Чаров беспокоился, когда лишь узнал, что капитану-бунтовщику всерьез собираются припаять статью 242 имевшего в то время силу Уголовного кодекса РСФСР 1961 года: «Насильственные действия в отношении начальника» (глава о воинских преступлениях), даже в части первой предусматривающую лишение свободы на срок от двух до десяти лет, а в военное время — смотри часть два — карающую вплоть до смертной казни. Руководителю, подчиненного которого осудят за такое преступление, однозначно потом будет очень трудно усидеть в собственном кресле. Редактор это прекрасно осознавал и потому спешно помчался на секретные переговоры с военным прокурором.

Результатом их явилось рождение датированного задним числом приказа об отзыве из отпуска подполковника Корявина, отысканного и отобранного у родственников. При наличии «живого» штатного начальника проступок Федорова трактовался уже куда менее серьезно, как: «Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, при отсутствии между ними отношений подчиненности», статья 244 того же УК РСФСР. Нанесение побоев или иное насилие в этом случае наказывалось значительно скромнее — но, впрочем, тоже лишением свободы: на срок до двух лет.

Переквалификация майору Альмину крайне и абсолютно не понравилась. Он яростно протестовал и даже пытался продемонстрировать военному прокурору свою еще не окончательно зажившую задницу, но был с позором изгнан из служебного кабинета. В редакции вокруг «пропагандиста» образовался вакуум, а от подполковника Корявина высеченный поимел такую словесную выволочку, каковой в жизни еще никогда не получал.

Федоров пока числился находящимся в очередном отпуске и под подпиской о невыезде.

В конечном итоге на суде, напоминавшем фарс, капитан получил год лишения свободы условно и, разумеется, был спешно уволен из Вооруженных Сил.

Альмину офицеры редакции объявили бойкот. Руководство печатного органа в нем участия как бы не принимало, но и не пресекало. Бойкотируемый немедленно настрочил жалобу на имя начальника Политуправления ЮжВО. Колесо проверок завертелось вновь...

Через какое-то время майора так-таки изгнали из редакции: от греха подальше, коллективу спокойнее. По нелепейшему капризу судьбы Альмину как-то удалось зацепиться в Политуправлении округа: сначала числится за штатом, а впоследствии, войдя в доверие к начальнику «политуправы», прорваться на должность военного цензора — человека, облеченного огромными полномочиями, одной из обязанностей которого являлось курирование окружной газеты.

Сколько крови попил бывший «пропагандист» из офицеров редакции за два года сверхпридирчивой цензуры, пока его чуть ли не силой вытолкнули в Москву, в академию, — не считано и не меряно. Особенно Альмин свирепствовал над статьями своего бывшего начальника, ставя бесконечные вопросы на полях материалов и отчеркивая красным карандашом целые абзацы, якобы, содержащие крамолу.

Ходили слухи, что цензору неоднократно устраивали «темную», но только после третьего или четвертого раза он, наконец-то, дал согласие отбыть в столицу, на учебу.

О судьбе Федорова толком мало что известно: капитан запаса уехал из областного центра. Вроде бы на периферию, в Черноземье — на родину родителей.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

ТРИО

РЕМОНТ

*Есть много, друг Горацио, такого,
Что и не снилось нашим мудрецам...*

Шекспир, «Гамлет»

Мой бедный кот умер. До того он два года уже прибалывал, изредка выкладывая обратно проглоченную им еду и скучая потом. Сначала я отнесла его к ветеринару, который, покачив головой, сообщил мне, что у кота скверно с печенью.

— Можно попробовать сделать операцию,— с большим сомнением сказал доктор,— но едва ли поможет. Думаю, только ускорит конец...

И тогда мы ушли домой. Еще два года кот прожил почти нормально, с редкими проявлениями болезни, а затем разразилось что-то страшное. Я не представляла, что бывает подобное. Он перестал есть и посещать свой лоток — последнее за ненадобностью. Две недели его обмен веществ никак не проявлялся, но обнаружилось новое пристрастие: кот подолгу лежал в тазу с водой. Раньше он терпеть не мог купаться. Поверьте, горько, жутковато и странно это наблюдать.

У нас был еще пес, очень неряшливый субъект, бывший бродяга. Обычно в слякотное время года перед выходом с ним на прогулку я наливала в таз теплой воды и оставляла у порога, чтобы по возвращении помыть грязные собачьи лапы и живот. Даже за самое короткое время наш малопородистый терьер успевал изрядно замараться. Теперь, отпирая дверь, я сразу видела кота, основательно устроившегося в тазу по самую шею, а голова лежала на краю.

При нашем появлении несчастный дергал ушами, косился на нас, не поворачиваясь, обреченно вздыхал. Приходилось вынимать его, мокрого, вытирать, а затем проводить гигиену пса. Больной медленно уходил неуверенными шажками, обозначая свой короткий путь круглыми влажными отпечатками.

Терьер не трогал его и, казалось, не обращал никакого внимания. Раньше они не были друзьями, просто держались в отдалении друг от друга. Кот жил у нас до того, как к нам прибился пес, и не обрадовался новому жильцу, хотя внешне и смирился с его появлением. Неразрешимое противоречие жизни! Бродяга не виноват, что ему требуется теплый кров,— а любимцу хочется оставаться единственным. Не раз мне приходилось наблюдать, что животное испытывает в таких обстоятельствах практически непреодолимый стресс. Ревность вполне может сократить его дни, и как поступить, если нельзя не принять второго?

К примеру, уехал далеко родственник, тоже имевший питомца, который теперь поручен вашему попечению. Не прогнать же бедулагу на улицу, если никак не найти постороннего человека, согласного взять его к себе.

К сожалению, даже когда ваш маленький друг это по-своему и понимает, он не перестает страдать. Вероятно, отсюда возникают болезни.

В нашем случае выяснилось, что нельзя отказать собаке, выбравшей нас по каким-то собственным, недоступным для людей критериям. Когда мы, не планировавшие обзаводиться псом, после некоторого сопротивления сдались его отчаянной неотступности, я привезла терьера с дачи домой. По дороге стало абсолютно ясно, — раньше он уже имел дом и хозяев. В метро пес нормально воспринял вагон, а перед эскалатором остановился, проверяя, перемещается лестница или нет. Мы поднялись с ним по неподвижному пролету.

Наш новый жилец был уже не молод, годов семи-восьми. К коту отнесся с уважением, понимая, что он здесь обитает давно. До того, как кот окончательно заболел, миновало более шести лет нашей совместной жизни, со всеми ее перипетиями. Впрочем, события слагались довольно обыденно, некоторая странность обозначилась только в проявлении симптомов кошачьего недуга. Возможно, конечно, что для специалиста-ветеринара в этом ничего необычного нет, но я говорю о нас, а мы видели — и удивлялись, не понимая.

Кот умер ночью, когда наступило новое число, 19 апреля. Я не спала. Сначала, пошатываясь на утончившихся лапках, он пришел к моей постели — прощаться. Прыгать уже не мог, я взяла его к себе, обняла. Часа два кот лежал, устроившись в круге моих рук, закрыв утомленные страданием глаза. Было невозможно пошевелиться, побеспокоить больного. Я старалась запомнить ощущение прикосновения его уже совсем легкого тельца. Затем он вдруг завозился, стараясь подняться. Время приближалось. Кот был настойчив в своем стремлении уйти. Я спустила его на пол, села на тахте.

Пройдя несколько неверных шагов, он упал. Немного подышал прерывисто и трудно, затих. Завернув его, маленького, худого, с застывшей несчастной мордочкой, в красивое чистое полотенце, уложила в коробку. Только к утру я поняла, что всю ночь пес спал так крепко, как никогда раньше, ничего не видел и не слышал.

Положили мы кота под кустом акации, на пустыре за домом. Из окна, хоть этаж высокий, а видно хорошо. Пес его искал дня два и стал жить дальше, смекнув, что нет теперь у него соперника. Однако, ненадолго. То ли причиной была скорая собачья старость, то ли еще какие происки судьбы, но уже в августе, тоже ночью, случился у него первый приступ, возможно, связанный с сердцем, — хрипел он, запрокидывая голову и суча лапами. За одним разом пошли и повторы, стал пес быстро слабеть и не смог даже ходить гулять, так ослаб... И снова наш ветеринар, разводя руками, сказал:

— Ему уже много лет, от этого лекарства не придумано.

А когда вернулся опять апрель, произошло нечто, чему никто из вас не поверит. Я и сама, вспоминая, сомневаюсь, так ли было тогда.

Смотрели мы в тот день по телевизору какой-то фильм, очередную «мыльную» серию. Пес чувствовал себя немного лучше, даже вставал походить, потом устал и прилег. Задремал. Мы с увлечением следили за выяснением любовных отношений между героями, как вдруг я обнаружила покойного кота у подножия тумбы, на которой стоял телевизор. Он выглядел живым и здоровым, ничуть непохожим на классическое привидение из соответствующих историй. Посмотрел на меня спокойно и обыденно, будто и не болел, и не умирал вовсе. Пошевелил ухом и исчез — мгновенно, не думая таять и бледнеть. Я глянула в сторону дочери, которая невозмутимо продолжала созерцать экран, и мне стало не по себе от мысли, что у меня, кажется, случилась первая в жизни галлюцинация. Интерес к фильму пропал так же внезапно, как и мое видение. Пес спал. Я обдумывала происшедшее. Телевлюбленные закончили браниться и рука об руку направились в загс... Неожиданно дочь повернулась ко мне и растерянно, полупрошептом сообщила:

— Мама, я только что видела возле телевизора нашего кота...

Это было уже интересно, но очень странно. Мы обменялись наблюдениями. Оказалось, кот померещился нам почти одинаково, но с небольшим, в несколько минут,

сдвигом во времени. Не знаю, считать совпадением или нет, но пес умер через три дня после нашего двойного видения. Тот же пустырь за домом принял и его.

Мы не стали снова заводить животных. Наша жизнь приняла более активный характер, — много работы, учеба дочери, поездки. Дома бывали мало, возвращались поздно. Уставали, спали без просыпа всю ночь, — и не успевали отдохнуть.

Как-то ночью я внезапно проснулась. Круглая луна мощно светила в открытое по вине июня окно. Казалось, мне больше не хочется спать, и мы со светилом несколько минут смотрели друг на друга. Внезапно потемнело, причем так, будто опустилась непроницаемая черная штора. Это не могло объясняться тучей, закрывшей луну, тьма была, что называется, крошечная. Мне стало не по себе, я изо всех сил таращила глаза, но словно ослепла, к тому же не могла пошевелиться. Не знаю, чем объяснить дальнейшее. У самого дивана я слышала радостные собачьи визги, почувствовала знакомую тяжесть лап, под которыми прогибался матрас. Мокрый нос дважды ткнулся, как бывало, в мою руку, затем в комнату вернулась тишина и ворвался яркий, резкий свет луны. В ту ночь уснуть мне больше не удалось.

Несколько месяцев спустя я увидела сон. Прибежали кот и пес и зовут идти за ними. Я откуда-то знала, что должна взять с собой одеяло. Они привели меня к деревянному дому в два этажа, а сами исчезли. Войдя, я увидела множество узких ниш, в каждой из них было одеяло, людей — никого, разве только в холле прохаживалась неприветливая женщина, одетая медсестрой. Я спросила у нее, в какую нишу пройти, и где нет одеяла. Она недовольно посмотрела на меня и грубо ответила:

— Вам не сюда. Идите наверх.

Поднявшись по широкой деревянной лестнице, я оказалась в похожем помещении, но и там во всех нишах уже лежало по одеялу. Здесь тоже никого не было, кроме молодой и улыбкающей медсестры.

— Где мне расположиться? — снова спросила я. Девушка удивилась и даже нахмурилась, хотя для нее это казалось невозможным.

— Вам еще рано быть здесь, — сказала она. — Вы же видите — мест нет.

И я проснулась... Как бы вы истолковали такой сон?

Однажды, оглядев стены и потолок, мы дружно постановили сделать ремонт. Денег поскребли по сусекам, посоветовались с соседями и по их рекомендации нашли семейную пару, которая согласилась взять на себя этот труд за наши ограниченные возможности. Массу удовольствия нам доставили путешествия по соответствующим магазинам и рынкам в поисках обоев, красок и ламината — словом, кто хоть раз в жизни затевал ремонт, тот вполне поймет нашу сосредоточенно-радостную решимость.

Действо началось, процесс пошел... На этот период мы переселились к родственникам, не возражавшим вытерпеть наше ежедневное присутствие в течение обещанного месяца. Дважды в неделю я ездила домой и наслаждалась видом совершающихся превращений. На второй неделе маляр Тая со смехом сообщила:

— Представьте, недавно к нам вошел какой-то кот. Сидел, смотрел, как мы работаем — штукатурили стены... Потом повернулись — нет его. Проверили входную дверь — закрыта оказалась. Где-нибудь в стене у вас дырка, наверное. Может, под ванной?

— Может, — ответила я, вспомнив видение у телевизора. Говорить ничего не стала — не поверят, да и, пожалуй, составят обо мне мнение.

Две недели спустя муж Таи при очередной встрече сказал: — Не завидую вам, звукоизоляция у вас в доме никакая. Вчера вечером собака, должно быть, у соседей залаяла так громко, словно около меня, я даже от неожиданности пролил обойный клей...

— И кот еще мяукал, будто прямо здесь, в квартире, — добавила Тая.

Я не стала информировать их о том, что ближайшие любители собак в нашем

подъезде живут на четыре этажа ниже, а над нами только крыша, на тот период покрытая снегом.

В день окончания работ мы расплатились и, провожая довольных собой и гоно-
раром супругов, услышали: — Теперь вас не будут беспокоить посторонние шумы —
штукатурка легла на удивление плотно...

Действительно, нам с тех пор не доводилось наблюдать в квартире что-либо вы-
ходящее за рамки привычной реальности.

АПОФЕОЗ

Метро не просто вид быстрого транспорта, а, пожалуй, современный образ жизни
большого города. Город — тоже изрядно трансформированное понятие. Когда-то это
было торговое поселение, затем крепость, сейчас многофункциональный техноген-
ный объект, где человеческая единица с ее эмоциональным зарядом воспринимается
с большой долей небрежности. Громадность сооружений настолько велика, что на
первый взгляд рискуешь почувствовать себя микробом, если на мгновение забыть,
что все арки, переходы и перегоны, туннели и освещенные поезда — «дело рук», как
замечала еще незабвенная Марина Цветаева.

Днем не слишком много народу в вагоне, все желающие устроиться поудобнее
нашли себе сидячие места. Молчаливые, неприступные лица, глаза, как закрытые
ставнями окна. Поклевывает носом в эпизодической дремоте старик в кепке; женщи-
на, жесткая, кряжистая, вроде полувекковой сосны, уверенная в себе и в том деле, ра-
ди которого она здесь, со взглядом, не одобряющим все, что попадает в поле зрения;
расплывшийся на два кресла рыхлый мужчина, утомленный тугим пестрым галсту-
ком... Не менее живописна сухопарая дама старообразной интеллигентной наружно-
сти, — едет, конечно, домой, купила изящный карниз для штор, созерцает окружаю-
щих с очевидным чувством превосходства своей породистой аристократической
внешности. Когда меня с некоторым снисходительным пренебрежением касается ее
торжествующий взор, начинаю ощущать собственный избыточный вес, отсутствие
косметики и слишком красные щеки.

В стороне, по-современному грубовато, развивают отношения парень и девушка
с дредами — у нее короткие, у него длинные, ниже плеч. Металлические бородавки
пирсинга на висках, губах, носах и бровях образовали новый, далекий от наследст-
венного, облик, красота которого понятна только им.

В стороне от других присел немолодой худощавый человек, одетый неброско, но
явно дорого, и, похоже, не привыкший к езде на общественном транспорте. Какой слу-
чай загнал его в обитель смертных? Однако, все бывает. С ним очень юная девушка-
эльф необыкновенной, редкой и яркой внешности — естественная брюнетка, блестя-
щие черные глаза, профессиональный утонченный макияж, стильная экипировка, од-
новременно отвечающая требованиям женственности и моды. Ссорятся. Сначала тихо,
сдержанно жестикулируя, шепотом. По всему ясно — не отец и дочь, а любовники.
Очевидно, что содержанка. Ему неловко, жметя, морщится, успокаивает. Возраст на-
стаивает на солидности, в то же время соблазнительно, мелким бесом дразнит ком-
плекс Фауста. У нее другие сроки, иное измерение времени. Нет никакого сходства с
любовью, которая иногда случается, стирая разницу лет. Она входит в раж, раздража-
ясь его попытками избежать публичности. Бессознательно живет в ней щенячий, бес-
помощный страх ненадежности существования. Избалованная девчонка, однажды осе-
ненная ужасной догадкой, что больше некому обеспечивать ее удобством и покоем.
Привычка к зависимости победила. По изломанным, искусственным, чрезмерно ка-
призным манерам видно, чего это стоило. Личности не осталось, только животное, ко-
торое смертельно боится однажды оказаться ненужным и выброшенным на улицу.

— Ты обидел меня, папочка,— тянула красотка, выпрыгивая голосом из шепота в полувизг.— Ты еще никогда мне не отказывал. Я хочу, слышишь, ХООЧУ, купи мне...

— Тебе разве мало? — брезгливо кривился хозяин.— Помолчи, дома поговорим.

— Зови меня киской! — вдруг закричала она на весь вагон.— Как сегодня утром! Или ты уже не помнишь?..

Старик в кепке открыл глаза и посмотрел на парочку с презрительным удивлением. В отличие от меня, ему все было ясно без психологических умозаключений.

— Я не могу сейчас об этом,— резко и громко ответил спутник недовольной красавицы, решив, видимо, прибегнуть к крайней мере воздействия,— если ты думаешь, что остаешься привлекательной, злясь и вопя, то сильно ошибаешься!

Девушка испугалась так, что совсем потеряла голову.

— Неужели я больше не нравлюсь тебе в постели? — немедленно зарыдала бедняга, сразив его внезапной истерикой.

Осознав неудачность воспитательного приема, мужчина вскочил и рванулся к выходу, она бросилась за ним. Поезд еще шел по туннелю, и нам довелось досмотреть сцену до конца. Современный Фауст, оглядываясь по сторонам, вороватым полупшепотом уговнял свою распалившуюся Маргариту, уверяя, что по-прежнему нуждается в ее нежных услугах. Едва остановился вагон и разъехались двери, как дикая чета вырвалась наружу и быстро исчезла в толпе, успев ошеломить ближайших прохожих страстной жестикуляцией и эротической патетикой речи.

* * *

...Жила девочка, и было это, кажется, очень давно. На детских фотографиях остались простодушный взгляд, милые ямочки на щеках. Невозможность ничтожной судьбы и мучительно раздраженных нервов. Убежденность в том, что для нее приготовлено самое безупречное счастье.

И вот — апофеоз.

БЕДНЫЙ ГЕНА

*Где, человек, оставил ты
сердце свое?*

Забытый автор

Поселковые магазины напоминают мне волшебные сундуки из сказок. Помните, как добрые герои получают их в подарок за особые заслуги, открывают где-нибудь в более или менее подходящем месте,— а там и дом, и сад, и стадо овец, и чего только нет... В поселковом магазине тоже есть все. Диван, на котором уютно расположился большой плюшевый медведь, полки с металлической и стеклянной посудой, напротив — новые веники, лейки, даже серпы рядом с электрическими газонокосилками. Обильный и разнообразный ассортимент лениво отражается в овальном зеркале с массивной рамой «под бронзу». Вы сможете, не обременяя себя дальними и многочисленными поездками, полностью обновить свой интерьер в течение дня, если у вас хватит денег. Впрочем, цены здесь, по сравнению с большим городом, вполне удовлетворительные.

Нам понадобился диван для дачи. Согласитесь, не везти же его из города.

С утра мы отправились в поселковый магазин за покупкой. Выбор был сделан сразу, но улыбка продавщица пояснила: «Машина будет через полчаса, погуляйте пока. Увидите Гену,— скажите, пусть придет сюда и дожидается. Он поможет погрузить. Он где-то здесь, поблизости бродит...»

Гена, щуплый мужичок, возраст — под пятьдесят, преданно служит поселковому

магазину хозяйственно-мебельных товаров. Жалованья не получает, рад, что не гонят; подносит, грузит, расставляет товары. Известно, что одинок до безобразия. На родство с ним претендентов нет уже лет восемь. Некто, возможно, человек вполне посторонний, доставил бедолагу в здешнюю психиатрическую больницу, раздражаясь по поводу досадной задержки решения собственных проблем.

Живет в ней Гена с некоторыми привилегиями — за безобидность. Проявляет уровень интеллекта младшего подросткового возраста. Имеет пропуск на относительно свободный вход-выход. Очень услужлив и молчалив.

— За доставку дадите шоферу 250 рублей,— весело тараторила продавщица (диван удастся продать не каждый день),— а Гене 50. Ему хватит...

Мы вышли скоротать ожидание. На дорогу глядеть не было интересно, справа хмурилась бетонная ограда больницы, также не вызывая положительных эмоций. Слева, вперемежку с деревьями, существовали дома поселка, частью городские, девяти- или пятиэтажные, частью маленькие, дачные и деревенские. Сестра сразу увидела Гену, который медленно шел оттуда и ел мороженое с искренним детским удовольствием. Узкое от худобы лицо, местами измазанное сладкой подтаявшей массой, выражало глубокую сосредоточенность на приятном занятии. Когда он приблизился к нам, Виктория окликнула его:

— Гена, здравствуйте. Вас просили зайти в магазин...

Недоеденное мороженое упало в пыль. Гена, поспешно утираясь рукавом, бегом бросился к указанному заведению. В лице мгновенно включилась тревожная готовность к послушанию.

Нам стало смешно...

День был без дождя пасмурный, самый подходящий для покупки дивана: не жарко и не подмочит. Небо глядело со стариковской добродушной хитринкой, под настроение. Мы с сестрой злорадно обсудили избавление от опостылевшей продавленной раскладушки, на которой до сих пор, справедливости ради, приходилось спать по очереди.

Машина привезла товар, и тщедушный Гена, пошатываясь, таскал из кузова на склад малоподъемные ящики и коробки. Водитель курил на крыльце, продавщица деловито распоряжалась.

— Хорошо, что мебель не привезли,— удовлетворенно сказала Вика,— выдохся бы,— как стал бы наш диван грузить?

Наступил ожидаемый момент. Сестра расплатилась, и Гена, на этот раз с помощью водителя, водрузил нашу покупку в фургон. В кабине было только одно свободное место, и я собралась идти пешком — минут пятнадцать ходьбы. Гена полез в кузов, и Вика подошла к нему.

— Не садитесь на диван, вы его испачкаете,— строго сказала она.

— Нет, я буду стоять,— испуганно и с готовностью пообещал тот.

Машина отъехала. Воздух стал тяжелым и душным. Видимо, дождь не снят с повестки дня,— так размышляла я, подмечая по пути и вдруг огрузневшее небо, и помрачневшую тесьму леса на горизонте, и чиркнувшую прямо над головой пару стрижей.

Дома Виктория любовалась диваном. Он вписался в интерьер, как родной.

Проводив раскладушку в последний путь, мы отпраздновали удачную покупку пивом и бутербродами с селедкой, включили телевизор.

— Ты отдала им триста рублей? — спросила я.

— Да, по договоренности, 250 — шоферу, 50 — Гене.

— И что — Гена? Не обиделся?

Вика с удивлением оторвалась от экрана.

— С чего бы? У них же всегда так.

За окном усиливался дождь. Ветви большой яблони тряслись, словно от негодования. Не одобряла она, наверное, наш новый диван. Что ж, ладно,— ей на нем не спать.

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Наш постоянный автор, лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова

I

Он не мог вспомнить, как, при каких обстоятельствах они подружились. Учились на одном курсе. А с чего все началось, вспомнить не мог. Прошло тридцать лет, в памяти осталось русское имя — Татьяна, Таня, и еврейская фамилия Берлин с ударением на первом слого.

Чаще всего они встречались где-нибудь за городом. Узкое. Царицыно. Ботанический сад. Не тот, который на Проспекте мира, а большой и малолюдный. О чем они говорили при встрече? О чем говорят молодые люди на свидании, разве вспомнишь. Разговор обо всем на свете и не о чем. Сначала, как всегда, «прощупывали», наверное, друг друга. Какие книги любишь, любишь ли музыку. Муслим Магомаев? Майя Кристалинская? Джаз!? Нет. Гершвин?. А я Высоцкого. А я Кобзона и Карела Гота. Нет-нет-нет — Александрович лучше. Наверное, так было.

Но запомнилось точно другое.

Они долго ходили в Узком. Говорили, говорили. Смотрели на синее небо и пытались угадать куда, на юг или запад летят над их головами самолеты. И вдруг она говорит — я хочу тебя поцеловать. Экий же был олух! Не догадался сделать это первый.

Сейчас, по прошествии стольких лет, с высоты, а может быть, глубины обретенного опыта он мог сказать, что она умела делать любовь. Нет-нет, не в тепершнем, пошловатом смысле. Хотя умела и это. Помнил, как в самую сладкую, самую нежную минуту она обнимала его, всхлипывающего от изнеможения, за шею, гладила его затылок и шептала какие-то слова, которые не мог в тот момент разобрать. Но это было потом. Его прежний, до нее, опыт ухаживания за девушкой заключался в том, чтобы ходить по улицам города взявшись за руки, болтать о том о сем, угощаться мороженым на ходу и иногда, когда в кармане были деньги, ходить в кино.

— Нет,— говорила она.— Пойдем в «Космос».

На улице Горького было, пожалуй, единственное тогда на всю улицу кафе, где по доступной цене можно было взять мороженное, сесть за столик и сидеть сколько хочешь. Оттого очередь была длиннющая, подвигалась медленно. Состояла из молодых людей, по большей части студентов. Поэтому никто не торопил, не ворчал — расселись тут, дайте другим посидеть — как это было, когда на той же улице открыли первый «Макдоналдс». Тоже длиннющая очередь, но публика более разнообразная, привыкшая: поел, уходи, нечего рассиживаться. Да и дороже там было.

Она предпочитала хождениям по улицам посидеть в кафе. Тогда уже перестали смотреть косо, если заказывал только бутылочку минеральной воды или чашечку кофе. Однажды в таком кафе к их столику подошел мужчина и не по-русски что-то спросил. Таня ответила, тоже не по-русски, и он присел за их столик. Он был очень

удивлен и даже немного испугался. К иностранцам еще не привыкли. Иностранец хотел пообщаться, но он поднял Таню за руку, и они ушли.

— Кто это? Ты его знаешь? — спросил он, когда они вышли на улицу.

— Француз. В первый раз вижу.

— Ты знаешь французский?

— Да. И немецкий тоже.

Если не кафе, то музей или концерт. Тогда стали приезжать иностранные выставки художественные, разные эстрадные группы. Он отнекивался, и Таня, догадываясь, в чем дело, говорила, что это чепуха, не надо придавать этому большое значение, и покупала билеты сама.

Это с той поры, когда на смену Тане Берлин пришли другие девушки, он уже знал, что девушке не должно быть скучно. Что хождение, взявшись за руки, и выразительное глядение друг другу в глаза может скоро надоесть. Девушку надо каждый раз чем-нибудь удивить. Целоваться на улице, на эскалаторе метро, в фойе кинотеатра, как это стало вдруг модно, Таню не прельщало. Она легонько отстранялась, когда он пытался это делать.

Их роман развивался быстро. Она этому не противилась.

С незапамятных времен было принято у студентов, да и не только студентов, на праздники — майские или октябрьские — выезжать за город «на хату». Недорого, «червонец»; скидывались, кто, сколько мог, и снимали у какой-нибудь одинокой пенсионерки на пару дней дом за городом.

Тогда на Ноябрьские выпал первый снег. Чистый, мягкий. Играли в снежки. Гуляли по лесу. Когда стемнело, развели костер. Сидели вокруг, обнявшись со своими девушками. Целовались. Пели. Визбор. Высоцкий, Окуджава. Когда стемнело, пошли в дом. Играли в бутылочку.

Помнится, когда разошлись каждый со своей девушкой по комнатам, Таня, видимо, все понимая, чтобы избавить его от смущения, первая обняла его... У нее была редкая фигура — крупная грудь и плоский живот.

Он был ей благодарен. Потому что чувствовал, она не похожа на тех девушек, с которыми его друзья приехали «на «хату». С Таней не могло быть просто так. А как, он не знал. И она, видимо, это почувствовала и пришла ему на помощь. Не сделай она этого, он бы смутился, потерялся. И как бы все произошло, трудно было сказать.

Вот почему их близость была в дальнейшем легкой и доставляла обоим удовольствие.

Друзья спрашивали его — Таня еврейка?

— Да нет, навряд — неуверенно отвечал он.

Всегда не умел угадывать, еврей человек или нет. Однажды даже попал в неловкое положение. В гостях у подруги своей жены поддерживал мужской разговор с ее мужем. Естественно, говорили о спорте. И задал идиотский вопрос: «Почему израильтяне участвуют в розыгрыше европейского кубка по баскетболу? Израиль же находится в Азии». Потом жена выговаривала ему за бестактность — муж подруги был еврей.

— Еврейка! Невооруженным глазом видно. Нос большой, глаза навывкате, губы толстые. Боб, она загипнотизировала тебя, евреи это умеют.

В лице Тани, конечно, было что-то еврейское, как он потом стал угадывать. Нос? Когда целовались, ему приходилось наклонять голову набок, чтобы достать ее губы. Глаза? Красивее он не встречал. Синие на смуглом лице, обведенные темными шоколадными веками. Большие, но сказать, что навывкате — вряд ли. Она умела смотреть очень нежно. Первое время ему было страшно в эти красивые глаза смотреть. А губы? Что губы! Мягкие, всегда готовые к поцелую.

Может, и еврейка. Что с того. Красивей девушки у него еще не было. И потом с

ней никогда не было скучно. Не сразу понял, что есть женщины, которые много дают мужчине. Не только секс. Развивают его, сами интересные, и его делают интереснее. Но тогда оценить Таню по молодости еще не мог.

Ее родителей он не видел.

— Знакомься, это Иосиф Вениаминович. Профессор Каневский, терапевт. Мамин муж... Иосиф, Роберту нужна монография по артериальной гипертонии.

— У молодого человека артериальная гипертония? — с улыбкой сказал профессор, высокий стройный человек.

— Нет, для экзамена.

— Так он коллега?

— Будущий.

Пока они обменивались репликами, он разглядел Таниного отчима. Вот он был еврей. Седые вьющиеся волосы, густые, как парик, большой толстый нос и глаза навывкате. Ничего общего с Таней.

Они прошли в кабинет. На полках во всю стену до потолка было много книг. На свободных от полок пространствах стены висели картины в толстых золотых рамах.

— Ланг устроит? — лукаво посмотрев на него, спросил профессор.

— Нет, что-нибудь посовременней. Мясников, например, — за него ответила Таня.

— Ну, мы пошли. Мама где?

— Роза ушла в магазин.

Они жили в самом центре города, на Пушкинской. В доме, в котором метро «Площадь Свердлова». На каком этаже, не помнил. Помнил только длинный коридор и двери. Много дверей. За их дверью было две комнаты. Одна, в которую они вошли, следующая — кабинет Иосифа. В этом длинном коридоре был совсем другой запах, не тот, что был в коридоре барака, где прошло его детство. Затхлый, кислый. Здесь запах какой-то благородный что ли. А в самих комнатах, где жила Таня, помнился ему особый запах, как бы запах цветов, хотя никаких цветов не заметил.

Ну вот, пожалуй, и все, что он мог вспомнить по прошествии трех десятков лет о еврейской девушке Таня Берлин.

А дальше была жизнь. Работа, семья, сын.

— Почему вы расстались? — не унимался его друг Борис, узнав о его давнем романе.

Детали он не помнил. Она исчезла, ничего не сказав. На звонки не отвечала. Пойти к ней на Пушкинскую не решался. Ссоры не было — это помнил точно. Через год от общих знакомых узнал, что в ординатуре ей, «краснодипломнице», отказали из-за пятой статьи; что уехала вместе с матерью и Иосифом в Израиль на «пмж».

Видимо, из-за романа с Таней Берлин интерес к евреям у него был повышенный. Они не бывают сентиментальными, отметил он. Они всегда деловиты. Лентяев не встречал. Эта деловитость иногда вызывает раздражение. Может быть, даже легкую зависть, когда им удавалось то, что не удавалось ему. В одежде небрежны, беспорядочны в быту и почти всегда опаздывают. Женщины в молодости очень красивы. Сказывается восточная кровь. Таня Берлин была очень красива. Фотографии ее у него не было, но, когда хотел, легко вызывал в памяти ее лицо. К сожалению, с возрастом они толстеют, на верхней губе появляются усики и глаза становятся навывкате. Всегда ярко накрашены губы и на пальцах, шее много золота и драгоценных, а за неимением таковых, полудрагоценных, камней.

— Что ты хочешь, Восток, — резонно замечал его друг. — В театре «Шолом», группа ДОНА дает концерт. Пойдем, посмотрим на евреев в собственной среде обитания.

Их было восемь. Парни и девушки. Кажется, не все были евреи. Контрабас, гитара, аккордеон, скрипки. Со второго раза ему показалось в их песнях много похожего

на русские песни. То удасть, то печаль. Но печаль почти всегда, даже в удали. Но ведь даже у самых веселых и общительных, замечал он, всегда присутствует эта самая только евреям присущая грусть в их глазах.

В антракте в фойе они с другом потерялись среди евреев. Те были поглощены общением друг с другом. Не было бесцельно слоняющихся, со скучающим выражением лица. Каждый находил знакомых, разговаривали громко, громко смеялись, было впечатление, что они все свои. На них никто не обращал внимания.

В антракте он купил диск с записью концерта. И потом был очень доволен этим. Потому что вскоре руководитель ДОНА Анатолий Пинский умер, и ансамбль распался.

На коробке диска были слова Эйнштейна: «Еврейские народные песни самые сердечные, самые искренние из всех, которые я когда-либо слышал. Они самое правдивое выражение души народа». Все народные песни самое правдивое выражение души любого народа, подумал он. Только народы бывают разные. Столько страданий и гонений, сколько пережили евреи, мало у кого было. Когда он ставил диск на проигрыватель, от некоторых песен у него першило в горле, и навертывались на глаза слезы. Особенно «Немножко счастья» — на иврите «Vu nemt men a bisele mazl», «Рыбацкая песня» — «Fisher-lid». А от «Пойте на идиш» — «Zingt oyf yidishi» ноги сами просились в пляс.

И тогда он засел за Библию. Египетский плен. Исход из Египта. Путешествие по пустыне. Борьба за Землю Обетованную. Просто так им ничего не давалось. Было все — и вероломство, жестокость, обман, и ощущение себя единым народом во главе с единым всемогущим Богом. Интересно, что с Богом они разговаривали как с отцом, напрямую. У него родилась мысль, что они и сейчас имеют прямую связь с Богом — те открытия в познании мира, которые они являют миру, достигаются ими каким-то, только им доступным, иррациональным путем...Ньютон, Эйнштейн, Ландау, совсем недавно Гриша Перельман... Более захватывающего исторического повествования ему читать не приходилось.

— Да, евреям ничего просто так не давалось, старик,— сказал он своему другу.— Еду в Израиль. Хочу собственными глазами увидеть и понять.

— Глубоко же Таня Берлин запала в твою душу.

— Я напишу тебе о своей поездке. Если сам что-нибудь пойму, конечно.

II

Аэропорт Бен Гурион самый большой и красивый из тех, которые мне привелось видеть. Высокий куполообразный потолок, огромное пространство, много света.

Я стоял в этом светлом пространстве, из-за малолюдности казавшемся почти космическим, и забыл, что надо узнать шофера. Оглядевшись, через несколько минут увидел где-то очень высоко на лестнице, почти под самым сводом мужчину. Некоторое время мы смотрели друг на друга, потом он стал спускаться, а я инстинктивно пошел к лестнице.

У подножья ее мы встретились.

— Маргоа? Спросил шофер.

— Маргоа. Ответил я.

— Поехали.

Он взял мой чемодан, мы поднялись по лестнице под самый потолок и вышли прямо к стоянке автомашин.

Может это смешно звучит, но это была иномарка, белая, просторная (какие еще машины могут быть в Израиле!?). Шофер погрузил чемодан в багажник, сели, поехали.

Я не помню, как долго ехали. Мне казалось, что у шофера должно быть типичное еврейское лицо — большой тяжелый нос, курчавая голова с круглой лысиной на ма-

кушке, тонкие пальцы и рокочущее «р-р». Ничего подобного не было. В любом российском городе можно увидеть таксиста, похожего на моего израильского шофера — простое мужское лицо, слегка небритое, запах недорогих сигарет. Что касается буквы «р», то говорил он по-английски, быстро, насколько я мог понимать, о футболе. Поддерживать разговор было не обязательно. В проносившихся мимо пейзажах было что-то среднеземноморское, виденное ранее на Кипре, Мальте — песчаная земля, редкие вкрапления зеленого.

Проехали сквозь Тель-Авив. Из окна автомобиля — типичный южный, виденный не однажды город с лицом «общего выражения». И вдоль то появлявшегося, то исчезвшего из вида моря поехали на север.

Ехали быстро, по-южному.

Нетания город небольшой. Через пятнадцать минут после въезда, выехали к морю, свернули в узкую улицу, и машина остановилась.

— Маргоа, — сказал шафер. Вынул из багажника чемодан и уехал.

* * *

Самое первое впечатление — ползающие и бегающие по коридору первого этажа черноволосые дети. Пришлось осторожно переступать через них, чтобы не наступить им на руки или ноги. Я приехал в пятницу. Это потом узнал, что здесь есть обычай, уезжать из дома на шаббат всей семьей для отдыха.

Спустившись в ресторан, за столами увидел мам и пап, бабушек и дедушек тех самых детишек, которые так и норовили в коридоре попасть под ноги. Они были поглощены шумной беседой, прерываемой всплесками дружного смеха, восклицаний, сопровождаемой энергичной жестикуляцией.

Нечто подобное, но без детей, видел потом. В один из вечеров в ресторане меня посадили за отдельный стол в самом углу зала. По середине его, за длинным столом, уставленным едой и выпивкой, стали собираться люди. Они приходили по одному и группами, шумно приветствовали друг друга, обнимались, хлопали друг друга по спине, целовались и рассаживались за столом. Навскидку, их было человек сорок. Публика была разномастная, как на картине Александра Иванова «Явление Христа народу». Мужчины и женщины — рыжие и черноволосые, блондины, толстые и худые, высокие и ниже среднего роста. Общее было то, что им всем было примерно за пятьдесят. И по одному этому можно было судить, что они не родственники, что это не семейное торжество, что, скорее, это сослуживцы или одноклассники или однокурсники. Когда все расселись, поднялся самый старший из собравшихся, высокий мужчина и стал произносить тост, держа бокал в одной руке, другой жестикулируя. Говорил громко, видимо, остроумно, потому что прерывали его дружный хохот, громкие реплики, аплодисменты.

Пока длился мой ужин, я мог наблюдать картину времяпровождения людей, собравшихся повеселиться, пообщаться, и совершенно раскованных, не чинившихся. Когда я уходил, я услышал, как они начали петь, и пение это было отнюдь не привычно грустное, еврейское, а веселое, и даже удалое.

* * *

Маргоа стоит на высокой песчаной дюне у самого моря. К нему можно было спуститься по каменной пологой лестнице или на лифте. Лифт представлял собой металлическую башню высотой с пятиэтажный дом. В этой башне вверх и вниз двигалась вместительная кабина. Внизу был широкий песчаный пляж. Был февраль, но было солнечно и не холодно. Прогуливались мамы с детьми, пожилые мужчины и женщины. Нашлись даже купальщики.

Обернувшись, я поразился, какой высокой была дюна, на которой стоял Маргоа и ряд других отелей, тоже высоких светлых зданий, а над ними синее небо.

Я уселся на лавочку лицом к морю. Оно было такое же синее, как небо, и видно было далеко-далеко, так что горизонт представлялся, не прямой, а выпуклой линией.

От присевшего со мной рядом пожилого мужчины я узнал, что весь город стоит на песчаных дюнах. И что с этим связана забавная история. Когда Израиль получил независимость, богатые евреи Америки и Европы стали давать деньги на обустройство молодого государства. Некто по имени Натан, богатый человек, проживавший в Америке, «отстегнул» немалые деньги на возведение нового города на берегу моря. Благодарные его жители в честь Натана решили назвать город Натанией. Но узнав, что город строится на песчаной дюне, благодетель подумал, что выбор места неудачный, что деньги пропадут, и в дальнейшем финансировании проекта отказал. Тогда жители переименовали город и назвали его Нетания. С тех пор город зовут по-разному: Нетания, Натания, кому как нравится.

* * *

Скоро я убедился, что утруждать себя изъяснением на английском языке не стоит. Едва начинаешь вспоминать не часто используемые дома и уже подзабытые английские фразы, как тебя прерывают словами — «говорите по-русски». Так не только в отеле или ресторане, но в магазине, на улице на чистом русском объясняют, как пройти или проехать или сколько что стоит.

Хотя есть и такие, кто кроме как своим языком и английским, никаким другим не владеет. В сувенирном магазинчике девушка, не по-нашенски «девушка», а в самом деле, молодая девушка не могла на мой вопрос по-русски объяснить, понравившаяся мне керамическая вещичка фабричной работы или ручной? Она смущенно улыбалась и пожимала плечами.

Но это, скорее, исключение.

Наверное, не все в этой стране владеющие русским языком русскоязычные евреи. Перед самым моим отъездом я, как говаривал известный гоголевский персонаж, «поиздержался в дороге». На высокий пластмассовый пол-литровый стакан апельсинового сока мне не хватало одного шекеля. Отказаться от сока не хотелось, и я попросил официантку дать мне неполный стакан, на один шекель не долить. «Спрошу у хозяйки», — был ответ официантки. Вышла хозяйка — полное румяное лицо, маленький острый носик и пшеничного цвета пышные волосы. Взглянув на меня, она сказала: «Та налей ему полный».

* * *

Поскольку, говоря терминами турагентств, сезон был «невысокий», февраль месяц, к путевке полагалось несколько бесплатных экскурсий.

Конечно, прежде всего, Иерусалим. Вот место, где можно понять всю суть еврейского народа. Каков он? У нас евреи, особенно в городе, а в деревне их почти нет, на подсознательном уровне ощущаются нами как особые люди. Да они и сами ощущают свою особенность. Ощущают за собой неловко скрываемое ими интеллектуальное превосходство. В их прошлом — исторические личности, изощрившие свой ум в борьбе за выживание во враждебном окружении; великие пророки, учившие народ мудрости и религии, далеко не такой, порой примитивной, какие исповедовали их географические той поры соседи. Это осталось у них в крови. А еще они осознают, что «на душу населения» гениев они дали человечеству больше, чем любой другой народ. И еще одна особенность, которая нами, не евреями, воспринимается особенно

ревниво — живем рядом, бок о бок, а они «не наши», у них потрясающая способность приживаться в любой стране, осваивать любой чужой язык, обычаи, а втайне оставаться для всех чужими.

С Иерусалимом не повезло. Там выпал снег. Русскоговорящая девушка-гид, видимо, недавно приехавшая на историческую родину, забыв про экскурсантов, по мобильному телефону кому-то кричала — «представляешь, Иерусалим под снегом! Чудо! Небывалое зрелище!»

Это «незабываемое зрелище» испортило нам экскурсию. Как у себя дома, мы выходили из автобуса и ступали в снежное мокрое месиво. Ноги промокли, было зябко и неудобно.

Храм Гроба Господня, Гефсиманский сад, оливковое дерево, по словам гида, помнившее Иисуса Христа. Наверное, это так. Его толстый в три обхвата ствол, стоявший на земле как серая скала, над которой кудрявились зеленые, с прилипшими снежинками листья, вполне тянул на два с лишним тысячелетия.

Как ни странно, перед Стеной Плача не было снега. На песчаного цвета фоне контрастно выступали люди в черном и черных широкополых шляпах, обращенные лицом к стене. Они совершали бесконечные ритмичные телодвижения, словно колеблющиеся в воде водоросли. Чтобы подойти к Стене, надо было спуститься по лестнице, потому что она находилась как бы в котловане. Стену отрыли археологи. Она единственное, что осталось от Иерусалимского храма после его разрушения римлянами.

В Стене были зазоры между камнями. Экскурсовод нам сказала, что у евреев есть обычай написать свои просьбы к Богу, а записку вложить в эти самые зазоры.

Кажется, я единственный из нашей группы написал записку и втиснул ее между камнями.

Что удивило и не очень приятно, это кипучая коммерческая деятельность на подезде к Иерусалиму. Автобус с туристами специально делает остановку за полчаса езды до города перед большим торговым центром. Ладно, что торгуют иконами, крестами на цепочках и без, искусно сделанными свечами — вроде как дань уважения к экскурсантам-христианам. Но огромная статуя поп-идола, «изобретателя» рок-н-ролла Элвиса Пресли перед центром вызвала сначала удивление, а потом подумалось: а у себя дома евреи вольны делать все, что им хочется, без оглядки на кого бы-то ни было. Керамическая кружка с ликами Элвиса предлагалась бесплатно за сделанные покупки. На ней было две надписи — по-английски и на иврите. «Back to the Magic». Ничего себе «Волшебство» на Святой Земле.

Я купил менору. Маленькую, бронзовую — священный семисвечник древних евреев, сделанный ими по велению Бога по выходе их из египетского плена.

* * *

На другой день по приезде была суббота, был теплый солнечный день, и я увидел, как евреи чтут этот священный для них день. Промтоварные магазины, лавочки, торгующие всякой нужной мелочью или сувенирами, даже ювелирные магазины — были закрыты. Работают только рестораны и кафе. Выйдя в этот день прогуляться, увидел, что площадь перед кафе, где на открытом воздухе присел с чашечкой кофе, была уставлена креслами, в которых сидели пожилые мужчины и женщины с газетами, книжками и просто так. Были молодые мамы с детьми в колясках. Дети постарше бегали между креслами. Люди отдыхали, спокойно, не шумно. Им некого было бояться, стесняться, тесниться, оглядываться. Они были дома.

В одном из скверов стоит скульптурная группа. Четыре чугунных музыканта, чуть больше человеческого роста, стоят прямо на земле. Местечковые евреи — в сапогах, картузах, с контрабасом, скрипкой, флейтой... Фигуры столь естественны и

живописны, что если бы грянула музыка, не удивился. Никакого пафоса, скорее самопародия. Потому что кругом европейского вида люди, никак и ничем не похожие на чугунных музыкантов. Может быть, ностальгия, а не самопародия?

Сажу на лавочке и обзираю прохожих. Вспоминаю Библию и стараюсь угадать, кто были предки проходящих мимо евреев. Сухощавый, интеллигентного вида, в очках — из колена Иосифова. Курчавый, с веселым лицом и легкой походкой точно потомок Вениаминов. А Иуда был праотцом вот этого полного, сытого с влажными глазами навывкате еврея. Не гнушался его прародитель посещать проститутток. Впрочем, за тысячелетия все так перемешалось. Может и русский барин поучаствовал.

Как ни странно, на улицах редко попадались мужчины в кипах или черных широкополых шляпах и с пейсами. В лицах, в движениях, походке людей, особенно молодых, угадывалась деловитость, устремленность к действию. Не похожи никак на ранее виденных южан — неторопливых, даже медлительных в движениях, с выражением лица человека скучающего или не знающего, чем бы заняться.

Не видел ни одного здания-синагоги. Гид объяснила, что синагоги располагаются в обычных домах, дома эти известны верующим.

* * *

С экскурсией побывал в Назарете, на Галилейском море. Не море, конечно, а озеро. Но для маленького Израиля море. Окунул руки в воду Иордана. Какая тоже маленькая река! Похожа на наши малые русские реки — берега, густо заросшие кустарником, холодная вода, тихая, прозрачная. То ли от того, что погода была солнечная и безветренная, необыкновенная тишина и покой, ничем не затуманенный воздух, казалось, и впрямь, что находишься на святой земле. Люди говорили тихо, передвигались без суеты и торопливости. Внимательно слушали экскурсовода.

* * *

Видимо, Бог прочитал, оставленную мною записку в камнях Стены Плача.

Я зашел в продуктовый магазин, чтобы купить перед отъездом для дома специй. Напутствуя меня в поездку, говорили, что в Израиле они особенно хороши. Если в ресторанах, кафе, в отеле всегда есть надписи на русском, то в продовольственном магазине, куда зашел, все было на иврите. Что написано черными значками, мало похожими на привычные буквы, понять было невозможно. В каком отделе продают специи? Мне повезло, первая женщина, к которой я обратился, не только показала, а провела в искомый отдел.

Продавщица вложила маленькие коробочки в бумажный пакет, и я стал в очередь к кассе. Очередь подвигалась медленно. Оглядываясь по сторонам, в параллельной очереди, также медленно подвигавшейся, я увидел женщину, которая сразу привлекла мое внимание. Смотреть долго и пристально было неловко. Время от времени я поворачивался в ее сторону. Как бы проступая из тумана, все более знакомым становилось мне ее лицо. Прошло столько лет! Лицо не могло не измениться. Но самое главное осталось — необыкновенная, редкая теперь женственность. Такое лицо можно охарактеризовать одним словом — милое. Все милое — глаза, губы, взгляд. Милым, помню, был ее голос. Тогда. Сейчас она молчала. В лице сохранилась легкая смуглость. А глаза? Она только один раз посмотрела в мою сторону, мельком, безразлично. Глаза остались голубыми, ясными, как и тридцать лет назад, в обводе темных шоколадных век.

Ее очередь подвигалась быстрее.

Когда вышел из магазина, увидел только, как она подошла к машине, из нее вышел молодой человек, очень на нее похожий, открыл ей дверцу, она села, и машина уехала.

Бог, прочитав мою записку, видимо, пожалел меня. Чтобы было бы, узнай она меня?!

* * *

В ресторане отеля опять было много народа. На этот раз проходило, похоже, научное мероприятие. На штативе висел экран. С ноутбука показывали таблицы, графики. За столиками сидела почтенная публика. Перед ними были журналы, бутылочки с водой и белые пластмассовые стаканы.

Меня опять посадили за отдельный столик в углу зала. Официант принес полбутылки красного вина. Этот был тот самый официант, пожилой худощавый мужчина, который на второй день моего поселения в отеле стал ставить передо мной красное вино, хотя оно не было «включено». Что возбудило в нем ко мне симпатию, не знаю. Может быть то, что войдя в первый раз в зал, сказал ему «шолом» и говорил это каждое утро.

Это был мой последний вечер на Святой Земле.

Утром пришло такси. Шофер прекрасно говорил по-русски. Совсем недавно приехал в Израиль из Петербурга. Словоохотливый. Инженер. Пока временно таксист. Зарабатывает хорошо. Машина своя.

Я слушал в пол-уха.

Зал вылета в аэропорту был еще лучше, чем зал прилета. Много воздуха, света. Огромное пространство. Космос.

* * *

Понял ли я еврейский народ? У себя дома он, как у себя дома любой другой народ. Мы, не евреи, делаем его евреями. Может быть, поэтому невозможно нееврею стать евреем, как и они не могут стать нами. Может быть, поэтому между нами есть, хоть и часто скрываемая, но где-то в глубине сознания присутствующая грань отчуждения друг от друга. У кого-то едва заметная, у кого-то очевидная.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Старый, прошедший не один капитальный ремонт автобус, распугав громким хлопком клевавших хлебный мякиш птиц и обдав асфальт черной копотью, наконец-то завелся. Водитель вытер ветошью перепачканные машинным маслом руки и полуобернулся к пассажирам. «Все с билетами?» — обращаясь одновременно ко всем, спросил он и, не дождавшись ответа, тронулся в путь. «Бабушку, бабушку подождите!» — крикнула водителю одна из пассажирок и указала рукой на маленькую худощавую старушку, которая бежала к автобусу и как-то неуклюже держала перед собой две огромные хозяйственные сумки. Водитель остановил автобус и открыл дверь. Старушка поставила на пол сумки, а затем с трудом поднялась по порожкам и выставила перед водителем свое лицо, протягивая, таким образом, ему губами билет. Водитель проверил его и вернул старушке, а она как-то неестественно, будто крючками взяла свои сумки и прошла в салон. Находившиеся в автобусе пассажиры успели заметить, что у старушки нет кистей рук. Усевшись на свободное место, она культями взяла все еще во рту билет и ловко сунула его в одну из сумок, а затем повернулась к сидевшей рядом с ней женщине.

— Насилу успела,— проговорила старушка и чему-то улыбнулась,— думала, что опоздаю.

— Тогда следующим рейсом уехали бы,— ответила старушке женщина и незаметно посмотрела на ее искалеченные руки.

— Да что вы, следующий рейс только через три часа будет, а меня сыночек мой миленький ждет.

— Сколько же вашему сыночку лет? — удивилась женщина.

— Он взрослый уже. Тритедня тому назад сорок лет исполнилось, гостинец ве-зу ему ко дню рождения. Он, наверное, голодный сидит, все меня в окошко вы-сматривает.

— Почему же он голодный-то? Он что в сорокалетнем возрасте сам себе поесть не может приготовить?

— Сидит он, милая, в колонии срок отбывает,— вздохнула старушка.

— Где же он сидит?

— Да вот сейчас поселок будет, там и сидит. Голодный, наверное, сыночек мой миленький,— вновь вздохнула старушка.

— Вы напрасно волнуетесь,— тихо, как бы успокаивающе проговорила женщи-на,— сейчас времена другие. У меня зять в той колонии работает, говорит, что осуж-денных кормят хорошо, сейчас с этим у них дело обстоит строго.

— Эх, милая! — Махнула старушка рукой, и женщина вновь непроизвольно взглянула на ее культю.— Разве арестанты в тюрьме когда-нибудь вволю наедались?

— А что, кроме вас ему продукты привезти некому? Вам же очень тяжело сумки носить?

— Да я уже привыкла. А у него кроме меня никого нет. Жил он с одной женщиной, Валентиной зовут, тоже из нашей деревни, да расстались они. Что уж там между ними произошло, я не знаю, но только ушла она от него.

— Сын выпивал? — после небольшой паузы спросила женщина.

— Выпивал, конечно. Эта поганая водка и довела-то его, Колюшку моего, до тюрьмы. Раньше никогда руки не распускал, а в последнее время, это когда Валентина-то от него ушла, а особенно, перед тем как его посадили, стал драться. Схватит, бывало, меня за грудки, а глаза бешеные, что есть зверь, становился. Убегала я от него, у соседей пряталась, и возвращалась домой только тогда, когда он засыпал. А проспится, и опять хороший, добрый, сыночек мой. По Валентине он сильно тосковал, просил ее вернуться к нему, да и я к ней ходила, тоже просила об этом. Она условие поставила, чтобы сын пить бросил, тогда она вернется. Самостоятельная она, Валентина, сурьезная.

— Наверное, из-за Валентины и в тюрьму угодил?

— Да нет, милая, не из-за нее, — ответила старушка и замолчала.

В наступившей тишине проехали остаток пути, и вскоре показались крайние дома небольшого шахтерского поселка.

— Вот и поселок ваш, смотрите не проедте дальше, — нарушила молчание женщина.

— Да, пора к выходу пробираться, — кивнула головой старушка. — Вы мне подсобите, сумки ручками на мои культяпки нанизать, мне так нести будет удобнее.

— Далековато вам до колонии идти, тяжело будет сумки нести, — проговорила женщина, помогая старушке.

— Может, кто и подсобит. Когда в прошлый раз приезжала, мне военный один подсобил сумки нести. До самых тюремных ворот донес, дай Бог ему доброго здоровья.

— Если не секрет, скажите, что с вашими руками случилось?

Старушка молча подняла сумки, подбросила их, чтобы удобнее было нести и, вздохнув, сказала:

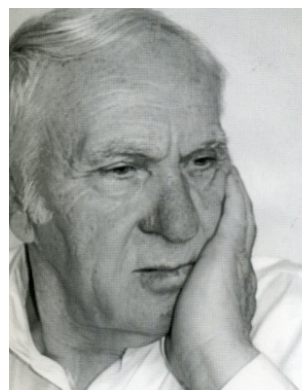
— Сын мне их отрубил, руки-то! Деньги на выпивку просил, а мне еще пенсию не приносили, денег у меня не было. Он не поверил, думал я жадничаю, взял топор и отрубил мне руки. Вот и сидит теперь за это. Я его на суде простила, а они все равно посадили. Мучается теперь, бедный, голодный. Наверное, все меня в окошко высматривает. Вот и езжу к нему, подкармливаю, сыночка моего миленького, — ответила старушка и еще что-то бормоча, поспешила к выходу.

ПОЭЗИЯ: РИФМЫ И ОБРАЗЫ

Виктор Пахомов
(г. Тула)

ИЗ БИОГРАФИИ

Ответственный секретарь Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», заслуженный деятель культуры РФ, академик, почетный гражданин города Тулы

ИЗ БИОГРАФИИ

«Вот где нам посчастливилось родиться» —
Сказал поэт. По-своему он прав.
Родиться — счастье, счастье пригодиться
Среди родных проселков и дубрав.

Мне повезло родиться не в столице,
А в глухомани сонной на Оке
И тем горжусь, что жвачные и птицы
До сей поры со мной накоротке.

А став ходить, уж не «валял я ваньку»,
Стерег козу и кроликов кормил,
Сестренкам меньшим был всегда за няньку,
Стирал пеленки, сказки говорил.

Потом война и горькое сиротство,
Учеба, служба — все, как и у всех.
Потуги чести, муки благородства
И первых книг понятный неуспех.

Переча обстоятельствам и свойству,
Не веря ни в какие «се ля ви»,
Учился я все годы не геройству,
Не мужеству, не гневу, а любви.

Любви к тебе, великая Держава —
Всего святого, доли общей щит,
Где все твое величие и слава
Нам, каждому и всем, принадлежит.

Входила ты в нас каждого не сразу
И в этом нас, кто хочет, осуди,
Но Родина не то, что мило глазу,
А то, что жжет и мучает в груди!

Что по волнам доставшейся эпохи,
Из сил последних на восход гребя,
При каждом своем выдохе и вдохе
Ее мы ощущаем, как себя...

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК СТИХОВ

Стихи для размышления,
Стихи для одного
Не надо разрешения
Поэта самого.

Рукой своей дрожащей
Я сборничек держу
В нем жизнь, мир настоящий,
Ступивший на межу.

Себя где не неволю,
Себе где господин
Где бегаю по полю
С друзьями и один.

Здесь ничего не слишком,
Не тронута бедой
Здесь я еще мальчишка
И мир весь молодой.

Где живы папа с мамой,
Где не лишен забот,
Отнюдь не лучший самый
Последний мирный год.

Он для победной цели
И никаких иных
Нас праведно поделит
На мертвых и живых.

Где медленно и зыбко
Свет меркнет егозы
От папиной улыбки
И маминой слезы...

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

У России душа — душ людских отражение.
На нее никакая не действует власть
И коль всюду идет наших душ разложение,
Ничего не мешает России пропасть.
Каждый сам за себя! Мы такие от века!
Душу — хочешь, спали, а не хочешь, изнежь!
Мера мер на земле — лишь душа человека,
И России душа — наш последний рубеж!
И не держится все лишь на мощи и силе.
Эта истина в нас до скончания дней:
Если плохо тебе, значит, плохо России.
Загляни в свою душу, прислушайся к ней...

ЧТО ДЕЛАТЬ МНЕ?

Что делать мне, село родное?
Не удержать слезу из глаз.
Ни ты, ни я тому виною,
Но кто тогда рассудит нас?

Пусты дворы, забыты пашни,
Вокруг вороны да бурьян.
Забыт и проклят день вчерашний,
Союз рабочих и крестьян.

Тоска, разор и запустенье
Зато в ушах: «О кей!», «Зер гут!»
Былого призрачные тени
За нами тащатся, бегут.

И смотрит день на все с испугом:
Где то, что теплится в золе,
То, что роднило нас друг с другом,
Что нас держало на земле?

Я обращусь к земле и к небу,
Но кто ответит, Бог ты мой,
На сей запрос: на чью потребу
Мы надругались над собой?

ПАМЯТИ ДРУГА

Мы взлетаем выше проводов,
Выше крыш барачных и заборов.
Не осталось никаких следов
От фантазий наших, наших споров.

Мы в мечтах летали, так сказать.
Будни наши бедами мрачились.
Детство улетело, и летать
Взрослыми мы как-то разучились.

Время ныне — торжество жулья.
С ним ты не поладил, не ужился.
Вот и умер. Очередь моя...
Горбачев еще не застрелился.

В ЛУЧАХ

Все беды прошлого и драмы
В недремной памяти плывут...
Курганы, скрытые как шрамы,
О том свидетельствуют тут.
Какое странное смещение
Того, что было и что есть!
Все прибавляет ощущение
Неотразимого, как весть:
Неуспокоены народы,
Кругом — правеж,
Все на кону: земля и воды,
И небо тож!

И ворон, свой ясак взимая,
Совсем седой,
Что прилетел сюда с Мамаем,
С его Ордой.
Он с выси вниз скользит, как с горки,
Все замечая без труда,
И стойку суслика у норки,
И взлеты пеночки с гнезда.
Ему ль не знать, как сердце рвется,
Как всем отцам.
Он без добычи не вернется
К своим птенцам.
Еще живую жертву будет
Рвать на куски.
Бросать птенцам, и кто осудит
Его тоски,
Когда в усталости смертельной
Вновь с высоты
В луга направит взгляд прицельный,
Где бродишь ты...

СТАРУХИ

Потрескалась земля на знойном солнцепеке,
Вся в золотых волнах бежит под ветром рожь.
На солнце, на жаре горят девичьи щеки,
Попробуй, прикоснись — все губы обожжешь!
Старухи знают толк: сидят себе в тенечке.
И волноваться им нет никаких причин
На головах у них цветастые платочки,
Чтоб ветер не трепал приглаженных седин.

Они давно одни. Их старики в расходе:
Кто умер, кто убит, а кто сбежал к другой,
Но нет у них тоски, они в своем народе,
Они среди своих, и смерть к ним — ни ногой!
Их дети где-то там, в разумном этом мире
Творят свою судьбу, слать письма — недосуг.
Неважно даже где: в Москве или в Каире,
Приедут, прилетят обнять своих старух!
... А мама умерла. От горечи не скроюсь.
Начало есть всему, как есть всему предел.
Старух же проходя, всем кланяюсь я в пояс
Без них бы этот мир совсем осиротел!
Без них бы этот мир совсем сошел с катушек.
Давно б сгубил себя и все, что впереди.
Сын матери своей сильнее бомб и пушек,
Но не сильнее любви, трепещущей в груди...

БОЖИЙ ДАР

Чтоб душа от боли не кричала,
Чтоб уйти и сгинуть без следа,
Ты идешь, не ведая куда,
Обреченный с самого начала.

Платишь за свое предназначение
Вызовом безжалостной судьбе.
Только это кажется тебе,
Что над головой твоей свечение!

Ты же сам признался, что внизу
Ни любви самой, ни вдохновенья.
Озарило блеском на мгновенье,
Словно прочерк молнии в грозу.

Все и приземленнее, и проще.
Божий дар совсем не от щедрот,
Божий дар, увы — наоборот —
Соловей, поющий в зимней роще...

ДОЖДЬ

Снега зимы сошли в свой срок.
Природа торопилась
Платить извечный свой оброк,
Но что-то не случилось.
Давились грохотом грома,
Жарою край давился.
Он чуть ли не сходил с ума,
Моля, чтоб дождь пролился!
Дождя молили деревья,
Посевы и посадки,
В лугах повызженных трава,

Ростки на каждой грядке.
Весна ль запуталась сама,
Дожди ли заплутали,—
Ни капли с неба! Но грома
Недаром грохотали.
И вот он хлынул, навесной,
Накрыв поля и доли,
Как и положено весной —
Холодный и тяжелый!
Он лил всю ночь, он лил весь день
Он ставил все на место.
И белоснежная сирень
Сияла, как невеста!
И уходил из сердца страх,
Что будем мы без хлеба.
Все зеленело на глазах
Под радугой в полнеба!
Все ликovalo и цвело,
Торжествовало, пело.
И быть иначе не могло:
Вот в этом-то все дело!

* * *

Весна цветеньем пышет.
Блестит росой луг.
От яблонь, слив и вишен
Белым бело вокруг.
Леса и перелески
Не ждут гостей пока,
Зато в бегущем блеске
Манит, зовет река.
Не задержусь я в сборе,
Ты подожди, дружок!
Я с удочками вскоре
Приду на бережок.
И будет все как надо,
Ведь что ни говори,
Рыбалка нам награда,
Как щуке пескари.
Рыбалка нам в охоту,
Порядок на слуху:
Крупняк на сковородку,
А мелочь на уху!
Но главное не это:
Не рыба, не улов,
А то, что здесь с рассвета
Всегда хороший клев!
Клюет и карп, и жерех,
Порою даже рак.
И кто тому не верит,
Тот, право, не рыбак!

Константин Струков
(г. Тула)

МАША С ПЕРВОЙ ПАРТЫ

Член Союза писателей России, поэт, автор нескольких поэтических сборников.

Светлой памяти А. С. Рязанцевой

1. СТАРИК

В тесный вагон, в духоту трамвая
втиснулся по-стариковски упрямо
и на свободное место у входа
медленно и тяжело опустился.
Долго смотрел сквозь тусклые окна
на суету проносащихся улиц.
Под старомодной выцветшей кепкой
на загорелом челе проступили
капельки пота.
Он стер рукавом их.
Медленно, осторожно поднялся,
цепко схватившись рукой за поручень.
И по дрожащему полу трамвая
шел не спеша, наклонившись сутуло.
Только глаза его мне улыбнулись,
может быть, в чем-то хотели признаться.

* * *

Уже первые завядшие листочки,
Как предвестники печали.
Скоро осень и стихов осенних строчки
Прилетели, зазвучали.
Уже первые пронзительные капли
Предосенней непогоды
По стеклу оконному стекали,
Как стекают наши годы.
Солнце блики из-за туч бросало
Отголоски лета.
Как-то неуютно в мире стало,
Будто нет нам места.

Нет нам места в этом бренном мире,
Непогоды буйство.
Даже нам в своей родной квартире
Неуютно, пусто.

* * *

Этот старик неказистый
жил в тесной квартире.
Так одиноко!
Рядом лишь кот его серый —
единственный в мире,
и тот лежебока.
Ужин нехитрый
готовил старик на кухне,
чтобы хоть как-то
голод тупой утолить
и довериться скуке.
Жить-то ведь надо...
Медленно ел эту пищу,
без аппетита.
Кот в это время
терся меж ног,
ожидая, вестимо,
поощренья.
Он погрузился в глубокое кресло —
воспоминаний.
Будто сейчас все явилось, воскресло
перед глазами...

2. ДЕВОЧКА С КОСИЧКАМИ

Маша с первой парты — завитки волос.
Так хотелось за них дернуть незаметно!
Так хотелось пряди русых кос
Взять, погладить...
Ах, как сладок плод запретный!
Маша с первой парты — синева в глазах,
Нос чуть вздернутый
и брови взмыли в гневе.
От смущения румянец на щеках,
И смешно поджаты губы от волнения
Как хотелось бы сесть рядом и вдохнуть
Аромат хмельной ее очарованья!
В этой синеве, как в море, утонуть,
Рядом с нею ощутить ее дыханье!
Как он может сочинение писать,
Если взгляд смятенный к ней прикован?
Что-то написал, и сам не мог понять,
Вновь зачеркивал, записывая снова.
Стал писать о синеве в ее глазах,
От которой сердце, как от моря, млеет.

Стал писать о море, о крутых штормах,
С нею вместе он и их преодолает.
Все писал, писал, но, видно, не попад,
Сочиненье не на тему получилось.
Но опять стремился мимолетный взгляд
К той, что на него за что-то злилась.

* * *

На Колхозной* годы детства проходили,
Где над сонмом крыш
клубился сизый дым.
Редкие в седой пыли автомобили
Громыхали по булыжным мостовым.
На Колхозной по весне благоухали
И сирени, и черемухи кусты.
Нити натянув, в заоблачные дали
Улетали змеи, полоща хвосты.
Девочки из школы, будто на параде,
По Колхозной шли, кокетливо неся
Школьные портфели, полные тетрадей,
И была веселой, шумной их стезя.
Шли за ними мальчики, смешно болтая,
Беглый взгляд на них бросая иногда.
Над Колхозной голубей домашних стаи
То кружились, то летели в никуда.
...Он один как будто выбился из группы
Одноклассников,
смотрел им хмуро вслед.
Знал он, что ведет себя наивно, глупо,
Но обиду затаил на целый свет.
Ведь она его опять не замечала,
Маша с первой парты, с синевою в глазах.
Так и шел он, то скрываясь, то встречая
Строгий взгляд и удивленье на устах.

* * *

Он на перемене к ней боялся подойти,
Но ловил ее глазами незаметно.
В голове опять рождался новый стих,
И писал тайком — но кратка перемена.
В тесной вешалке, среди курток и пальто
Курточку ее, пропахшую весною,
Замечал он издалека, как никто,
И тревожно сердце трепетало снова.
Подошел он к куртке, как бы невзначай
Незаметно подложил в карман записку.
В ней он признавался, что ее встречал
Часто после школы.

* Колхозная — ныне ул. им. Каминского в г. Туле.

Подходя к ней близко
Забывал слова, что ей хотел сказать...
Их в записке написал — всего три слова.
Вслух их вымолвить не может,
лишь глаза
Выдают смятение.
Только не готова
Теми же его словами одарить.
Главное сейчас не мальчики — уроки.
Хочет встречи он?
Да что с ним говорить!
Если с нею он такой смешной и робкий.

* * *

Вышел на улицу: снова тепло,
Снова ручьи разлились, зазвенели.
Вышел, подставил беспечно чело
Ветру шальному, веселой капли.
Сердце трепещет весне в унисон,
Будто зима в один день промелькнула...
Кончилось оцепенение и сон —
Маша сегодня ему улыбнулась.
«Хочешь меня проводить домой?
Хочешь?
Так жди меня там, в переулке...»
Шли они рядом... Он был сам не свой...
Соприкоснулись случайно их руки.
Пальчики только переплелись,
Будто сомкнулись их судьбы на вечер ...
Так бы прошли они вместе всю жизнь!
Но этот час их
был так быстротечен!

3. ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Осень глубокая в окна стучится —
Хлещет там дождь или мокрый снег
И по ночам почему-то не спится,
Или встает в беспокойном сне
Образ далекий, смешливо курносый,
Разные лица, множество лиц.
Таянье снега, весенние грозы
И вдохновенное пение птиц.
Но просыпаясь, опять за окном
Видит, как бьет по стеклу непогода.
Скоро зима накроет весь дом,
Скоро зима накроет весь город...

* * *

Прозвучал звонок последний, воспарил
Пробежал по коридорам отголоском.
Сколько лет он им веселие дарил,
Вереща в конце уроков звонко, броско.
Прозвучал звонок...
А слышалось: «Прощай!..»
Это детство с ними расставалось.
Прозвучал, как будто невзначай,
И настала тишина, и сердце сжалось.
Тень легла на блики юных лиц.
Дневника последняя страница
Кончилась и больше нет страниц.
И, увы, уже не повторится
Тот желанный первый теплый взгляд,
Первая улыбка откровенья.
И свиданья терпкий аромат,
И горячих губ прикосновение.
И теперь, хоть столько утекло
И воды, и времени,
Но греет
Тех свиданий дальнее тепло.
И вспоминается острее:
Маша с первой парты — синева в глазах,
Нос чуть вздернутый,
и брови взмыли в гнев;
От смущения румянец на щеках
И смешно поджаты губы от волнения...

Нина Попова
(г. Москва)

УСТАЛОЕ МОРЕ КОЛЫШЕТСЯ СОННО

Нина Попова живет в Москве. Окончила Московский государственный университет печати. Автор книг поэзии «В душе несем мы прожитого след...» и «На Земле все Любовью согрето!». Слушатель Высших литературных курсов Литературного института им. Горького — семинар Сорокина В. В. Занимается в литературных объединениях: «Вдохновение» — руководитель Авдеева Л. Е. и «На Никитской» — руководитель Бобров А. А. Член Союза писателей России.

Усталое море колыхается сонно,
В нем звезды купаются лишь невесомо,
Чуть скрипнул песок вдалеке под волною,
И снова все скрыто ночной тишиною.

Блестит лунный свет за причудливым мысом,
Покой на земле, ни тревоги, ни мысли,
Ни звука, ни слова, ни брошенных фраз,
Безмолвие это прекрасно сейчас.

И словно весь мир стал вокруг бесконечным,
Высокое небо спокойно и млечно.
И все в единении хрупком и нежном
В огромном пространстве — бескрайнем,
безбрежном!

* * *

Стонала музыка над морем серебристо,
Не затихал ее пронзительный надрыв,
Забилось сердце неподвластно мне и быстро,
Откликнувшись на тающий призыв.

Угасла музыка, но сердце все звучало,
Дрожало незатихшею струной,
И, ощущая всех начал начало,
В нем бился крови яростный прибой.

И рухнули преграды и границы,
Огромен и свободен этот свет!
Взметнулось сердце дикой, смелой птицей
Туда, где горизонтов вовсе нет!

ДЕТЯМ

Заматереют сыновья,
Усы пробьются и щетина,
И не нужна им буду я,
Найдется сердцу половина.

И станут редкими звонки,
И станут по ночам мне сниться
Их ножек первые шаги
И ямочки на детских лицах.

И будет каждый их приход
И важен для меня, и нужен.
Счастливым станет Новый Год,
Когда придут они на ужин.

Так, может быть, пока они
Из гнездышка не улетели,
Не пожалеть для них любви,
Чтоб и они любить умели.

И вот тогда, через года,
Их номер, как молитву, зная,
Я не услышу в трубке: « Да!
А, мама, ты... Сейчас я занят!»

КАРТИНА

Висит картина над кроватью —
Букет сирени в хрустале,
И силуэт в летящем платье,
И книга на резном столе.

А в свежесорванном букете
Синеют майские черты,
И дышат влажные соцветья,
Как возрожденные мечты.

* * *

Я стою на холме...
Дышит травами ночь,
Дремлет степь в тишине,
Звук уносится прочь.
Льет луна на ковыль
Фантастический свет,
Сеет звездную пыль
И частички комет.

ЗАКАТ

Закат над рекой,
Тишина и покой,
Бесшумно плывут облака,
А водная гладь
Готовится спать,
Прозрачна она и легка.
Течение бежит
И рябью дрожит,
Колышется, как кружева.
И в этой тиши
Есть все для души
И лишними будут слова.

ЛЕТО

Моря свежее дыханье,
Зорь чудесная кайма,
Невозможность расставанья,
Чувств искрящих кутерьма.

И симфония природы,
И ненужность суеты,
Переменчивость погоды,
Осязаемость мечты.

Как церковное причастье,
Все в гармонии без слов —
Неизведанное счастье,
Заповедник сладких снов.

ГНЕЗДО ПАМЯТИ

I

Синяя калиточка,
Дворик старый мой,
По заросшим плиточкам
Я вернусь домой.

Ждет меня, горюнится,
Вишня у крыльца,
Приютила, умница,
В веточках скворца.

Он подрос и песенки
На весь двор поет.
По скрипучей лесенке
Я пройду вперед.

И открою в прошлое
Низенькую дверь,

Вспомню я хорошее
В памяти своей.

II

Все так же ходики стучат,
Скрипит протяжно половица,
И фотографии молчат,
А с них глядят родные лица.

Салфетка на резном столе
И тканый коврик на пороге,
Икона в старом серебре...
И здесь сошлись мои дороги,

И здесь исток моей реки,
И памяти гнездо хранится,
И бьются рода родники,
И хочется из них напиться.

ДЕТСТВО

Я детства аромат боюсь забыть,
Придумала себе простое средство —
Представила, что вдруг смогла купить
Билет на поезд, уходящий в детство.

И в подошедший призрачный экспресс
Я сяду среди сотен пассажиров,
И за окном мелькнет уснувший лес,
И озеро, и дом, в котором жили.

Там было на завалинке тепло,
И грело солнце бревнышек накаты,
И шурилось за ставнями стекло,
Баюкали спокойные закаты...

И было там такое все мое,
Такое до травиночки знакомо,
Что до сих пор душа моя поет
Мелодию родной земли и дома.

И чтобы через много-много лет
Смогла я снова в детство возвращаться,
Я сохраню волшебный тот билет,
Как пропуск свой в страну любви и счастья.

«ЗОНА ОТЧУЖДЕНИЯ»

Так и стоит теперь перед глазами:
Чернобыль, Припять, вдоль Полесья путь...
Не замолить перед иконой в храме,
И не стереть ничем, не зачеркнуть.

Здесь по бумагам — «зона отчуждения»,
На деле — зона горя и беды,
И тысяч жизней зона поражения,
И тысяч судеб стертые следы.

Здесь ядовито ветра дуновенье
И улицы так горестно пусты,
Здесь все живое выжгли за мгновенье
Лучи Полюны — ядерной звезды.

И звуки, что редки, на душу давят:
Дорогу рвут растущие кусты,
Вдруг с тихим стоном разломился гравий,
Шуршат, ржавея, Припяти мосты.

Жилище одинокое здесь страшно —
Провалены глазницы у домов,
Лишь знаки: «Радиация! Опасно!»,
Где раньше был уют и теплый кров...

И горькою насмешкой, без ответа,
Увидела я тут невдалеке
Скульптуру мускулистого атлета
И «мирный атом» в бронзовой руке.

ОСЕННИЙ КИЕВ

Под ноги падают каштаны
И красно-желтая листва,
И яблоками пахнут храмы,
А парки — дымом от костра.

Днепра широкие разливы
Соединил мостов пролет;
Склонились над водою ивы,
Где берега высокий взлет.

А Лавру бороздят туристы,
Везде звонят колокола,
И так прозрачны и лучисты
Небес осенних купола.

АФГАНСКИЕ ПИСЬМА

Здравствуй, мама! Как часто в Афгане мне снится,
Что по нашему лугу иду босиком,
И журчит так спокойно в овражке криница,
А земля будто пахнет парным молоком.

*Сыночек, родной, твои письма сегодня читала,
Хоть помню, конечно, их все наизусть.*

*Что же ты о себе всегда пишешь так мало?
Ты пиши, я молчания больше боюсь.*

А у нас здесь весна, расцветают тюльпаны,
И колышут ветра это море цветов,
На вершине — снега, а в пустыне — барханы,
Все как будто застыло на срезе веков.

*Мой родной, я так много тебе написала,
Жду ответа, а его почему-то все нет,
В сельсовет я ходила и там узнавала,
Может быть, затерялся на почте ответ.*

Здравствуй, мама, подходит к концу это лето,
Понемногу и пыль, и жара улеглись,
Не волнуйся, когда не приходит ответа,
Каждый день за меня ты, родная, молись.

*Засыпаю, сынок, и встаю я с молитвой,
Целый день я шепчу, тихо Бога моля:
«Сохрани и спаси! Будь Ты сыну защитой,
И помилуй его — он один у меня...».*

Ты не плачь, потерпи еще самую малость,
Я ведь знаю, считаешь и ночи, и дни.
До приказа сто дней мне всего-то осталось!
Ты, родная, не плачь, пробегут и они.

*Осень... Стыло... И старого тополя ветки
Ветер рвет и бросает ко мне на порог.
Из центральных газет вырезаю заметки,
Вдруг мелькнет про тебя там хоть несколько строк?*

Знаешь, мама, колодец я наш вспоминаю,
Той прохладной воды мне б напиться сейчас!
Я верблюжью колючку кипятком заливаю,
И лишь фляга одна — весь дневной мой запас.

*Ты послушай, сынок, я прошу тебя снова,
Если очень устал или тяжело писать,
Напиши мне всего лишь одно только слово,
Что ты жив — и мне легче тебя будет ждать.*

Вот и вышел приказ, скоро борт до Ташкента,
А потом я на поезде — прямо домой,
И останутся в прошлом войска контингента,
И останутся в прошлом душманы и зной.

.....

А над миром, по-прежнему, солнце восходит
И весной птицы гнезда торопятся свить,
Только к матери письма давно не приходят
И не будут уже никогда приходить...

Алексей Селичкин
(г. Калуга)

НА ЛЬДИНЕ

Алексей Прокофьевич Селичкин родился 15 января 1952 года в д. Мурачевке Жиздринского района Калужской области. Окончил Жиздринскую среднюю школу № 2. С сентября 1969 г. по май 1990 г. жил, учился и работал на оборонном объекте под Челябинском. В 1971 г. Окончил с отличием ГПТУ-44 — кузницу кадров атомного цеха, в 1974 г. — Копейский горный техникум. Работал на первых атомных реакторах. Атомщик. Много ездил по командировкам в качестве ведущего инженера пусконаладочных работ по объектам Минатомэнерго и Минобороны.

НА ЛЬДИНЕ

Туман.
И дальше носа
не видать.
Льда
слой спасительный
все тоньше.

И мечется
бикфордовым шнуром
отчаянно
надежды фитилек,
не в силах осветить
ни айсберга,
ни суши.

ВЕК И СУДЬБА

Евгению Рудакову-Рудак

Все трудней одолеть жизни стынь.
Все больней сознавать невозвратное.
Жизнь, когда же ты станешь понятною?
Ты, славянская кровь, не остынь!

Нам еще журавлей ожидать,
и мечтать о высоком и радостном.
Защитит и укроет от гадостей
нас Господь, чтобы жизнь продолжать.

...Пахнет горечью. Это-полынь.
Пусть растет себе и умножается.
У России немало твердынь.
Век и наша судьба продолжаются.

ЗАДВОРКИ

Не всех согрело солнце на задворках:
медалям и поступкам — строгий счет.
В домах не все имели ставни-створки,
но знали всех и все наперечет.

Не всем хватало хлеба и одежды.
Росли с травой смышленные мальцы.
Куда девалась прежняя надежда —
не смогут дать ответа их отцы.

Не смогут... Время скомкало ответы.
Запретный плод жевала вся страна.
И там, где раньше пели песни ветры,
в хмельном угаре пляшет Сатана.

ГДЕ ВЫ ТЕПЕРЬ...

Где вы теперь, радетели страны,
что были не мостом, а наводнением?
Кричали: «Нам поэты не нужны!..
Забудь, родной, свои стихосложенья».

И я горбатил много лет подряд,
хранил секреты каждой новой тонны,
не кланчил званий, грамот и наград,
обогащал своей стране плутоний.

Вы на меня смотрели свысока.
Я выжил в вашей жесткой круговерти:
пропитаны судьба и облака
дымящей прежде фабрикою смерти.

Живу. Дышу. Слагаю письмена.
И вас усмешкой легкой вспоминаю.
Другою стала жизнь, другой — страна.
Я — стихотворный ряд обогащаю.

В КЛАДБИЩЕНСКОЙ РОЩЕ

Кресты друг на друга похожи.
В кладбищенской роще покой.
Пришел. Я — сегодня прохожий
из жизни земной, непростой.

Приемлю как есть, объективно:
есть святость молитвенных слов.
Бывал — не скрываю — наивным,
бывало, что лез напролом.

Но пакостей в жизни не делал.
Считал неприличием спесь...
Ушедшему кланяюсь деду
в березовой рощице, здесь,

где столько измученных долей,
постылой российской судьбой
ушли, не досеявши поле,
ушли в поднебесный постой.

Их жизни причудливо схожи.
Им свыше дарован покой.
Я — к вам поклониться... прохожий,
проблемный насквозь и земной.

НЕ ПРО МЕНЯ

*20-летию вывода Советских войск
из Афганистана*

Не про меня: «Остался молодым...»
Не мне песок засыпал мертвы очи.
Но тот афганский и чеченский дым
ко мне течет густым покровом ночи.

Он стелется густою пеленой
над тихой речкой, над крылечком мамы.
Поди пойми: льет дождик проливной,
стоит ли память-дым в оконной раме.

Простите нас, что мы не извлекли
уроков из навязанных пороком.
Простите нас, что мы не помогли
закрыть вас там, на бруствере окопном.

* * *

*Удержи меня мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой...*

С. Есенин

В час, когда терзаемый презреньем,
забывая сытый каравай,
посещает душу озаренье,
неприметно, как-то невзначай.

И свою вселенскую работу
в час урочный выполнить успев,
вдруг уходит как-то беззаботно,
как негромкий песенный напев.

И тогда судьба необъяснима,
как с горы летящий снежный ком.
И тогда душа неодолимо
говорит восторженно с Творцом.

НИ СЕЛА, НИ ВЫСОКОЙ ОКОЛИЦЫ...

*По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ...
Вот где, Русь, твои добрые молодцы,
Вся опора в годину невзгод.*

С. Есенин

Провожали на службу до расстаней.
Кто-то пел, кто-то, прячась, рыдал...
Не отыщешь оглобли и розвальни —
встали вороги на пьедестал.

Ни села, ни высокой околицы.
Потравили невзгоды народ.
Где вы, молодцы, добрые молодцы,
светло-русый, надежный оплот?!

Измордованы горьким отчаяньем.
Он — не смог. Выжил — я. Сдюжил — ты.
Толерантных речей назидание
уберите с последней черты.

Владимир Бурмыкин
(г. Тула)

БЕЛЫЕ НОЧИ

Владимир Михайлович Бурмыкин — заслуженный тренер России, заслуженный работник физической культуры Российской Федерации. Родился 16 августа 1946 г. В 1969 г. окончил Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского. После окончания института более 40 лет работает тренером-преподавателем по баскетболу в Детско-юношеской спортивной школе № 5 г. Тулы.

БЕЛЫЕ НОЧИ

Ты помнишь ночи прошлым летом?
Заката свет и радугу цветов?
И я тебя на набережной встретил
Во время разведения мостов.

Была ль та встреча нам дана судьбою?
Случайность, может? Может быть, любовь?
И я с тех пор не ведаю покоя —
Я так хочу тебя увидеть вновь!

Прозрачны небеса той ночью были...
Меж берегов огнистых корабли
На север к морю плыли, плыли, плыли
И постепенно таяли вдали.

Но сердце верить в худшее не хочет,
Ты мне вернешь утраченный покой.
И встретившись такой же белой ночью,
Мы больше не расстанемся с тобой!

Прозрачны небеса той ночью были,
Меж берегов огнистых корабли
На север к морю плыли, плыли, плыли
И мы с тобой расстаться не могли...

* * *

О смысле жизни нету спора:
У каждого своя судьба...
Нужна так слабому опора,
Как сильному — важна борьба!

* * *

Я тебя невеселую встретил.
Не светился в глазах огонек.
Видно, трудно жила ты на свете,
И жесток был безжалостный рок

Полагая, что рада ты встрече,
Я сказал: «Был бы очень я рад,
Если б ты не сутулила плечи,
Если б видеть твой ласковый взгляд».

Не поверила. Взор опустила.
Будто стиснула душу в комок.
Мне хотелось, чтоб ты не грустила,
Жаль, помочь тебе в этом не смог...

* * *

Когда придет минута примиренья,
И ты готова близкого обнять,
Внезапно посещает озаренье:
Как можно было это не понять?

Ведь ты одна была дана мне богом!
Протянем же теперь друг другу руки!
С тобой мы шли всегда одной дорогой —
Так будем жить, забыв былые муки!

* * *

Ты всегда своей натурой
Устремлялась к высоте.
Но изменчива фортуна —
Ты осталась в пустоте.

Вряд ли стоит силы тратить,
Прорываясь к небесам:
Как оттуда больно падать,
Я, к несчастью, знаю сам.

Не стремись к химерам разным,
Душу попусту не рви;
Ты — красива, ты — прекрасна,
И спокойнее живи!

Улыбайся утром солнцу,
О прошедшем — не жалеи!
И прости, когда придется,
Оступившихся друзей.

* * *

На дорогу выехав прямую,
Погляжу на правый поворот.
Обгоню машину легковую
Устремляясь только лишь вперед!

Не страшат меня теперь преграды,
Что встречаю часто на пути
Мне достичь заветной цели надо —
Я хочу скорей тебя найти!

* * *

Ты меня сторонись при встрече,
Тщательно обходишь стороной.
Догорел камин, погасли свечи,
Я теперь — не близкий, не родной.

Будто бы живешь, уединяясь
И дичась назойливых мужчин,
Призрачной свободой упиваясь —
И других не вижу я причин.

Пусть гуляют люди по аллее,
Ты — не замечаешь встречных лиц,
Дескать, мной никто не овладеет,
Самой непроступной из девиц!

Нет, тебя не мучают сомненья,
И не раздражает громкий смех:
Ты не знаешь, в чем твое везенье,
Потому — отпугиваешь всех.

* * *

Смешное сердце! Бьется одиноко
И снова заставляет тело жить!
Ему отнюдь не хочется порока!
Оно зовет меня с тобой дружить!

Что толку выть и корчиться от боли?
Не время унижаться и страдать!
Собрав опять в кулак всю силу воли,
Возможно, научиться надо ждать.

Алексей Хомяков
(г. Донской)

В ТЕПЛЫЙ ВЕЧЕР ТИХИМ ДУНОВЕНЬЕМ

Алексей Степанович Хомяков (1929–2010) родился в селе Назаровка Алтайского края.

После школы окончил горный техникум в городе Прокопьевск. Впоследствии закончил московский горный институт.

С начала 50-х годов года жил и работал в г. Карловы Вары (Чехословакия), куда попал по распределению после окончания учебы.

В 1957 году переехал с семьей в город Сталиногорск (ныне город Новомосковск Тульской области). Работал старшим маркшейдером на шахтах Тульской области. Чуть позже переехал в город Донской Тульской области, где работал на Ушаковском разрезе.

Кроме детей богат двумя внуками, двумя внучками, двумя правнучками и одним правнуком, названным в его честь Алексеем.

Сохранилась коллекция минералов, собранная Алексеем Степановичем, а также книги по истории камней, геологии; огромная домашняя библиотека.

Всю жизнь кроме работы он занимался метеонаблюдениями: собирал, записывал, анализировал данные; и на основании этих данных делал почти безошибочные прогнозы, которые помогали ему в другом не менее любимом деле — садоводстве и огородничестве.

Рассказывает Ирина Хомякова, внучка Алексея Степановича, постоянный автор нашего журнала: «О том, что дедушка пишет стихи, я узнала случайно (когда показала ему свои стихи). Он никогда не рассказывал об этом. Долгое время поиски хотя бы черновиков оставались безуспешными. Но вот, летом 2010 года, папа нашел блокнот с его сохранившимися стихотворениями. Большинство из них датировано 1945-1948 годами. Основной темой юношеских стихов стали человеческие отношения, переживания, чувства; а также родной край».

В теплый вечер тихим дуновеньем
Ветерок рождает мне тебя:
Этим нежным ласковым мгновеньем
Он щекочет, кудри шевеля.

А луна, свидетель молчаливый,
Бледным светом скрадывает суть...
И ложусь, как прежде, я счастливый,
Чтобы образ милый не спугнуть.

Предо мной встаешь ты, как живая,
В звездах вижу блеск чудесных глаз.
Лишь ночные шорохи, играя,
В шутку иногда пугают нас.

Так вдвоем, перед зарей прохладной,
Застает в объятьях нас туман...
Снова день жестокий безотрадный
Отбирает сказочный обман.

Я обещать, любимая, не стану:
Ведь я не знаю, будет что со мной.
Когда с судьбой бороться я устану,
Тогда скажу, что больше уж не твой.

Твой милый взор и нежная забота
Навек уйдут, как призрак, от меня,
И я завьюсь в кругу пустоворота,
Судьбу и жизнь, и сам себя кляня.

Тогда, как прежде, я уж не посмею
Прильнуть к твоей пылающей груди.
И грусть твою прогнать я не сумею...
Твой взор холодный скажет: «Уходи».

И я уйду, ни слова не сказавши,
Уйду, поникнув буйной головой,
Уйду больной, измученный, уставший,
И больше мы не встретимся с тобой.

Я НЕ СКАЖУ ТЕБЕ...

Я не скажу тебе — «вернись».
Ты далеко ушла и безвозвратно.
Я не скажу — мне в верности клянись.
Как жаль, что в этой жизни все превратно...

Я не скажу, как сильно я люблю,
Как больно было в час твоей измены.
И помню я тебя или забыл —
Теперь словам не сделать перемены.

Быть может, жалким я тебе кажусь,
И ты раскаялась в презренном шаге.
Не нужно слов — «я вновь к тебе вернусь»,
Не верю я твоей соленой влаге.

Я не скажу тебе, кто виноват.
Ты изменила мне небезрассудно.
Теперь не может быть пути назад, —
Любить, не веря, — это очень трудно.

Я не скажу, простил я или нет,
Погасла месть или горит, сжигая.
Я не судья, а только лишь поэт...
Мы встретимся. А как нам быть — узнаем.

МАТЕРИ

Только ты, моя старушка-мать,
Обо мне нисколько не забыла,
Всей душою хочешь приласкать
Еще больше, чем когда-то было.

Плачешь ты, и сны твои тревожны,
Каждый шорох стал тебя пугать.
Ждешь, родная, тно небезнадежно —
Будет день, пойдешь меня встречать.

Наяву, а не во сне то будет:
Я вернусь к тебе, родная мать.
Боль разлуки сердце позабудет:
Снова сможешь сына ты обнять.

* * *

Он так привык, и все так мило
Казалось с детства... но — увы!
Теперь же чувство то остыло
И даль прекрасной синевы
Теперь ничем уж не манила.

Бывало утром, в час прохладный,
Когда земным владеет сон,
Восхода ждет с мечтой отрадной,
И лучик солнца, друг желанный,
Зарей взойдет на небосклон.

Прошли те дни, промчались ночи,
К концу подходит жизни путь,
Потускли старческие очи,
Но он, как прежде, солнца хочет
И выйдет на Восток взглянуть.

* * *

Одна мне пишет — «нравишься»,
Другая — «золотой»,
Но ты ведь не откажешься,
Что я любимый твой?

А если есть сомнения...
Скажу: — Не загрущу!
Любить тебя нет времени,
Другую разыщу!

ГИТАРА

Эх, гитара, скажи не скрывая,
С кем гуляет подруга моя;
Все мне тайны открой, дорогая,
Ни аккорда в себе не тая.

Все разделим с тобою, родная,
И тоску воедино сольем.
Так звени же, звени, дорогая,
Может, счастье, однако, найдем.

Пусть подруга сегодня изменит,
И несчастий потянется нить,
Но никто никогда не сумеет
Нас на веки с тобой разлучить.

Пой, гитара моя, не смолкая,
Ни аккорда в себе не тая.
Ты звени и звени, дорогая,
Семиструнная радость моя!

Вера Абакумова
(г. Тула)

ТРИ ВЕКА СЛАВЫ
(К 300-летию Тульского оружейного завода)

Вера Константиновна Абакумова — ветеран труда и ветеран Тульского оружейного завода. В «ПЗ» публикуется впервые.

Три века укреплял ты славу,
Рабочей Тулы гордость и оплот,
В России Первым названный по праву —
Старинный Оружейный наш завод!
Ствол, два клинка и молоточки
На городском гербе не заменить:
В Указе царском сделан выбор точный —
И мастерство свое нам не забыть!

Отцом был «Оружейный старый»
Для именитых русских мастеров:
Вам слава — Мосин, Токарев, Макаров,
Березин, Стечкин, Грязев, Шипунов!..
Здесь дух Левши живет поныне,
Хозяйский нрав Демидовых живет —
Навеки с нами тульские святыни
И Флагман наш — прославленный Завод!

Пройдя сквозь мировые войны
И не предав традиций вековых,
Любимый город жил всегда спокойно
Под залпы испытаний заводских.
Пусть времена пришли иные,
Трудились три столетия мы не зря:
Как флаг у входа в наши проходные —
Прожженный фартук бронзовый царя!

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ДОБРОМУ ДОКТОРУ

*Вячеславу Викторовичу Менжинскому,
врачу-терапевту гор. поликлиники № 5 г. Тулы*

Скоро сорок лет,
Как поэт здоров,
И в округе нет
Лучше докторов.

Сколько ты помог,
Из костлявых лап
Вырвал, уберег,
Добрый Эскулап!

Главному врачу
Жизни моя
Книжечку вручу
На приеме я.

Лирой и борьбой,
Чем душа бурлит,
Поделюсь с тобой,
Добрый Айболит.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Алексей Троицкий
(г. Тула)

ЕДИНСТВЕННОЙ

ЕДИНСТВЕННОЙ

Печаль не скрою! Без нее мне одиноко.
Я как отшельник меж искусственных огней...
Порою, жизнь бывает так жестока,
но Рай в душе, когда я рядом с ней.

В ее глазах — пространные равнины,
чудесный вечер, радужный закат...
Она мне станет верною Мальвиной,
которой, как Пьеро, я буду рад.

Она прекрасна, словно птички трели,
она дурманит мозг, как метадон.
Характер, как у дикой орхидеи,
в который я без памяти влюблен.

Ее прикосновения желанны,
теряю над устоями контроль.
Стрела Амура счастьем первозданным
пронзает сердце огненной стрелой.

Четыре буквы в имени — волшебны,
их никогда я не смогу забыть...
Прекрасная моя, родная Лена,
не запрещай себе меня любить!

Подарок Бога, или просто — счастье!
Судьба влюбленных обретет покой,
исчезнут и напасти и ненастья...
Прошу одно, родная, будь со мной!

ОТ ЛИЦА БОГА

Сомнения отринув, Всевышний сказал:
«Страдания тебя, человек, закаляют,
Искать оправдания в горячих слезах —
не стоит! Они твою суть — растворяют.

Найди свое место на этой земле,
которую лично создал я когда-то!
Твои приключения в бордовом вине
бессмысленны, как за могилой ограда.

Тебя я создал, и доверил тебе
все тайны миров для грехов исправленья!
Страдай же теперь, не перечь судьбе!
Ведь стонет Земля от людского «творенья».

Не быть плагиатом — искусство вовек!
Не каждый поэт за особость сражался!
Но стадное чувство развил человек,
в котором и жил, и творил, и вращался...

Продажная власть непонятных людей...
Зловещие лица нависли над правдой,
которую прячут от судных огней,
боясь опозориться адской наградой.

Пытаюсь проверить тебя, рассказав:
на что ты способен, силен или жалок?
А ты отвечаешь, в сердцах проорав:
«Да лучше б побили меня сотней палок!»

Не смеешь, о, жалкое ты существо,
себя обрекать на подобные муки!
Я сделал тебя! Ты — мое естество!
Но слишком увлекся, создав тебе руки.

Ты ими калечишь природу, себя!
В тебе, как в шедевре, виновен я, каюсь!
И все же, тебе сострадаю, любя!
От жалости и невозвратности — маюсь!»

ЧЕЛОВЕКУ

Наш мир, обреченный на страшные муки,
томится во лжи безрассудных людей.
Сжимают браслеты железные руки,
страдает свобода безумных идей.

Судьба человека начертана небом...
Но зомби бескровным — отведен свой век...
В эпохе, несущей бессчетные беды,
без чистой любви — заболел человек.

Сейчас он зомбирован, не понимает,
что мир и спасение — дарит любовь...
Но, сверившись с Небом, седеющий странник
поймет свою суть в безысходности вновь.

«Я понял, я лишний, и нет мне прощенья!»
Старик упадет, не дыша, на песок
и свет озарит его лик на мгновенье,
пронзая лучом, словно пулей, висок.

Откинув морали, забыв про Адама,
разрушив идиллию дара Богов,
идет сквозь огонь полоумное стадо,
но только любить — высший ум не готов.

Магический свет мегаполиса слепо
ударит в лицо раскаленным копьем...
А памятник грешным — агонии слепок,
всем смертным о сущности светлой споет.

Горят магистрали под ржавым асфальтом,
сжигает рассудок стремительность лет,
а перед глазами — красивые пальмы
и сны, утонувшие в пропасти бед.

Но мир — отрицаем самим человеком...
Стальные оковы — пророчат войну...
Напитанный тайной секретных агентов,
покой обреченных — сгорает в аду.

Запомнит природа обиды мученья,
и флора и фауна — выйдут на бой.
И, хрустнув людьми, будто твердым печеньем,
накроет Живое стихийной волной.

Зачем те слова, что пророчат невзгоды,
полночные танцы с волками в огне?
Прощенные помнят святую породу,
но только простить — не позволит им гнев!

Ломая печать, вырывая с корнями
клеймо отрешенных от яви людей,
напала печаль. Но жива любовь к маме,
и мысль в подсознании — только о ней!

Любите и верьте в тот миг, что встречает
на алчном мангале живых мертвецов!
Быть может, с неожиданной любовью нагрянет
к вам — сказка о рае с чудесным концом.

Природа святая, но люди — не Боги!
Однажды Всевышний тихонько сказал:
«Разрушил ты все! А сломать — не построить!
Не зря ли тебя, человек, я создал?

Постой, человек, ты не можешь влюбиться!
Любить — не калечить, и жизнь — не вампир!
Запомни, что очень не просто учиться
тому, что спасет ваш безжалостный мир!»

Алексей Скаредов
(г. Тула)

ВАРГАНИЗМ

ВАРГАНИЗМ

Играй, варган, играй!

«Варган», Ворон Кутха

Варган вздыхает чутко.
Что там за припев?
Мне отчего-то жутко:
какие, к черту, шутки?
Ни вина, ни дев.

Варган вздыхает томно,
дышит меж зубов,
шаманит вероломно
и завывает, словно
схоронил любовь.

Варган вздыхает метко
о судьбе да вслух:
ох, не печалься, детка,
напев — всего лишь метка
тем, кто не был глух.

Сварганим наудачу
песню веселей,
чем пир с нежнейшей чачей,
под вздох варгана, зряче,
катит жизнь смелей.

ОРИНОКО (МОСКОВСКИЙ РЭП)

Я шагаю одиноко
по заснеженным бульварам.
Жест поэта был широким —
мол, снабдите боливаром.
Но затыркали чинуши

жест сей в самый долгий ящик,
и иду я, грея уши
в капюшоне — настоящий
рэпер из дворов Нью-Джерси:
пофиг мне покой и воля,
пофиг лепет сладких версий —
в русской жизни есть лишь доля.

Доля юмора и страха,
доля зла и доля ветра,
воскресения и праха,
доля писем без ответа.
Доля страшная, смурная:
пасть, пропасть, изыдти, сгинуть.
Лучше б смертью самурая —
не дадут клинок ведь вынуть.
Я хиляю одиноко
по заснеженным бульварам.
Рифма, рифма!.. Ориноко,
Араваки с Ягуаром...

ЖОНГЛЕР

Зима. Жонглеры прячутся по лавкам —
не до сонетов им, не до баллад.
По зябким их, оседлым, зимним ставкам
в печах призывно полыхает ад.
Он манит теплотой и согревает,
и лень писать, читать, порой — любить.
Жонглер в нем на мгновенье забывает,
что надо чем-то жить и дам кормить
очередным сонетом — мудрым, хлестким.
Но зябкий рай зовет — выходит вновь
на стынувшие подо льдом подмости:
играет в жилах тепленькая кровь,
морозный мир вдруг кажется не жестким,
А мягким и цветным, как стих-любовь.

ЧАЙ

Раскосый, толстый и чиновничий Китай
играет в чашке темною улыбкой.
Я пью не водку — только горький крепкий чай,
устало отражаясь в глади зыбкой.

Нельзя китайцу крепость оценить —
он пьет едва подкрашенную жижу,
а я — почти чифирь: в мозгах истерлась нить
меж тем, что слышу я, и тем, что вижу.

Мне не собрать в картинку этот мир —
он развалился ввечеру на пазлы,
и из его конкретных, черных, чайных дыр
заварка прет кипящей протоплазмой.

Она испачкала сереющий закат
и обожгла меня горячей кружкой —
она из Русской Правды черно-красный кат,
хоть прозвалась давно моей подружкой.

Вот так, вдвоем, мы коротаем вечерок,
и в кружке отражение плачет звонче
на новенький мотив все тот же старый рок,
и, улыбаясь, слышит поступь ночи.

13-Й ТРАМВАЙ (КРЕЩЕНСКОЕ)

На тринадцатом трамвае
я катался целый день,
и кондукторша икает:
мол, свихнулся малый. Знает,
что плачу исправно. Леню
мне из теплого вагона
выходить в крещенский швах
стыни, солнца, хруста, звона...
На Покровской, глянь, икона
выдыхает паром: «Вах!»

В Дагестане нет мороза,
в Дагестане — день на снег.
Дагестанская мимоза
под стеклом, из-под наркоза,
смотрит, словно человек —
южный человек, горячий,
но озябший и бухой.
Русь! Ведь жалость что-то значит?
Пожалей, пусть не маячит,
пусть согреется с какой.

По закутаным задворкам —
ветер, трезвый как хана.
Что ему манто из норки?
Снежной Тулой бродит орком —
пролетарская шпана.
Летом он звенел гитарой
под балконами у дев —
нынче крутит лав со старой
завирухой, битой тарой
к храму за водой приспев.

На тринадцатом трамвае
въехал тихо в вечер я.
Вышел. В СПАРе «поп» играет,
алкашей благословляет,
фимиами деньгам куря.
Взял я пиво и ставриду,
и околицей — домой:
вспомнить прошлую обиду...
Встречу — не подам и виду,
что знакомы мы с тобой...

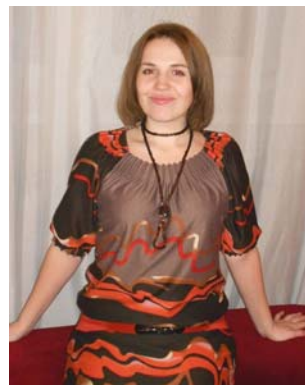
АККОРДЫ

Я, одиноко, как сверчок,
пою за печкой серенады,
не жду оваций и награды,
блажу — что местный дурачок.
Но в этой дури есть слова,
которых не продашь, не купишь.
Я рад бы сжать в кармане кукиш —
карманов нет. Права молва:
мол, вечно ты прокурен, пьян,
с судьбой играешь ты в орлянку,
но за деньгою спозаранку
не встанешь. И в башке бурьян.
А мне милее дикий цвет —
пусть кто-то щедро плодоносит —
спою, припудрю сажей просесть,
и — в травы, чтоб проспять рассвет.
И не ищу я утешенья —
из песен не подергать слов,
нет для сверчков глухих оков —
лишь тьмы аккордов разрешение.

Ирина Белова

(п. Первомайский Тульской обл.)

ВДОХНОВЕНИЕ

Белова Ирина Викторовна, родилась 29 апреля 1982 года в поселке Первомайском Тульской области. Стихи начала писать еще в детстве, и читала для родных людей на семейных праздниках. И по сегодняшний день меня не покидает вдохновение. «...Так уж у меня вышло — Пишу и душа дышит!» Являюсь яркой поклонницей, Сергея Есенина, Бориса Пастернака, Марины Цветаевой и Вероники Тушиновой. Особенно трепетные чувства испытываю к роману в стихах Александра Пушкина «Евгений Онегин».

ВДОХНОВЕНИЕ

Дышит душа! А не дышит?
Пишет душа! А не пишет?
Сижу, не дыша в покое.
Дышу и душа со мною!
Так уж у меня вышло:
Пишу, и душа дышит!

МОИ ГЛАГОЛЫ

Быть!.. В состоянии невесомости...
Плыть!.. По течению совести...
Знать!.. Правду горькую...
Верить!.. В дружбу стойкую...
Есть!.. Что заслужено...
Спать!.. Только с мужем...
Иметь!.. Любовь вечную...
Заслужить!.. Жизнь беспечную...
Жить!.. Одного любя...
Целовать, на век ЛИШЬ ТЕБЯ!

ЛОВУШКА

Словно белый мотылек я порхала,
Не заметила сама, в сеть попала!
Паучок, мой женишок, тянет соки
И смеются надо мной все сороки.
Только я не мотылек, богомол я!
И от «милого» осталась в подспорье

Паутинка с удобствами в сроки!
И трещат и щебечут сороки:
«Мол обман, клевета, мол, постыдство...
Поглядите какое ехидство!
Мотыльком себя ишь называет
А жених ее раз пропадает...»
Я ж на все на сорочьи нападки
Отвечаю довольно задорно:
«Мотыльком назвалась?
Что вы, что вы, ключевое
ведь слово здесь СЛОВНО!

КЛЕОПАТРА

Великий Цезарь покорил египетскую рать
И во дворце песков больших решил совет собрать
Он ждет соратников друзей и римских полководцев
Мужами полон древний зал и гул в нем как в колодце.
И вдруг два мавра в шум вошли и низко поклонились
Ковер оставили они и тихо удалились
Немая сцена в тишине ковер вдруг развернулся
И блеск свечей, и вздох толпы девичьих чар коснулся.
Она красива: гордый взгляд, шелк смоляных волос
Упрямый подбородок, лоб, орлиный статный нос.
То Клеопатра дочь Изида правительница Нила
Что б уберечься от врагов в ковре себя сокрыла.
И Цезарь смотрит на нее и дева отвечает
И никого кроме него она не замечает.
Их разговор наедине расспросы и гаданья
И Цезарь сердце потерял, так ведает приданье...
Воина политика и Рим... Был разорен Египет.
Но на царицу из цариц не пал позор великий.
Змея судьбу ее решит укус в груди зияет
Она последние речи молвит и тихо умирает
Прошло с тех пор не мало лет, но каждый притчу знает
И Клеопатру по сей день царицей называет!

* * *

Поцелуйте мне руку правую,
Королевою нареките!
Полюбите меня как державу!
Свою жизнь со мной разделите!
За улыбку мою, очи черные,
Кудри светлые шелку равные
Совершайте дела верховные,
Совершайте дела бесправные!
Унесите в страну без названия
Пусть нас ветры венчают вольные,
Что еще Вам нужны за признания
Все мечты рассказала подпольные!

Марина Русская
(г. Тула)

ИЕРУСАЛИМ

Марина Русская (Марина Алексеевна Гуркина), историк по образованию. Закончила Тульский государственный педагогический институт им. Л. Н. Толстого. Стихосложение ее давнее увлечение, но серьезно этим она стала заниматься с 2006 года. В этом году вышел ее первый сборник «Начало».

В своих стихотворениях она пишет о любви, счастье, добре, без поучений размышляя о человеческих отношениях.

ГЕФСИМАНСКИЙ САД

В Гефсиманском саду был за тридцать монет
Предан Тот, кто дал миру спасенье.
В Гефсиманском саду все свидетели живы.
В Гефсиманском саду дрожь по телу бежит
От сознания того, что идем мы дорогой Его.
В Гефсиманском саду все, как было тогда –
Тихо птицы поют, вековые маслины цветут,
Возвещая Его воскрешенье.
В Гефсиманском саду след кровавый проложен.
В Гефсиманском саду начался скорбный путь,
Но Он счастлив был там, зная все наперед,
Отправляясь на казнь,
И любовь бесконечную миру даруя.

ПУТЕШЕСТВИЕ

На свете много интересных мест,
В которых мне хотелось побывать.
Гостеприимством отличаются все турки.
Арабы заглянули в кошелек
И посадили на верблюда.
Рыбалка с финнами
Приносит неплохой улов.
Узбекский плов —
Произведение искусства для гурманов.
Степенно, важно слон склонил колени
И хоботом закинул на спину свою.
Сидишь, глядишь на Тадж-Махал

И всех индусов сверху.
А вот и величавый Ватикан
И смена караула доблестных швейцарцев
У папского дворца.
Мне Карлов мост позволил загадать желанье,
Которое исполнится лишь дома.
Дальнейший путь лежит на запад
Вот Эйфелева башня, Лувр,
Монмартр... а далее
Голландия... страна тюльпанов
И в Бельгии бегониями стелятся ковры.
Канадские озера, водопады —
От их красот кружится голова.
Но я люблю свою Россию,
Которая взрастила, хлеб дала.
И мне родней ромашки полевые
И васильки иссиня голубые.
Я — Русская!
Россия — Родина моя!
Тебя люблю!
Тобой горжусь!
Ты добрая и теплая, как мама.
Россия — Родина любимая моя!

Эдуард Мартышев
(г. Щекино)

ВЕСНУ ПОДАЙТЕ...

Родился в городе Щекино Тульской области 8 сентября 1974 г. Закончил Тульский Государственный Университет (горный факультет в 1996 г.). Работает на Севере в ЯНАО. Пишет с 17 лет. Печатался в альманахах «Тула», «У засечной полосы», «Приокские зори», «Югорская звезда», «Ямальский меридиан», «Обская губа», «Литературный факел», периодических изданиях «Красный Север», «Рабочий Надыма», «Северяне», «Транспорт газа».

Лауреат премии «Белая птица – 2010», победитель открытого городского конкурса литературного творчества «Автора!» в жанре очерк за 2011 г., город Салехард.

ВЕСНУ ПОДАЙТЕ...

Весну подайте, хочется весны,
Ручьев желаю слышать переливы.
Смешны они, по-детски торопливы,
Мечтами делятся, рассказывают сны...
Я с малых лет, люблю их голоса.
Они меня всегда в дорогу звали,
В те тридесятые края, миры, и дали,
Где медом пахнет поутру роса...

О ВЕСНЕ...

Ты загуляла где-то,
Румяна и красна.
Уж скоро будет лето,
Ну, где же ты весна?
Тебя тут всякий ищет,
И просит, и зовет,
В ответ, лишь вьюга свищет,
Метель, в ответ поет...
Тебе видать забава,
Но ты нам, не «крути»,
Приди же к нам, любавица,
Найди сюда пути...
Ты заигралась где-то,

Без устали и сна,
Ведь скоро будет лето,
Ну, где же ты, весна?!..

Я ТЕБЯ ИСКАЛ...

Я тебя искал по всем краям.
Мне теперь знакомы все дороги.
Мои мысли, полные тревоги,
Уводили к дальним городам...
Там я брел, ругался и молил,
И в глаза смотрел идущим рядом.
Сотни раз я упивался ядом,
Но таких, как ты, не находил...
Я тебя искал, не помня лет,
Зорь-сестер порой не различая...
Серебра седин не замечая,
Все иду, на твой далекий свет...

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

Олеся Янгол, технический редактор ордена Г. Р. Державина, медалей М. В. Ломоносова и Н. А. Некрасова журнала «Приокские зори».

Родилась и жила в городе Тула. В настоящее время живет в городе Юрмала (Латвия). Свободный художник. Пишет рассказы, стихи, сказки на русском и украинском языках. Летом 2010 года на Украине, в издательстве «Карпатська вежа» вышли две книги «Мантриця 1» и «Мантриця 2», куда включены ее рассказы и рисунки, а также оформлена обложка «Мантрицы 2». Печаталась в журналах «Приокские зори», «Изум».

УЛЫБКА СЕЛИНДЖЕРА

«Что он в ней нашел? Она вовсе не похожа на маму. Одевается, как идиотка, говорит какую-то чепуху и постоянно играет на флейте. По-моему, у нее не все дома. И отец, он тоже, кажется, тронулся. Видимо, сумасшествие — заразная болезнь.

Он привез ее месяц назад. Сказал: вот, сынок, знакомься, это Светослава. Чуднее имени не придумать. И ведь действительно, это имя ей дали родители. Просто соединили свои имена, и получилось то, что получилось.

Однажды спросил у отца, как они познакомились. Он понес полную пургу — возвращался домой и увидел на обочине яркий цветок. Ну, мол, издалека так показалось. Подъехал ближе, а это она среди травы сидит в красной вязаной шапке и на флейте играет. И он ее тут же привез знакомиться со мной. Сейчас каникулы. Хочется отоспаться, а она с утра уже начинает дудеть.

Отец не нарадуется. Ходит как дурак, и эта идиотская улыбочка. Ему-то что, он на работу на целый день, а мне с ней тут сидеть. А последнее время мы вообще на даче. Тоска!

Мама живет в Австралии. У нее свой бизнес. Она сказала, что когда я окончу школу, могу приехать к ней. Там куча возможностей. У папы тоже свой бизнес, но мама всегда говорит, что он со своим характером скоро прогорит. Не знаю. По-моему у папы классный характер. Когда мы вместе — разговариваем обо всем. А еще делаем модели яхт. В квартире у нас целая комната под мастерскую. Раньше это был зал, но когда мама уехала, мы долго бродили как неприкаянные. В зал почти не заходили. Там все на-

поминало маму. А однажды я пришел из школы и обомлел. Папа вывез на свалку всю мебель из зала и уже монтировал верстак. Купил все необходимые инструменты. Так что теперь в нашей мастерской все что угодно можно делать. И тут она.

Мало того, что папа постоянно ходит с глупой улыбкой, он периодически хватается меня в порыве необъяснимой нежности, восклицая — я люблю тебя сынок, я очень тебя люблю. Теперь мы будем счастливы. Теперь мы все будем счастливы. Я вам обещаю.

Будто мы до ее прихода были не счастливы. Мне так нравилось, когда отец возвращался с работы, и мы, поужинав, шли в мастерскую и занимались любимым кораблестроением. Мы говорили обо всем на свете. Мечтали однажды построить настоящую яхту и отправиться в путешествие.

А когда она вошла в мастерскую и начала все оглаживать пальцами, я не выдержал и ушел. Ведь это было только наше! Зачем же?

А теперь вот на даче. Они накупили разной краски, и она расписывает наш старенький дом в сумасбродные цвета. Наводит кругом чистоту, вяжет по вечерам полосатые пледы. Входная дверь теперь у нас сиренево-голубая, а по центру желтый блин с какими-то узорами. Она сказала, что это не блин, а солнце, и теперь в этом доме будет всегда светло и тепло. Все комоды, стулья и шкафы разрисовала цветочками, настилила вязанные крючком салфетки.

А сегодня, когда она вошла в мою комнату и протянула вязаный свитер, сказав, что это подарок, я не выдержал и рассмеялся. А потом, я не знаю, что на меня нашло, я наговорил ей кучу грубостей, посмеялся над ее красной шапкой и сказал, что таким, как она, место в дурдоме. Она стояла, слушала и глупо улыбалась. А потом я заметил, как из одного глаза у нее выкатилась слезинка, и она вышла из комнаты, тихо затворив за собой дверь. В этот момент я и решил смотаться к деду.

Ее видавший виды велосипед — не бог весть какой транспорт, но мне больше не на чем добраться до города. В общем, я его украл вместе с рюкзаком закрепленным на багажнике. Проехал не больше двадцати километров, как порвалась цепь. У нее и велосипед такой же несуразный, как она сама. Вот теперь сижу на дороге. С двух сторон лес, позади дачный поселок, впереди, далеко впереди город. А я тут. Сижу на опрокинутом велосипеде, читаю какую-то дурацкую книгу. Нашел в ее рюкзаке вместе с бутылкой воды.

Если честно, то я вообще не читаю книг, ну, только то, что задают в школе. Никогда не понимал любителей литературы. Хотя мой дед — учитель литературы, и в раннем детстве он пытался приучить меня к книге, но у него ничего не вышло. Мама сказала, что я должен больше уделять внимания здоровью и отвела на занятия теннисом. Мне понравилось и с тех пор я не бросаю это дело. Кажется, дед тогда впервые обиделся на маму. А папа, как всегда пытался всех помирить, но у него ничего не вышло — у мамы характер. Потому она сейчас в Австралии, а мы здесь... на даче.

Книга какая-то странная. Начал читать, и не заметил, как страниц двадцать прочел. Со мной подобного никогда не случалось. Я даже в школе, когда задавали книги на лето, просто находил в интернете краткое содержание и запоминал его. До сих пор прокатывало. А тут что-то зацепило. Мальчишка Холден чем-то похож на меня. Ну, так мне показалось. Вот, тоже сбежал. Правда из колледжа, но это не имеет значения. Его тоже никто не понимал, и окружали его одни идиоты. Я с головой ушел в сюжет, и, знаете, такая ерунда в голове начала рождаться. Чувствую — Колфилд уже не меня напоминает, а ее. Она за этот месяц много всякой чепухи наговорила, что-то типа «миром правит любовь», и все такое. И когда она это поняла окончательно, бросила дом и уехала куда глаза глядят. Она, верила, что только таким образом сможет жить в любви со всем миром, что только так честно. Она, мол, не приемлет любую ложь. Вот и этот горемыка из книжки на каждом углу натыкался на врунов. И хотя сам

привирал, будь здоров, его это дико расстраивало. Он даже заболел от этого. Я иногда врал, но никогда не задумывался над этим и не анализировал. А сейчас, вдруг, стало противно от самого себя. Что за бред? С чего вдруг начали появляться подобные мысли? Это что, книга, что ли так действует?

Вообще, если совсем уж честно, мне было ее жаль. Жаль от того, что я так грубо с ней обходился. Я понимал, что я груб, и от этого злился еще больше на самого себя, и грубил ей еще больше, и все больше запутывался. Хотя, казалось бы, еще минуту назад решал оставить этот тон. Но вот, подходила она, что-то спрашивала, и я уже слышал свои слова, а потом замечал ее виноватую улыбку. Я не понимал, что со мной, почему я вдруг стал таким? Ведь она, на самом деле, очень даже милая женщина, и при других обстоятельствах, мне кажется, мы нашли бы общий язык. Она так не похожа на маму. Вся такая хрупкая. И характер ее, он был чем-то схожим с теми звуками флейты, которые слышались каждое утро во дворе. И я долго не признавался самому себе, что слушаю, и хочу слушать эти мелодии, и что они нравятся мне.

Вы думаете, я пришел к какому-нибудь правильному выводу? Нет. Я просто встал, ну, словно меня кто-то поднял. Нет здесь никакой мистики, просто... просто я встал, положил книгу в рюкзак, закрепил его на багажнике и повез велосипед обратно.

Когда я вернулся, было уже совсем темно. Свет горел только на веранде. Ее черный силуэт отчетливо выделялся на освещенных ступенях. Я подошел, сел рядом, и мы еще долго, молча, смотрели куда-то в темноту. Я заметил ее глаза, в них что-то изменилось, может, плакала? Кто их поймет, этих девушек, женщин! Не разбираюсь я в них.

Потом я сказал:

— Цепь порвалась.

— Велосипед старый. На нем еще мой отец путешествовал.

И мы снова стали молча глядеть в темноту.

Я встал, вошел в дом. Подходя к спальне, краем глаза и краем сознания заметил у входной двери ее дорожную сумку. Я уже вошел в спальню, и вдруг — пронзительная мысль: «Зачем там сумка, она что, собралась уходить?»

Я выбежал, пытаюсь унять сердцебиение.

Сумки не было.

Веранда пуста.

Она все-таки ушла.

А как же отец? Он так был счастлив последнее время.

Мне было мучительно стыдно кричать в темноту ее имя, но мысль об отце, — ведь я так люблю его и хочу, чтобы он был счастлив, — заглушила стыд и упрямую гордость. Я набрал побольше воздуха в легкие, чтобы как можно громче позвать ее, чтобы она услышала. Я уже готов был просить прощение за все, лишь бы она вернулась. Как вдруг услышал звон посуды. Вместо моего крика раздался свист чайника.

— Я приготовила ужин, — тихо и как-то уютно произнесла она.

Я смотрел на нее из прихожей, ощущая предательские изменения на лице. Вы подумали о слезах? Вот еще! Я все-таки мальчишка и подобными глупостями не занимаюсь. Мышцы, помимо воли, устроили настоящий кавардак на лице, и мой рот расплылся в глупой улыбке. Ну, прямо как у отца.

КАК КОРМИТЬ ГОЛУБЕЙ

Маленькая, щупленькая, белявая. Волосы, высвеченные солнцем, словно обесцвеченные гидроперитом. Сначала так и показалось, и удивило — лет семи не больше, а уже волосы осветляет.

Сижу на лавочке, жду назначенной встречи. Она, где-то сзади бежит среди кустов и деревьев, пытаюсь найти себе занятие — явно скучает в одиночестве. Как и положено, в скверах, на аллеях и газонах хозяйничают голуби. Они уже давно приметили меня и теперь по одному, несмело, слетаются на выложенную плиткой дорожку.

Знакомый запаздывает — пробки — просил подождать минут двадцать. Кладу телефон в сумку, иронично улыбаясь — он никогда не отличался пунктуальностью. Краем глаза вновь замечаю ее щупленькую фигурку. Стоит у дерева и с силой тянет нижнюю ветку к земле, при этом сосредоточенно смотрит на меня.

— Сломаешь, — произношу нейтральным голосом.

— Неа, она неломаямая, — уверенно говорит она, и продолжает гнуть ветку.

— Ей больно, — выкладываю еще один аргумент.

Глаза девочки расширились от осознания чего-то важного, и она мгновенно отпустила ветку.

Я вновь стала наблюдать за голубями. Те прилежно расселись веером неподалеку и гипнотизировали меня разумными глазами-бусинами. Где-то в сумочке лежала начатая пачка семечек. Достая и сыплю несколько зернышек. Этого мало такой ораве. В мгновение ока зерна исчезают в клювах самых смелых. Голуби явно не голодны и, судя по упитанности, кушают вдоволь и регулярно. Один лишь заморыш, худой и обтрепанный, с пугливой надеждой взирает на мои руки. Кладу пару зерен на ладонь и слегка наклоняюсь. Птицы замерли, насторожились, они прекрасно видят лакомство, но боятся брать с руки. Заморыш набирается храбрости, расталкивая конкурентов, подбегает почти к самым пальцам, но подпрыгнуть не решается.

— Они так не возьмут, — слышу ее голос.

Уже с другой стороны, девчонка топчется на газоне.

— Надо руку совсем на землю опустить.

— Может, ты попробуешь? — предлагаю.

Она уверенно подходит, я отсыпаю несколько зерен в крохотную ладошку.

— Надо вот так. Я так всегда делаю.

Присаживается на корточки и опускает ладошку. Голуби, сначала несмело, потом все уверенней подходят. И вот уже вокруг девочки целое поле воркующего братства.

Я внимательно присмотрелась к ней. Истоптанные, старенькие сандалии, замызганная футболка и шортики. Волосы убраны в хвостик с заплетенной косичкой. Но причесывали ее, скорее всего, вчера — выскочившие рядки белесых прядок то и дело падают на глаза.

«Нет, не крашенная», — прихожу к выводу. И тут же криво усмехаюсь своим же глупым мыслям. Почему я думаю именно об этом?

— Вот, видишь? Смотри, смотри! — она радостно улыбается, подставляя уже две ладошки зерен, которые за секунду разобраны наиболее смелыми голубями.

— Давай того, худого накормим, — предлагаю и вновь насыпаю горсть в ее ладошки-лодочки.

Она протягивает руки заморышу, но более смелые вновь атакуют, усаживаются на ее пальчики, деловито истребляя лакомство.

— Эй, ну пошли!

Девочка отгоняет обнаглевших птиц, но те ее уже совсем не боятся. Она начинает орудовать кулачком, попадает по головам и клювам. Я что-то бормочу, мол, не бей ты их так, они же...

В ее же решительности чувствуется уверенность, она знает что делает. Она привыкла защищаться и защищать.

Наконец, заморыш смог пробраться сквозь обнаглевшую толпу сородичей и получил свою порцию семечек.

— Давай еще,— не оборачиваясь, торопит меня,— пока не ушел. Скорей! Я ссы-
паю остатки семечек в ее ладоньки.

— Я тут каждый день. Я знаю, как их надо кормить.

Еще пара голубей награждена тумаками. Заморыш, уже не пугаясь резких движе-
ний, наедается вдосталь.

День довольно прохладный, временами капает мелкий дождик.

— Ты не замерзла? Легко одета.

Скормив все семечки, она садится рядом.

— Я привыкшая. Я даже осенью могу в шортах ходить. А зимой даже еще и без
шапки.

— Закаляешься?

Отвлеченный, ничемный вопрос, чтобы не обострять того, что уже прорисовы-
вается в моем воображении.

— Ага,— улыбается она.

Рядом со сквериком, с двух сторон дорога. Шумят машины, звенят трамваи. Этот
небольшой островок с приземистыми деревцами несколько заглушает уличный шум.
У остановки сидят бабульки с овощами-ягодами, мужичок продает грибы. Прохожие
снуют туда-сюда по тротуарам.

— Я тут каждый день,— вновь повторяет она.

— А друзья у тебя есть?

— Ну...— она задумывается.— Когда еще у мамы жила, там во дворе у меня все в
друзьях ходили. А щас я с бабушкой. Вон она, картошку продает.

Девочка указывает на рядок бабuleк.

— Во-о-н, в зеленом платочке.

Замечаю маленькую, сгорбленную старушку, сидящую на ящике из-под фруктов.
Кто-то покупает у нее картошку. В худых руках, под тяжестью пакета трясется без-
мен. Она улыбается, что-то говорит, считает деньги.

— Старенькая у тебя бабушка.

— Потому что, взаправду, она прабабушка, а бабушка, она с дедом в Италии жи-
вет уже давно. А мама с папой — в Америке. Папа там работает. А меня не взяли,
сказали — я еще маленькая.

— Они звонят тебе?

— Один раз звонили... зимой.

Девочка опустила глаза, потом улыбнулась.

— А у тебя сумка красивая,— говорит она, явно пытаясь сменить тему,— я таких
еще не видела.

Разноцветная, с нашитыми цветными камушками, сумка действительно радова-
ла глаз.

— Вырасту, такую же куплю.

— Такую не купишь. Я ее сшила.

— Сама? — удивленно распахивает голубые глаза.

— Сама,— улыбаюсь ее непосредственности.

— Моя мама не умеет шить. Зато она машину водит. У нее своя машина, у папы
своя. Я один раз даже ездила с ней, когда они еще здесь жили.

Она умолкла, вспоминая что-то свое.

— Я все равно скоро вырасту,— словно отвечая своим мыслям, произнесла она.—
А бабушку я очень люблю. И если б я уехала, как бы она тут без меня? Ну и пусть их...

Наконец подошел знакомый, виновато улыбаясь, поцеловал в щеку и присел
рядом.

— Идем?

В сумке лежали только телефон и кошелек. Не люблю лишнего таскать. Я доста-

ла вещи и протянула сумку девочке. Ее глаза заискрились радостью. Она, ни слова не говоря, взяла сумку и, не прощаясь, побежала к бабушке.

— Ты что!— удивился мой знакомый.— Ты же так лелеяла эту сумку. Ее ж у тебя купить хотели, ты не продала.

Я улыбнулась:

— Понимаешь, ее мама не умеет шить.

МЕХАНИЗМ ПРИТЯЖЕНИЯ

Они сидели в сквере. Она периодически разговаривала по телефону, он курил и лениво помахивал ногами. В глазах тоска и дневной летний сплин. Может причиной подобной лени была жара, а может, что-то другое. Отношения — сложная штука. И чем больше задумываешься, тем глубже затягивает путаница.

Он встал. Нервно, раздраженно что-то произнес.

Она, надув губы, встала вслед за ним.

Он пошел.

Она демонстративно выбрала другую дорожку, ведущую, однако, в том же направлении.

Это покорило его, и он ускорил шаг.

Она тоже.

Каким-то шестым чувством уловила — он никуда не денется. Он почувствовал ее мысли, уловил тем же шестым чувством, и... испугался. Его плечи расслабились, поникли, походка сбилась и стала примирительно-медленной.

Она незаметно улыбнулась, почувствовав свое превосходство.

Эта улыбка, вдруг, резанула его обиду, и он, уже не шутя, ускорил шаги.

Мгновенно, теряя уверенность, она кинула в него ключи...

Он обернулся с перекошенным лицом, хотел наругать.

Она стояла, покорная, виновато улыбаясь.

Напряжение рухнуло в один миг. Дорожки пересеклись, и они вновь вместе, за руку. Он что-то сказал ей на ушко, нежно обняв за шею. Да, они уже стояли на одной дорожке, но смотрели в разные стороны. В его взгляде читалась вновь обретенная доверчивость, и он, увы, уже не мог видеть ее победоносно-удовлетворенной улыбки.

РАДОСТЬ СЕРДЦА

Из детства...

Вечереет. Ты уже пришла с улицы, тебя накормили ужином, и ты идешь в свою спальню, чтобы немного поиграть с любимыми куклами. Но вдруг слышишь звон ключей во входной двери. Это вернулся папа из рейса. Ты бросаешь все и бежишь в коридор, радостно крича:

— Папочка прилетел!

Он поднимает тебя высоко-высоко, под самый потолок, и улыбается. Прижимает, и ты обхватываешь его сильную шею маленькими ручонками. Это радует сердце.

Или, вот еще

Летним утром ты просыпаешься раньше всех, и тихонько сбегаешь на улицу. Пустынный двор, солнце только-только выходит из-за дома. Сидишь на качели и, раскачиваясь, наблюдаешь, как просыпается жизнь. Кто-то заводит машину, и, уса-

див семью, уезжает. Ты знаешь, что папа сейчас в гараже, ремонтирует свой васьковский «Москвиченок». Срываешься с места и бежишь домой. В кухне открываешь холодильник, находишь сыр. Неумелыми руками отрезаешь кусок. Берешь черный хлеб, потому что белого нет. Ты знаешь, что с черным хлебом сыр не такой вкусный, но выбора нет. Ты делаешь бутерброд и заворачиваешь его в газету. Просыпаются мама и бабушка.

— Ты куда?

Но ты уже снова выбегаешь за дверь и бежишь по ступенькам, вниз, с пятого этажа, на улицу, за дом, к гаражам...

Сердце стучит. Ты бежишь к папе.

«Вот он сейчас обрадуется, когда я ему бутерброд...»

— Папа!

Папа действительно рад. Ты даешь ему сверток и замечаешь что-то в его глазах. Что это, ты пока не можешь объяснить. Но это радует тебя. Это радует твое сердце.

Досада на себя

У папы выходной. Он предлагает сходить на почту. Тебе хочется пойти, но ты помнишь, что скоро по телевизору какая-то детская передача. И ты вчера еще решила ее посмотреть. Ты в нерешительности — что выбрать? Идти с папой, или остаться и ждать передачу? Подумав немного, одеваешься и идешь с папой. Вы прошли уже дом и дошли до дороги, но внутри досада. Тебе так хотелось посмотреть эту дурацкую передачу. Если ты сейчас перейдешь дорогу, то обратно уже, сама, не вернешься, еще маленькая. И ты решаешься, и говоришь, что не пойдешь дальше, что дома, по телевизору... Папа отпускает тебя, но ты замечаешь в его глазах что-то... Он так хотел побыть сегодня с тобой.

А ты уже бежишь домой, к этому дурацкому телевизору, смотреть эту идиотскую детскую передачу. Ты включаешь телевизор, а там... Эта сетка с циферками. Передачи не будет — профилактика.

И ты досадуешь на себя, и даже ругаешь. Ты уже ненавидишь и этот телевизор, и передачу. Лучше бы пошла с папой. В его глазах было что-то такое, что заставляет сжиматься твое сердце.

Глупая!

А вот другое

Летний предвечерний денек. Ты во дворе с друзьями, у вас увлекательная игра. Выходит папа, брат, мама. Папа предлагает:

— Поедем на пруд?

Но у тебя такая интересная игра, друзья. Ты подумала немного... и отказалась...

А вечером, когда они вернулись, радостные и счастливые, стали рассказывать тебе, как было хорошо, там, на пруду. Как они заехали за бабушкой и дедом. И дед взял надувную лодку. И они плавали в лодке, и купались в пруду... И ты... ты разревелась крокодильими слезами. Какая досада! Почему ты не поехала? Ты променяла день счастливых воспоминаний на один обычный день.

Знак вопроса

Тебе едва четыре. Папа учит тебя читать по Букварю брата. У тебя уже неплохо получается, и «мама мыла раму» ты читаешь без запинки. А сегодня новая страница, и новое предложение:

«У Кати есть мяч. А у Маши?»

Эта закорючка с точкой смущает тебя немного. А еще смущает бессмысленность второго предложения. То, что у Кати есть мяч, тебе понятно, но что нужно Маше?

Папа пытается объяснить, что эта закорючка — знак вопроса. Но ты не можешь понять, причем тут она. Ты снова читаешь и снова не ставишь вопросительной интонации в голосе. И так несколько раз.

Ты чувствуешь, как папа начинает нервничать, и ощущаешь комок в горле и предательское щипание в носу. А еще брат, пробегая мимо, засмеялся. Папа вновь терпеливо знакомит тебя с этой неведомой закорючкой, но ты уже не слушаешь, потому что по щекам льются горячие слезы, от того, что братик — вредина и что он играет, а тебе надо сидеть за столом и разбираться в закорючках. Папа замечает слезы и закрывает Букварь.

— Объясню завтра. Беги, играй.

Ты чувствуешь, что папа досадует на себя от того что не смог объяснить, от того, что заставил расплакаться. И тебе становится жаль его. И ты вновь открываешь Букварь, и... вдруг:

— «У Кати есть мяч. А у Маши?» — выразительно спрашиваешь ты. И еще не до конца осознав, что, наконец, прочитала правильно, попадаешь в папины объятия.

— Умница моя, я знал, что ты поймешь!

Ох уж это знак вопроса.

Познаешь людей

Тебе пять лет. Ты лежишь в больнице после очередной простуды. Приходит папа, и вас отпускают на прогулку. Вы шагаете по тенистой аллейке, папа рассказывает о горах. О том, какие они, горы, с самолета. Тебя очень интересует этот вопрос.

Навстречу идет дядя — приземистый, лысый толстячок. Ты видишь, как папа оживился, улыбнулся, и что-то хотел сказать ему. Но тот проходит мимо, опустив голову, как-то неловко стрелнув глазами в нашу сторону. Ты заметила, как дрогнула папина рука, державшая твою ладонь. Вы проходите еще несколько метров. Папа молчит. Наконец, он произносит.

— Когда-то мы были друзьями...

Так ты познаешь людей.

ПАРИЖ ГЛАЗАМИ АНГЕЛА

Это был городской парк в Париже, ну, может быть, Булонский лес какой-нибудь. Живописные деревья, утопающие в солнце поляны, камни, омываемые прозрачными прохладными ручейками, птичий гомон, шелест листвы. Она обычно ночевала на раскидистом дубе, прячась от постороннего взгляда в кроне густой листвы. Во время дождя укрывалась огромным полиэтиленовым пакетом из-под мусора. Самое главное — переночевать короткую летнюю ночь. А потом он — Париж! Мощеные улочки, горшечные цветы, причудливые линии зданий. И все это было ее!

Она часами могла сидеть у фонтана и наблюдать за резвившейся ребятней, плещущейся в прохладных, освежающих струях, кормить голубей крошками от оставшегося бутерброда, впитывать в себя глазами всю эту красоту, жизнь, свободу. С едой тоже все было в порядке. В одном старинном костеле позволяли протирать пыль со скамеек, помогать раскладывать на столах, перед входом, различную мелочь на продажу. Ей очень нравились бронзовые статуэтки Иисуса и Божьей Матери. Их хотелось долго держать в руках, ощущая металлическую тяжесть, оглаживая позолоченную поверхность. Потом ее кормили, очень хорошо кормили, так, что всегда оставалось что-нибудь на вечер взять с собой, а самое главное, крошки для птиц. Она

рассовывала по карманам джинсов кулечки с хлебом, брала папку и карандаши и неслась куда-нибудь, все равно куда.

Это была такая игра. В этом городе ты можешь бежать куда угодно и везде найдешь живописный уголок для набросков. Набросков накопилось так много, что приходилось их оставлять в удобной нише при входе в храм. Они там никому не мешали, а самое главное — надежно спрятаны от дождя. На следующий день, рано утром, она приходила в храм и добавляла, в стремительно толстеющую папку, новые и новые рисунки. С бумагой тоже не было проблем. Однажды она бродила по окраинам Парижа, там, где городская свалка, и обнаружила целые залежи упакованной бумаги для ксеркса. Ее только недавно сгрузили, и она даже не успела отсыреть. Бумага оказалась хорошая, плотная, но с несколько желтоватым оттенком. Может, офисных работников она не устраивала, а вот для нее, как для художника это оказалось весьма интересной находкой.

В этот день она тащила на себе тяжелый, огромный пакет, в который уместилось больше двадцати пачек. На первое время достаточно. Это было ее добро, ее бесценное сокровище. Она любовно его припрятала, надежно завернув в целлофан в дупле грецкого ореха, растущего неподалеку от ее «спальни». Жить было здорово, а главное, хотелось жить, выплескивать из себя вдохновение на бумагу и день за днем становиться все счастливее.

* * *

Душераздирающий вопль пронесся над «Булонским лесом». На мгновение замолкли птицы, перестали журчать ручейки и даже летний, легкий ветерок замер где-то в кроне деревьев. У ее Дуба стояла полицейская машина. Двое здоровенных мужиков в форме пытались отцепить ее руки от родного ствола и засадить в машину.

— Пустите меня, сволочи, гады! Я же не мешаю вам жить, я не прошу у вас ничего! Отпустите меня!

Она кричала с надрывом в голосе, но обращалась не к этим бездушным полицейским, выполнявшим свою работу. Она кричала всему миру, всей этой разтреклятой системе, всем этим снобам, пустотелым мыльным пузырям, возмнившим себя богами. Она кричала, но ее никто не слышал. Ведь каждый решает сам, как ему жить. Вмешиваться в чужую жизнь не принято. И пусть кто-то кричит и самовыражается, он имеет на это полное право. Он свободный человек в свободном обществе. Свободен от чего? От любви и взаимопомощи, от сострадания и сочувствия?

Ее увезли в неизвестном направлении.

На следующее утро, рано-рано, когда еще не просохла роса на траве, а птицы все так же щебетали, радуясь жизни, служащий костела, извлек из каменной ниши в стене, несколько толстых, разбухших папок. Он долго еще сидел на скамейке, забыв о своих обязанностях, и перебирал рисунок за рисунком, восхищаясь красотой линий, узнавая знакомые места. Ему было грустно оттого, что она не придет, как всегда, улыбаясь, и не начнет протирать скамейки, не поможет ему расставлять бронзовые фигурки на продажу. Он не понимал, кому мешала эта небесная птичка, неужели они не видели крыльев за ее спиной?

* * *

Наверно, такое может случиться только в Париже — столице трех революций. На площади, перед Эйфелевой башней, толпа суетливых корреспондентов тыкала длинными микрофонами в веселого, добродушного монаха, который сидел на складном стульчике перед импровизированной выставкой картин. Название выставки гласило: «Париж глазами ангела». Он с радостью давал интервью и охотно отвечал на все вопросы. Ему уже сообщили, что девушка отпущена на свободу, с предоставлением права на жительство. (Или как там этот документ называется?)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДАТЫ

ЛЕТОПИСЕЦ НРАВОВ И ХАРАКТЕРОВ

*К 85-летию
заслуженной писательницы России
Нatalьи Диомидовны Парыгиной*

Люди старшего и среднего поколения помнят: в 60—70-е годы века минувшего страна наша бывшая была охвачена читательским бумом. Читали все и везде, особенно в транспорте. Тогда, будучи еще молодым инженером, только-только окончившим институт, по утрам едучи на работу в трамвае, как-то непроизвольно отметил: в руках многих, особенно женщин (они тогда тоже читали...), одна и та же книга, а судя по характерному хрусту разворачиваемых страниц — свежееизданная. Взахлеб читали первый роман Natalьи Парыгиной «Вдова». А до него было издано два десятка книг писательницы: повестей, рассказов, очерков, документалистики. Впрочем, не будем перечислять изданное за полвека; читателям, особенно землякам, книги эти хорошо известны. Да и фактология жизненного и творческого пути Наталии Диомидовны тоже на слуху. Сказанное выше — для зачина.

Вот уж неприменимо к творчеству юбиляра литературно-ветхозаветное: «Писатель пописывает, читатель почитывает». И творческая продуктивность здесь отнюдь не свидетельство конъюнктурное, не погоня за количеством, а одна из граней таланта: трудолюбие в избранной профессии, помноженное на выраженный дар самовыражения. Несколько поколений туляков любят Natalью Диомидовну за неизменность творческого, гражданского, патриотического кредо мудрой писательницы, летописца нравов и характеров. А такое-то кредо понятно читателю с любым уровнем образования, импонирует всем поклонникам ее творчества: от задумывающегося уже о своем предназначении в жизни школьника второй ступени до седовласого ветерана всех войн и социально-экономических пертурбаций: служить своему народу (не его вечно временным — в исторической ретроспективе — направляющим и руководящим партиям) правдой реалистической литературы.

Не знаю, да и знать не хочу, будучи давним и искренним почитателем ее творчества, как сама Natalья Диомидовна воспринимает сегодняшнюю жизнь, что называется, «в быту». Здесь важнее другое: как кардинальная перемена всего уклада жизни, общественной культуры отразилась на ее литературном самовыражении. Позволю себе соответствующий экскурс.

Просмотрев в первый раз фильм «Утомленные солнцем», явно либеральной ориентации, с пафосной символикой типа панно с портретом вождя, поднимаемого на аэро-стате посреди чистого поля, с энкавэдешными расстрелами на месте и прочей дембел-

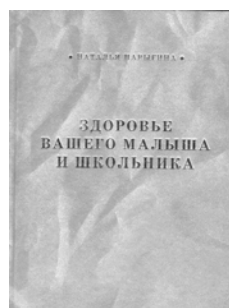
летристикой, пришел к неожиданному выводу. А суть его такова. Чистка армии, предпринятая Иосифом Виссарионовичем накануне неизбежной войны, была не только необходима, но жизненно важна для страны. Итак, это было обновление командного состава армии, а с прежними, мыслящими стратегией и тактикой конных армий и лихих тачанок, мы бы войну с Гитлером проиграли точно по плану «Барбаросса». Здесь наглядный пример — легендарный полководец Гражданской войны, который вместо командования Ленинградским фронтом повел — с гранатой в руке — в атаку взвод...

Наталья
ПАРЫГИНА

СЕМЕЙНЫЕ
ПОВЕСТИ

Тула — 2008

Как бы сын трижды автора Гимна страны ни старался угодить демвениям внешним антуражем своего фильма, но подсознательно он показал в картине: с прежними героями Гражданской войны, заматеревшими в своей славе, заведшими жен-дворянок, прислугу, двухэтажные дачи, сытую жизнь, мы не смогли бы кинуть миллионы душ под гусеницы германской мощи и войти (в третий раз в истории) в Берлин победителями. Резюме: в этом фильме художник победил удачливого либерала...

У Натальи Диомидовны в названном романе ситуация сложнее, но и проще. Нет высокой политики и философии, но есть женщина, обиженная случайностью судьбы, но случайностью закономерной ломки жизненного уклада страны. Это доминирующая у Натальи Диомидовны завязка книги: женщина, оставшаяся сам-одна, и выбранный ею путь. Вот здесь-то и сталкиваются в «лобовой» нравственной атаке главные героини «Вдовы» и «Любой ценой».

И возникает вопрос к писательнице, компатриотке — что естественно — своего пола: а в каких масштабах сопоставлять персонажей этих двух романов? Любопытный литературный критик, этакий телешоумен, герой и властитель дум нынешнего населения страны, бойко ответит: то были герои тех давних лет, а сейчас герои иные, отвечающие статусу иной, новой жизни.

Увы — и к счастью! — нет, не было и не будет разделения душ людей на те и другие времена. Как нет явного разделения по «отчетным периодам» истории нравов и характеров в произведениях Натальи Диомидовны. Конечно, нравы эти и характеры персонажей ее соответствуют текущему времени летописания. Это суть закона художественного творчества. Но писательница, быть может сама с собой борясь, отвлекается от своей женской сущности в своих произведениях подсознательно, в силу доминирующей творческой мотивации, выявляет биологическую первооснову женщины, хранительницы домашнего очага... А во времена, когда охотник и добытчик-мужчина оставил этот очаг бех охраны и попечительства, женщине приходится самой думать и действовать — и все во имя продолжения рода человеческого...

Так кто прав: героиня «Вдовы» или «Любой ценой»? По женской логике (имеются в виду читатели) получается: обе правы в свое время каждая. И совсем упрощенно: нам хоть советская, хоть антисоветская власть с измывательством над народом грабителей-олигархов — все одно, лишь бы золотая цепочка имела (расхожая присказка: женщина за цепочку Родину продаст!). Увы — и честь и хвала Натале Дио-

мидовне! Она предупреждает: за дармовую, отработанную в постели цепочку женщина в жизни своей получает... ничего не получает.

Доллары уйдут, как и пришли, детей иметь запрещено по понятию. Что дальше? А дальше пустота. Я особо останавливаюсь на последнем романе по причине типичности ситуации. В любом городском квартале, в многоподъездном доме вам расскажут историю об одинокой пожилой женщине, которую отправили на тот свет из-за квартиры. И везде будет фигурировать некая молодая женщина... Словом, все понятно.

Мужики — они другие: грабят, стреляют, бьют, но чтобы входить в доверие к старым людям, а потом их травить? Не мужская это (в нынешнем, конечно, понимании) работа... Вот мы и скатились к чисто биологической борьбе за выживание: мужики грабят, женщины травят.

Писательница не отвечает на этот сакраментальный вопрос. А этого и не нужно делать: ответ путь ищет каждый в самом себе. Главное — даны образы и характеры, художник поставил вопрос. Отвечаем мы все: перед совестью, если она есть, перед Богом, если в него веришь, перед миром, если ты не волк-одиночка...

И хорошо, что Наталья Диомидовна продолжает задавать вопросы для многих неудобные. Это — основное содержание классической, реалистической русской литературы с ее неизменными: кто виноват и что делать?

Пожелаем дорогой Наталье Диомидовне творчества и здоровья. А хорошим подарком стало бы издание «Избранного», например, в форме традиционного трехтомника.

Алексей Третьяков, г. Тула

Наталия Парыгина

(г. Тула)

МЫ И НАША ЖИЗНЬ

Афоризма и пословицы

На протяжении многих веков люди задумывались о судьбе и смысле жизни. Самый емкий жанр, в котором мудрецы излагали свои мысли — это афоризмы. Слов мало — смысл глубокий. И касается многих и многих людей.

Быть может, некоторое количество афоризмов, распределенных в тематические главы, поспособствует читателям оценить или даже изменить в благоприятном направлении свои жизненные принципы и устремления.

Человек

Человеком стать — это искусство.

Навалис

Как великолепен человек, если — это человек настоящий!

Менандр

Истинный показатель цивилизации — не уровень богатства и образования, не величие городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитанного страной.

Эмерсон

Человек рожден для общества.

Дидро

Человек — это звучит гордо!

М. Горький

Цель жизни

У кого нет цели, тот не находит радости ни в каком занятии.

Леонард

Если эгоистическое благополучие — единственная цель жизни, жизнь быстро становится бесцельной.

Роллан

Чтобы дойти до цели, надо прежде всего идти.

Бальзак

Недостаточно обладать здравым умом — важно уметь им пользоваться.

Декарт

Конец зависит от начала.

Манилий

Любовь

Любовь! Это самая возвышенная и победоносная из всех страстей.

Гейне

Любви все возрасты покорны.

Пушкин

Любить — значит жить жизнью того человека, которого любишь.

Л. Толстой

Любовь должна обогащать человека ощущением силы, и она обогащает.

А. С. Макаренко

Любовь без уважения не может ни далеко зайти, ни высоко подняться. Это — однокрылый ангел.

Дюма-сын

В любви радость манит,

Без любви душа вянет

Насильно мил не будешь.

Любовь — как стекло: разобьется — не срастется.

Брак

Люди существуют друг для друга.

Аврелий

Как пустыня глухо одиночество.

Гонгора

Равенство — самая прочная основа любви.

Лессинг

Брак — истинный источник молодости для женщины.

Бебель

Любовь находит радость в любом пустяке, если его разделяет с тобой вместе человек.

Моруа

Самые невыносимые люди — это мужчины, считающие себя гениальными, и женщины, считающие себя неотразимыми.

Аселен

С доброй женой — клад, со злой — ссоры да разлад.

От плохой жены состаришься, от хорошей — помолодеешь.

Брак должен быть бесконечным семейным воспитанием.

Амьель

Любовь ревнива похожа на ненависть.

У хорошей жены и плохой муж будет молодцом.

В семье разлад, так и дому не рад.

Славнее всех побед — прощение.

Дети

Если к сорока годам комната не наполнилась детскими голосами, она наполняется кошмарами.

Сент-Бёф

Материнские руки — воплощение нежности, детям хорошо спится на этих руках.

В. Гюго

Ребенок, который переживает меньше оскорблений, вырастает человеком, более сознающим свое достоинство.

Н. Г. Чернышевский

Ребенок, с детства не привыкший трудиться, скорей всего вырастает лодырем.

Сухомлинский

Без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионаты.

Н. М. Карамзин

Если ты знаешь средство укрепить тело, закалить волю, облагородить сердце, изодрать ум и уравновесить рассудок, то ты — воспитатель.

Ш. Летурно

Будущее — в руках школьного учителя.

В. Гюго

Общение

Говорить не думая — все равно, что стрелять не целясь.

Сервантес

Люди ни над чем так мало властны, как над языком своим.

Спиноза

*Глубоко ранит острый меч,
Но много глубже — злая речь.*

Блюхер

Обороты речи — это своего рода одежда, в которую обличены мысли.

Энгельс

Дай свободно высказаться, если хочешь услышать правду.

Публий Сир

Людям, не слушающим советов, нельзя помочь.

Франклин

Книги — дети разума.

Свифт

Характер и судьба

Судьба человека чаще — в его характере.

Корнелий

Поступок рождает привычку, привычка рождает характер.

Народная мудрость

Нравственная сила, как и мысль, безгранична.

Бальзак

Самое главное — научить человека мыслить.

Брехт

Ничто так не научает, как сознание своей ошибки. Это одно из главных средств самовоспитания.

Т. Карлейль

Терпение — это искусство надеяться.

Вовенарг

Терпение — прекрасное качество, но со временем оно делает нас равнодушными.

Мирис Мортен дю Гар

Жизнь добрых людей — вечная молодость.

Нодье

Образ жизни

Время — самое драгоценное из всех сокровищ.

Теофраст

Средний человек озабочен тем, как ему убить время, человек же талантливый стремится время использовать.

Шопенгауэр

Из всех путей, которые ведут к счастью, самые верные — труд и упорство.

Рейбо

Труд освобождает нас от трех великих зол: скуки, порока и нужды.

Вольтер

Покой и отдых обязаны своей сладостью труду.

Чэннинг

Праздность — как ржавчина, она разъедает человека скорее, чем усталость от работы.

Франклин

Я смотрю на праздность как на своего рода самоубийство.

Честерфилд

Безделье — мучительное бремя.

Буало

Скука — наш самый большой враг.

Вольтер

Без пользы жить — безвременная смерть.

Гете

Пороки

Больше всего на свете человека унижает ложь, порок низкий, порок презренный, порок рабов, шпионов, подлецов.

Сэттербринн

Допусти в семью ложь — любовь убьешь.

Невежество — мать злобы, зависти, алчности и всех прочих низких и грубых пороков, а также грехов.

Галилей

Зависть — это внутренняя грязь, неизбежно выступающая наружу.

А. Бакиханов

Под знаменем зависти шествуют ненависть, клевета, предательство и интриги.

К. Гельвеций

Хитрость — мрачное капище бесталанности.

Честерфилд

Жадность последнего ума лишает.

Упрямство — вывеска дураков.

Я. Б. Княжнин

От мелких ошибок, легко перейти к крупным порокам.

Сенека

Надменный и упрямый делает все по-своему, не слушает ничьих советов и скоро становится жертвой своих заблуждений.

Эзоп

Чужие пороки у нас всегда перед глазами, свои же собственные — за спиной.

Сенека Младший

Видя чужие пороки, умный избавляется от своих.

Публий Сир

*Человек часто сам себе — злейший враг.
Слава греет. Порок жжжет.*

Цицерон

Здоровье

Здоровье — мудрых гонорар.

Беранже

*Здоровье — дороже богатства.
Здоровый нищий счастливее больного короля.*

Шопенгауэр

Умеренность — как бы мать хорошего здоровья.

Валерий Максим

Есть и пить нужно столько, чтобы этим наши силы восстанавливались, а не подавлялись.

Цицерон

Обжоры роют себе могилу зубами.

Сознание своей болезни, готовность лечиться есть уже начало исцеления.

Сервантес

Нельзя врачевать тело, не врачуя душу.

Сократ

Пока больной жив, не следует, говорят, терять надежду.

Цицерон

Самое лучшее лекарство от ревматизма — вознесение хвалы Богу, что — это ревматизм, а не грудная жаба.

Генри Шоу

Кто здоров, тот и молод.

Бон

Старость

Старость скучна, но это единственная известная возможность жить долго.

Сент-Бёф

Тяготы старения — это те же тяготы жизни, но лишь усиленные.

Франс

Благо юности — сила и красота, благо старости — расцвет разума.

Демокрит

Старое дерево лучше горит, на старой лошади безопаснее ехать, старые книги приятнее читать, старое вино приятнее пить, старым друзьям можно больше довериться.

Райт

*На одного человека не дается два века.
До конца, до тихого креста
Пусть душа останется чиста.*

Рубцов

Основная использованная литература:

1. Афоризмы. По иностранным источникам. Составители: П. П. Петров и Я. В. Берлин. Издательство: «Прогресс».
2. Русские пословицы и поговорки. Составитель: А. И. Соболев. Издательство: «Советская Россия», 1983.

ПЕРВЫЙ КАВЕРИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

Каверинский литературный конкурс, посвященный 110-летию со дня рождения Вениамина Александровича Каверина, проводившийся в целях пропаганды его творчества, выявления и пропаганды лучших литературных произведений современных авторов, их поддержки, организатором которого является издатель Игорь Опимах, проходил, с декабря 2011 по май 2012 года. Конкурс проводился при поддержке муниципальных органов власти ЗАТО Александровск Мурманской области, СРЗ «Нерпа». О своей поддержке конкурса сообщили Мурманская организация Союза писателей России, Мурманское отделение Союза журналистов России, литературное объединение «Полярное сияние» (ЗАТО Североморск) и другие.

Участвовать в конкурсе были приглашены как писатели-профессионалы, так и самодеятельные авторы. На конкурс принимались повести, рассказы, стихотворения и краеведческие работы, написанные на русском языке и ранее не публиковавшиеся.

В Жюри Каверинского литературного конкурса вошли члены Псковского отделения Союза писателей России: А. П. Казаков, В. В. Пшеничная, И. О. Исаев, В. Я. Курбатов, а также Н. А. Черкашин (Москва), Т. В. Берникова — внучка В. А. Каверина (Москва), Н. А. Бакшевников, председатель правления Мурманской областной организации Союза журналистов России (Мурманск). Мурманское отделение СП России делегировало в Жюри Каверинского конкурса: Т. П. Агапову, А. С. Рыжова, В. В. Сорокажердьева.

Конкурс проводился в трех номинациях: поэзия, проза, историческое краеведение.

Предусмотрены четыре главных премии в каждой номинации: для автора из Мурманска и Мурманской области, для автора из Пскова и Псковской области, для автора из России, для автора из других стран; и две специальные премии: для авторов из городов ЗАТО Александровск (Полярный, Снежногорск, Гаджиево), для авторов-журналистов. Лауреатам в середине сентября, как было объявлено, будут вручены дипломы с символикой конкурса, памятные Каверинские медали и премии.

Специально для Каверинского литературного конкурса подготовлена памятная медаль. Ее автор — художник Александр Дмитриев из г. Снежногорска. Изготовлена медаль на снежно-горском СРЗ «Нерпа». На аверсе медали — слова «Каверинский литературный конкурс» и портрет Вениамина Каверина, созданный на основе рисунка времен войны, сохранившегося в архиве писателя. Этот рисунок-набросок сделал в блокноте адъютант командующего Северного флота, когда военкор

Каверин прибыл в Полярное. При работе над медалью художнику удалось штриховое изображение превратить в рельефное. На реверсе медали собраны графические символы, с которыми связывают обычно каверинские произведения. Внимательно рассмотрев изображение, найдем «Святую Марию» во льдах и гидросамолет на фоне северного сияния. Указан год проведения конкурса. Обозначены и два города, которые Каверин считал самыми важными в своей судьбе, — Псков и Полярный. Город Полярный ныне входит в состав ЗАТО Александровск, это административное название также увековечено на медали. Поскольку медаль еще никто, кроме художника и рабочих мастерской, не видел, пока не закончился конкурс, публикуется только фотография реверса.

В 2012 году будет издан «Каверинский сборник». В него войдут, в том числе, и лучшие произведения, пришедшие на конкурс. По окончании конкурса в ЗАТО Александровск пройдет Каверинский литературный вечер, на котором выступят профессиональные и самодеятельные авторы — участники конкурса. Обсуждается проведение такого же вечера в Мурманске. Информация о конкурсе публикуется по адресу <http://kaverin.opibook.ru/>

Всего в конкурсе принимали участие более шестисот авторов, разделенных на четыре группы: из Мурманска и Мурманской области, Пскова и Псковской области, из других регионов России и из других стран. Более ста писателей представляют регионы России и двадцать пять несут русское слово в странах ближнего и дальнего зарубежья: Украине, Казахстане, Армении, Эстонии, Болгарии, Финляндии, Франции, Германии, Нидерландах, Израиле и США.

Следует сказать, что организатор Каверинского конкурса Игорь Николаевич Опимах из г. Полярный Мурманской области. Он работал в знаменитой средней школе № 1 им. М. А. Погодина, описанной в произведениях многих писателей (Юрий Герман, Алексей Яшин и др.). Учитель русского языка и литературы И. Н. Опимах открыл в школе литературно-краеведческий музей. Музей просуществовал три года и был расформирован в связи с уходом Игоря Николаевича на другую работу — главным редактором «Северной субботней газеты», которая издается в городе*.

В школе учился известный писатель, туляк А. А. Яшин. Под руководством Ирины Ивановны Осиповой создан школьный музей. В результате поисковой работы старшеклассников был собран материал и о самой школе, и о людях, которые здесь работали и учились. Библиотека и музей школы регулярно получают номера издающегося в Туле журнала «Приокские зори», главным редактором которого является Алексей Афанасьевич, поддерживают связь с редакцией**.

Город Полярный имеет интересную историю. В годы Великой Отечественной войны он, основанный в 1899 году под названием Александровск как база Флотилии Ледовитого океана, был «столицей» Северного флота. Сейчас — Город воинской славы и база Кольской флотилии Краснознаменного Северного флота.

Своим рождением город обязан бухте, расположенной между западным берегом Кольского залива и островом, лежащим к югу от устья Оленьей губы, в десяти километрах от выхода в Северный океан. Сведения об этой местности восходят к XVI веку.

В связи со шведской угрозой в конце 30-х годов XVIII века в Архангельске началось строительство военных кораблей. Их зимней стоянкой была Екатерининская гавань (Полярный). Александр III одобрил предложения по созданию «главной морской базы» русского военного флота на Мурмане в Екатерининской гавани. Главным подвижником в этом деле был министр финансов С. Ю. Витте. Николай II не решился проигнорировать пожелание отца об устройстве порта на Севере, но согласился

* Ирина Осипова. Школьный музей за полярным кругом. «Приокские зори», № 2, 2010, с. 270

** Ирина Осипова. Школьный музей за полярным кругом. «Приокские зори», № 2, 2010, с. 270

лишь на создание «коммерческого порта». Однако коммерческого порта из Александровска не получилось...

Государственное значение Севера подняла Первая мировая война. Все порты страны заблокировал враг. Только на Мурмане Россия имела открытый выход в океан круглый год. По согласованию с русским правительством к 15 января 1915 года англичане проложили подводный телеграфный кабель из Шотландии до Александровска, где уже существовала линия до Петрограда. Было начато строительство железной дороги...

В 1933 году в Екатерининской гавани началось создание главной базы Северной военной флотилии Полярное (Александровск). Вскоре корабли и подводные лодки вошли в Кольский залив. Так началось создание Северного флота со столицей в Полярном.

Вот что писал В. Каверин в знаменитой книге «Два капитана»: «Мы вошли в бухту, и такой же, как это утро, белый, розовый, снежный город открылся передо мной. Он был виден весь, как будто нарочно поставленный на высокий склон с красивыми просветами гранита. Белые домики с крылечками, от которых в разные стороны разбегались ступени, были расположены линиями, одна над другой, а вдоль бухты стояли каменные дома, поставленные полукругом. Потом я узнал, что они называются циркульными, точно гигантский циркуль провел этот полукруг над Екатерининской бухтой...».

Первые бомбы были сброшены на город 22 июня 1941 года. Так для Полярного началась Великая Отечественная война. На протяжении всех лет войны флагманский командный пункт Северного флота располагался в Полярном. Северный флот сыграл важную роль в отражении наступления противника на Мурманск, осуществил высадку десантов в Петсамо-Киркенесской операции, оказал помощь 14-й Армии в разгроме противника в Заполярье, освобождении Печенги и Северной Норвегии, вел активные действия по нарушению морских перевозок противника и защите своих морских коммуникаций. Все основные военно-морские базы нашей страны в годы войны были оккупированы врагами. Главная база Северного флота Полярный выстояла. Семь героев Советского Союза героев-подводников, двенадцать Краснознаменных и восемь Гвардейских подводных лодок дал Полярный стране. Силами флота за годы войны уничтожено 628 и повреждено 237 боевых кораблей и транспортов, сбито 1308 самолетов противника. Соединениями и частями флота, действовавшими на сухопутном фронте, истреблены десятки тысяч фашистских солдат и офицеров. С августа 1941 года Северный флот стал выполнять еще одну задачу: прикрывать конвои союзников. Мужество и героизм проявили труженики плавмастерской «Красный Горн», успевавшие в кратчайшие сроки под обстрелом врага осуществлять ремонт надводных и подводных кораблей. За годы Великой Отечественной войны произведено 248 ремонтов подводных лодок и 134 ремонта надводных кораблей*.

В Полярном есть площадь «Двух капитанов», которая названа в честь одноименного романа Вениамина Александровича Каверина.

В 1943—44 гг. В. А. Каверин служил на Северном флоте, в Полярном, будучи военкором «Известий». Здесь же была написана вторая часть романа, за который писатель в 1946 году получил Сталинскую премию.

В Каверинском литературном конкурсе принимал участие туляк, родившийся в тех местах в поселке Белокаменка Мурманской области, прошедший детство на острове Седловатом, учившийся в школе № 1 города Полярный, а ныне именитый русский писатель Алексей Афанасьевич Яшин.

Его рассказы «Растерялись... два капитана» и «Счастье юного милитариста»

* Использованы материалы с сайта <http://www.zatopol.ru>

представлены на конкурс Тульским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» и редколлегией литературно-художественного и публицистического ордена Г. Р. Державина и медалей М. В. Ломоносова и Н. А. Некрасова журнала «Приокские зори».

Повесть А. Яшина «Страна холода» рассказывает о детских годах, проведенных писателем в Заполярье. «Перед читателем появляется «мужичок с ноготок», который, едва научившись ходить, крепко, сразу на двух ногах, обосновался на земле родного острова, он видит непростую жизненную реальность, участвует в ней без попыток «дезертировать» от ее сложностей, не утрачивая свежего и радостного взгляда на происходящие немудреные события. Для введения в глубь этой детской и, тем не менее, далеко не маленькой души автор находит верные и точные фразы,— пишет писательница Н. Квасникова (г. Москва).— ...Вдруг нагрянет осознание важности семейных уз, копейку стоящих по нынешним расценкам. «Страна холода» предстанет ярким образцом самого теплого товарищества и взаимовыручки... Недаром в первой и последней главах немолодой уже человек Николай Андреянович хорошо вспоминает далекие годы, проведенные на будто неласковом, однако приросшем к сердцу клочке суши, хотя увела давно судьба, вполне благополучная, за тысячи километров от него. Размеренное повествование ведется последовательно и логично, языком, вызывающим чувство добротности, прочности, точно подобранных интонаций и глубокого проникновения в сущность вариантов детского и взрослого мироощущения. Неподсахаренная, естественная людская жизнь. Автор владеет и словом, и знанием того, о чем пишет, благодаря чему книга необыкновенно интересна, тем более для читателя, никогда не бывавшего в столь дальних широтах. Литературный почерк Алексея Яшина крупный, округлый, впечатляюще самобытный»*.

Писатель Алексей Яшин (г. Тула) за рассказы «Растерялись... два капитана» и «Счастье юного милитариста» награжден специальной премией «За верность Северу и флоту».

***Материал подготовлен
Яковом Шафраном и Мариной Баланюк***

* Наталья Квасникова. Теплый зов «Страны холода». «Приокские зори», № 2, 2010, с. 248.

Сергей Прохоров

(Нижний Ингаш Красноярского края)

ДЕРЕВЕНСКИЕ КРУЖЕВА

Сергей Прохоров — член Международной Федерации русскоязычных писателей, автор 9 книг стихов и прозы, основатель и главный редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Истоки».

Стихи публикуются к юбилею Сергея Прохорова.

Опять одолела,
Как ревность, тоска
Меня по деревне,
Где лес и река,
Где гроздь малины
В июль тяжелы
И запах смолистый
Роняют стволы,
Где песни тягучи
Сквозь мирность бесед.
О, как мне наскучил
Трамвайный рассвет!
Умчусь, суматошный
Оставив вокзал,
В простор подорожный,
К родимым глазам.

* * *

На заборе ненужная утварь,
За забором пасущийся скот...
Занимается чудное утро
Посреди деревенских щедрот.
За околицей рожь колосится,
А быть может, не рожь, а ячмень.
Или все это только мне снится
Вот который подряд уже день?
Этот запах — устойчивый, древний:
Хлеба, дегтя, навоза, зерна...
Да и сам я из этой деревни,
Потому мне и снится она.

ПО КОЧАНУ

Я сам себе пока чиню
И обувь старую, и крышу,
И мне, пардон, по кочану
Все то, что о себе я слышу.
Я не гоню ночами спирт
И соплеменников не граблю.
Я сам и Гамлет, и Шекспир,
Сам роль пишу и сам играю.
Молва же — сорная трава.
Ее за раз не одолеешь.
Не лучше ли колоть дрова?
Хоть в холода не околеешь.

ТВОРЧЕСТВО

В солнце облако сварю
И, от зноя истекая,
Сам себя приговорю
К истязанию стихами.
Рифмовать, так рифмовать.
Это словно наважденье.
Снова буду дрейфовать
Среди слов нагроможденья.
И скользя, как снег на льду,
Упаду, рванусь и снова...
И, в конце концов, найду
Трижды проклятое слово.
И опять в словесный бред.
Ведь поэт — он псих в натуре...
Будет новый табурет
В стихотворном гарнитуре.

* * *

Удивительное действо
Вдруг в нас входит, как кино...
Мне все чаще снится детство —
Все, что так давным-давно:
Домик старый, палисадник,
Пес ворчливый, но не злой,
А за пряслем черный всадник:
Тень от пугала с метлой.
Речка, кони... Хлещет плетка
Эхом звонким дальних лет.
Скачут кадры, рвется пленка,
В зале вспыхивает свет.

ДОЖДИ В СЕНТЯБРЕ

Короткое лето листвой отзвенело,
Зерном отозрело в полях.
Дожди в сентябре как обычное дело,
Лишь в сырость суставы болят.
От луж испаренье холодным туманом
Потянется вновь к облакам...
Все убрано в срок без обид, без обмана,
И слава за это рукам!
А сырость — пустяк. Отогреется тело
В натопленном счастьем дому...
Дожди в сентябре как обычное дело,
И слякоть в душе ни к чему.

МИГ ДЕТСТВА

Как часто в снах я возвращаюсь снова
В мир детских грез, где сказка не обман,
Где теплой пеной молока парного
На землю сходит утренний туман.
Где в тополином пухе дремлет домик,
В тени ветвей присевший отдохнуть,
Где вся земля — крупнейший подойник,
Куда весь день струится что-нибудь.

КАК ХОРОШО БЫ ОПЯТЬ ПО ПЛАЦУ

И нас порою уносит память
Туда, где землю кирзой месили
Мы все, когда-то крутые парни,
Мобилизованные Россией.
Хлебнувши каши с лихвой перловой
И настоявшись во фронт у стяга,
Мы понимали и с полуслова,
Что значат
РОДИНА,
ЧЕСТЬ,
ПРИСЯГА.
Как хорошо бы опять по плацу
С денек потопать, а после с песней...
И пусть девчонка чуть-чуть поплачет.
А не дождется — прости, и — бес с ней.
И нас порою уносит память
Туда, где землю кирзой месили
И мы когда-то крутые парни,
Мобилизованные Россией.

ОТЦОВСКАЯ НАУКА

Не в фабричном дыму,
Не в дыму лихолетий,
А в отцовском дому,
Под заслуженной плетью
Зарождается честь,
Мастерство и подавно.
Той науки прочесть
Нам не всем выпадало.
Потому-то порой
Мастера на все руки
Мы за плетку горой —
Свет отцовской науки.

ОПЯТЬ ЛЕЧУ

Такая блажь, такая чушь
Порою мной овладевают.
То вдруг мне крылья надевают,
То латы мерят по плечу.
И я уже совсем не я,
А тот, который с Христофором,
Уходит звездным коридором
Из бухт земного бытия.
Такая блажь, такая чушь.
Себе мы радость сочиняем,
Надежде крылья починяем.
И я опять, опять лечу.

В ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Метет метель, не ленится:
Сугробы там и тут.
Березовой поленницей
Спасаюсь от простуд.
Огнем веселым плещутся
В моей печи дрова,
И чудится, мерещится
Зеленая трава,
Усыпанная росами
Предутренней зари,
По ней ногами босыми
Шагают косари.
Не хочется ни толики
Стелить постель никак,
И раскрываю томик я:
«Стихи. Б. Пастернак».
И постигаю добрые
И мудрые слова.
Медовым пахнет донником

Зеленая трава.
Стихами, как молитвами,
Хранит меня Господь,
И крепкий чай с малиною
Мне согревает плоть.

* * *

Какие нынче выпали снега!
За три зимы не навалило б столько.
Состоят сугробы высоко и стойко,
Как пирамиды, вперся в облака.
А снег идет, и нет ему конца,
Он завалить собой все угрожает.
Вздыхнет мужик:
— Быть нынче урожаю,—
И заскрипит лопатой у крыльца.

* * *

Опять весна вошла в кураж
И долго будет колобродить,
Пока не кончится фураж
И снег не стает в огороде.
И у забора, у ворот,
Повдоль канавы, всем на диво,
Вдруг неожиданно взойдет
Зеленой восточкой крапива.
Берез облупленных кора
Рябит веснушками на север.
Какая чудна пора!
Пора подумать и о севе.

В ЛЕТНИЙ ЗНОЙ

А жара полуденная
Все сильнее и сильнее.
Легкой дымкой подернута
Вереница полей.
Вдоль дорога туманится
От резиновых шин,
И, от жажды умаявшись,
Воду пьют камыши.
За березовой рощицей
Ждет косцов травостой.
Солнце в речке полощется
Золотой наготой.

СВЕТЛОЕ СОЖАЛЕНИЕ

Люблю дожди в конце весны,
Когда земля уже согрета

И на подходе где-то лето
Со взрывом запахов лесных.
Когда, по небу шелестя,
Начнется ливня извержение,
На серой плоскости дождя
Твое блеснет отображение:
Размытый струями портрет,
Как дальней радуги свечение,
И так светло от сожаленья,
Что облетел с черемух цвет.

ИДУТ ДОЖДИ, ИДУТ ВЕКА

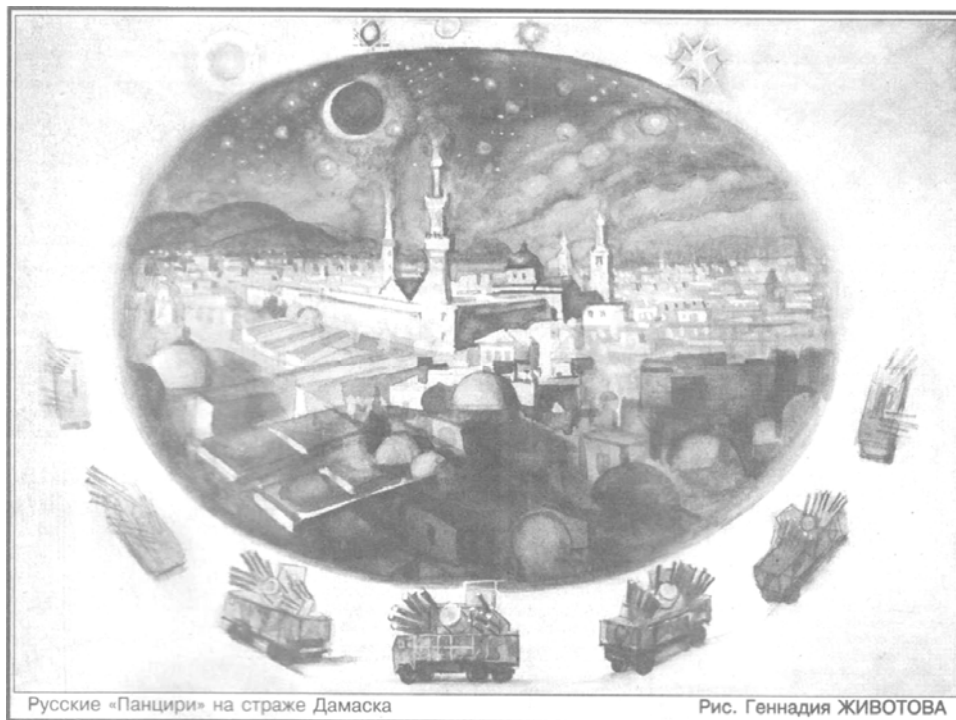
Я на судьбу свою не сетую,
А за чужую помолюсь.
И пострадать готов за светлую:
И нашу жизнь, и нашу Русь.
Сколь мне дано?
Сколь будет пройдено?
Не ошибиться бы в шагах...
Идут дожди над моей Родиной
И тихо падают снега.
А за высокими туманами,
Где пролегла тропа моя,
Благословляемые мамами,
Уходят в жизнь сыновья.
Сколь им дано?
Сколь будет пройдено?
Россия наша велика.
Идут дожди над моей Родиной,
Идут снега, идут века.

К 300-ЛЕТИЮ НАЧАЛА РЕГУЛЯРНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРУЖЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ТУЛЕ*

Александр Проханов
(г. Москва)

Аркадий Шипунов
(г. Тула)

От главного редактора «Приокских зорь». С нескрываемым удовольствием и чувством сопричастности я принял предложение ряда членов редколлегии «Приокских зорь» опубликовать нижеследующие материалы Александра Проханова и Героя Социалистического труда, академика Российской академии наук Аркадия Георгиевича Шипунова. Но о моих эмоциях чуть ниже.

Пока же зададим себе — речь идет о наших читателях — два вопроса из современной истории конфликтов на постоянно огнедышащем Ближнем Востоке, а именно:

* Публикуемый ниже материал Александра Проханова перепечатан из газеты «Завтра» № 13 (958), март 2012 г. с письменного разрешения редакции газеты: «Перепечатка наших материалов разрешается — с обязательной ссылкой на первоисточник». Письмо ответственного секретаря газеты «Завтра» Владимира Винникова от 19.05.2012 г.

— почему так внезапно закончилась последняя по времени (увы, вряд ли она вообще последняя...) война Израиля с палестинской Хезболлой на территории Ливана?

— почему до сих пор — пишутся эти строки в начале июня-месяца — натовская, прежде всего американская, авиация не разбомбила Дамаск и другие города Сирии, как это было сделано совсем недавно с Ливией, а ранее с Ираком, Белградом и так далее вглубь новейшей истории?

Поскольку для наших, а равно и не наших, зарубежных, СМИ любая победа русского оружия суть шило в известное место, то ответа от них на эти вопросы мы не дождемся.

А ответ здесь прост: и Хезболла несколько лет назад, и Сирия сейчас противопоставили Израилю и НАТО уникальное оружие, разработанное тульским Конструкторским бюро приборостроения, огромным инженерно-исследовательским и рабочим коллективом которого полвека руководил Аркадий Георгиевич Шипунов.

...Современные локальные войны — со стороны империалистов — это войны стервятников: армады бомбардировщиков, танковые дивизии, «томагавки» с крейсеров — и все это против слабозащищенного, часто преданного бывшими союзниками противника, который имеет «неосторожность» обладать запасами нефти или проводить более или менее самостоятельную политику. «Уж тем ты виноват, что хочется мне кушать».

Но порой находит коса на камень. Так и в означенных выше двух ситуациях.

Поначалу израильская авиация успешно бомбила ливанскую инфраструктуру Хезболлы. Понятно, что палестинцы этому ничего не могли противопоставить. Затем на территорию Ливана пошли израильские «меркавы» — одни из лучших в современном мире танков с активной защитой от снарядов и противотанковых ракет. И здесь случился конфуз: чуть ли не в первом бою войны Хезболлы подбили — по разным данным, ведь все мировые и наши СМИ — молчок! — от тридцати до шестидесяти «меркав»! И подбили их самыми лучшими в мире противотанковыми ракетами «корнет», что «made in KBR», которые КБР поставляет Сирии в рамках действовавшего тогда в РФ положения о прямой внешнеэкономической деятельности российских предприятий. А сирийцы поделились ими с Хезболлой. На этом эпизоде война закончилась.

Чтобы человеку, не сведущему в современном вооружении, понять, что такое «корнет», пусть он представит себе обычный дворницкий лом — в его натуральную величину — с утяжеленной «рабочей» частью, который летит с гиперзвуковой скоростью, причем точно по цели управляемый. Этот «лом» невозможно сбить с курса радиоэлектронными средствами противодействия, нельзя сбить противоракетой и активной защитой танка. Так и «корнет» пробивает танк с любой броней насквозь, поражая его жизненно важные узлы.

...После публикации в «Завтра» нижеследующих статей Проханова и Шипунова, на сайте газеты завязалась оживленная переписка. В частности, бывший танкист из Израиля — из подбитой в том памятном бою «меркавы» пишет в том смысле, что, конечно, «корнет» — хорошая ракета, сам на себе это испытал, но мощность заряда мала, экипаж почти весь остается в живых, а сам танк в принципе подлежит ремонту.

Коль скоро это пишет танкист, то есть рядовой или сержант, то так рассуждать простительно, не зная стратегии современного встречного боя, где главная цель — в кратчайший срок вывести из строя как можно больше единиц техники противника. Остальное — дело второе. По-человечески можно понять радость израильских матерей, чьи дети-танкисты остались живыми после ударов «корнетов». И на ремонтном заводе можно заменить у подбитого танка двигатель, заварить дыры в броне. Но ведь дело-то сделано! А заряд «корнета» предназначен не для полного разрушения танка, а для создания кумулятивной струи, прожигающей броню.

...Оставим Израиль и Палестину, Хезболлу тоже, своим делам и взаимоотношениям. Их противостояние длится со времен образования государства Израиль, то есть с момента, когда Иосиф Виссарионович и СССР в его лице первыми признали новое ближневосточное государство. У каждой из этих противоборствующих сторон есть своя правда и неправда. Это как у русских с поляками со Средневековья до века двадцатого... а то и двадцать первого, о чем образно сказал наш великий поэт в стихотворении «Клеветникам России».

...Кстати говоря, может это просто совпадение во времени и обстоятельствах, но сразу после той ближневосточной войны, где «корнеты» сыграли решающую роль, генеральный конструктор (а их в стране еще со времен СССР имелось всего четырнадцать) трижды орденоносного КБП Аркадий Георгиевич Шипунов оставил свою должность и стал именоваться в печатных биографических изданиях только как председатель докторского диссертационного совета при КБП...

В контексте сказанного нелишним будет вспомнить, что до этого конфликта Израиль с Хезболлой два американских президента объявляли КБП чем-то вроде личных врагов США. — Опять поставим многоточие.

А тепеь о ситуации с Сирией (тьфу-тьфу! Как бы не сглазить!)). Конечно, важную роль в сдерживании нападения НАТО на эту страну, едва ли не последнего геополитического союзника России на Ближнем Востоке, играют позиции членов Совета безопасности ООН — России, Китая и Кубы. И военно-морская база России в Сирии не сбрасывается империалистами со счетов.

Но не менее важным фактором сдерживания натовской интервенции являются уникальные зенитные комплексы «Панцирь», также «made in KBR», что стоят на боевом дежурстве вокруг Дамаска (см. выше рисунок Геннадия Животова) и на среднеземноморском побережье Сирии. А натовцы ох как не любят, когда сбивают их самолеты! И хотя у США 10000 «томагавков», «Панцирь» именно и создан для их уничтожения. Видит око, да зуб неймет.

О «Панцире» дальше подробно говорят Проханов и Шипунов, а я все же кратко расскажу о своей сопричастности к «непревзойденному «Панцирю», как его назвал Проханов.

Почти двенадцать лет — с конца семидесятых до начала девяностых мне довелось работать в КБП. Из них, исключая последние два года, когда стал начальником патентной службы предприятия, трудился конструктором, руководителем группы по теме «Панциря».

...Кстати, последние два года, когда по Красной площади на параде 9-го Мая проходят «Панцири», диктор, озвучивающий парад, называет их новейшей российской разработкой. Здесь требуется уточнение: «Панцирь» был разработан и испытан в опытных образцах еще в советское время. А девяностые — начало «нулевых» годов — это лишь доработка и внедрение в производство.

Я же трудился в отделении, занимавшемся разработкой радиолокационной системы «Панциря», будучи по образованию инженером-радиотехником. Это именно не единичная РЛС, но — система, «глаза, уши и направляющие руки» комплекса. Ибо в задачу РЛС-системы «Панциря» входит обнаружение и сопровождение множественных целей, наведение на цели ракет и трасс стрельбы сверхскорострельных автоматических пушек конструкции Василия Петровича Грязева — заместителя руководителя КБП.

Да и перейдя в патентный отдел, я все также продолжал работу по «Панцирю»: патентная защита изобретений по этому изделию, как принято говорить в ВПК. А их, изобретений, в «Панцире» внедрена не одна сотня. В том числе и изобретения вашего покорного слуги.

Именно с «Панцирем» связан и мой личный «рекорд», как изобретателя. В каче-

стве одного из авторов готовя заявку на изобретение — КБП совместно с Институтом технической механики АН УССР, г. Днепропетровск (руководитель группы И. И. Соколовский) — на один из важнейших узлов РЛС-системы, «уложил» ее в 70 страниц текста описания, несколько десятков рисунков, а форма изобретения заняла 14 страниц!

Для справки: обычно заявка на изобретение занимает 5-10 страниц описания, два-три рисунка, а формула — не более трети-половины машинописного листа...

Многое есть о чем вспомнить. Но — предоставим слово Александру Проханову и генеральному конструктору «Панциря» академику Аркадию Георгиевичу Шипунову. Кстати, оба они ранее публиковались в «Приокских зорях».

Еще заметим, что создание современного сложного оружия есть поэзия творчества в симбиозе с архиточными расчетами, где присутствует и все земное: разносы начальства — от министра до цехового мастера, десятиэтажный мат по поводу и без него, многомесячные испытания в казахской и астраханской степях. И только два-три дня в году матерые оружейники снимают белые и синие халаты и надевают парадные костюмы с плотными рядами орденов и медалей — за труд, приравненный к бою.

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ «ПАНЦИРЬ» **(Александр Проханов)**

Конструкторское бюро приборостроения — КБП, Тульский оружейный завод, жемчужина оборонно-промышленного комплекса России. Сгусток материи, воли, инженерных замыслов, умственных и мускульных усилий тысяч людей. Как в древесных кольцах видна жизнь дерева, тучные и скудные годы, пожары и засухи, так в хронике завода видны его взлеты и падения, его борьба с разрухой, когда вокруг гибли блестящие военные предприятия, уходя в небытие, оставляя в тульской оборонной промышленности зияющие дыры.

На этом заводе тайно присутствуют великие оружейники прошлого, создававшие оружие русских побед, будь то война с Наполеоном или с Гитлером. На этом заводе, создающем оружие для будущих, еще не развязанных войн, чувствуется невралгия современного мира: конфликтность на Ближнем Востоке, противоборство дипломатов, соревнование мировых оружейных КБ, стремительный взлет технологий, концепция боевых действий, осмыслить которые дано лишь футурологам.

Ракетно-пушечный комплекс «Панцирь» — зенитная установка, оснащенная скорострельными пушками, увешанная гроздьями ракет. Локатор, компьютер, колесная или гусеничная ходовая часть. Оружие бесконтактной войны, предназначенное для отражения массированной атаки крылатых ракет, когда авиационный носитель противника на дальних подступах к границе страны сбрасывает с борта сотни «Томагавков», которые мчатся на сверхнизких высотах, расходясь веером, готовые поразить ракетные шахты, штабы, центры управления страной, порты и электростанции. И батареи «Панцирей» являют встречный шквал ракетных залпов, уничтожающих одна за другой всю стаю крылатых ракет противника.

Будь такой «Панцирь» в распоряжении у Саддама Хусейна, не случилось бы трагического поражения иракской армии. Будь такой комплекс в распоряжении Милошевича, Югославия не погибла бы среди взрывов беспощадных натовских ударов. Если бы в распоряжении Каддафи были батареи «Панцирей», атаки французских штурмовиков и английских вертолетов на Триполи разбились об их непроницаемый заслон. Сегодня угроза бомбардировок нависла над Сирией. И зенитно-ракетные

комплексы «Панцирь» могут встать на защиту Дамаска, заслонить от налетов врага небо Латакии и Алеппо.

Я иду по цехам завода и вижу, как мастера создают лазерные прицелы, вставляют в донце ракеты хрустальные рюмки лазерных приемников. Готовые ракеты системы «Корнет» напоминают маленьких изящных дельфинов. И хочется погладить их глазированной кожу, шепнуть им ласковое слово. Ибо эти «Корнеты» в руках мужественных стрелков Хезболлы отбили атаку израильских войск на юге Ливана. И три десятка еврейских танков «Меркава», считавшихся неуязвимым оружием, горели среди оливковых рощ и ливанских холмов, подорванные «Корнетами».

На этом заводе работает патриарх русского оружейного дела, восьмидесятипятилетний академик Шипунов — гений с неусыпным разумом, с фантастическим воображением, создатель «Корнета» и «Панциря», конструктор «Тунгуски» и «Шилки» и множества образцов пушечного и ракетного вооружения, составляющих цвет и красу советской и русской армии.

Гений Шипунова не только в том, что он способен создать неповторимые и уникальные системы оружия, превосходящие современные ему образцы. И не только в том, что он угадывает тип вооружения, необходимый армии будущего, конструируя его под боевые задачи, которые еще только туманно витают в головах военных стратегов. Его гений в том, что он создал завод, эту суперорганизацию, способную мгновенно реагировать на эволюцию мировой оборонной техники, реагировать на изменения в экономической и социальной жизни страны. Благодаря гению Шипунова завод перепрыгнул пропасть девяностых годов, пробился сквозь разрушительный шквал перестройки. Когда другие предприятия гибли, истребляемые бездарями или прямыми врагами государства российского, КБП вынырнул из клокочущего котла катастрофы, как выныривает из котла Иван-царевич — в новой красе и силе.

Аркадий Георгиевич Шипунов — плоть от плоти советской военной индустрии, когда сталинским рывком создавалась красная военная цивилизация, одолевшая агрессивную цивилизацию фашистов, когда послевоенный оборонный комплекс СССР сконцентрировал в себе невиданные материальные и духовные ресурсы, грандиозные школы управления, цвет науки и инженерной мысли.

Чтобы появились люди, подобные Шипунову, страна должна была построить множество заводов. Отрыть множество рудников и шахт. Пропустить сквозь институты и университеты миллионы одаренных молодых людей. Выиграть несколько войн. Построить океанический флот. Запустить орбитальные космические группировки. Шипунов — это цветок, расцветший на великом древе советской военной техносферы.

Драма минувших двадцати лет в том, что из оборонно-промышленного комплекса был вырван огромный фрагмент технологий, инженеров, ученых, мастеров, владеющих уникальными профессиями. Школа Шипунова, сохранится ли она среди непрерывных реформ и перестроек, то и дело ломающих вектор развития, вносящих хаос в систему управления оборонными предприятиями? Когда в отрасль, будь то зенитно-ракетная техника, танкостроение или авиация, вместо умудренных и опытных профессионалов приходят так называемые менеджеры, управляющие не технологической мыслью, а финансовыми потоками. И вместе с этими потоками из отрасли вымываются идеи и их великолепные носители.

Здесь, на заводе, среди «Панцирей» и «Корнетов», скорострельных авиационных и корабельных пушек, чувствуешь грозное дыхание мира. Оружие вытачивает конфигурацию будущего. Создает направление цивилизации в ее трагических и патетических проявлениях. Оборонно-промышленный комплекс России с его мыслителями и провидцами, подобными Шипунову, — такое же великое национальное достояние, как школы русской иконописи, русской литературной классики, Серебряный век русской поэзии.

Спасение и восстановление оборонного комплекса России так же важно стране, как сбережение рублевской Троицы, реставрация собора Василия Блаженного, сбережение Ясной Поляны, где покоится прах великого Толстого, гения, который, «смертию смерть поправ», одухотворяет всю современную русскую жизнь.

На фото: Александр ПРОХАНОВ и Аркадий ШИПУНОВ

**Герой Социалистического Труда, академик РАН,
создатель ракетно-пушечного комплекса «Панцирь»
рассказывает о себе и своем времени**

Любой творческий человек обречен на эволюцию. Но не все это понимают, даже далеко не все творцы: иногда, совершив открытие, они вдруг застывают на определенном уровне, не осознавая, что должны двигаться вперед. Если одну и ту же мысль, одну и ту же идею повторяешь изо дня в день, объем знаний не прибавляется. Любой творческий человек — генератор новых идей. Это лежит в основе его природы, его сущности. Если говорить о гениальных конструкторах, то они в течение своей жизни не только эволюционировали, не только меняли свои взгляды, но часто меняли и профессии. В определенной степени это относится и ко мне.

В свое время я получил исключительно высокое образование как инженер-механик. По ряду обстоятельств преподаватели у нас в Туле в ту пору были очень хорошие: те, кого высылали на сто первый километр. Я получал от них знания, которые с детства считал великими: это знания автоматического оружия.

На этот факультет я поступил случайно. Я родился в 1927 году, и нас, призывников этого года, должны были направить в действующую армию, на фронт. Я уже прошел все комиссии, и мне объявили: поеду в артиллерийское училище, что меня устраивало, ибо я это дело понимал и любил. Но нас не призывают и не призывают. Двадцать седьмой год так и не был призван — окончилась война.

Но в сорок пятом году, когда армия демобилизовалась и воевавших солдат от-

пустили домой, призвали наш двадцать седьмой год. А я открываю газету «Тульская правда» и вижу объявление: «Тульский механический институт объявляет набор на специальность «автоматическое оружие». Тогда писали прямым текстом без всяких глупостей. Я прямо ошалел! Никогда не думал, что это инженерная специальность.

Мы с моими друзьями во время войны были вооружены до зубов. На полях сражений всякого оружия было до черта, и все оно у нас было: и автоматы, и винтовки, и пулеметы, и взрывчатка.

В то время за это не слишком-то и преследовали. Если милиционер отыщет у тебя винтовку, то отберет, даст пинка, скажет: «Все, ступай и больше эту дрянь не собирай». Но мы успели приобрести страсть, вкус ко стрелковому оружию. Поэтому я и решил поступить на факультет. Добрые люди посоветовали: сходи-ка ты на прием к военкому, может, он тебя отпустит, ты минуешь призыв и поступишь в свой институт.

Ну, пришел я к военкому. Сидит в кабинете майор с палочкой, лицо изможденное, на нем написано постоянное страдание, непрерывная боль. Спрашивает: что пришел? Я показываю: вот, объявление в газете, хочу учиться. «И что?» — спрашивает. «Но мне не отдадут документы». Он позвал секретаршу, говорит: «Скажи, чтобы ему отдали документы». Взял я документы, он проводил меня до двери, положил руку на плечо и сказал: «Учись, сынок». Я запомнил это на всю жизнь.

И стал я учиться очень рьяно, с наслаждением. Нам повезло в том, что нас учили не в узком направлении, а механиками широкого профиля: теория механизмов машин, знания теплотехники...

По окончании стал я работать в области автоматического оружия. У нас образовался очень тесный дружеский альянс с Василием Петровичем Грязевым. Разработали мы с ним множество самых разных автоматических систем. И если вы сегодня встретите на флоте, в авиации, в наземных системах скорострельную автоматическую пушку, не спрашивайте, где она разработана. Она носит индекс ГШ: Грязев, Шипунов.

Но тут подоспела хрущевская перестройка. Как всякая перестройка она носит у нас характер не глубинный, не внутренний, а привносится сверху. Иногда такое давление бывает положительным, полезным, но очень часто — вредным. И вот после хрущевских увольнений, новых веяний стали оборонную промышленность переводить с артиллерийского оружия на ракетное, управляемое оружие. Область артиллерийского оружия сжималась, и появлялось новое управляемое оружие, которое занимало освободившееся место, но, расширяясь, захватывало и более значительное пространство. Однако и старое вооружение сохраняло за собой определенную область для боевого применения.

В результате этих новшеств меня отлучили от артиллерийского автоматического оружия и направили, можно сказать, в принудительном порядке на разработку управляемых ракет. Некоторое представление об управляемом ракетном оружии мы получили уже в институте, изучая немецкие системы Фау-1 и Фау-2. Так что общий принцип, общее направление было мне знакомо. Однако резкий переход на новые рельсы застиг меня врасплох, и напало какое-то оцепенение, которое длилось года полтора, когда в сознании была словно пустота. Я на работе раньше никогда не спал, а тут прихожу на работу, на меня нападает сонливость, и я как бы мертвею. Длилось это до поры до времени, затем это состояние кончилось. Вдруг стали появляться идеи, интерес, азарт...

И меня приглашают руководителем крупнейшего центрального конструкторского бюро в Туле. Но во главе всего предприятия стоял человек, который ничего не понимал в науке и технике. Хороший был человек, но не имел ни вкуса, ни стремления овладеть этими знаниями. В нынешние времена таких людей называют менеджерами. Это вызывает вопрос: кто должен руководить предприятием? Специалист,

профессионал или управленец? Я считаю, что масса сегодняшних проблем во всех областях российской жизни заключается в том, что там руководят не специалисты, а менеджеры. Которые разумеется, нужны, но как исполнители, а стратегия должна разрабатываться специалистами.

Еще в советское время была такая тенденция: пытались создать конструкторские бюро по узким направлениям. Каждое КБ выбирало свой сектор технического развития и работало в узком сегменте. Я тогда считал и теперь считаю это чрезвычайно вредным, поскольку в таком случае отсутствует перетекание идей. Что делать конструктору, если он помимо вмененного ему направления совершил открытие в смежной области, ощутил возможность развивать соседнее техническое направление? Я всегда боролся за многопрофильность. Это встречало пассивное сопротивление, но мы его продавливали, и на нашем предприятии число направлений множилось. К началу горбачевской перестройки уже их действовало шесть. Они взаимно дополняли друг друга.

Например, в ту пору создали мы комплекс ПВО для сухопутных войск — «Тунгуску». Эта система обладала и ракетным вооружением, и пушечным, радиолокационной и оптической системой управления. Ни одна другая фирма этого бы не сделала, потому что мы работали одновременно в области и оптики, и радиолокации. Такая многовекторность живит мозг конструктора, возбуждает воображение. А если замкнулся в ракушке одного единственного направления, то мысль угасает.

Когда наступили 90-е годы, и нас сняли с финансирования, мы, как и многие другие, замесились. Начальство стало призывать нас переходить на гражданскую тематику, и мы делали такие попытки. Но после размышления я понял, что, переходя с военной на гражданскую тематику, мы дело не сделаем, не заработаем денег. Гражданка по наукоемкости гораздо ниже, чем оборонка. В гражданке не нужно много мозгов. Там необходимы вложения и создание массового производства. Впрочем, кое-что мы делали в то время, например, лазерные хирургические аппараты, которые по сей день считаются лучшими. Мы их производим и сейчас, не зарабатывая на этом, а делаем для пользы нашей медицины по несколько десятков и продаем врачам по цене в 5—10 раз ниже, чем иностранные образцы.

Итак, я понял, что заработать можешь там, где ты — специалист и на голову выше остальных. Мы решили идти на внешний рынок, куда надо выводить и продавать уже готовую технику, потому что на продаже лицензий много не заработаешь, ибо лицензии не покрывают расходы, которые вкладываются в разработку изделий. Мы задумали создать у себя серийное производство, способное выпускать боевую технику высокого качества. У нас соединились конструирование, то есть отделы, создающие новые системы оружия, и собственно заводское производство, которое реализует эти замыслы. Поскольку то и другое находится под одним управлением и одним командованием, между этими сферами практически нет противоречий, нет посредников, что сказывается на качестве конечного изделия: наша продукция имела рекламаций в десять раз меньше, чем та, что выпускалась на предприятиях, где не было кооперации КБ и производства.

И вот мы вышли на внешний рынок. Потекли к нам контракты, потекли деньги. Каков результат? До перестройки у нас работало 4,5 тысячи человек. В процессе перестройки мы потеряли тысячу работников. А сейчас у нас трудится 8,5 тысяч человек. Дайте самостоятельность производителю, не угнетайте его.

Мы всегда были государственным предприятием. Я всегда противился акционированию с последующей распродажей, ибо понимал, куда ведет эта распродажа — к концу предприятия: как только оно попадает в руки частного собственника, тот ставит задачу быстрее снять пенку. И ко мне подкатывали, убеждали: давай проведем акционирование, и ты получишь контрольный пакет. Я отказался, и мы сохранили государственную собственность и управление.

Но вернемся к эволюции — переходу человеческого разума с одной ступени на другую. Этот период у творца начинается с осознания. И осознание пришло ко мне, когда я понял, что стрелково-пушечное вооружение достигло своих предельных возможностей, иного качества тут не получишь. Например, на какую эффективную дальность могут быть сделаны пушки любого калибра? Этого понимания нет у наших военных стратегов. К примеру, они заказывают в разработку новые пушки. Я спрашиваю: зачем? Отвечают: у нас калибр 152 мм, стреляют на двадцать верст. А мы задаем пятьдесят. Потом подумали: нет, семьдесят. Потом подумали: нет, семьдесят мало, давай сто двадцать.

Но дальность сто двадцать километров уже была. Немцы обстреливали Париж из сверхпушки «Большая Берта». А во Вторую мировую войну у них Берты уже не было: поняли, что это пустое занятие. Немцы стали заниматься Фау-1 и Фау-2. Когда я изучал эти системы в студенческие годы, то говорил, что такие системы нерациональны. Они очень дороги, ущерб, наносимый противнику, минимален. Что такое Фау-2? Это здоровенная ракета, которую перед стартом заполняют кислородом, заливают спиртом, а точность попадания такой огромной неповоротливой системы — плюс-минус десять километров.

Уже тогда мне это казалось нерациональным. Но существовало и другое соображение: это начало пути. Куда он ведет? Это была дверь, которую открыли золотым ключиком, и дверь ведет в будущее. Поэтому я и говорю, должно придти осознание — осознание будущего.

Немцы также работали над управляемыми противотанковыми снарядами, добились неплохих результатов, говорили о сверхоружии. И предпосылки для его создания были. Но Гитлер был туповат и мало прислушивался к мнению других. Он эти работы длительное время не финансировал, пока ему не набили морду под Сталинградом. Лишь в середине сорок третьего года он снял запрет с этих разработок, они стали финансироваться. А если бы немцы успели сделать свои системы ПВО, которые, кстати, прошли государственные испытания с блестящими результатами, они бы дали прикурить западным армадам Б-29, и нам бы досталось. Это могло бы существенно повлиять на исход войны.

Конечно, осознание происходит на основании интеллекта, образования, способов мышления, способности анализировать, формулировать, очень многое зависит от интуиции, от прозрения. Это происходит так же, как у музыканта, живописца — прозрение.

С чем мне приходилось сталкиваться? Например, какая-то то крупная работа, которая требует сверхчеловеческих напряжения сил, взаимопонимания, командного духа, заканчивается — изделие выпускается. Народ ликует, празднует, кричит: «Мы создали лучшую в мире систему». Это чрезвычайно вредный тезис. Он говорит о том, что можно остановиться. Но я так устроен, что, заканчивая любую систему, видел ее недостатки и недоиспользованные возможности. Какая бы прекрасная вещь ни была создана, она не является вершиной, идеалом, конечной остановкой. Надо увидеть ее слабые стороны. И когда эта система принимается на вооружение, уходит в армию, я собираю наших ребят — все наши шесть направлений — спрашиваю: «Это мы закончили, но что дальше?» Часто это воспринимается в штыки, мне говорят: «Аркадий Георгиевич, вы что? Мы только что все завершили, вы сами говорили, что лучшее в мире, а теперь зовете нас дальше».

Надо тут же выявить недостатки системы. Вот пример той же «Тунгуски». Конечно, она обладает удивительными свойствами — для того времени, когда была создана. Армия задавала создать пушечный комплекс взамен комплекса «Шилка». Мы обеспечили улучшение «Шилки». У «Тунгуски» более мощные орудия, более скорострельные, более дальнобойные пушки. Прекрасная система управления ог-

нем — радиолокационная и оптическая. Современные вычислители, отличные привода, обеспечивающие высокую точность наведения, грубо говоря, в 10 раз выше, чем у «Шилки». Отличный пушечный комплекс, одним словом. Но в любом случае, если ты стреляешь из пушек, эффективная дальность — три версты. Дальше ты хоть убейся! Можешь переходить на повышенный калибр, но все равно в лучшем случае выжмешь из орудия дополнительную дальность тысячу метров. Швейцарская фирма «Эрликон» сделала более мощные пушки, которые обладают другой баллистикой. У них, конечно, масса недостатков: они малоскорострельные, у них живучесть стволов никуда не годится. Но тоже говорят, что эффективность стрельбы три километра, не больше. Не четыре километра — так они считают — а именно три, потому что на дистанции 4 километра вероятность поражения самолета одной очередью не превышает 2 %. Десять очередей — это около 20 %. Предел же — три километра.

А некоторые наши военные заказчики не только задают нам требования по дальности, но и предлагают методы для достижения этих требований, говорят: «Сделайте нам пушечный комплекс, способный стрелять на расстояние 6 километров». Да не будет этого никогда! Они просто не учитывают опыт. Это уже было, когда пытались создать оборону ПВО Москвы от стратегических американских бомбардировщиков. Задавали требования: поражение самолета на высоте десяти километров. И делали зенитные пушки калибра 130 мм. С прекрасной баллистикой, с подкалиберным снарядом. Но не могут они попасть, потому что не могут учитывать и предвосхитить полетное время. Самолет может совершить непреднамеренный маневр и после выстрела оказаться совсем не в той точке, куда ты запустил снаряд. Наши зенитчики правильно сообразили, что надо строить ракеты: и была создана первая система обороны Москвы на основе ракетных комплексов. Мы сейчас смотрим на эти зенитные ракеты снисходительно: не то, не те характеристики. Но решались главные задачи: поражение высотных целей на больших дальностях.

И мы на «Тунгуску» решили поставить ракеты, сделали (с участием наших выдающихся ракетчиков Нудельмана и Грушина) замечательную ракету. Послали ее проект на отзыв высоким экспертам, специалистам, для которых ракетное проектирование было основным делом. Они прислали отзыв: такую ракету создать нельзя.

Заказчики спросили меня: «Как ты относишься к этому отзыву?» Я ответил, что считаю его блестящим: они признали, что не могут создать такую ракету, а мы сможем. И сделали, внедрив необычное решение. А все необычное в устоявшемся сознании воспринимается как блуд, как неграмотность, безмозглость. Но мы сделали ракету, поставили ее на массовое производство. И до сих пор этих «Тунгусок» довольно много в армии.

И снова надо внедрять новую систему. Зачем новую? Да потому, что меняется сама боевая задача, характер боевых действий и тип войны. Как изменились задачи? Чтобы понять, нужно просто внимательно исследовать, что происходило в Югославии, Ираке, Ливии. Везде одно и то же. Это удар высокоточного оружия, как правило, с воздушных носителей по главным объектам: подавление систем ПВО, подавление центров управления войсками, центров государственного управления, удары по экономическим объектам — то, что зовется бесконтактной войной.

Сегодня главная задача ПВО — не борьба с воздушным носителем, который находится очень далеко от целей. Например, у американских «Томагавков» дальность пусков пятьсот километров, то есть воздушный носитель, с которого пущен «Томагавк», находится на расстоянии пятисот километров от нашей системы противовоздушной обороны. Как поразить этот носитель? Он сделает залп «Томагавков», развернется и вообще уйдет — его не достать. Поэтому появляется задача борьбы не с самими носителями, а со сверхточным оружием, которое выпущено с этого носителя. К «Томагавкам» мы уже привыкли, это классика. У американцев сейчас 10 тысяч «Томагавков».

Как в Ливии наносился удар? В первую ночь было выпущено 120 «Томагавков». Это большая проблема для системы ПВО — 120 малоразмерных, идущих на малых высотах целей, которые поздно обнаруживаются. То есть общее количество целей, которые летят на объекты, размножилось и может достигать в принципе тысяч. Такого количества авиации не было во Вторую мировую войну.

Высокоточное оружие сейчас использует систему наведения, глаза которой отделились от самого оружия и существуют отдельно. Беспилотники летят впереди носителя, высматривают, выглядывают цели, а, обнаружив, дают целеуказание, и крылатая ракета уничтожает указанную цель. Следовательно, наша наземная система вынуждена поражать и огневые средства, то есть крылатые ракеты, и сами глаза — эти беспилотники. А беспилотники стоят копейки, и их тысячи в небесах, их надо поражать. Чем? Конечно, хорошо бы пушками, потому что это дешево. Но беспилотники, будь они неладны, не летают в той зоне, где пушки их поражают. Они малоразмерные, и для пушки это — безнадёга, потому что вероятность попадания пушки в цель прямо пропорциональна размерам самой цели. Цель ничтожно мала, и вероятность ничтожна.

Поэтому стоит вопрос о создании средств ПВО, способных массово поражать полет целей на больших дальностях, система должна решать задачу по поражению массовых целей, и при этом оставаться экономически выгодной. Исходя из этих сверхсложных задач, мы пришли к выводу, что необходимо создать новую систему ПВО, которой дали название «Панцирь».

«Панцирь» похож на «Тунгуску». Там два вида вооружения — пушечное и ракетное. Но если про «Тунгуску» мы говорили: «пушечно-ракетный» комплекс, то про «Панцирь» — «ракетно-пушечный». Доля и эффективность системы, которая приходится на ракеты, значительно повысилась. Тот «Панцирь», который мы делаем, это 20 километров по дальности, 15 километров по высоте, что перекрывает все высоты, на которых летает авиация, по дальности достаточно, чтобы поразить любое высокоточное оружие. «Панцирь» может поражать любые, в том числе наземные, цели на дистанции 15 км, а также любые воздушные цели. Хотя, говоря об универсальности, я немного загнул, ибо среди воздушных целей существуют головки стратегических баллистических ракет. А их, мы признаем, наша система «Панцирь» не поражает.

На фото: ракетно-пушечный комплекс ПВО «Панцирь»

Впрочем, баллистические головки вовсе не обязательно означают ядерную войну. Уже сейчас оперативно-тактические ракеты выпускаются без ядерных боеголовок. А американцы станут добиваться, что и баллистические ракеты будут снабжаться неядерными боезарядами. Когда баллистические ракеты будут оснащены неядерными боеголовками, они будут переведены в класс обычных вооружений, и тогда системы противовоздушной обороны должны будут поражать в том числе и головки баллистических ракет. Не дай Бог такая боеголовка весом до тонны упадет на электростанцию или металлургический завод, пункт управления, или на Кремль, где наши священные соборы, могилы царей...

Вот и получается. Мы делаем «Панцири», и система признана лучшей в мире системой ПВО, потому что отвечает задачам нынешнего дня. Но эта наша система должна быть еще лучше. Дальность поражения должна быть увеличена до пятидесяти верст, высотность — до двадцати. И она должна бить боеголовки, тогда действительно будет универсальной.

Вот таков механизм эволюции боевой системы и механизм эволюции творческого сознания конструктора. Так возникает импульс движения: сначала осознание того, что ситуация меняется и возникают новые задачи, и то, что ты сделал, никогда не является твоим последним словом. Но новые возникшие условия нужно понимать, изучать. Условия «бесконтактной» войны нужно глубоко осознавать.

Меня ведь не было в зоне боевых действий в Белграде или Багдаде. Я много читал открытых источников, сопоставлял их, складывал из отдельных кусков, из мозаики общую картину. У военных есть закрытые источники, военные хорошо осведомлены. С ними беседуешь в вольном режиме за чашкой чая, и многое удается узнать, сопоставить. Хотя я не разведчик, а аналитик, но этого достаточно, чтобы получить общую картину изменившихся стратегических условий.

К сожалению, окончательных выводов из компаний — Югославия, Ливия, Ирак — не сделано. Ясно, что это удар сверхточным оружием с больших расстояний. Предупредить этот удар ты не можешь, ты можешь его отразить.

Что будет дальше? Куда движется теория и практика войны? А здесь задача ветвится. Ясно, что развитые страны, как США и другие, продолжают совершенствовать средства нападения: будут уменьшаться габариты ракет, будут резко возрастать скорости, при этом возрастет массовость удара. Допустим, ты прекрасно сшибаешь «Томагавк». Для нашего «Панциря» «Томагавк» — самая сладкая цель: 300 метров в секунду — достаточно умеренная скорость, небольшие высоты... Цель, которую легко обнаружить. Можно шарахнуть без всяких разговоров. Если скорость ракеты будет семьсот или тысяча метров в секунду и габариты их резко уменьшатся, и если с одного направления пойдет сто, двести, триста ракет, ты начнешь их сшибать направо, налево... Все дымится, взрывается, падает. Ты сто ракет собьешь, а двести прошли и поразили цели. Что делать?

Значит, речь идет о необходимости создания системы, способной отражать массированный удар. Стало быть, наше дальнейшее направление — увеличение скорости зенитных ракет, увеличение дальности и боекомплекта, то есть числа ракет, приходящихся на одну батарею. Идя по такому пути, мы выйдем на баланс средств вражеского на нас нападения и средств отпора, обороны.

Средства атаки перемещаются все выше в воздушно-космические сферы. Повидимому, и средства отражения этой атаки будут перемещаться в те же воздушно-космические сферы, покидая землю.

Гудериан говорил: к сожалению, военные, генеральные штабы готовятся к прошедшей войне. Я считаю, что танк как оружие закончился. Раньше он был простым, легким, дешевым. Сейчас стал тяжелым, громадным и сверхдорогим. Ходовые качества танка изменились несущественно. При Дмитрие Федоровиче Устинове проводи-

ли так называемые «бега». То есть танки разных категорий испытывались в различных климатических условиях: пустыня Туркменистана, топи Белоруссии, мерзлота Кольского полуострова... В разных зонах возникали разные проблемы. Но самое смешное: танк Т-80 с газотурбинным двигателем превосходит по скорости движения танк Т-72 всего лишь на 10 %.

Еще одна ракетная система, которую мы производим, — это «Корнет», управляемый противотанковый снаряд. Именно с его помощью операторы «Хезболлы» отбили вторжение израильтян на юг Ливана. Среди генералов Израиля были умные люди, и они сразу отвели войска, хотя потеряли тридцать танков «Меркава».

А почему у наших военных нет окончательного сознания того, что «Корнет» — это универсальное оружие? Оно поражает все цели, которые может обнаружить: доты, дзоты, стрелково-огневые точки, танки, БМП, грузовики, орудия, даже вертолеты. Но понимания, что это универсальное оружие, которое берет на себя массу задач из числа тех, что прежде брала на себя артиллерия, у наших военных до сих пор нет.

Была выставка в Абу-Даби, и хотя сейчас на выставках очень редко стреляют, проходила она со стрельбой. Нарезали участок и поставили для нас пять мишеней. Рядом нарезали участок для американцев. Они приехали со своим «Хеллфайром», поставленным на джипе. Три мишени у американцев, они выстрелили, и все три мишени не поразили, промазали. Дали стрелять нам. Наш оператор, бывший десантник: бах, бах, бах, бах, бах! — все пять мишеней поразил. А у него были запасные три снаряда. Он, недолго думая, прицелился по американским мишеням и все их тоже грохнул. Американцы устроили скандал организаторам выставки. Те приходят к нам, говорят: «Зачем вы американские цели поразили?» Я нашему наводчику: «Как ты смел поразить чужие цели?!» Он мне: «У меня остались три ракеты, я и решил помочь нашим американским союзникам. Ну и грохнул их».

Я помню, в детстве вдруг взял кисточку и начал рисовать свои фантазии представления, сказочные мечты. И рисовал долго, ярко, увлеченно и красиво. А потом однажды отложил кисточку и больше никогда не брал ее. До сих пор думаю: что это было? Как будто ангел прилетел, а потом улетел. Мне нравится понятие в христианской религии — откровение. У тебя возникают некоторые сверхзнания, которые являются несознанными: с тобой случается то, что позволяет видеть, невидимое другим.

Сейчас я увлечен одной идеей, и надеюсь, она будет осуществлена. Вот разгорелся спор вокруг автомата Калашникова. Начальник Генерального штаба Макаров упрекнул ни в чем не повинного человека в том, что тот не предлагает новых образцов оружия. И взамен этого «никуда не годного» автомата Калашникова мы будем покупать оружие за границей. Странно, почему все армии мира считают этот автомат годным, а наш глава генштаба признал его негодным? Но если бы Макарову действительно был нужен автомат, похожий на американский, он бы дал нашему Михаилу Тимофеевичу Калашникову задание. И тот бы наверняка изготовил подобное оружие.

Например, у нас на предприятии лежит образец автомата, отвечающего всем современным требованиям. Мы сделали оружие с учетом новых технологий, замечаний, которые возникли в ходе эксплуатации автомата Калашникова или в связи с изменившимися условиями боя. Например, из «Калашникова» плохо вести бой сквозь бойницы БМП. При стрельбе автомат выделяет большое количество газов, а если огонь ведется из нескольких, то десант может задохнуться под броней. Мы изготовили наш автомат с учетом этого.

Михаил Тимофеевич не учитывал этой проблемы, потому что никто ему такой задачи не задавал. Свой образец мы не раз показывали воинским начальникам. Но они и ухом не ведут. Наши воинские начальники любят ездить по заграницам, выхватывают тот или иной образец и восторгаются. Это вредный подход. Мы в России все

можем, потому что уровень развития нашей технической и военно-технической культуры и мысли намного выше, чем на Западе.

Я все время думаю над проблемой современного автомата, над тем образцом, который должен превосходить уже готовый у нас совершенный образец. Можно его сделать таким, что он будет гораздо более удобным при стрельбе стоя или с колена. У него эффективность будет побольше процентов на двадцать пять. Но в принципе боевые возможности у него будут примерно такие же, как у Калашникова.

А вот можно ли сделать такой автомат, чтобы он стрелял днем и ночью? Стрелял не на двести метров, а на километр? Чтобы поражал на километр одним выстрелом!! А может быть, на два километра! Но если на два, то почему не на три? Хорошо, договоримся на десять километров. Чтобы автомат пробивал всяческие бронежилеты. Этот автомат должен пробивать и бронетранспортер, и боевую машину пехоты, поражать одним выстрелом вертолет, поражать штурмовую авиацию. Это мечта о так называемом идеальном оружии.

Перед войной в «Пионерской правде» я читал роман Казанцева «Пылающий остров». Там рассказывается о стреле, которая вылетает, гонится за зайцем, несмотря на его скачки и петли, поражает. Я понимал, что это фантазия, сказка, но в память мне врезалось. И все годы таилось в подсознании. А сейчас выплыло. И я знаю, что такое оружие можно сделать. И мы сделаем это сверхоружие, этот идеальный автомат! Мы создадим оружие, что поражает любую цель и находится в руках одинокого пехотинца, на котором нет ничего, кроме его гимнастерки, нет ничего, кроме этого оружия.

Сейчас, когда прожита огромная жизнь, создано и испытано большое количество оружия, понято современное состояние науки и техники, я понимаю, что эта мечта осуществима.

Валерий Маслов
(г. Тула)

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ОРУЖЕЙНИК

Автор 34 книг, изданных не только в России, но и за рубежом. Заслуженный работник культуры России, председатель Тульского Фонда поддержки творческой интеллигенции, руководитель Тульского отделения литфонда, председатель межрегионального Союза писателей России.

Тулу во всем мире знают, пожалуй, по двум причинам. Первая связана с мировым гением литературы Львом Толстым, написавшим многие свои бессмертные произведения в тульской Ясной Поляне. Вторая — это знаменитое тульское оружие.

Как-то в туристической поездке по Ирландии я заблудился в ее столице Дублине. Решил поинтересоваться, как проехать к моему отелю у двух ирландских школьников, которые стояли рядом со своим автомобилем. Те, поняв, что перед ними иностранец, решили меня подвезти. Поинтересовались, откуда я.

— Из Тулы,— гордо ответил я, уверенный, что этот полумиллионный город России знают везде. И ошибся: школьники о Туле не имели ни малейшего понятия. Тогда я принялся объяснять, где это, что, впрочем, тоже мало помогло. Искерпав знания английского, уже, почти безнадежно, произнес:

— Тульское ружье, Левша...

— О,— обрадовались ирландцы.— Это мы изучали в школе. Ваш Левша нашу аглицкую блоху подковал!

Вот так, легендарная оружейная история нашего города дала мне возможность возгордиться Тулой и ее знаменитыми умельцами. А история эта древняя, интересная и легендарная. Еще в 1599 году в Туле были поселены первые тридцать профессиональных оружейников, которых называли тогда самопальными мастерами. И не потому, что они изготавливали плохую продукцию, вроде самопальной водки. Оружейники поставляли казне пищади такого высокого качества, что им были даны по обельной грамоте особые права. По этой грамоте государевы люди — оружейники — навсегда освобождались от податей и повинностей. Такой статус в чем-то поднимал их даже выше чиновников. Когда начиналась война, на службу брали дворян и боярских детей, но оружейников не трогали. Число их постепенно росло, они стали образовывать отдельные оружейные общины и цеха, выделяющие то или иное оружие.

Русский царь Михаил Федорович для развития оружейного производства в Туле решил, говоря современным языком, привлечь иностранные инвестиции. В 1632 году голландский купец Андреас Винниус, получив от царя жалованную грамоту, основал близ Тулы железоделательный завод для изготовления ядер и пушек. Вскоре, также около Тулы, голландцами Акемой и Марселиусом был построен другой завод для изготовления оружия. Они выписали из-за границы литейщиков, молотобойцев, ору-

жейников и других специалистов и за право построить заводы обязались обучить заводскому делу русских мастеровых.

Затем к делу подключились русские купцы и промышленники. В 1695 году Никита Демидов основал частный оружейный завод. А через несколько лет возник и первый «Казенный оружейный двор». В знак благодарности туляки, правда, уже в наши дни, воздвигли, рядом с памятниками императору Петру I, легендарному мастеру Левше, также памятник купцу Демидову. Недалеко от них разместился и памятник знаменитому изобретателю С. И. Мосину, о котором у нас пойдет речь в этом очерке. Если учесть, что все эти памятники находятся в шаговой доступности от Кремля, самого оружейного завода, и украсившего город нового здания-шлема музея оружия, то можно сказать, что в Туле появилось своеобразное пешеходное туристическое кольцо по историческим местам оружейной столицы России. Правда, для этого надо хотя бы обустроить улицу Металлистов, разместить в нижних этажах исторических старинных зданий кафе, сувенирные лавки и прочую туристическую инфраструктуру. Но на это у нас, как всегда, нет денег.

Однако вернемся к истории развития оружейного производства в Туле. На государственном уровне оно началось еще в 1712 году, и не случайно, что именно в этом году мы отмечаем трехсотлетний его юбилей. Тогда именным указом Петра I была учреждена первая казенная оружейная фабрика, которая и стала основанием современного Тульского оружейного завода. В своем Указе государь отмечал: «Для лучшего в том оружейном деле способу, при той оружейной слободе, изыскав удобное место, построить заводы, на которых бы можно ружья, фузеи, пистолеты сверлить и оттирать, а палаши и ножи точить водою». Фабрика начала работать через два года и вскоре здесь трудилось уже около 1200 оружейников.

Отмечая трехсотлетие оружейного производства в Туле, нельзя забывать и о другой юбилейной дате, связанной с отцом-основателем казенного производства. 9 июня 2012 года исполнилось 340 лет со дня рождения Петра Первого Великого — русского царя, российского императора, полководца, дипломата. Именно этот первооткрыватель многих преобразований в России держал под постоянным контролем оружейное производство в Туле. Зная цену оружейным мастерам, Петр не только покровительствовал тулякам, но и выделял значительные средства для развития производства. В Тулу направлялись водяные машины, «вертельные» станки, точила, молоты, проверочные калибры и другое современное по тем временам оборудование. В результате впоследствии тульское оружие было признано эталонным.

Первоначально ТОЗ производил исключительно военное оружие для нужд Российской армии. Однако во второй половине восемнадцатого века, на которую приходится расцвет тульского оружейного мастерства, необычайно возрос спрос на художественно украшенное оружие и партикулярные изделия. И туляки вновь удивили мир: они изобрели удивительную по своему изяществу «алмазную грань» на металле и множество других секретов отделки изделий из металла и дерева.

Тульский оружейный Императорский завод вот уже триста лет выпускает отменные изделия. И всегда у них были свои авторы, Лица, с большой буквы, завода. Таким был и знаменитый оружейник Сергей Иванович Мосин. Интересна история, которая связала его с нашим городом. История настоящей, на многие годы, любви.

Сергей Иванович — не туляк. Он родился далеко отсюда, в селе Рамонь Воронежской губернии. А сменить местожительство и приехать в Тулу его заставили обстоятельства семейного характера: отец долгое время служил тульскому помещику Арсеньеву. Во время последней поездки к отцу он увидел, как тот постарел, как сдали силы Ивана Игнатьевича. И Сергей понял, что надо быть ближе к отцу. Но было здесь и иное обстоятельство, которое стало сильнее чувства сыновней любви.

Мосин слыл среди товарищей «научным сухарем» и «схимником», который увле-

чен только научной работой. Но во время одной из поездок в имение Арсеньевых он влюбился в проживающую у помещика Варвару Николаевну. Правда, она была заму-жем за Николаем Арсеньевым, сыном хозяина поместья, к тому же, воспитывала двух маленьких сыновей. Но это не остановило «научного сухаря». Сергей Иванович видел, что Варвара ведет затворнический образ жизни, ее муж в основном пропадает в Москве и Петербурге, и потому предположил, что вряд ли она счастлива в таком браке.

Ему тогда было тридцать лет,— возраст, по тем временам, немалый. Помню, как я удивился, когда в одном из рассказов Антона Чехова прочел такую фразу: «В комнату вошел старик тридцати лет». Но, видимо, гений бывает талантлив и одержим во всем. Вспомним хотя бы другого нашего именитого земляка Льва Толстого, который мог и прекрасно творить, и горячо любить.

И вот летом 1879 года произошло объяснение в любви между молодыми людьми: оба поняли, что не могут жить друг без друга. Но сколько же препятствий нужно было преодолеть влюбленному Сергею, чтобы получить Варвару в жены! Началось с того, что объяснение Мосина с мужем Варвары миром не закончилось: он вызвал того на дуэль. Трусливый муженек тут же настроил жалобу начальству, и Сергея Ивановича посадили на трое суток под домашний арест.

Мосин отсидел положенный срок, но от своего не отступился. В помещении Дворянского собрания, в присутствии множества свидетелей, он повторил вызов. Муж написал новую жалобу, и Мосина посадили уже на две недели домашнего ареста. Пришлось на время смириться, тем более, что у него, к тому же, пока не было достаточно средств, чтобы устроить переезд и свадьбу с Варварой.

За долгих последующих четыре года Сергей Иванович накопил достаточную, на его взгляд сумму, чтобы приступить к устройству своего счастья. И он приехал к Арсеньеву с новой просьбой о расторжении брака. Но его ждало огромное разочарование: муж Варвары оказался не только трусливым, но и жадным и алчным. Он, в обмен на развод, потребовал с Мосина пятьдесят тысяч рублей — деньги, по тем временам, огромные (корова стоила пять рублей). Таких средств у нашего героя, разумеется, не было.

Чтобы сделал на его месте любой другой, разумный человек, тем более, что с момента его любовного объяснения с замужней женщиной прошло восемь лет, у Варвары было уже трое детей, а муж, хоть и не любил жену, просто так отступить от нее не хотел? Правильно, смирился и зажил бы прежней жизнью. Но не таков был наш герой, чтобы сдаваться перед обстоятельствами. В это время он работал начальником инструментальной мастерской Тульского оружейного завода. И именно любовь к женщине, единственная и неповторимая, которую он пронес через многие годы, подвигла на подвиг, впоследствии обессмертивший имя Мосина. Чтобы заработать нужную сумму на развод и стать мужем Варвары, он решил изобрести такое оружие, которому бы не было равных в мире. Еще долгих восемь лет потребовалось Мосину, чтобы создать свою винтовку, которая дала необходимые средства для соединения с Варварой Николаевной. В 1891 году, спустя шестнадцать лет после первой встречи, их судьбы, наконец, соединились.

Справедливости ради, надо заметить, что подобная история, связанная с любовью к женщинам и тульским оружием, в славной истории мастеровой Тулы далеко не единична. В «Тульских губернских ведомостях» описан случай любовной истории сына слесаря оружейного завода Павла Лепехина. Он посватался к дочке мастера Дарье. Отец невесты, в качестве испытания, предложил жениху смастерить ружье, самовар, шкатулку с секретом или другой хитрый предмет. Тот делал на заводе револьверы и опыт имел. Он преподнес отцу невесты любопытную конструкцию: металлическую пудреницу на стальном диске, которая вращалась и содержала в себе восемь ячеек с пудрой. Подарок так понравился отцу невесты, что он решил его про-

дать и заработал на этом много денег. А счастливый претендент на руку дочери сыграл богатую свадьбу.

Другая история любви уже связана не только с Императорским оружейным заводом, но и с именем самого Мосина. Токарь завода Петр очень хотел посвататься к красавице Машеньке. Но у него был соперник — богатый купец в зрелом возрасте. Родители невесты были, конечно, на стороне купца. И вот, чтобы окончательно отвести бедного токаря от дома, отец Машеньки предложил обоим претендентам своеобразный «кастинг». Он пригласил их на свои именины с условием удивить подарком. Купец прикатил на тройке и объявил, что она вместе с коляской — подарок. Гости уже не сомневались в выборе отца. Но тут пришел мастерской с большим футляром. В нем — настольные часы, изображавшие богиню изобилия Цирцею с рогом в руках. Бронзовый рог был поднят вверх, и мастер сказал, что в нем и находится подарок.

Рог был заполнен орехами. Именинник их вынул и увидел золотую монетку. Вытащил ее, и на том же месте тотчас появилась вторая, затем третья. Выбор был сделан в пользу мастера с золотыми руками, который, по мнению отца Машеньки, всегда мог заработать на их безбедную совместную жизнь. Петр в это время работал в мастерской Мосина и совершенствовал магазин для его винтовки. Вот и сделал автомат на пружине. А деньги получил от Сергея Ивановича, который половину своей премии раздал мастерам.

Так в Туле создавались оружейные династии, прославившие город на весь мир. Много славных имен вписано в историю завода. Но одно из самых значимых, конечно, имя Сергея Ивановича Мосина, о мастерстве которого ходят легенды. Ведь его знаменитая винтовка, которая так и называется «Винтовка Мосина», прослужила царской империи и стране Советов долгих шестьдесят лет и была снята с производства совсем недавно, в 1974 году.

Надо отметить, что история создания этой винтовки и ее становления была, пожалуй, не менее драматична, чем история любви к Варваре самого Мосина. Какие только препятствия не ставились не ее долгому пути! Первый образец был утвержден еще в 1891 году. И назвали ее «Трехлинейной винтовкой образца 1891 года». Это был первый случай, когда оружие было названо не именем его создателя. Хотя безотказное оружие Мосина получило на Всемирной выставке в Париже премию Гран-при, мировое признание и прослужило верой и правдой родному Отечеству целых долгих шестьдесят лет! Причем после долгих испытаний в соперничестве с оружием знаменитого бельгийца Л. Нагана предпочтение было отдано именно туляку. И по праву! За долгие последующие десятилетия инженерная мысль так и не смогла изобрести оружия более совершенного. Из этой винтовки уничтожали немцев даже в грозном 1941-м, в том числе, при обороне Тулы.

До изобретения Мосина на вооружении стояло ударно-капсульное гладкоствольное ружье, с которым наша армия вступила в Крымскую кампанию. Именно тогда защитники Севастополя наглядно убедились, что нарезные штуцера противника стреляют быстрее и чуть ли не втрое дальше наших ружей. Винтовка, изобретенная Мосиным, была признана лучшей из 119 других систем, а одним из самых удачных решений стала конструкция безотказного реечного магазина на восемь патронов. Восхищенные специалисты французской фирмы «Рихтер» предложили Мосину 600 тысяч франков за право использовать этот магазин для их продукции. Но он отказался, сказав, что его изобретение должно служить России. И это, напомним, в то время, когда перед ним остро стоял вопрос, где достать ту злосчастную сумму денег, за которую предложил «выкупить» свою жену муж Варвары!

Однако благодарное отечество не спешило признавать успех своего конструктора. Были назначены сравнительные испытания винтовок Мосина и конкурирующего с ним детища бельгийского изобретателя Нагана, которую промышленная Европа

активно сватала русской армии. Высокая комиссия выявила громадные преимущества мосинской винтовки перед бельгийской. Она была проста и чрезвычайно надежна, была в цель на расстоянии четырех верст, да еще стреляла бездымным порохом и не демаскировала стрелявшего перед противником. Однако император Александр III вычеркнул из названия не только фамилию Мосина, но и слово «русская». Осталось просто и незатейливо — «Винтовка образца 1891 года». Только после этого Мосина наградили орденом Владимира и вручили премию в тридцать тысяч рублей. Вот на эти-то деньги и создал Сергей Иванович, после шестнадцати лет мытарств, семью с Варварой, с которой счастливо прожил остаток жизни.

Справедливости ради, надо заметить, что и в советское время Родина, всю эксплуатирующая детище Мосина, не очень-то трепетно относилась к его памяти. Именно изобретателя называли в Туле Старопавшинскую улицу, на которой он никогда не жил. А вот дом на улице Пушкинской, в котором он проживал с семьей, не пожалели и снесли. Да и памятник конструктору, поставленный в скромном скверике на задворке возле завода, не раз страдал от рук вандалов. Помню, с каким изумлением я как-то взирал на этот памятник, у которого неизвестные похитили все четыре чугунных ружья!

Весной 1941 года газета «Коммунар» опубликовала интересные воспоминания оружейника-конструктора И. А. Пастухова, которому посчастливилось работать вместе с Мосиным. Вот отрывок из этой статьи:

«...Тогда мне не было полных двадцати лет. После окончания реального училища я работал у механика оружейного завода. Нас, чертежников, было всего двое: Васильев, и я, его помощник. Дело наше было простым, необременительным. Требовали с нас, надо сказать, мало. Так продолжалось недолго. Я не отслужил на заводе еще и года, как меня пригласил к себе капитан Сергей Иванович Мосин.

Я хорошо запомнил этот день. Пожилой, коренастый военный с полным лицом вошел в кабинет механика, поздоровался и, улыбаясь, сказал низким густым голосом: — Знаете что, отдайте мне этого мальчугана.

Такая фраза, не скрою, слегка обидела меня. Я считал себя вполне взрослым человеком, звание чертежника вызывало уважение со стороны моих сверстников.

Сергей Иванович показался суровым и замкнутым человеком только вначале. Позднее, я обнаружил в его характере черты простоты, душевности и даже благодушия. Однако во всем, что касалось оружия, он был упорным и несговорчивым. Мне приходилось и раньше слышать, что Мосин изобретает новое ружье. В его мастерскую никого не допускали, редко, кто заглядывал и в его кабинет. И вот в это святылище я, еще мальчуган, по словам капитана, отныне входил как свой человек. Немудрено, что обида сменилась чувством признательности и теплоты.

В мастерской у Мосина работало трое. Это были оружейники Санаев, Земцов и Сенопалышков — потомственные рабочие-туляки, умелые и опытные слесари. Но слесари порой сердились на капитана. Если дело шло о точности деталей, Мосин проявлял исключительную требовательность и даже придирчивость. В те времена часто работали «на глазок» и «на ощупь». Едва ли не единственной мерой точности была толщина ходовых монет. Старший мастер Гольяков так и указывал: «Сними-ка тут на «гривну», «на семишник», на «трынку».

Не таков был Мосин. Кажется, еще во время своего заграничного путешествия он вывез из «европ» штангель-циркуль. Это был единственный на заводе точный мерительный инструмент, позволявший отмечать даже тысячные доли дюйма. Он приносил много беспокойства и слесарям, и чертежникам.

Придет Сергей Иванович к нам, положит на стол рисунок, на котором уже поставлены размеры, сообразованные с сопряженными деталями, и мы вычерчиваем рисунок на ватмане. Каждая часть винтовки, каждая деталь проходила долгий путь.

Помнится, много пришлось повозиться с курком. Он не походил на все курки, известные прежде, и разве что имел некоторые общие черты с курком французского конструктора Лебеля.

— Сделайте так,— говорил Сергей Иванович,— чтобы курок повертывался налево и мог становиться на предохранитель.

Так Мосин, будучи точным и требовательным, одновременно давал нам, скромным чертежникам-оружейникам, простор для личной инициативы. Он крепко верил в силы и способности простых людей из народа. Особенно памятны дни, когда мы окончательно вычерчивали на коленкоровой кальке конструкции нового оружия. На каждом чертеже было подписано: «Винтовка капитана Мосина».

В самый разгар этих работ мне довелось побывать на охоте. Я подстрелил кулика. За убитой птицей надо было идти по холодной весенней воде. Я простудился и вечером уже лежал в жестоком жару. Тревожные мысли заполняли большую голову. Подведу ведь Сергея Ивановича, подведу!

Выздоровливая, я продолжал думать о Мосине и его оружии. И когда Сергей Иванович стал присылать мне для черчения кое-какие детали на дом, я с прежним увлечением выводил на ватмане тушью имя изобретателя.

Вскоре я уже был на заводе. Меня, понятно, не посвящали во все дела, связанные с новой винтовкой, но о многом приходилось догадываться самому. Когда в Тулу приехала комиссия полковника Сокернина, рабочие говорили в мастерских:

— Ехидные люди пожаловали к нам, спорят с самим Сергеем Ивановичем...

Припоминается один характерный штрих. Сокернин, передавая нам некоторые чертежи для переработки, «забывал» указывать на них фамилию конструктора. А мы, чертежники, ее регулярно вписывали. Когда же приступили к окончательной копировке чертежей, Сокернин на первом же листе вычеркнул всем знакомую надпись: «Винтовка капитана Мосина» и сказал:

— Ставьте просто: «Трехлинейная винтовка образца 1891 года».

В недоумении мы обратились к Мосину:

— Сергей Иванович, как же так?

Он безнадежно махнул рукой...

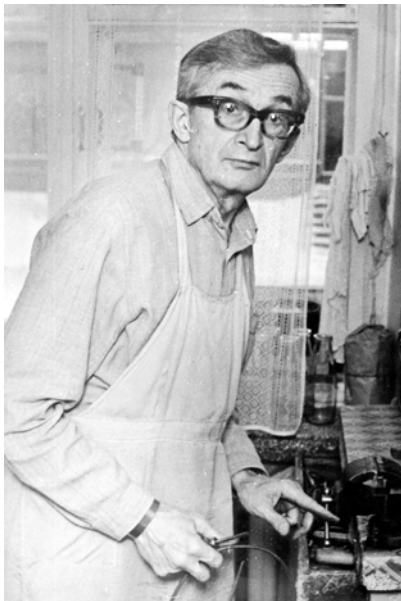
Когда Сергей Иванович получил награды, он обошел всех своих помощников и с каждым поделился. Подарил он и мне 25 рублей. В те времена завод на такую награду никогда не расщедрился».

Из Тулы Мосин уехал в 1894 году, получив назначение директором Сестрорецкого оружейного завода. Он прожил в нашем городе двадцать лет. В год празднования 300-летия тульского оружейного производства в Туле, наконец-то открыли великолепный, в виде гигантского шлема, музей оружия. И хочется надеяться, что в новом музее найдется достойное место большой экспозиции не только о талантливом изобретателе лучшего в мире оружия. Но и о человеке, история любви которого достойна восхищения, памяти и подражания. Любви, благодаря которой мир получил шедевр военной мысли. Ради своей Вареньки он дважды шел на дуэль, сидел под домашним арестом, не испугался взять троих пасынков. Он беззаветно, самоотверженно, до конца жизни любил только одну женщину. Ведь недаром говорят, что, если не любишь слишком, значит, любишь недостаточно. И Сергей Иванович Мосин всей историей своей легендарной жизни подтвердил это золотое правило.

СТЕЧКИН – КОНСТРУКТОР И «СТЕЧКИН» – ПИСТОЛЕТ

(К 90-летию со дня рождения 15.11.1922 — 28.11.2001)

Есть такой пистолет — «стечкин». Есть «макаров», есть «токарев», а есть и «стечкин». Что в этом пистолете такого особенного?

Это такой большой и мощный пистолет, который стреляет не только одиночными выстрелами, но и очередями, как автомат. И магазин у него как у автомата, на 20 патронов. Кроме того, у него, по сравнению с другими пистолетами, довольно большая дальность прицельной стрельбы. Официально считалось, что до 200 метров. Из широко известного оружия я знаю только аналогичную Беретту 93-R. Разница только в том, что отцовский был поставлен на вооружение в 1950 году, а Беретта появилась позднее — где-то в середине 1980-х. Конечно, были еще всякие опытные и малораспространенные образцы, но это уже для специалистов. А так в народе по фамилии известны четыре наших оружейника: Калашников, Макаров, Токарев и Стечкин. Правда, мне как бывшему

туляку и сыну оружейника, немного досадно, что мало кто знает Шпагина, Федорова, Мосина, Судаева. Ну, может, кто-то еще слышал про Дегтярева или Симонова.

*Стечкин Владимир Игоревич, ведущий инженер-конструктор
Корпорации «Тактическое ракетное вооружение»,
город Королев Московской области*

Стечкин Игорь Яковлевич родился 15.11.1922 года в г. Алексине Московской губернии. Его отец — заслуженный врач РСФСР Яков Сергеевич Стечкин, чье имя теперь носит Косогорская бальнеологическая лечебница. В 1935 году семья переехала в поселок Косая Гора под Тулой, где Игорь Яковлевич окончил среднюю школу и в 1941 году поступил в Тульский механический институт. В октябре 1941 года Игорь с семьей отца эвакуировался в город Базулук Чкаловской области, где работал в депо слесарем. В декабре 1941 года уехал на работу в Ижевск и поступил в Московское высшее техническое училище им. Баумана. Одновременно работал на мотозаводе в качестве шлифовщика. В 1942 году возвратился на учебу в Тульский механический институт, который окончил в 1948 году, ему было присвоено звание инженера-механика по оружейному производству, и был направлен на работу в ЦКБ-14. В ЦКБ-14 Игорь Яковлевич работал с 1948 по 1971 год инженером-конструктором, старшим инженером-конструктором, ведущим конструктором, а с 1953 года — главным конструктором проекта. В 1971 году он был переведен в «ЦКИБ СОО» и работал ведущим конструктором. В 1948 году молодой специалист Игорь Яковлевич получил задание спроектировать 9-мм пистолет, позволяющий вести одиночную и автоматическую стрельбу на дистанции до 200 м, имеющий магазин большой емкости и использующий кобуру в качестве приклада. В 1948—49 годах проводились работы по проектированию, изготовлению опытных образцов, заводские испытания и доработка. В первой половине 1949 года пистолет проходил полигонные испытания в сравнении с пистолетом Маузером «Астра» и пистолетом-пулеметом ППС. Пистолет

Стечкина был лучше пистолета Маузера «Астра», незначительно уступал пистолету-пулемету ППС и был рекомендован для дальнейшей доработки. Были проведены значительные переработки конструкции пистолета и кобуры, устранены отмеченные при полигонных испытаниях недостатки, изготовлена партия пистолетов для проведения войсковых испытаний в различных климатических условиях. Испытания прошли успешно, и в 1951 году 9-мм первый автоматический пистолет АПС был принят на вооружение. В дальнейшем много труда было затрачено при освоении его в производстве. В первые 2,5 года Игорь Яковлевич непрерывно находился в командировке на Вятско-Полянском заводе. Пистолет имел ряд специфических особенностей: вес пистолета с кобурой 1,45 кг; темп стрельбы 750 выстрелов в минуту; деревянная кобура, которая использовалась для ношения пистолета и в качестве приклада для повышения устойчивости при ведении автоматического огня; магазин двухрядный на 20 патронов; замедлитель темпа; спусковой механизм для ведения одиночного и автоматического огня; удлиненный ствол; автоматику, основанную на использовании отдачи свободного затвора; наличие самовзводного механизма; надежный предохранитель флажкового типа от случайных выстрелов. Автоматический пистолет Стечкина оказался наиболее совершенным из всех образцов оружия этого класса. Создание пистолета АПС явилось большим творческим достижением молодого конструктора. Идея совмещения в одном образце пистолета и пистолета-пулемета привела к утяжелению системы, удорожанию в производстве с ограниченным выпуском, в результате чего пистолет АПС в дальнейшем был снят с производства. В 1954 году Игорь Яковлевич привлекался к работам по созданию пушек ТКБ-501 и ТКБ-499, разрабатываемых по конструктивной схеме пулемета А-12,7 конструкции М. Н. Афанасьева. В 1955 году Игорем Яковлевым были созданы два пистолета ТКБ-506 и ТКБ-506А и специальный патрон к ним для бесшумной стрельбы. Вес пистолета ТКБ-506 с патронами 480 г, три ствола, габариты 111×93×20; вес пистолета ТКБ-506А с патронами 460 г, три ствола и габариты 107×75×19. В 1956 году ЦК КПСС и СМ СССР приняли Решение о развитии работ по созданию управляемого противотанкового вооружения. В 1957 году ЦКБ-14 приступило к выполнению этого Решения. Для выполнения задания было создано тематическое подразделение, возглавляемое Н. Ф. Макаровым и И. Я. Стечкиным. В дальнейшем Игорь Яковлевич принимал участие в разработке комплексов «Овод», 9М-111 и 9М-113 и постановке на серийное производство комплексов 9М-111 и 9М-113. В 1962 году были завершены совместные испытания комплекса «Овод», но на вооружение был принят комплекс «Малютка», имевший некоторые преимущества. В 1970 году был принят на вооружение комплекс 9М-111, а в 1974 году — 9М-113. Игорь Яковлевич внес большой творческий вклад в создание ПТУРС второго поколения. В 1958 и 1972 годах Игорь Яковлевич проводил проектные работы и были изготовлены первые опытные образцы 7,62-мм единых пулеметов ТКБ-522 и ТКБ-0120, а в 1971 году были начаты работы по созданию 5,45-мм малогабаритного автомата ТКБ-0116 «Модерн» для вооружения специальных подразделений Советской Армии и КГБ. Принцип работы автоматики ТКБ-0116 был основан на использовании энергии подвижного ствола при коротком ходе, запираание затвора осуществлялось поворотом ствола вокруг продольной оси; вес автомата составлял 2,3 кг. В 1976 году были проведены сравнительные полигонные испытания 5,45-мм автоматов ПП-1 Калашникова, ТКБ-0116 Стечкина и АЕК-958 Кокшарова. Испытания показали, что наиболее полно отвечали требованиям заказчика автоматы ПП-1 и ТКБ-0116. Автомат ПП-1 показал более высокую, чем ТКБ-0116, надежность и живучесть деталей, а автомат ТКБ-0116, в свою очередь — лучшую, чем ПП-1, кучность боя и в нем принципиально решен вопрос обеспечения допустимого уровня звука выстрела. Секция НТС Миноборонпрома по испытаниям приняла решение рекомендовать автомат ПП-1 на доработку и подать для войсковых испыта-

ний, АЕК-958 и ТКБ-0116 доработать и подать на испытания в НИИ-61. Автоматы ТКБ-0116 NN 20 и 21 в 1977 году прошли испытания в НИИ-61 и было принято решение, что они по сравнению с ПП-1 Калашникова, который прошел войсковые испытания и рекомендован на вооружение, преимуществ не имеют, дальнейшую их доработку производить нецелесообразно. В 1978 году были начаты работы по созданию автомата с повышенной эффективностью под 5,45-мм патрон 7Н-6 шифр «Абакан». В «ЦКИБ СОО» проводились работы с автоматами ТКБ-0111 Коробова, ТКБ-0136 Афанасьева и ТКБ-0146 Стечкина. Кроме того на конкурсной основе автоматы разрабатывались конструкторами Г. Н. Никоновым, В. М. Калашниковым, А. С. Константиновым. Были проведены неоднократные заводские испытания в НИИ-61, на полигоне, в школе «Выстрел» и в войсковой части. По замечаниям этих испытаний непрерывно проводились доработки. В 1987 году на полигоне были проведены сравнительные государственные испытания опытных 5,45-мм автоматов ТКБ-0111 конструктора Г. А. Коробова, ТКБ-0146 конструктора И. Я. Стечкина, АС и АСМ конструктора Г. Н. Никонова. По результатам испытаний автоматы ТКБ-0146, АС и АСМ были рекомендованы для доработки и устранения недостатков, а также были рекомендованы на повторные предварительные испытания. Автомат ТКБ-0146 с автоматикой газоотводного типа был выполнен по лафетной схеме — стреляющий агрегат расположен внутри короба и подпружинен. Запирание канала ствола осуществлялось поворотом затвора вправо. Автоматы имели отъемные коробчатые магазины на 30 и 60 патронов. Конструкция автомата позволяла ведение стрельбы высоким темпом (приблизительно 2000 выстрелов в минуту) или низким темпом (450—550 выстрелов в минуту). Автомат ТКБ-0146 (№ 15,16) без магазина и принадлежностей весил 3,85 кг. Он показал существенное превосходство по кучности автоматической стрельбы над автоматом АК-74. В 1989 году в НИИ-61 и в/ч 84417 были проведены заключительные сравнительные испытания автомата ТКБ-0146 N 18. Автомат для дальнейшей работы рекомендован не был. В 1991 году Игорем Яковлевичем были начаты работы по созданию пистолета ТКБ-0220 «Грач» взамен 9-мм пистолета ПМ под патрон с большим пробивным действием. В 1993 году были окончены полигонные конкурсные испытания, по которым был выбран патрон для дальнейших работ. Следующие работы с пистолетом ТКБ-0220 были признаны нецелесообразными. В 1990—96 годах Игорем Яковлевичем с участием конструкторов Б. В. Аврамова и А. В. Бальцера были разработаны револьвер 01Д-01 «Кобальт», пистолеты ОЦ-23 «Дротик», ОЦ-27 «Бердыш», ОЦ-33 «Пернач» для МВД России. Револьвер «Кобальт» изготовлялся на заводах в городах Уральске и Златоусте, а пистолеты «Дротик» и «Бердыш» — в «ЦКИБ СОО». На базе револьвера «Кобальт» И. Я. Стечкин создал служебный вариант револьвера, выпускаемого в Златоусте.

Итогом творческой деятельности Игоря Яковлевича явился револьвер «Ворчун» с бесшумным патроном.

И. Я. Стечкин высококвалифицированный специалист, талантливый, трудолюбивый и результативный конструктор, который внес ценный вклад в развитие автоматического оружия и имеет 50 авторских свидетельств на изобретения. Свой богатый опыт в конструировании он охотно передавал молодым конструкторам.

За заслуги в создании 9-мм пистолета АПС в 1952 году он удостоен звания лауреата Сталинской премии 2 степени. В дальнейшем его конструкторская деятельность была отмечена награждением в 1962 году медалью «За трудовое отличие», в 1971 году — орденом Трудового Красного Знамени, в 1997 году — орденом Почета, ему присвоено почетное звание Заслуженный конструктор Российской Федерации.

Почетный академик Российской Академии имени К. Э. Циолковского (8 апреля 1999 г.) «Почетный выпускник кафедры РиПАМ» Тульского Государственного Университета (17 декабря 2002 г.)

Игорь Яковлевич Стечкин и Михаил Тимофеевич Калашников —
встреча знаменитых конструкторов в музее оружия

ТКБ - 506 А - пистолет-портсигар

Литература о Стечкиных

1. Жуковский Н. Е. Избранные сочинения. Т. 1.— М.—Л., ОДИЗ, 1948 г., с 7.
2. Чуев Ф. И. Стечкин. (ЖЗЛ. Выпуск 13), М. «Молодая гвардия», 1978 г.
3. Болотин Д. Н. Советское стрелковое оружие.— М. 1983.— С. 96—97
4. Парыгина Н. Д. Имени Стечкина. Повести и очерки в книге «Тульские встречи». Приокское книжное издательство, Тула-988., с. 244—255.
5. Болотин Д. Н. Советское стрелковое оружие — 3-е изд.— М., 1990 — с. 383.
6. Маткин М. Человек и пистолет. Конструктор Стечкин встречается с журналистами третий раз в своей жизни // Комс. правда.— 1994.— 8—11 апр.
7. Стечкин Игорь Яковлевич. Тульский биографический словарь.— Тула, 1996.— Т. 2.— С. 203.
8. Воронин А. Конструктор Стечкин и его грозные дети // Медведь.— 1996.— № 3.— С. 132—135
9. Лазарев А. Свой диплом Стечкин защищал с пистолетом в руках // Комс. правда — 1996.— 10 апр.
10. Ломейко Г. М. 75 лет со дня рождения (1922) И. Я. Стечкина // Тульский край. Памятные даты на 1997 год: указатель литературы.— Тула : Шар, 1996.— С. 43.
11. Лауреаты премии им. С. И. Мосина XX столетия: Биографический сборник и тематика работ участников-победителей конкурсов / под ред. А. К. Талалаева.— Тула: Гриф и К, 2002.— С. 110—111.
12. Аникеев В. Жизнь без осечки.— Тула, 16.12.2002 г.
13. Хомяков А. Дело академика Стечкина и «Дело промпартии».— Новый мир, № 12, 2006 г.
14. Ходулин В. Игорь Стечкин: пистолеты, автоматы и ракеты.— // Тула, 15.11.2007 г.
15. Ходулин В. Г. Идущие сквозь время. Популярные очерки о людях, оставивших заметный след в истории Тульского края.— Тула, 2008 г.— С. 128—138.
16. Энциклопедия Тульского Государственного Университета (1930 — 2010). Тула: Изд-во ТулГУ. 2010.— С. 451—452.
17. Мы помним...1941. Часть 1. Книга воспоминаний и размышлений поколений / под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой.— Тула: Гриф и К, 2012.— С.115—123. [Стечкин В. И. Записки о Стечкине Игоре Яковлевиче].
18. <http://www.opoccuu.com/151111.htm>

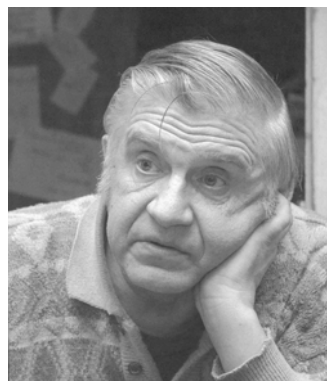
**Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств
Марина Григорьевна Баланюк**

Фотографии Ярослава Игоревича Стечкина

ПАМЯТЬ О ЛЮДЯХ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

**БЕЗ НЕГО ГОРОДУ ГРУСТНО...
ВСПОМИНАЯ ДРУГА**
(Памяти Владимира Белтова, 1944—2012)*

ВСПОМИНАЯ ДРУГА: ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Володя Белтов жил в так называемом «преподавательском доме» Тульского государственного университета, в трех минутах ходьбы от дома моего. Поэтому мимолетно встречались на улице часто. Но в последние годы уже не очень. Он объяснял: дескать, полностью отдался приведению в порядок своего огромного фотоархива. Предложили подготовить фотовыставку работ. Последняя наша встреча состоялась где-то за полгода до его кончины. Сообщил: недавно из кардиологии, хорошо добрая женщина-прохожая вызвала «скорую», прямо на улице схватило. Еле откачали. А так уже и приснопамятную «желтую трубу» видел...

...1980-е

...1980-е

* Иллюстрации — фото Владимира Белтова в тексте взяты из каталога фотовыставки Владимира Белтова и Сергея Павлова. Текст каталога — Ирина Скибинская. — Тула: ЗАО «Гриф и К», 2012.

Поинтересовался моими научными и литературными делами. Вновь пообещал, как разберется со своим архивом, написать для «Приокских зорь» очерк о своем героическом отце, предварившем подвиг сержантов Егорова и Кантария — водрузившем Красное знамя на Триумфальной арке Бранденбургских ворот Берлина — главным символом прусского милитаризма.

Увы, времени для очерка судьба Володе не оставила. Поэтому ниже мы и приводим биографическую справку о жизни и подвиге Николая Николаевича Белтова.

...Хорошо помню Николая Николаевича, по штабным интригам не получившего за знамя на Бранденбургских воротах звания Героя Советского Союза, служившим после войны заместителем коменданта Магдебурга — «столицы» Группы советских войск в Германии, а с 1961-го года — военным комендантом Тулы и тульского гарнизона.

Первый раз увидел Николая Николаевича, тогда уже отставника от военной службы при весьма интересных обстоятельствах. Мы только что пообедали с Володиной с водкой в ресторане «Дружба» (это тогда мог себе позволить начинающий инженер), имевшем неофициальное наименование седьмого корпуса Тульского политеха — в дополнение к шести учебным корпусам... «Дружба» — через дом от володиного «преподавательского». И нам в ту же сторону, но здесь мой спутник расправляет плечи, переходит на армейский шаг — «восемьдесят сантиметров в секунду», как старшины обучают новобранцев, — сурьезнит лицо и взглядом приказывает мне повторить этот маневр, шепнув: «Отец!»

А на нас надвигается фигура из зарубежного великосветского фильма: идеальная стройность фигуры без всяких животов и сутулостей, темное весеннее пальто из тончайшего сукна или габардина, белоснежное шелковое кашне, зеркально начищенные ботинки-туфли, о стрелки брюк можно порезаться. Черные лайковые перчатки и ранее мною не виданный вживую «котелок» на седеющей голове дополняют убранство.

...1980-е

...1980-е

Молча разминаясь с нами, Николай Николаевич строго-испытующе окидывает взглядом сына, а отмечая присутствие рядом с ним парниши с ярко-красной (не рыжей! — Это от моих предков-шотландцев по материнской линии) бородой, степенно прикладывает указательный палец к полю шляпы.

«А знаешь куда он грядет? Нам на смену вахты в «Дружбу» — обедать с наркомовскими ста граммами».

Интересуюсь: «Дома что ли не умеют обеды готовить?»

«Да нет, мать кашеварит получше ресторанных поваров. Просто отец — истинный офицер жуковской армии, а Георгий Константинович после войны начал приучать командный состав армии к культуре поведения, взяв за пример царских офицеров. В частности, издал приказ: офицерам обедать только в заведениях, то есть ресторанах, не ниже второго разряда. Как человек дисциплинированный, отец воспринял этот приказ буквально: обедать в ресторациях! Что и сейчас, в отставке безусловно выполняет.

Понятно, что Жуков имел в виду не обеденные щи-гуляши, а вечерние застолья с гулянкой-пьянкой, но не мог же он впрямую написать это в приказе?»

Я уважительно хмыкнул, и мы «продолжили движение», говоря по-армейски.

...И сам Володя — военная косточка — на фото из дембельского альбома смотрелся в отутюженной военной форме не хуже мосфильмовского царского поручика. Служил он срочную в Прибалтике, а официантки-латышки в тамошних кафешках называли его, сержанта, не иначе как господином офицером. Кстати, о его сержантстве.

Душа части, фотограф и киносьемщик, природный организатор, он уже через несколько месяцев после сержантской школы получил на погоны высокочтимую в унтер-офицерских кругах широкую лычку. Но увлеченность, неровность характера, опять же гостеприимные рижские кафешки, не позволили ему долго проносить эту лычку: разжаловали в сержанты с двумя узенькими полосками на погонах. Но после очередного смотра части на предмет наглядной агитации высоким начальством ему снова вернули широкую лычку.

Поняв, что последующие два с лишком года службы будут сопряжены с такими же метаморфозами, а тратиться каждый раз в военторге на новые погоны накладно, Володя завел себе универсальные тесемки: разжаловали в очередной раз — перетянул широкие лычки тесемками погонного цвета; возвратили звание — снял их. Голь на выдумки хитра!

Иван Иванович Иванов. 1980-е

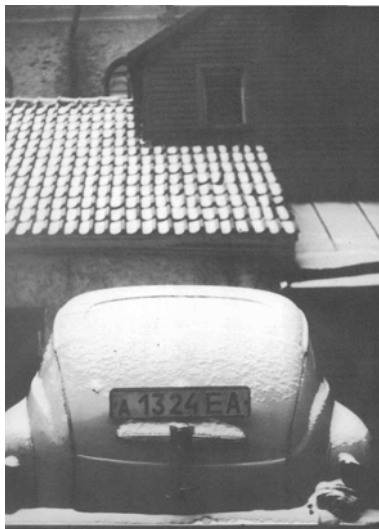
...Вот эти самые неровности характера не раз ему досаждали в жизни. Порой в такие передрыги попадал, что другой совсем потерял бы себя, скукорожился, сник. Но Володя, преодолев очередные напасти судьбы, предстал таким Фениксом, возрождая в себе наземную энергию деятельности.

...Как бывают люди с абсолютной памятью, с абсолютным слухом — первые скрипки в оркестрах, так встречаются и люди с абсолютной общительностью и доб-

рожелательностью. — Это прямо о Володе Болте, как его не менее доброжелательно звал весь знаемый ему город: не очень великий, но вовсе и не малый.

Любо-дорого было посмотреть, как Володя входит на остановке в троллейбус, следующий маршрутом по центральному проспекту Ленина. Особенно если он входил в паре с Пашей Грожаном, опять же нашим коллегой по работе.

Последний, кроме всего многого прочего, был знаменит на нашем заводе тем, что, получив в наследство от отца, при жизни занимавшего высокую должность директора тульских электросетей, новенькую «волгу» — предмет тогдашнего всеобщего вожделения, тотчас продал ее, не торгуясь, «под седло», рыночному кавказскому джигиту.

...1980-е

На любопытствующие и завистливые вопросы начальства, особенно парторгов и комсоргов различного ранга, о причинах столь непопулярного действия, Паша отвечал, сурово насупившись: «Я генетически ненавижу частную собственность и верен заветам своего героического прадеда Клода Грожана, сражавшегося на баррикадах Парижской коммуны против «мундиров синих с саблями на боку» генерала Галифе и пруссаков Бисмарка!»

В свойском же кругу отвечал просто: «Вы, ребята, хотя и не бисмарки с галифе, но ведь заставите меня каждые выходные возить себя на загородные шашлыки. Назад поедете в дупелину, а я как дурак трезвехонький за рулем!»

Паша действительно по прямой линии был правнуком парижского коммунара 1871-го года, бежавшего после разгрома Коммуны и вступления в Париж пруссаков в Россию — единственную в Европе страну, дававшую в девятнадцатом веке приют всем гонимым...

...Тогда все молодые инженеры увлекались книгой об Остапе Бендере одесских классиков и хоккеем, поэтому наш коммунарский потомок имел сразу два прозвища: Паша Эмильич и Пал Маховлич.

Деньги за машину Паша пропил с друзьями менее чем за полгода.

...Так вот, входят жарким летним днем в троллейбус Володя с Пашей, оба высокие, за метр-восемьдесят. Первый — стройный, голубоглазый блондин с тем чисто русским лицом, которых сейчас уже почти и не осталось. — Словом, типаж из голливудского боевика, актер в амплуа главного позитивного героя. Второй — плотный, коренастый француз, которых сейчас также во Франции не осталось, чуть смугловатый, с копной иссиня-черных выющихся волос на голове. А открытые по локти руки словно одеты в черные перчатки из мохера.

Входят в троллейбус как в родной дом. С мест приветствия: «Привет, Болт! Здорово, Пал Маховлич!» А молодые женщины инстинктивно прикрывают ладонью левой руки обручальные кольца на правой...

Перейдем к моему знакомству с Володей и нашей с ним работе на заводе «Точмаш» и в ЦКБА.*

В 1971 году я окончил радиотехнический факультет Тульского политехнического института и был распределен на Тульский завод точного машиностроения, «Точмаш» в просторечии. Завод этот в центре Тулы был в первые послевоенные пятилетки выделен из состава Машиностроительного завода, в просторечии — Нового Оружейного и являл собой образец очень продуманной сталинско-косыгинской конверсии. Половина цехов и отделов работали на «оборонку», а вторая половина снабжала все ткацкие фабрики СССР, Восточной Европы, всей же Азии, многих стран Латинской Америки чулочно-перчаточными вязальными автоматами и жаккардовыми станками. — Техника очень сложная и прецизионная.

Как раз в этом году при «Точмаше» организовалось СКБТМ - Специальное конструкторское бюро точного машиностроения. Понятно, какого. Впоследствии на базе СКБТМ организовалось самостоятельное Центральное конструкторское бюро аппаратостроения (ЦКБА).

И всех нас, выпускников факультетов систем автоматического управления, автоматики и телемеханики и радиотехнического в количестве 60—70 молодых специалистов определили в СКБТМ, а на роль полутора десятков руководителей бюро, секторов и групп переманили на более высокое жалованье тридцатилетних специалистов из радиолокационного НИИ, тоже тульского.

Все мы, начальники и подчиненные, были молоды и энергичны (см. фото Владимира Белтова ниже...).

Ну-у, молодые начальники пришли в СКБТМ для карьерного роста, правда, в хорошем смысле этого двусмысленного слова, а вот подчиненный состав, молодые специалисты как на подбор оказались, выражаясь артистическим языком, людьми «характерными». Хотя бы потому, что все они, почти сплошь отличники учебы, не стали распределяться в более престижные городские оборонные НИИ-КБ: знаменитое «шипуновское» КБП (см. в настоящем номере журнала материалы о нем), не менее известное НИИ «Сплав» — разработчик «смерчей» и «градов», в то же радиолокационное НИИ; не следует забывать, что первая советская РЛС была запущена в производство в Туле...

В чем заключалась такая метаморфоза? Скорее всего, все они, как люди увлеченные, разносторонние, не планировали сугубо инженерную деятельность на всю жизнь. Хотя многие, если не большинство, впоследствии выбрали именно инженерную стезю, став высокочлассными специалистами. Человек полагает, а Бог располагает...

Отсюда в «первом наборе» сотрудников СКБТМ и обилие колоритных личностей, не только Володя Белтов и Паша Грожан, были и другие. Саша Козловский, хорошо рисующий, сразу «определился» в дизайнерскую группу. Страстный библиофил, он положенные три года проработал у нас, а затем перебрался в столицу, вновь поступил в институт, но уже во ВГИК на сценарное отделение. После окончания его писал сценарии для научно-популярных фильмов, далее стал драматургом, членом Союза писателей СССР, автором ряда пьес, с успехом шедших в областных и московских театрах.

Слава Воробьев — стихийный философ. Как он сам говорил, философии жизни он в детстве научился от деда, городского ветеринара, бравшего часто внука на рабо-

* Об этом периоде см. повесть «Зато мы делали ракеты» // В кн.: Алексей Яшин. 2007 — Штиль: Третья книга рассказов Николая Андреевича. — М.: «Московский Парнас», 2007. — 302 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). — Прим. авт.

Из серии «Точмашевцы». 1980-е

Из серии «Точмашевцы». 1980-е

ту по вызову. С царских времен ветеринара. Слава отменно играл на баяне, хорошо рисовал, увлекался горными лыжами, почему-то был знаком со знаменитыми московскими джазменами.

Сейчас оба они, Саша и Слава, работают в московской фирме по счетоводческо-бухгалтерской части. Новые времена...

Многих можно назвать, но нельзя не обойти вниманием колоритную фигуру Лева Теплякова, сына известного тульского писателя Николая Теплякова. Лева, известный всему городу и его окрестностям, носил устойчивое прозвище Лука — по имени героя одноименной (с добавлением нецензурной фамилии) скабрёзной поэмы начала XIX века. Во-первых, Лева замечательно читал «Луку...» своим густым басом; во-вторых, внешностью и *modus vivendi* 100-процентно соответствовал персонажу поэмы. Огромный — в рост и вширь, — с рыжими вьющимися волосами на голове и такой же размахренной бородой, с нагло-веселыми глазами, одетый то в щеголь-

скую жилетную «тройку», то в выцветшую от старости сатиновую рубашу, расстегнутую до пупа, Лева являлся главным в городе фарцовщиком по грампластинкам. Все свободное от работы и фарцовки время он проводил в «Дружбе», где ему отдавали честь шакалящие у входа в ресторан менты: дядя Левы в генеральной должности начальствовал в областном УВД. Из Москвы он привозил занимательные групповые фотографии, на которых он в обнимку стоит в центре сборной СССР по хоккею...

...1980-е

И девушки «первого призыва» в СКБТМ не были безликими. Особенно выделялась литературно-художественная троица: Люда Алексеева, Света Мордвинова и Ольга Розанова. Света — профессиональный (хотя тоже инженерша) каллиграф. Она оформляла поздравления министру и начальникам главков Миноборонпрома.

Люда Алексеева писала очень хорошие стихи. Училась она в Минском радиотехническом институте, рассказывала о встречах с будущим убийцей Джона Кеннеди Ли Харвеем Освальдом, что был минским мужем ее подружки. Сейчас Людмила — монахиня, приняла иноческий чин. В «Приокских зорях» она публиковала духовные стихи.

...Пусть читатель не сетует на столь пространное отступление от темы очерка — мы просто показываем ту картину жизни, на фоне которой (и в гуще которой) прошли лучшие, деятельные годы Володи Белтова.

Конечно, начав работать в СКБТМ, я сразу отметил, выделил из всех Володю. Да и не трудно это было сделать: всех остальных, пришедших вместе со мной, уже знал по институту, благо все мы учились на родственных по специальностям факультетах, а с десяток и вовсе с нашего потока радиотехников. Но более полугода мы с ним ограничивались короткими приветствиями. Во-первых, он был старше нас на четыре-пять лет, учился на заочном — тоже по радиотехнике; во-вторых, пришел он все с того же радиолокационного НИИ, то есть общался более с начальниками, бывшими коллегами. Наконец, немного посидев за паяльником и осциллографом, Володя активно включился в общественную жизнь: фотографировал, бегал с кинокамерой, а потом и вовсе стал появляться только в дни аванса и расчета. Начальники наши добродушно посмеивались: «Вошел Володя в свою колею! Сам директор ему поручения дает по подготовке к юбилею завода».

...1980-е

...1980-е

Познакомил же нас колхоз.

...Кстати, уважаемый читатель, вы обратили внимание: уже четверть века всякий выступающий по радио-телевидению обязательно лягнет по поводу и без повода советскую власть? А вот про посылку инженеров и рабочих в колхозы и совхозы — ни полслова! Хотя, казалось бы, такая благодатная тема для критиков нашей славной советской поры. А все потому, что молодые и средние возраста ничего об этом не знают, а более старшие годами с теплотой вспоминают о своей молодости, а поездки в колхоз — разрядка от рутины рабочих будней. Опять же снова молодость с ее девизом: «Война и колхоз все спишут!» Вот и не трогает злопыхатель поневоле — иначе на радио-телевидение не пустят больше — эту ностальгическую тему.

В первый год работы меня колхозом не докучали: ни зимой на снегозадержание, ни весной на посевную, ни летом на прополку свеклы, ни осенью на ее же уборку. Просто главк проверял вновь созданное СКБ «на вшивость»: дали задание за год спроектировать и разработать блок управления для управления же по лазерному лучу противотанкового гаубичного снаряда. Я попал в группу разработчиков и весь табельный год сидел за паяльником, осциллографом и радиочастотным генератором.

...1980-е

Но в конце первой декады июня следующего лета ко мне подошел начальник нашего сектора Евгений Александрович Даев, сделал дважды задумчивую восьмерку около стола, сказал: «Завтра очередная группа в колхоз едет. Ты — с ними».

«А как же задание?» — Дело в том, что пару месяцев назад мне поручили нечто немыслимое: в одиночку расчетно-теоретически спроектировать, а потом и смакетировать на печатных платах систему радиоуправления и связи, причем помехозащищенной, с ДПЛА — проще говоря, с беспилотным самолетом. В случае успеха была обещана высокая для молодого специалиста должность инженера-конструктора второй категории.

...1980-е

Евгений Александрович был сыном лесника и детство провел в одиноком лесном доме, поэтому говорил мало, маскируя природный юмор нарочитой серьезностью: «Войны в ближайшие десять лет не предвидятся, а свекла не техника, у нее сроки созревания не переносятся. Поезжай, Алексей. Через месяц вернешься к своим цацкам».

...Но вернулся я к ним только через три с половиной месяца — в начале октября. И всему «виной» знакомство с Володией.

К тому времени энергией нашего начальника Станислава Ивановича СКБТМ отделился от завода и стал именоваться ЦКБА (см. расшифровку выше). Соответственно и коллектив начальников и подчиненных вырос до двух сотен. Поэтому группу для колхоза собрали поболее двух десятков. Естественно, с преобладанием молодых спецов (см. фото Владимира Белтова ниже).

Зато в группе этой оказался весь цвет учреждения: Володя, которого отвлекли-таки от фотокиноръемок, Паша Грожан, Лева Тепляков, оравший на весь автобус, что-де у него партия «пластов» на подходе, Саша Козловский, Слава Воробьев и другие замечательные личности.

Когда зафрахтованный автобус подкатил к правлению подшефного колхоза (названия не помню... что-то про коммунизм) в Тепло-Огаревском районе, то вышедший на шум пред разразился яростным спичем: «На кой хрен вас прислали? Первая прополка закончилась, а до второй еще месяц! А ваша орда у меня за этот бездельный месяц целого быка сожрет!»

Старший группы и инженер-повар Зоя задержались в Туле на три-четыре дня по семейным делам (каждый по своим), поэтому по старшинству обязанность ВРИО

взял на себя Володя: «Товарищ председатель! Планы и графики помощи селу согласованы с вашим райкомом и утверждены сельхозотделом обкома партии. У вас другое мнение?»»

...1980-е

Пред смачно сплюнул, выматерился при женщинах и ушел в правление. Вышедший ему на смену колхозный парторг деловито распорядился идти на взгорок в школу. Через час туда придет завхоз, решит дела с постельными принадлежностями, а к полудню завезут харч. При этом он, не отрываясь, пристально смотрел на Володю, экипированного под альпийского горного стрелка.

Народ двинулся в сторону холма, где стояли школа и колхозный клуб. Володя, уловив интерес парторга, попридержался.— И я на правах адмирал-адъютанта, в которые меня произвел наш патрон. В автобусе мы сидели рядом. Володя, расспросив меня, уяснил: я из Заполярья, умею делать руками все, даже дробь катать для охотничьих патронов, радиолюбитель-коротковолновик, заведовал в школе радиоузлом, а в институте был бессменным старостой группы, политически грамотен, редактировал стенгазеты. Володя, чуть подумав, сказал:

— Надеюсь, к земледельческому труду не склонен?

— Ничуть. На моей исторической родине только мох на скалах растет и морошка с черникой на торфе.

— Это хорошо. Будешь моим генерал-адъютантом. То есть, учитывая твоё военноморское происхождение, адмирал-адъютантом.

Меж тем парторг со счастливой улыбкой подошел к нам, обращаясь к Володе:

— Извиняюсь, товарищ. Не вы ли в прошлом году вели фото- и киносъемку на областном сельхозпартакте в Туле, в ДК комбайностроителей?

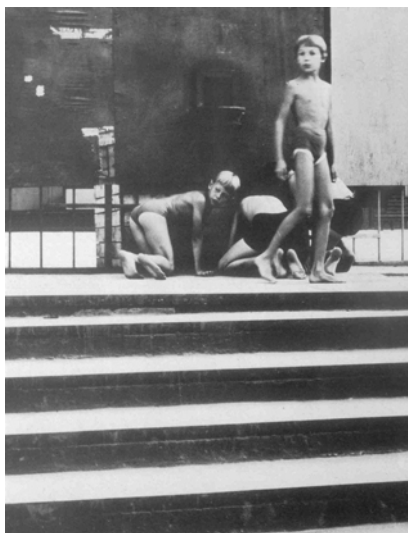
— Так точно. Есть предложения?

— Есть и очень серьезные.

— Значит так, мне сейчас надо народ устроить, накормить и воодушевить на труд. А через три-четыре дня подъедет постоянный старший — и я буду в вашем распоряжении.

...О том, как мы провели полтора месяца в колхозе — это можно рассказать только в занимательной повести страниц на сто пятьдесят (сделал себе пометку в памяти). Скажу только, что колхоз наш получил первое место в межрайонном смотре по на-

глядной агитации, а пред выдал нам с Володей пятьсот рублей, деньги тогда огромные, и справку, что мы трудились еще и грядущий август-месяц. В сентябре я был в очередном отпуске, то есть появился на службе только в начале октября, проведя вне стен родной «конторы» почти четыре месяца.

...1980-е

...1980-е

Еще одна тема для повести о былом — как Володя был истинной душой города. И о наших совместных делах: съемки фильмов, для которых я писал сценарии, оформительская работа и многое другое.

* * *

Я намеренно остановился выше на событийной стороне деятельности и жизни Володи, дав их абрис как друг и соратник. В нижеследующих материалах дана собственно оценка его творчества.

...1980-е

...1980-е

ПРОСТО ФОТОГРАФ

«Вся моя жизнь — это фотография», — однажды сказал Владимир Белтов.

Но он мог бы и не произносить этого вслух — те, кто были знакомы с Владимиром Николаевичем или хотя бы однажды видели его работы, это и так прекрасно понимали. Для Белтова фотография была профессией, к которой он относился с предельной честностью и преданностью. Она была его философией и его служением.

В 2009 году, празднуя 65-летие, Владимир Николаевич сказал, что отмечает еще один не менее важный для него юбилей: 50 лет занятий фотографией. И вспомнил, как пятнадцатилетним парнишкой сделал свой первый снимок: фотоаппарат «Зоркий-С» тогда дал ему в руки отец, тоже большой поклонник фотографии.

За 50 лет технологии ушли далеко вперед, «Зоркий-С» давно стал антиквариатом, в нашу жизнь вошли «цифра» и «фотошоп», а вместе с ними — глянцево-дизайнерское отношение к фотографии. Хотите красивую картинку — никаких проблем: щелкнул — а потом работай с исходным материалом. Здесь можно подчистить, там — убрать, здесь — добавить цвета. Появилось понятие «фотохудожник», которое Владимир Белтов категорически не принимал. Он называл себя просто фотографом. И подчеркивал, что для него главное — видеть и запечатлеть жизнь такой, как она есть.

— Есть только мгновение, здесь и сейчас, и оно никогда не повторится, — говорил Владимир Николаевич. — Важно его увидеть и поймать. Иногда это происходит случайно, иногда осознанно. Но если ты упустил этот миг, больше его никогда не вернешь...

Мгновения, «увиденные и пойманные» Белтовым, не исчезли. Они продолжали и до сих пор продолжают жить вместе с людьми, попавшими в кадр, с эмоциями, которые испытывал в тот момент автор. Для мастера не существовало ненужных деталей и неинтересных лиц, уродливых строений и невыгодных ракурсов. Ему была интересна обычная жизнь и обычные люди во всех своих проявлениях — никакой искусственной лакировки и украшения.

Некоторые его работы могли бы показаться социально жесткими, если бы в них чувствовалась холодность — и беспристрастность автора. Однако Владимир Николаевич никогда не оставался равнодушным к тому, что видел и фотографировал. Он сочувствовал — и ужасался, иронизировал — и удивлялся, старался проникнуть в суть вещей, человеческих судеб и характеров. Каждая его работа становилась историей, рассказанной честно и правдиво.

Владимир Николаевич очень любил снимать стариков и детей. В глазах пожилых людей он будто читал пережитое. В глазах детей пытался прочесть то, что им предстоит пережить. А еще он очень любил снимать Тулу. Но не парадно-открыточную, а повседневную и непричесанную. И в этой повседневности находил самобытность и красоту. Он делал это много лет, порой изумляясь тому, что каждый раз открывает в своем любимом городе что-то новое, ранее не увиденное и не понятое. По сути, он создал фотолетопись Тулы начиная с 70-х годов прошлого века.

Владимир Николаевич никогда не прекращал снимать. В последние годы увлекался экспериментами с цветом, хотя, как признавался сам, по-прежнему считал черно-белое фото более настоящим и выразительным.

Владимир Белтов не один год проработал фотокорреспондентом в тульских газетах — «Коммунаре», «Молодом коммунаре», «Туле», Слободе». Но даже после того, как ушел из журналистики, продолжал общаться с бывшими коллегами, часто звонил, предлагал темы, отмечал удачные статьи или снимки. Он в душе оставался газетчиком: ему была искренне интересна эта бурная, быстро меняющаяся жизнь.

Однако Владимир Белтов останется в тульской истории не только как удивитель-

но талантливый фотограф. Он был прекрасным учителем. Именно учителем, а не педагогом — в привычном смысле этого слова. Работая с начинающими фотографами, избегал менторства, сухих разговоров — о технике и композиции, всегда говорил с учениками на равных, считая, что каждый имеет право на индивидуальное высказывание. Владимир Николаевич вырастил несколько поколений фотографов, многие из них давно сами стали мастерами — они до сих пор вспоминают с теплом и благодарностью «уроки Белтова». И не только они: долгие годы Владимир Николаевич преподавал в клубе радиоуправляемых моделей Тульской городской станции юных техников. Для кого-то из его воспитанников занятия электроникой остались увлечением, для кого-то определили выбор профессии. Однако и для тех, и для других Владимир Николаевич останется примером страстного отношения к жизни, к своему делу и к людям.

Ирина Скибинская.

(Каталог фотовыставки — см. сноску выше)

ТАЛАНТЫ НЕ ЗАБЫВАЮТСЯ

В музее «Тульский некрополь» проходит выставка памяти двух тульских фотографов, ушедших из жизни, — Владимира БЕЛТОВА и Сергея ПАВЛОВА.

— Это была идея их коллег, хотя экспонирование фотографий — не новость для нашего музея, — подчеркнул директор «Тульского некрополя» Александр Аладдин. — Сегодня здесь представлена черно-белая фотография, которая, на мой взгляд, более выразительна, чем цветная. В фотоснимках фотограф оставляет для потомков частичку своей души.

— Хорошую фотографию довольно просто отличить от плохой, — продолжил фотокорреспондент, один из инициаторов организации выставки Андрей Лыженков. — Вопрос в том, сделает ли она тебя лучше. Фотографии, которые мы видим сейчас, не оставляют сомнений: они пробуждают в душе светлые, добрые чувства.

И, может быть, поэтому в подготовке выставки и выпуске каталога-буклета приняли участие так много людей. Как признался Андрей, никто из тех, к кому обращались за помощью, не остался равнодушным. Проявилось удивительное журналистское братство, ведь оба фотографа — и Владимир Белтов, и Сергей Павлов — были газетчиками.

— Спасибо за память, за то, что талантливых, умевших любить людей не забывают... — высказала свою искреннюю признательность сестра Сергея Павлова.

Оба фотографа впервые взяли в руки фотоаппарат в юном возрасте. Владимиру Белтову дал свой «Зоркий» отец, тоже увлекавшийся фотографией. Талант Сергея Павлова проявился с первых занятий в фотостудии. Молодой парень поразил маститых коллег отличными репортерскими снимками со спортивных соревнований.

— Есть только мгновение, которое важно увидеть и поймать, — раскрывал секреты мастерства Владимир Белтов. Он ловил эти мгновения ежедневно, едва ли не ежечасно. С фотокамерой он практически не расставался, подтверждая собственное признание, что фотография — вся его жизнь.

С черно-белых снимков смотрят на нас его простые герои. Обыкновенные люди, которых можно встретить на каждом шагу. Выхваченные характеры, сюжеты — очень жизненные, и даже в условиях, казалось бы, «непрезентабельной обстановки» притягивают своим светом, позитивным отношением к окружающему миру.

У Сергея Павлова — пронзительные портреты, а в его серии «Детский дом» прочитывается светлая печаль... Потому что самые грустные детские глаза все равно смотрят на этот мир с надеждой...

Хочется сказать искреннее спасибо организаторам выставки за то большое дело, которое они сделали. Собственно, этим они сказали нам, как важно уметь не забывать и оставаться верными памяти тех, кто этого действительно заслуживает.

Элеонора ЩЕРБАКОВА.
*Общественно-политическая региональная
газета «Тула» № 18 (1136), 15 марта 2012 года*

ВСЕ НЕ ПРИ ЖИЗНИ

Среди тульских журналистов от тридцати и старше, наверное, нет человека, который бы не знал Владимира Белтова. Талантливейшего, если не сказать — гениального фотографа, балагура со своей пронзительно-проницательной философией, газетчика по призванию и по состоянию души. Он ушел из этого мира морозным январским днем наступившего високосного года. А в самом начале весны коллеги — фотографы, корреспонденты — устроили в музее «Тульский некрополь» выставку его памяти, представив тулякам снимки Владимира Николаевича 1980-90-х годов.

— Идея организовать выставку возникла спонтанно, — рассказал фотохудожник Андрей Лыженков. — Просто как-то встретились, разговорились: «А давайте?..» То, что происходило потом, стало, по моему мнению, неким знаковым символом нашего корпоративного братства. Равнодушных не было: все, к кому мы обращались, проявили участие, заинтересованность, оказали посильную помощь. Жаль, конечно, что у Белтова не случилось выставок при жизни, но то, что мы видим здесь сейчас, — уже событие.

— Хорошее фото очень легко отличить от плохого, — заметил Андрей. — Критерий оценки довольно прост: сделала ли тебя лучше именно эта фотография. Снимки, которые представлены на выставке, не оставляют сомнений в том, что они делают нас лучше, пробуждают светлые чувства. Они позитивные. В них — глубина жизни, ее сокровенный смысл...

...Белтов умел видеть в простом — сложное, мог подмечать такие детали, при взгляде на которые существование на этой земле открывалось совершенно другими, непознанными гранями... Он, безусловно, был Мастером в своем деле. Любил фотографию как женщину. И был верен ей всю свою жизнь.

Владимир Николаевич ценил каждый миг, каждое мгновение и старался запечатлеть, сохранить их на пленке. Единожды увиденное, никогда неповторимое...

Его снимки — даже самые, казалось бы, «жесткие», «непричесанные» — неизменно добрые. В них отражается свет его души — непростой, противоречивой, но — светлой. Он любил этот мир и оставил его для нас в своих фотографиях таким, чтобы, глядя на них, мы не переставали дорожить им...

Александр Новохацкий,
«Аргументы и факты в Туле» № 11 (508)

БЕЛТОВ Николай Николаевич (10.08.1920, Иркутск — июль, 1986, Тула), участник Великой Отечественной войны, гвардии подполковник.

Родился в семье потомственного военного артиллериста. Закончил среднюю школу в г. Владимире, Рязанское артиллерийское училище. Став кадровым военным, в начальный период Великой Отечественной войны с ответственным заданием был направлен в г. Харбин; на завершающем ее этапе в составе Белорусского фронта

принимал участие в Берлинской операции. Опытному разведчику, тогда старшему лейтенанту, Б. удалось 1 мая 1945 г. в 6—7 часов утра водрузить красный флаг на Триумфальной арке Бранденбургских ворот — главном оплоте и символе фашизма и реваншизма, что имело в ходе штурма Берлина огромное моральное значение. За этот подвиг Б. был представлен к званию Героя Советского Союза. Но по ряду причин документы не были оформлены. После окончания Великой Отечественной войны служил некоторое время заместителем коменданта Магдебурга в Германии. В 1961 г. назначен командованием Московского военного округа военным комендантом Тулы и с того времени до самой смерти проживал здесь. Похоронен на Тульском центральном городском кладбище.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями.

Лит.: Шестаков К. Победный флаг туляка // Тула, 2001. 5 июля.

«Тульский биографический словарь.

Новые имена».—Тула: ИД «Пересвет», 2003. — С. 29.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Леонид Ханбеков
(г. Москва)

ВИДЕНИЕ И ПРЕДВИДЕНИЕ

Во время работы над книгой-очерком о творчестве Алексея Яшина^{*} я попросил писателя из Тулы прислать нечто вроде расширенной, фактологической автобиографии: как жизненной, так и собственно литературной. С присущей «выпускнику Северного флота», как он себя именует, обстоятельностью Алексей Афанасьевич умудрился и свою биографию представить в форме художественного повествования. В частности, он образно описал историю появления рецензируемого романа^{**} (передаю по памяти, поэтому не закавычиваю). Суть же в следующем.

Как-то в самом конце «эпохи позднего Брежнева», уже украшенного пятью геройскими звездами в два ряда, приснился тогдашнему инженеру-конструктору тульского оборонного предприятия и студенту-заочнику Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР головоломный, но и обстоятельный сон. И еще один существенный момент. Обычно почти все детали сна забываются напрочь, остается только его «укрупненная» тема.

Но в данном случае, во-первых, сам сон оказался построенным как продуманное художественное произведение с ясной фабулой, четким сюжетом и композицией... вплоть до характеристик наиболее колоритных персонажей. Во-вторых, все эти детали сна, даже второстепенные, никуда из головы не уходили до тех пор, пока наш сновидец, потратив пару месяцев вечернего бдения за письменным столом, не перенес все это на бумагу.

Получился роман. Явно с немалой толикой фантазии, но именно той, что принято называть жизненной. Все же автор не решился по провинциальной робости не то что «сунуться» в какое-либо издательство, даже в местное Приокское книжное, но ни словом не обмолвился на занятиях семинара (руководитель Борис Михайлович Зубавин) в Литинституте.

Главное — автор не мог сам себе объяснить: в чем суть аллегории, составившей

^{*} Ханбеков Л. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина.— М.: «Московский Парнас», 2008 (Серия «Созвездие России»); то же самое см. в книге: Ханбеков Л. Собр. Сч. В 4-х тт. Т. 4.— М.: «Московский Парнас», 2009.

^{**} Яшин А. А. Видение на Патмосе: Роман-предвидение в 6-и частях / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— Москва: «Московский Парнас», 2011.— 407 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

сюжет приснившегося романа? Что символизирует медленное тление-гибель рядового, провинциального же коммунхозовского учреждения? Но как человек любознательный, прочитавший все, что можно было в те годы «достать» из книгохранилища областной библиотеки и домашних собраний друзей-книголюбов из изданий 20-х годов Фрейда, Лебона и их соратников, Алексей Яшин прекрасно понимал: все это не путанная игра сонного разума.

Действительно, сон — это чистая работа подсознания, то есть той гигантской (не по размерам!) вычислительной машины, что и осуществляет все процессы мышления человека. Работает эта машина сама по себе, зачастую не ставя в известность наше оперативное сознание — сиюминутное, вспомогательное.

...И вот у нашего автора его подсознание выдало аллегорическое и грозное предупреждение. Или предсказание — все на основе отображения реальной жизни. Примерно в таком смысле Алексей Яшин и писал в своей беллетризованной автобиографии.

Теперь же, уважаемый читатель среднестарших и старших поколений, вспомним реалии жизни на рубеже 70-х и 80-х годов прошлого века.

Престарелое наше политбюро во главе с дряхлеющим «вторым Ильичем» напугано решающим натиском Запада: от размещения в Европе натовских ракет средней дальности со временем подлета к Москве 15—20 минут. А бывший голливудский актер Рейган в духе продукции «Юнион Пикчерс» запускает мифическую «утку» о создании СОИ — стратегической оборонной инициативы.

Четко улавливающие настроения «бессмертных» советские СМИ нагнетают массовый психоз среди населения СССР. Были ли уже тогда эти самые СМИ подчинены, хотя бы и втемную, агентам влияния Запада? — Сложно ответить, такие концы всегда в воду прячутся. Но ведь никто не объяснял доверчивому народу, что в перспективе натовским ракетам средней дальности уже массовой серией выпускается наша «Ока», детище коломенского академика Сергея Павловича Непобедимого, способная за те же 15—20 минут разнести в клочья все базы НАТО в Европе... Не зря же первой «сдачей» Горби-демократизатора Западу стало уничтожение «Оки» и снятие с должности генерального конструктора Непобедимого — в фарсе «выборов народных руководителей» предприятий.

И на голливудский миф о СОИ, которую в США никто и не собирался создавать, в СССР уже создавалась высокоэффективная антиСОИ*.

...Но никто об этом народу не говорил: СМИ уже загодя «перезагружались», говоря модным сейчас термином, на светлое капиталистическое будущее, а старцы из политбюро, как и все животные, становились все трусливее год от года.

Но все же наибольшую тревогу и неуверенность в своем будущем народ испытывал, интуитивно ощущая в наметившихся внутри страны тенденциях. Это сдвиг мотива на цель, говоря языком психологии, в части роста частнособственничества, накопительства и потребительства. Советский народ выдержал все невероятные испытания, но не смог устоять перед соблазном сытости 70-х годов и на глазах менял свой ориентир от коллективизма к сугубому индивидуализму.

Поэтому совершенно неудивительно, что автор предваряемого нами романа, подсознательно анализируя эти невеселые тенденции, и отобразил все это в своей художественной аллегории. Более того — спрогнозировал рост тенденции разрушения до наших дней и, чего бы не хотелось, на последующие годы.

Что еще стоит сказать читателю, открывшему эту книгу? Аллегория автора столь ясна, прозрачна и незатуманенна, что автор не считал нужным менять реалистический антураж сюжета, то есть переименовывать контору в офис, столоначальников в ме-

* Это опять же по авторитетному мнению Алексея Яшина: свои две первые диссертации — кандидата и доктора технических наук — он защитил в ведущем московском авиационно-космическом институте, где был привлечен к названной тематике, даже стал тогда автором нескольких «закрытых» изобретений...

неджеры и так далее. А зачем? — Неужели что-то существенное, исключая порчу русского языка американизмами, изменилось за последнюю четверть века в сознании и бытии обычного человека? — Простого — по советской терминологии, обывателя — по нынешней... Разве что еще доселе невиданное в мире диспропорциональное разделение на сверхбогатых и сверхнищих? — Но это лишь один из признаков всеобщего разрушения в социальном плане.

...Как всегда в книгах Алексея Яшина, очень к месту иллюстрации. Здесь на контрасте: что строили и что получили в результате проигрыша СССР в Третей (информационной) мировой войне, завершившей очередной этап мировой истории. А что дальше? — Надо постоянно держать в уме римскую формулу: «Ганнибал у ворот».

«ОТ ТРУДОВ ПРАВЕДНЫХ...»

Перед вами, уважаемый читатель современной русской литературы — именно литературы, а не коммерческой печатной жвачки, — двадцатая по счету, в определенном смысле юбилейная, книга* известного писателя-прозаика из Тулы, моего коллеги по руководству Академией российской литературы, главного редактора «толстяка» «Приокские зори» Алексея Яшина.

Уже не первый год он публикует свои новые произведения в нашем издательстве Независимого литературного агентства «Московский Парнас»... И традиционно предисловия к книгам Алексея Яшина «достается» писать вашему покорному слуге. Причем дело здесь не только и не столько в личных дружеских отношениях и деловом, литературном конечно, сотрудничестве по линии редактируемых нами периодических изданий — журнала «Приокские зори» и альманаха «Московский Парнас». Дело как раз в ином. Позволю себе немного «пофилософствовать».

В сложной, не хуже придворного церемониала, веками выработанной иерархии тружеников пера — они же избранники Муз — есть множество градаций: от коллежских регистраторов литературы «начинающих» и «подающих надежды» до высочайших титулов и определений таланта. И вот где-то между литературными коллежскими асессорами и статскими советниками наличествует титул писателя самобытного. С одной стороны, он несколько обтекаемый, с другой — что-то таинственно сокрывает.

...Это как безымянный палец на руке: вроде как не имеет родового наименования, но зато не участвует в сложении обидного кукиша, а главное — женщины именно на нем носят самую большую свою драгоценность: обручальное кольцо, а лауреаты журнала «Форбс», как любит повторять Алексей Яшин, на нем же демонстрируют «гайки с брюликами» из разворованного в 90-х годах Гохрана...

Не такой он простой — безымянный палец! Именно через него человек обручается на всю жизнь, а если кольцо ассоциировать с литературой, то это символ обручения с ней. Так и «самобытный писатель» — определение литератора от-самого-быта, то есть особым, отличительным образом обручения с художественной словесностью, более того — и обреченного быть-стать писателем.

К таким самобытным с полным правом следует отнести и Алексея Яшина. Потому и писать предисловия к его книгам не просто интересно, но это есть и познавательный творческий труд. Именно труд, а не работа — слово, вообще говоря, сомнительного достоинства: раб работает, а творческий человек именно трудится... Однако — от философствования — к делу.

Если предыдущие книги Алексея Яшина, его романы, повести, циклы «рассказов Николая Андреевича», есть, по-преимуществу, «взгляд со стороны позитива на негатив», то «Квадратная пустота» разнообразит сюжетные ходы в арсенале художе-

* Яшин А. А. Квадратная пустота: Роман-новелино / Предисл. Л. В. Ханбекова: академия российской литературы. — Москва: «Московский Парнас». — 2012. — 372 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ственных средств автора. Здесь все наоборот: статус главного героя романа получает что ни на есть самый отъявленный «негатив» нашего времени: представитель нынешнего господствующего класса — нувориш, чудовищное порождение запоздалой в рамках мировой истории эпохи первоначального накопления капитала.

Зачем автору понадобился столь радикальный прием? — А все за тем же, для достижения максимального эффекта художественного отображения действительности, вовсе не балующей нас избытком позитивного начала... и продолжения тем более.

В рамках художественного метода критического реализма, свято исповедуемого Алексеем Яшиным,^{*} это весьма действенный прием, причем хорошо и добросовестно апробированный в классической русской и советской литературе. Достаточно вспомнить, что называется навскидку, «Угрюм-реку» Вяч. Шишкова с его колоритным образом Прохора Громова, романы и пьесы А. М. Горького, произведения Чаплыгина... Да разве всех зараз переберешь?

...Как говорится, прием и обстоятельства его приложения те же, но с поправкой на другое время, относительно которого уже за двадцать лет бытует характерная прическа: были времена потруднее, но не было подлее... По другому и не скажешь.

Если для того же Прохора Громова существуют и активно воплощены в его характере такие нормативные человеческие качества, как любовь, семейственность в определенном смысле, потребность человеческого общения, тяга к практическим знаниям, контролирующая самооценка, видение смысла своей бурной деятельности — правда, до определенного же момента, то для героя «Квадратной пустоты» все это ветошь, артефакт былой, ненавидимой им жизни, а все окружающее его — нуль, пустота. Откуда и название романа.

Это герой со многими отрицающими приставками «анти» есть воплощение взбесившейся мелкобуржуазной биомассы, вырвавшейся из-под семидесятилетнего санитарного спуда и злоопухолью растекшаяся по 1/6 части земной суши. Это определение Алексея Яшина, образности которому не занимать.

...Читая «Квадратную пустоту», припомнил, что автор ранее уже опробовал этот сюжетный прием, а именно в рассказе «Вор у вора...», вошедший в книгу «В час волка». Понятно, что рамки рассказа, хотя бы и по-лесковски пространный, не позволили Алексею Яшину в полной мере реализовать этот сюжетно-характерный ход. Что же, такова диалектика писательского творчества в раскрытии довлеющей над ним идеи: от малых «пробных» форм к выстраиванию законченной композиции романа, который был и остается высшим воплощением прозаического жанра. Что бы там не говорили об окончании романной традиции в век интернетовского околотеатурного мусора (мнения Лимонова и многих других).

...А можно и проще, без литературной терминологии сказать: новый роман Яшина о том «грядущем хаме» (по Д. С. Мережковскому), что уже стал самодовлеющей явью нашей жизни. Вот такие-то «господа из подворотни», вожаки и маяки устремлений столь лелеемого нами среднего класса, и правят бал в нашей разворванной стране. Ладно — разворовали, в русской истории вору всегда, исключая сталинские времена, были в законе. Нам — стать не привыкать. Но сегодняшний хам еще и культуру опустил до помоечного уровня (см. рассказ того же автора «Коллоквиум на помойке» в «Московском Парнасе» № 2, 2011), науку с промышленностью, а равно образование и сами умственные способности некогда великого народа, свел почти к абсолютному нулю.

Что ни говори, как не мечтай о возвращении общества социальной справедливости и гармонии, но страной правят эти самые господа из подворотни. Правят в том, реальном смысле, что все государственное устройство, вся пресловутая демократиче-

^{*} Заметим: исповедуемый Алексеем Яшиным не только в творческой практике, но и как предмет теоретизирования; см. его «Манифест нового русского критического реализма» («Приокские зори» № 1/2011).

ская надстройка служит им в своих законах. А не менее пресловутый средний класс — это та питательная среда мелкобуржуазной биомассы, человеческого навоза, из которой и выходят «в люди» эти самые «грядущие хамы», гигантские навозные мухи со стократ усиленным инстинктом бездумного накопительства.

И возникает естественный вопрос: а что за душой, вернее — неким ее подобием, у этого героя-гегемона наших дней? Вот такой вопрос и задал себе Алексей Яшин. И попробовал ответить в «Квадратной пустоте».

А зачем? Какова здесь сверхзадача? — Просто надо помнить: лишь немногие люди живут и действуют по стоическому принципу моральной самооценки: мне не важно, что думают обо мне другие, но мне важно, что я сам о себе думаю. Но большинство же чутко прислушивается к мнению других о себе. А уж как хочется так называемому простому человеку знать: а что думает о нем, хотя бы и обезличенном, типичный хозяин новой жизни? Вот об этом-то и роман.

Контрвопрос: а зачем ему, усредненному, знать мнение о своей невеликой персоне «со стороны» сильных мира сего? — Но ведь на то он и человек общественный, коллективный, даже в таком вот раздраенном коллективе-социуме, где один лопаet от пуза бублики, а другому достаются одни лишь дырки от таковых.

Так ему-то, дырочно-бубликовому, безразлично: а за кого его держат нынешние гегемоны такой удобной одним, но крайне неудобной для масс-медиа, жизни? — Ведь человек XXI века все же не овца, которой, в общем-то, безразлично: волк ли ее сожрет, или хозяин-джигит скушает ее мясо в шашлыке либо бешбармаке...

Хочется сразу остеречь читателя от двух предвкушений от чтения романа. В нем нет живописных картин в стиле сериалов о «волчьих девятостях» и вообще отсутствует детективная канва. Все же писатель Алексей Яшин если не выше (это от упреков в самонадеянности), то уже точно в стороне от пиаровской, заказной и прочей глянцево-беллетристики.

И второе: не следует особо настраиваться на социально-протестную ноту при чтении «Квадратной пустоты». Это не сверхзадача, даже просто не задача автора. Просто он следует основному содержанию творческого метода критического реализма: писатель всегда по определению находится в оппозиции к власти имущим. Но — как подчеркивает Алексей Яшин в упомянутом выше «Манифесте» — в оппозиции именно конструктивной. И еще один, но весьма существенный момент, — не зря автор проекта «Манифеста» соотнес его с «новым русским критическим реализмом». Именно новым, учитывая, что базовая цель и задача современного критического реализма есть борьба с фактором расчеловечивания, увы, главной опасностью для современного человека. Неважно, где он живет: на зажравшемся Западе, голодной Африке, бушующей «исламской дуге», в небывало социально дифференцированной России, в Китае, сейчас непонятно с каким социально-экономическим и политическим строем...

И в этом расчеловечении уже не важны строй, религия, история и традиции. Просто мировая эволюция вплотную подошла к реальному глобализму, где уже любой человек — винтик. Или гайка — кому как нравится.

Вот это и есть стержень романного действия. Да и само его название слишком прозрачно: ведь гениальность «Черного квадрата» (при всем нашем осторожном отношении к модернизму) состоит не в вековой запиаренности, не в образцово-показательной рыночной оценке, не в неиссякаемом интересе Запада к русскому авангардизму в живописи первой четверти XX века.. Нет, наивная гениальность (а разве она бывает иной?) этой незамысловатой картины-символа в том, что она олицетворяет бездонную пустоту отчаяния человека, не понимающего: для чего он живет? Но это и не пустота «Аленушки у омута», нет, Аленушкина пустота отчаяния еще сможет обернуться надеждой. Горе забывается. Но вот квадратная пустота надежды не сулит. Такая вот символика названия романа... Только ли романа? — А может и всей нашей нынешней жизни?

«ИЗ АЛЬБОМА ПАМЯТИ МОЕЙ...»

Рассказ о сборнике «Стихи разных лет»* Никандра Rassvetova** хочется начать словами самого же автора: «Немножко моих стихов, немножко моей души, немножко моей жизни... Книга издана в Израиле... Живу здесь, но говорю, пишу, думаю и чувствую по-русски. Что делать — я весь оттуда...» Этим многое сказано. Об этом и стихи.

Стихотворения автора — это и любовная, и пейзажная, и философская лирика. Звучат и христианские мотивы. Но самая сильная мелодия поэта в его симфонии любви к жизни — все же ностальгия, тоска по России, по родным астраханским местам, по детству и молодости, по друзьям — по всему тому, что осталось там и тогда.

*Желтый лист, как ранняя сединка,
На листве июльских тополей.
Сердцу милая, поблекшая картинка
Из альбома памяти моей...*

(«Желтый лист, как ранняя сединка...», с. 32)

*...И как летний день кристально ясен,
Как шуршит осенняя листва,
Как заснежен, тих и как прекрасен
Вечер накануне Рождества...*

(Голубь, с. 11)

*А мне милей провинциальная Россия,
Далеких улиц, палисадников привет.
Швыряет полдень листья золотые...
Ах, как мне хочется, как жаль минувших лет!..*

(«А мне милей провинциальная Россия...», с. 109)

И где-то даже звучит убеждение, что все в жизни уже давно и безвозвратно позади.

*...Отцвело, отбегалось, отпелось...
И не будет больше ничего.
Золотая, яблочная спелость —
Ароматы детства твоего...*

(«Рухнули последние надежды...», с. 29)

Но сердце поэта наполнено неравнодушием ко злу, которое было и остается таковым и в России, и везде в мире.

* Никандр Rassvetov. Стихи разных лет. — Лод: Типография «Semel», Израиль, 2011 г. — 122 с.

** Никандр Rassvetov (Евгений Коперник) родился в СССР в г. Астрахани в 1962 г. Жил в разных регионах России. С 1998 г. в Израиле.

*...Ну а двести миллионов цепей
Держит потный, мохнатый кулак...*
(«У ста тысяч красивых людей...», с. 38)

*...Тяжел у Земли ее крест,
И горы свернув в океан,
Свой вой вознося до небес,
Ревет торжествующий хам...*
(«Идет по планете Земля...», с. 17)

Такая позиция не случайна, ибо в основе лежит привитая в детстве мораль и любовь к людям.

*...Сумей уберечься от грязных дорог,
Успей запастись терпением впрок...*
(«Спасайся, кто может...», с. 28)

Мы не знаем, к какой религиозной конфессии принадлежит Никандр Rassvetov (а если без псевдонимов, Евгений Коперник), но то, что он в глубине души христианин, видно из следующих строк:

*...Ты прости ее, Господи,
Как простил Магдалину,
Ты пусти ее, Господи,
В эту малую дверь,
Только Ты можешь, Господи,
Судить Магдалину,
Неоплаканный образ
Невозвратных потерь.*
(«Мадалина Маноли...», с. 51)

В целом сборник производит благоприятное впечатление, читается с интересом и легко. Надеемся, что поэт станет постоянным автором журнала «Приокские зори».

Ярослав Брагин (г. Тула)

ГДЕ ЧИТАЮТ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»: ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА СИЭТЛА

Публичная библиотека Сиэтла — центральная в библиотечной системе, обслуживающей г. Сиэтл (штат Вашингтон, США). В нее входят 26 филиалов, а также мобильные библиотеки, Вашингтонская библиотека говорящих книг и Брайлевская библиотека. Первая же официальная библиотека в городе открылась в 1890 году. Все эти библиотеки, за исключением одной, были созданы при поддержке деятеля и филантропа шотландско-американского происхождения Эндрю Карнеги, на гранты которого построено более 2500 библиотек в разных странах мира.

Центральная библиотека Сиэтла открылась в 2004 году. Основные авторы проекта — Рем Кулхас и Джошуа Принс-Рэмус. Это уже третье по счету здание центральной библиотеки в этом месте. Оно уникально по внешнему виду — состоит из нескольких самостоятельных «плавающих платформ», как бы заключенных в крупную стальную сетку, наброшенную на стеклянную «кожуру». Здание имеет 11 этажей общей высотой 56 метров. Его площадь — 34 тыс. кв. м, вместимость — 1,45 млн. книг и других материалов. Имеется общественная подземная парковка на 143 машины и более 400 общедоступных компьютеров.

Новая библиотека — несомненный местный ориентир — вырисовывается на фоне неба. Она втиснута в компактный, но сложный объем, состоящий из трех горизонтальных частей — иконографическая отсылка к геометрической простоте. Все здание охватывает единообразная, но при этом поделенная на секции оболочка, причем объемы, составляющие здание, отвечают уклону местности между 4-й авеню и Мэдисон-стрит: он многократно повторяется в дизайне здания, прорисованный в местах соединения основных частей постройки.

Здание отличается характерной скульптурной конфликтностью, которая переопределяет взаимодействие между читальными залами и мультимедийными зонами. Она словно наделяет новым смыслом технические носители информации, которые теперь воспринимаются как эквивалент и дополнение традиционных печатных носителей.

При проектировании здания были учтены новейшие высокотехнологичные возможности передачи информации. В результате библиотека стала информационным центром для пользователей всех возрастов. Здесь можно не только прочитать книгу, но и расширить свои знания многими другими способами.

Информация, предназначенная для посетителей, распределена в библиотеке по восьми этажам, горизонтали которых сменяются свободным «течением» поверхности здания. Эта поверхность — «физическая аккумуляция движения» — развивается линейно и формирует ощущение гибкости зон библиотеки, которые воспринимаются как часть городской среды и достаточно податливы, чтобы приспособиться к спонтанным функциональным изменениям.

Мастерская организация пространства и движения, задуманная на основе аналогий, создает взаимодействие между различными тематическими зонами. Например, порядок расположения книг обозначен на полу рядом с полками при помощи цифровых кодов.

В течение первого года библиотеку посетило свыше двух миллионов человек. Начиная с 2006 года, проводятся архитектурные экскурсии по зданию. В 2007 году по результатам голосования здание заняло 108-е место в рейтинге 150 любимых сооружений США, составленном Американским институтом архитекторов. В 2005 году здание получило Национальную премию Американского института архитекторов.

Материал подготовил Ярослав Брагин

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, Тульскую областную библиотек работников образования, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного общества «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции областного городского общества «Мемориал», в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36) и еще 14 библиотек Тульской городской библиотечной сети.

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на

сайте www.medsu.tula.ru (в pdf-формате) Интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж), редакция журнала «Истоки» (Красноярск). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, Красноярска, СПб и ряда других городов. Журнал получают престижные библиотеки США: Библиотека Конгресса США и библиотека г. Сиэтла, а также Национальная библиотека Израиля в Иерусалиме.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культурно-просветительских учреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или *e-mail*. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на

оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

Сначала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» сам не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не имеет возможности материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также выходят с указанием названия академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 10 экз., если хочет, чтобы книга рассылалась вместе с очередным номером журнала по адресам обязательной рассылки.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах. — М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас». — 2011, № 6; 2012, №№ 1—3.
2. *Истоки*: Литературно-художественный и публицистический журнал (Красноярский край). — 2012. — № 1 (19).
3. *Бийский вестник*: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский альманах. — Бийск: ИД «БИЯ». — 2—12. — №№ 1, 2.
4. *Смеяться, право, не грешно*: Антология современной сатиры и юмора. Вып. 1. — М.: «Московский Парнас», 2011. — 184 с.

5. *Рождены для вдохновения*: Антология современной поэзии. Вып. 3.— М.: «Московский Парнас», 2011.— 176 с.
6. *Сверья быль и небыль*: Антология современной прозы. Вып. 3.— М.: «Московский Парнас», 2011.— 240 с.
7. *Рука к перу*: Антология художественного перевода. Вып. 3.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 162 с.
8. *Мы помним...* Книга воспоминаний и размышлений поколений. 1941 / Под ред. Ю. М. Осипова и Л. И. Ростовцевой.— Тула: Гриф и К., 2012. Ч. 1.— 476 с.; Ч. 2.— 444 с.
9. *Стариков Н. В.* Спасение доллара — война.— СПб.: Питер, 2010.— 256 с.
10. *Стариков Н. В.* Кризис: как это делается.— СПб.: Питер, 2011.— 304 с.
11. *Владимир Белтов.* Сергей Павлов. Каталог фотовыставки. Текст Ирины Скибинской.— Тула: Гриф и К., 2012.— 48 с.
12. *Бугримова О. Н.* Под родным небосводом.— Тула: Гриф и К., 2012.— 116 с.
13. *Бугримова О. Н.* Мои созвучия: Сборник стихов.— Тула: Гриф и К., 2012.— 120 с.
14. *Ханбеков Л. В.* Нерастрченная душа: Очерк жизни и творчество Дмитрия Мещанинова.— М.: «Московский Парнас», 2005.— 80 с. (Серия «Созвездие России»).
15. *Мещанинов Д. С.* Я — русский: Смутные рассказы.— М.: «Август — Борг», 2011.— 351 с.
16. *Макаров Н. А.* Дикорастущие съедобные растения.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 66 с.
17. *Макаров А. Н., Макаров Н. А.* Медики земли Тульской: Биографический словарь.— Тула: Гриф и К., 2012.— 25 с.
18. *Медицинские афоризмы* / Сост. А. Н. Макаров и Н. А. Макаров.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 220 с.
19. *Никандр Rassvetov.* Стихи разных лет.— Израиль, «Semel» г. Лод, 2011.— 122 с.
20. *Лукьянов И. В.* Исконность: Стихотворения и стихотворные переложения.— Воронеж: ГУПВО «Воронежская областная типография», 2012.— 384 с.
21. *Смирнов Н. А.* Варахшенок (автобиография).— Новомосковск: «Альтернатива», 2012.— 179 с.
22. *Булевич Т. А.* Тропой любви: Повести и рассказы.— М.: «Московской Парнас», 2011.— 234 с.
23. *Марьина Т. Н.* Путник: Повесть.— Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010.— 111 с.
24. *Крестьянкин С. О.* В погоне за упущенным временем: Сборник прозаических произведений разных лет (книга одиннадцатая). Тула: Гриф и К, 2010.— 232 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Яшин А. А.* Сны и явь полковника Хмурова: Педагогическая поэма в 3-х частях / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2011.— 550 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Яшин А. А.* Видение на Патмосе: Роман-предвидение / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2012.— 407 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Яшин А. А.* Квадратная пустота: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 382 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Маркин Г. Н.* Письмо с уведомлением: Повести и рассказы / Предисл. Е. Тре-

щева; Под ред. А. А. Яшина.— Тула: Ид-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 452 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *Шафран Я. Н.* В пути: Рассказы / Предисл. В. Г. Сапожникова; Тула: Ид-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 100 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Антология* русской народной поэзии XXI века. Т. 3 / Сост. Г. Г. Мирошниченко.— Тула: Ид-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 206 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

7. *Мирошниченко Г. Г.* И снова музыка играет: Стихи.— Тула: Ид-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 160. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — приложение к журналу «Приокские зори» в I кв. 2012 года вышли следующие книги:

1. *Скаредов А. С.* Сквозь черные кроны: Стихи / Предисл. А. А. Хадарцева.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012. — 100 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

2. *Макаров Н. А.* Сказки о Белозёре: Сказки-притчи / Под ред. и предисл. А. А. Яшина.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 116 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

3. *Авдеева Л. Е.* Времена не выбирают: Рассказы / Предис. Владимира Лессового.— М.: «Здравие», 2012.— 96 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

4. *Разнотравье:* Сб. поэзии и прозы / Предисл. Владимира Лессового.— М.: «Здравие», 2012.— 68 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

5. *Лебедев С. А.* Течет Ветлуга в памяти: Сборник стихотворений / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «Куйбышев Азот», 2012.— 175 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу

«Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2011-го года будут объявлены в № 1, 2012 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2012-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

ДИСКУССИИ

Объявлена всероссийская и международная дискуссия на актуальную тему взаимоотношения «бумажной» и «интернетовской» художественной литературы.

Исходный текст, отражающий коллективное мнение редколлегии «Приокских зорь», помещен в «ПЗ» № 2/2012 в рубрике «Колонка главного редактора». Мы намеренно не отразили в нем ряд характерных для данной тематики моментов — чтобы дать возможность участникам дискуссии творчески подойти к столь животрепещущей и архисовременной теме.

Просьба к авторам и читателям активно включиться в дискуссию, как Вы это блестяще сделали в дискуссии 2011-го года по проекту «Манифеста нового русского критического реализма» (см. № 4, 2011 «ПЗ»).

Заметим, что все дискуссии на страницах «Приокских зорь» мы проводим целенаправленно в рамках работы Академии российской литературы по созданию современной концепции русского художественного литературного творчества.

Результаты дискуссии редколлегия журнала планирует в № 4, 2012, или в № 1, 2013 «ПЗ», где будут помещены наиболее содержательные отзывы дискуссионщиков.

Желательно прислать свои отзывы — по электронной почте — до конца сентября 2012-го года.

Оргкомитет дискуссии

О НАС ПИШУТ И ГОВОРЯТ ПО РАДИО

«Приокские зори»

Первый в 2012 году номер тульского журнала отличается обилием интервью и значимостью тем. Так в колонке главного редактора дается анализ «Манифеста нового русского критического реализма» и оценка дискуссии по его поводу. Сейчас, когда литература заблудилась, мечется или бредет без цели, необходимо вернуться к единственному русскому (в т.ч. советскому) критическому реализму, а с учетом современности — к новому. С постановкой основных задач: протест против безудержного накопительства и потребления и сопротивление расчеловечиванию.

В интервью, данном митрополитом Тульским и Ефремовским Алексием подчеркивается, что писатель — не просто писатель, ибо «Россия имеет особый народный слух», что необходимо духовное чтение, что духовная литература отлична от пишущей о духовном.

Интервью В. В. Щеглова с А. А. Яшиным, уникальным в трех ипостасях — ученого, энциклопедиста и писателя, дало возможность узнать многое о его жизненном и творческом пути, о любимом детище — «Приокских зорях», журнале, безо всякой господдержки издаваемого благодаря ТулГУ и лично ректору М. В. Грязеву.

В этом году известному и замечательному русскому поэту Виктору Пахомову — 80 лет. Его поэзия как родник, напитанный силой и любовью от корней земных, укрепляет читателя и, окрыленного, поднимает к небесам России. Это важно, ведь безопасность Отчизны в духовной силе и труде.

Беседа Г. Маркина с известным писателем В. Я. Масловым — украшение журнала. В ней затронуты темы творчества и мастерства писателя. И центральное — «Любая нация берет духовные силы из собственной культуры...». Поистине В. Маслов является одним из творцов, образующих эти силы.

В «Прозе» — ключевой рассказ С. Крестьянкина «Дура». Полунищая вдова, положившая деньги в сумку, и вор, пожалевший ее и вернувший их. Дура — это добрая, страдающая душа, которая не соответствует реалиям жизни.

Особо скажем о «Зеркале на холсте» А. Яшина, отрывке из романа «Квадратная пустота», над которым он работает. Точный срез современности, с недолгой, но остросюжетной поездкой героя в США. И между строк: что ждет одержимых частнособственническим атавизмом? Черная пустота?

Обращают внимание рассказы И. Кедровой, Р. Артамонова, В. Щеглова и Ф. Ошевнева. Короткий, но бьющий в «десятку» рассказ Г. Маркина «Анальгин». Впервые в журнале рассказ «Две судьбы» и главы из будущего романа «Круг замкнулся» — плод совместного творчества Я. Шафрана и А. Каретникова.

«В мире поэзии» — сильные правдивые строки И. Лукьянова: «Есть святые на Руси святой. Потому не погубили смуты...». И как верно сказано В. Кулешовым: «Нам суждено один пройти Путь к себе, к себе...». Теме — какая литература сейчас востребована рынком? — посвящена поэма Н. Квасниковой «Неудачная прогулка Пушкина». Тонкая лирика В. Сапожникова «А под ногами лист шуршит. Твои глаза луны светлее, Мы затерялись в той аллее, Где бродят призраки души». Радуют стихотворения Т. Ермаковой, О. Севрюкова, И. Хомяковой, В. Никитиной. Как всегда полные острого юмора стихи В. Резцова. Хорошо посвящение неизвестным героям Великой Отечественной войны С. Лебедева. Жизнеутверждающая поэзия А. Хадарцева и неприятие им торговли всем и вся: «Пускай наложит на товар запрет Потребнадзор с названьем емким — совесть!» Душевная теплота, идущая от стихов О. Пантюхина: «Я не прячу от холода душу. Если сердце согрето теплом, Даже в самую лютую стужу Можно греть негасимым огнем...».

В рубрике «Новые имена» открываем для себя стихи Ю. Коренева и прозу О. Троицкого, а в «Литературной Туле молодой» — Ю. Макееву и Э. Мартышева. Русское зарубежье представляет повесть Е. Гаммера и стихи С. Горы. Сибиряки представлены циклом рассказов С. Прохорова, циклом стихотворений С. Лыткина и воспоминаниями Л. Рождественской.

К 200-летию со дня рождения Е. Ростопчиной дана подборка ее стихотворений и краткий биографический очерк. Как актуальны строки: «Но если с каждым злом дар просвещения слит, Пусть нас минует просвещение!..»

145-летию со дня рождения В. В. Вересаева посвящена работа о жизни и творчестве писателя, о востребованности его произведений, наполненных призывом к честности и любви к России, поэтессы В. Ткач.

В разделе «Публицистика» читателю будут интересны очерки Р. Мусаева и «Вековые капиталы и секреты семейства Ротшильдов» И. Нехамеса.

А рубрика «Литературоведение» полностью посвящена Ф. М. Достоевскому. «Да спасет наш сложный и запутанный мир Любовь, Доброта и умение понимать и прощать», — пишет Л. Авдеева.

В форме мысленного диалога о самом насущном для России, народа и его духовного творчества написана работа Б. Кобринского «Разговор с Достоевским». Представляет интерес очерк В. Захарова об одном неизвестном письме писателя.

И завершает рубрику исследование А. Третьякова «Легенды о Великом Инквизиторе» — главы из романа «Братья Карамазовы», которое является одновременно психологическим, литературоведческим, историческим и художественным.

Номер полностью оправдывает награждение журнала за верное служение отечественной литературе и дальнейшее развитие русской литературной журналистики орденом Г. Р. Державина и медалями имени М. В. Ломоносова и Н. А. Некрасова.

«День литературы» (Москва)

№ 4 (186), 2012

Литературный институт им. А. М. Горького

<http://www.litinstitut.ru/index.php?&area=1&p=news&newsid=848>

Клуб писателей Литинститута информирует о выходе № 4 журнала «Приокские зори».

Уважаемые авторы и читатели «Приокских зорь»!

На сайте журнала «Приокские зори» выложен № 4, 2011 журнала. Бумажный его вариант выйдет в свет 20—25 декабря.

В номере опубликованы произведения следующих авторов: Людмила Авдеева, Александр Волобуев, Евгений Грязнов, Владимир Фомичев, Владимир Жириновский, Наталия Парыгина, Ирина Кедрова, Алексей Яшин, Тимур Зулфикаров, Сергей норильский, Геннадий Маркин, Яков Шафран, Олег Каширин, Олеся Янгол, Игорь Нехамес, Владимир Бояринов, Владимир Резцов, Татьяна Ермакова, Алексей Скарёдов, Владимир Сапожников, Лариса Яшина, Анна Боярская, Иннокентий Медведев, Тамара Булевич, Сергей Гора, Камелия Санрин, Марина Баланюк, Наталья Квасникова, Виктор Пахомов.

Американские библиотеки заинтересовались журналом «Приокские зори»

29.12.2011 16:28

ГТРК «Тула»

Автор: Виктор Щеглов

<http://www.vesti.ru/doc.html?id=674919>

Удачным явился 2011 для регионального литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Интерес к изданию проявили две крупнейшие библиотеки — Конгресса США и Сизтла, пожелавшие иметь у себя номера журнала.

«Приокские зори» удостоены ордена Державина и медали Некрасова. Этими же наградами отмечен и главный редактор, профессор, доктор технических и биологических наук, член Союза писателей России Алексей Яшин. В декабре подведены итоги ежегодного Всероссийского литературного конкурса «Левша» имени Николая Лескова, утвержденного журналом «Приокские зори».

Лауреатами признаны московский писатель Рудольф Артамонов, поэты Валентин Киреев (Новомосковск) и Владимир Бояринов (Москва), публицист из Москвы Наталья Квасникова. Журнал вступает в 2012 год с новыми авторами и смелыми задумками.

«Голос Израиля» о «Приокских зорях»

В пятницу 17 февраля в 22.30 по израильскому времени (в Москве на два часа позже) в начале моего радиожурнала Вы услышите заметку о международной русской литературе, журнале «Приокские зори» и короткий отрывок из опубликованной в первом номере своей повести. Журнал еще не получил. Передачу могут начать на пару минут раньше. Как слушать наше радио:

>> Ссылка. Нажал на нее и слушайте:

>><http://sradio.ru/live/321>

>>

>><http://www.yefim-gammer.com>

Ефим Гаммер

Но что можно, так это создать творческое содружество людей различных национальностей, объединенных общностью языка и культуры. Для этого достаточно того, что в нашем мире есть русский язык! И есть мы! А значит, международной русской литературе жить и развиваться. И журналам, которые придерживаются этих представлений, завоевывать популярность среди почитателей литературы не только в России, но и во всем мировом читательском пространстве — в Израиле, США, Канаде, Франции, Германии и так далее, вплоть до Антарктиды. Одним из таких изданий международной русской литературы стал, на мой взгляд, журнал «Приокские зори», который возглавляет писатель и ученый Алексей Афанасьевич Яшин.

Впервые я опубликовался на его страницах в январском номере 2011 года, предварительно обратив внимание на то, что «Русское литературное зарубежье» имеет в этом издании отдельную рубрику. Это говорило о систематическом подключении российского читателя к запретному в советские времена явлению, а именно, к творчеству иностранных писателей, которые пишут на русском — подчеркну, родном! — языке. Такой подход сразу выводил журнал из регионального в международный, привлекал к нему внимание не только жителей России, но и русскоязычного зарубежья. А это сегодня Израиль, США, Германия, Франция, Канада, Австралия и многие другие страны, не говоря уже о бывших республиках Советского Союза.

Из выступления Ефима Гаммера на «Голосе Израиля»

На все времена

И. Нехамес. О чем говорят города на карте мира: Научно-популярное издание.— М.: Издательский дом «Вся жизнь» при участии литературного агентства «Московский Парнас», 2011.— 208 с.— 1000 экз.

У меня есть специальные полки в любимом книжном шкафу, где размещены книги, которые достались мне от предков и старших родственников с дарственными надписями к семейным датам. Здесь же — различные справочники, словари, несколько выпусков Большой советской энциклопедии и Энциклопедического словаря.

В начале этого года я с удовольствием поставил на эту полку книгу Игоря Нехамеса «О чем говорят города на карте мира». Автор четверть века назад придумал новую форму передачи знаний по географии и истории. Эта необычная игра-викторина была апробирована в конце XX — начале XXI века в журнале «Семья и школа», «Учительской газете». И вот читатели получили прекрасно изданную книгу.

Лично я знакомлюсь с содержанием с огромным удовольствием. Если предложить школьнику или студенту изучить многие города, собрать о них информацию и закрепить знания, найдя эти города на географической карте, то лично мне представляется это делом абсолютно безнадежным: запомнить огромный массив информации весьма и весьма затруднительно.

А вот писатель и журналист сумел достичь того, что огромный мир становится

понятнее, проще и привлекательнее, потому что под яркой обложкой в игровой форме рассказывается о множестве городов земного шара — автор нашел их около тысячи. Мне как кандидату социологических наук, доценту МГИМО книга «О чем говорят города на карте мира» помогает в общении со студентами, содействует распространению знаний по страноведению.

Наверное, эта книга не устареет никогда: ее высокий научный потенциал, форма подачи текста обеспечивают ей непреходящий интерес читателей.

Здесь имеется еще один секрет: когда перечитываешь любимые строки, то готов еще и еще раз обращаться к поэтическому или прозаическому произведению. Усваивая новую информацию в игровой форме, можешь через какое-то время снова вернуться к ней — и опять интересно, и опять испытываешь чувство восторга от того, что правильно смог определить тот или иной город. А нахождение его на карте помогает почувствовать, как в нынешнее время коммуникативных связей кажущаяся внешне архаичной игра на самом деле современна и необходима. А еще эта книга сдруживает народы, помогая узнавать новое об уже, казалось бы, давно известном.

Владимир Соколов

28 февраля в 18.00 на нулевом этаже книжного магазина «Библиоглобус» состоится презентация этой книги.

(«Литературная газета», 15—21 февраля 2012, № 6 (6357))

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» поздравляет своего главного редактора, ставшего лауреатом литературной премии Ярослава Смелякова и лауреатом всероссийского и международного литературного Каверинского конкурса, собравшего рекордное число участников — свыше 650 авторов со всей России, из многих стран ближнего и дальнего Зарубежья. Алексей Яшин стал лауреатом в номинации «За верность Северу и Северному флоту».

Поздравляем секретаря редакции Марину Григорьевну Баланюк с ведомственной наградой — Почетной грамотой Министерства культуры Российской Федерации — за большой вклад в развитие культуры.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Муниципальное учреждение культуры
«Тулская библиотечная система»

300012, г. Тула, ул. Болдина, д. 149/10
Тел./факс (4872) 35-53-67
e-mail: tbc@tula.net

В редакцию журнала
«Приокские зори»

23 марта 2012 г.
№ 096

Выражаем редакции журнала «Приокские зори» глубокую признательность и благодарность за внимание к библиотекам Муниципального учреждения культуры «Тулская библиотечная система» и книжный дар, переданный в количестве 267 экземпляров. Ваш дар особенно необходим, так как муниципальные библиотеки и читатели испытывают недостаток в новых книгах. Произведения тульских авторов представляют особый интерес. Наша искренняя благодарность — за предоставленную возможность пополнить фонды муниципальных библиотек города книгами, ценность которых в том, что они подписаны авторами.

Хочется отметить постоянное и благотворное сотрудничество редакции «Приокские зори» с библиотеками МУКТБС по продолжению добрых традиций приобщения читателей к книжным сокровищницам культуры.

Полученные издания будут оформлены экслибрисом «Дар библиотеке».

*С уважением, пожеланием успеха и надеждой на дальнейшее сотрудничество,
Директор МУКТБС Н. Б. Токовая*

В редакцию «Приокских зорь»

Ваша заявка принята. Трудно по одному номеру журнала судить о «Приокских зорях», но в масштабах Вашей литературно-просветительской деятельности мы не сомневаемся. Я имею в виду издание журнала и ряд замечательных приложений к нему. Если Вы сообщите свой почтовый адрес, то мы могли бы в порядке культурного обмена высылать наши издания. Мы издаем литературно-художественный альманах «Бийский Вестник». Нам интересна деятельность Академии российской литературы. Кто учредил ордена Г. Р. Державина и Владимира Маяковского, медали М. В. Ломоносова и Н. А. Некрасова? И за какие заслуги ими награждают? Вся эта информация необходима для дальнейшего осмысления Вашей деятельности в рамках проводимого нами конкурса.

С уважением, В. Буланичев — главный редактор альманаха «Бийский Вестник», г. Бийск, Алтайский край

Уважаемый Алексей Афанасьевич, извините за затянувшееся молчание. На все Ваши письма сообщаю, что за время с начала нашего сотрудничества путем метода проб и ошибок был выбран оптимальный вариант для продолжения начатой работы, а именно: организован Клуб писателей Литературного института, в рамках которого проводятся поэтические гостиные, встречи в клубе молодого писателя, драматурга, объединении детских авторов. Создан Интернет-журнал Клуба писателей «Соты», баннер размещен на главной странице сайта Литинститута в разделе — литпорталы.

Там в разделе Проекты есть «Россия в журнальном варианте» — Приокские Зори (этот же проект отражен и на странице социально-культурной деятельности сайта Литинститута), откуда мы имеем прямой выход на электронную версию ПЗ. Обсуждение Манифеста состоялось в феврале в рамках встречи клуба прозаиков. Вчера Вам отправлена бандероль с работами восьми лауреатов в номинации Дебют форума «Золотой Витязь», который проходил в Туле (распечатки и диск в одном из конвертов внутри бандероли). Решено отправлять коллективные почтовые сообщения от Клуба писателей по итогам проведенных литературных конкурсов. Если нужны письменные комментарии к посланным работам, сопроводительные статьи, пожелания по формированию журнала в журнале «Тверской бульвар – 25» — сообщайте, всего доброго.

*Помощник ректора Литературного института им. М. А. Горького
Галина Дубинина*

В редакцию «Приокские зори»

Здравствуйте, уважаемый Алексей Афанасьевич! Разрешите мне поблагодарить Вас за публикацию моего рассказа в «Приокских зорях». Это самая первая весенняя ласточка из России, которая прилетела ко мне как раз к первому дню весны.

За два с половиной года, на протяжении которых общаюсь с авторами портала Проза.ру, это первая моя публикация в России. Для меня она дорога прежде всего тем, что появилась благодаря бескорыстной искренней отзывчивости Олеси Янгол.

В свое время мне было очень больно от того, что живущие и творящие в Украине русскоязычные писатели оказались как бы в тени тех, кто писал на украинском языке. Наши издательства переориентировались на издание книг исключительно на ук-

раинском, при этом подразумевалось, что и тематика их должна быть радикально проукраинской. Писателю иных взглядов, иного направления творчества, пишущего на русском языке, нечего было и думать о возможности представить свое творчество читателям посредством крупных киевских и львовских издательств.

Можно было издать книгу за собственные или спонсорские деньги. Впрочем, такая атмосфера сохраняется и поныне. Мне, например, приходится жить в фактической изоляции от своих же коллег на Закарпатье.

Из письма нашего автора из Закарпатья, Украина

С ПРИСКОРБИЕМ СООБЩАЕМ

Академия Российской литературы с прискорбием сообщает, что 15 августа 2012 года у себя дома скоропостижно скончался первый Президент Академии Российской литературы, член Союза писателей СССР и России с 1972 года, номинант на Нобелевскую премию 2012 года, автор многих книг прозы Владимир Никонорович Мирнев, лауреат литературной премии Союза писателей СССР, премии имени Константина Симонова, международной премии «Золотое перо Праги».

Редакция журнала «Приокские зори» и главный редактор — член Правления академии приносят искренние соболезнования родным и близким писателя.

(Некролог опубликован в «Литературной газете» № 34 (6381), 29 августа — 4 сентября 2012 г. стр. 5, рубрика «Эпитафии», «Подвижник, ратник», автор — Валерий Поваляев)

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 01.09.2012
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посылить помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Ctr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

**К 300-ЛЕТИЮ НАЧАЛА РЕГУЛЯРНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРУЖЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ТУЛЕ**

(Фото Геннадия Маркина — из Тульского государственного
исторического музея оружия)

Легендарный «Максим» в модификации генерала Третьякова за № 1. Для его производства в 1916 году был построен Новый тульский оружейный завод (ныне — Туламашизавод), который снабжал станковыми пулеметами русскую и советскую армии от Первой до Второй мировых войн

Триста лет Тула — родина стрелкового оружия

**К 300-ЛЕТИЮ НАЧАЛА РЕГУЛЯРНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРУЖЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ТУЛЕ**

(Фото Геннадия Маркина — из Тульского государственного
исторического музея оружия)

Зенитный ракетно-пушечный комплекс «Панцирь – С1» на шасси КАМАЗ'а: никакая низко летящая цель мимо не пролетит...

Наследники «катюш»: все современные системы залпового огня имеют тульскую прописку...